

СУХАЧЁВ ШЛ СУХАЧЁВ АИЛ СУХАЧЁВ ВА

Справедливость бессмертия

**Посвящение
Сухачёву Петру Александровичу**

Времена не выбирают, в них живут и умирают

Тюрьма снаружи ...

Сотни раз я проходил мимо этого здания в исторической части Томска, и, когда пацаном проводил каникулы у дяди, и, когда учился в строительном институте, да и позже, бывая по разным надобностям в городе, где старина, как – то уж очень мирно уживается с хрущобами и модерном. Даже марш Мендельсона звучал для нас с женой во Дворце Бракосочетания, расположенном как раз напротив. Что это за здание? Я тогда не задумывался. Здание и здание, каких много. Построек с богатым прошлым на проспекте Ленина действительно много. Но речь пойдёт не о красотах и изысках архитектурных стилей. Просто в этом каменном доме провёл последние месяцы жизни мой дед – Сухачёв Пётр Александрович.

Сегодня часть первого этажа и подвал занимают экспозиции «Томского мемориального музея истории политических репрессий». Ну, а в тридцатые годы здесь располагалась Томская тюрьма. Где похоронили деда? Точно не знаю. Ни в областном

... и внутри. И эти коридоры кончались «стенкой».

архиве, ни в музее, ни в архиве ФСБ ответа на этот вопрос мне найти не удалось. Книга не совсем о деду, она о событиях 1918 – 1919 годов на нашей малой Родине в селе Ново - Кусково. Воспоминания о Петре Александровиче изложены в прологе и эпилоге диалогии.

Тридцатым годам прошлого века принадлежит сомнительная честь премьеры в нашем лексиконе термина: «враги народа». Генрих Ягода и Николай Ежов без старомодных кострищ и примитивных костедробильных устройств, коими инквизиторы изводили ересь, с лёгкостью заткнули тех за пояс. Монахам приходилось изрядно попотеть, добываясь признания в богопротивных умыслах. Карающему же мечу правосудия, направляемому нашими «тройками», и «царица доказательств» сделалась вовсе ненужной.

Средневековые борцы с инакомыслием даже оставляли шансы отрекшимся на индульгенцию. А приказ наркома внутренних дел №00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» шансов вышеозначенным

гражданам не давал. Никаких. За полтора года операции, начавшейся в 1937 году, органами НКВД были арестованы свыше 1,5 миллионов человек, из которых почти 700 тысяч приговорены к расстрелу. Без пощады рассчитали на «первый – второй».

Репрессивный молох действовал денно и нощно. Летним июльским вечером 1937 года он добрался и до моего деда. Случилось это вполне буднично. Сухачёв Пётр Александрович сидел на крыльце, отдыхая после дневных забот. Пришёл посыльный и сказал, что его приглашают в сельсовет по какому – то делу. Дед сразу встал и отправился по вызову. В чём был. Ушёл и не вернулся.

Судьба? Так на роду написали? Попробуем разобраться.

Родился и вырос Пётр Александрович в средней, по тогдашним меркам, семье. У моего прадеда – Сухачёва Александра Ивановича было пятеро сыновей и две дочери. В те времена дети рано приобщались к нелёгкому крестьянскому труду. Лишним образованием народу головы не заморачивали. Дед – то, правда, считался приличным грамотеем на селе, сумев окончить четыре класса церковно – приходской школы.

Пришло время, он женился на бабушке – Хритинье Михайловне, урождённой Соктиной. Вскоре молодая семья пополнилась старшим братом моего отца – Сергеем. Тут деда призвали на действительную военную службу. В Томске рекрутская комиссия определила его в гвардию. Основания для службы в отборных частях все имелись – высокий рост, стройное телосложение, правильные черты лица и ничем не запятнанное прошлое. Но с вхождением в элиту армии пришлось погодить.

В Томске, без пяти минут гвардеец случайно встретил служивого земляка. Короткая встреча не получилась, в молодости вообще время летит не заметно. Но в рекрутском присутствии часовой опоздание ещё как заметили, и с гвардией пришлось распрощаться. Служить пришлось в Томске, где и застала его Германская война.

И это не гвардеец? Первые знаки отличия Петра Александровича.

Война это работа для солдат, вскоре дед в составе 42 - го Сибирского стрелкового полка оказался в Действующей армии.

Три года на Германском фронте – не фунт изюма. Грязь, пот, вши, кровь и слёзы. Но вражеские пули и осколки свистели мимо. А награды – нет. Три Георгиевских креста, один из которых золотой, говорят сами за себя. Да и не девальвированное последующими армейскими реформами звание *подпрапорщик* присваивали не за красивые глазки. Пускай формально не гвардия, однако всегда была и есть настоящая, без дураков солдатская элита нашей армии. Сухачёв Пётр Александрович из её числа.

Солдаты и офицеры 42 полка свято чтили узы товарищества. Про *сам погибай, а товарища выручай!* – сибирякам лишний раз повторять нет нужды.

Вот *фельдфебель Сухачёв Пётр Александрович 12 сентября 1915 года, в бою у м. Любча, за убылью всех офицеров из роты принял командование над таковой, удержал наступающего противника, чем дал возможность нашей батарее и обозам переправиться через реку Неман.*

За что приказом войскам 4 – ой армии за № 3040 награждён орденом Св. Георгия 2 – ой степени (золотым).

А вот *капитан* (того же полка) *Пепеляев Анатолий Николаевич, получив разрешение отойти из д. Клепище, по собственной инициативе решил держаться на своей позиции, отбил все атаки немцев и, выждав благоприятную минуту, перешел сам в наступление, отбросив противника и своим наступлением угрожая левому флангу немцев, занявших д. Боровую, заставил их бросить занятую ими позицию и отступить за реку Неман".*

За что представлен к ордену Св. Георгия 4 - ой степени (серебряному).

Это уметь надо, что бы с такими солдатами и офицерами проиграть войну!

Но невозможное – возможно! Орёл, даром что двуглавый, две подряд революции не выдержал. Развалилась на части, совсем чуть – чуть не дотянув до победы и, брошенная на произвол судьбы, армия. Пётр Александрович направился домой и умудрился не сгинуть по пути в родные пенаты. Не затянули его водовороты дикой неразберихи, царившие на просторах Отечества. Снова повезло.

А вот старший его брат – Илья приехал с немецкой пулей в животе, которая потом его и доконала. Качественно германцы пули отливали.

Третий брат – Николай вернулся живой и здоровый. Для пушкаря уже подвиг.

Григорий – четвёртый брат тоже оказался дома. Правда, легальным его положение назвать нельзя. Дело в том, что он дал тягу из рекрутской команды, направлявшейся в город Томск, пополнять колчаковскую армию.

*Сухачёва Хритинья Михайловна,
Сухачёв Пётр Александрович,
Сухачёва Лукерья Александровна.*

Младший из братьев – Иван возраста пушечного мяса, годного для первой мировой бойни, не достиг, потому постоянно находился при родителях.

Его огни и воды брезжили впереди. Рядовому Советской армии - Ивану Сухачёву в Великую Отечественную довелось с боями пропахать от Москвы до Берлина. В столице третьего рейха, буквально накануне Победы он и получил своё первое ранение. Боевые награды находили пехотинца уже дома.

Шутки с собой судьба позволяет проделывать, балуя шутников. Редко, правда. Не даром, ох недаром, Григорий Сухачёв *откосил* от мобилизации в Гражданскую. Великая Отечественная Война навсегда определила его в *без вести пропавшие*. В многотысячную когорту наших *известных неизвестных солдат*. Что ж, не самая плохая компания, а вечный огонь – не самое плохое надгробие. У нас ведь даже останки последней царской семьи могут быть элементами предвыборного шоу. Памятникам и усыпальницам вождей революции достаётся тоже отнюдь не слабо. Использовать же прах неизвестных солдат в *брачных* играх записных патриотов ещё никому в башку не пришло. Пока, по крайней мере.

В общем, как пальцы одной руки, одновременно похожими и разными оказались судьбы у пяти братьев. Наколбасила смена формаций в начале прошлого века.

Но продолжим рассказывать про деда. Вернувшемуся домой отставнику показалось, что жизнь окончательно налаживается. Возвращение в родные пенаты, после долгой разлуки встреча с женой и сыном, если это не счастье, то, что тогда? Ужасы передела мира в угоду, а, собственно, Петру Александровичу уже было по барабану, кому в угоду, остались позади. Отвоевался. По земле наскучала, натуру не заменишь, душа хлебороба.

Мечтать не вредно. Большинство – то граждан страны увлекшись идеями переустройства, остановиться не смогло, либо не захотело. С энтузиазмом принявшись корёжить на разный лад старый режим в угоду светлomu, правда, тоже на разный лад, будущему. Наши национальные забавы, типа *стенка на стенку*, большого ума не требуют, были бы кулаки поувесистее. А тут в стране оружия завались. И понеслось! Обозначили войну, как Гражданскую, и навсегда дискредитировали слово *гражданин*.

Водовороты не испрашивают разрешения, без церемоний тянут в пучину, и - баста. Народоворотам почитание церемоний, присуще вряд ли большее. Вот деду от развернувшихся в родном селе событий в стороне остаться и не удалось.

26 апреля 1919 года партизанский отряд Петра Гончарова разгромил новокукушевскую волостную милицию. В селе стихийно организовался «Военный красный комитет». Орган народовластия, аналог нынешних советов депутатов, состоял из 12 человек.. Практически сплошь бывшие фронтовики. Деда, учитывая церковно – приходское образование, обозначили секретарём.

Первым делом самодеятельный орган принялся за экспансию Советской власти, разослав по соседним деревням часть своих членов.

Сухачёв П.А.. Июнь 1917 года.

Фидель и Че только лет через шестьдесят додумаются экспортировать соседям революцию. Выходит, окопные семинары Первой Мировой теориям классического политического образования легко могли дать фору. Знатно расширили кругозор.

Правда, продвижение вольнодумства власти пресекли на корню. Нагрянул карательный отряд капитана Сулова В.А.. Комитетчикам пришлось спешно ретироваться из села. Василий Бурдавицын, Яков Кусков и мой дед решили переждать тугие времена на лугах, неподалёку от Ново – Кусково. Где их и обнаружил милиционер из местных – Михаил Чернышёв. Стрельбу односельчане открывать не стали, вступили в мирные переговоры. Представитель колчаковских правоохранительных органов предложил землякам сдаться добровольно. Дабы семьи не пострадали.

Семьи – аргумент железный. Нелегалы посовещались. Решили, - а будь, что будет! И отправились сдаваться.

На постое у моего прадеда - Сухачёва Александра Ивановича тогда находилось 28 колчаковцев. Взвод. Плюс домочадцы. Уютной казарму не назовёшь. В числе постояльцев оказался совсем молоденький офицер. И как увидел он висевшую на стене групповую армейскую фотографию, так сразу принялся выяснять:

-Откуда у вас эта фотография?

-Дак это моего мужа. – Ответила бабушка. – Вон он с тремя Георгиями.

-Ну, а это мой отец! – Поделился радостью постоялец. – Бывают же такие совпадения! Вот удача, так удача, чёрт возьми! А как бы с ним поговорить? Дома он?

-Да нет. – Затряслись поджилки Хритинии Михайловны. – Муж на рыбалке.

Шли дни, офицер, время от времени, продолжал справляться про *рыбака*. Хотелось ему увидеть сослуживца отца. А того всё нет и нет.

Все истории имеют свойство когда –нибудь кончаться. Увы, кончилась и рыбацкая.

Капитан Сулов много разговаривать не стал:

-Расстрелять!

С судьбой особо не поспоришь. Начертано быть расстрелянным, не утонешь точно. Но сроки предписанной небесами кончины вполне могут варьироваться. За мужиков вступился заведующий Ново – Кусковской больницей Николай Александрович Лампсаков. А так как, он исполнял ещё и обязанности начальника переселенческого пункта, то определённый вес не только в уезде, но и в губернии имел.

Да и офицер, чей отец служил и воевал вместе с дедом на Германском фронте, не смолчал. Благородство ведь не цветом убеждений достигается. Расстреливать защитников Отечества, тем паче Георгиевского кавалера, он полагал недопустимым. Есть кому нашей семье свечки в церкви ставить! Мой отец – то появился на свет 26 марта 1930 года. Одиннадцать, без малого, лет спустя.

Следовательно, заступничество удалось? Ещё бы! Сулов сменил гнев на *милость*. Иногда и двадцать пять шомполов, учитывая альтернативу, звучат музыкой в ушах. Лимиты везения, знать ещё, выбраны не до конца.

Здесь прервёмся, дабы не нарушать хронологию событий. Событий для села Ново - Кускова уникальных и довольно бурных. И вернёмся чуть – чуть назад.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЖЕЛЕЗО ОСТРИТ ЖЕЛЕЗО

Из доклада начальника контрразведки
начальнику осведомительного отдела
главного штаба колчаковской армии
12 марта 1919 г.

...На Сибирском партийном съезде Российской Коммунистической партии, бывшем в ноябре месяце в г. Томске, было постановлено начать подготовку вооружённого восстания на территории всей Сибири. Срок восстания съезд точно не установил, но всё-таки были высказаны пожелания закончить подготовку к весне и тогда же организованно начать восстание на территории всей Сибири.

Крупным пунктам, как Иркутск, Томск, Омск, было дано условно разрешение на поднятие восстания, в случае их готовности, и до весны...

Партия возлагает большие надежды на поддержку крестьян в случае восстания в городах...

Начальник контрразведывательной части **генерал-майор Бабушкин.**

Предупредил генерал – майор, и что? Вооружил? У нас это не работает. Пока лицом со всего маху стол на крепость не испробуем, не поверим. Вне зависимости от строя и правящих режимов. Примеров тому пруд пруди. Достаточно вспомнить (Гражданскую пока опустим) обе мировые войны.

...В настоящее время во всех организациях идёт довольно энергичная работа по организации крестьянских масс. Крестьянство само организуется и ищет связей с комитетами большевиков. Крестьяне собирают самостоятельно партизанские отряды к весне. Необходимо снабжение их оружием, главным образом патронами, деньгами. Средств на это у комитетов нет. Есть возможность скупки оружия у разлагающихся чешских и других отрядов.

В Томской губернии в распоряжении комитета имеются приговоры сельских обществ о поддержке восстания людьми, деньгами и продовольствием, причём эти приговоры адресуются в комитеты большевиков. Конференция признала, что к весне можно ожидать широкого партизанского движения крестьянских масс, которое должно быть охвачено нами и введено в организационные рамки.

**Из доклада в ЦК РКП (б) членов Сибирского областного
Комитета РКП (б) Масленникова и Рабиновича.
21 марта 1919 г.**

Крестьяне надежды полностью оправдали. Ведь про узду организационных рамок им сразу не сказали. Забыли? Что вы! Время не пришло. А пришло время, взнуздали, и мало никому не показалось.

1. О С О Б О Е П О Р У Ч Е Н И Е

***Высшая и самая характерная черта нашего народа
это чувство справедливости и жажда её.***

Ф.М. Достоевский.

На улицах Томска колобродила шалая сибирская весна. Под тёплыми лучами яркого апрельского солнца на глазах оседали почерневшие ноздреватые сугробы, истекая мутными потоками к Томи и Ушайке. В голых кронах кущих уличных тополей громко дебоширили ещё не отмывшиеся от зимней копоти неугомонные воробьи. На облюбованных скворечниках задавали трели, вернувшиеся из тёплых краёв, франтоватые скворцы.

Явственное, буквально до осязаемости, брожение чувствовалось и в самом весеннем воздухе. На улицах было заметно большее, чем обычно, многолюдье, что, в свою очередь, вызывало нервозность у патрульных и постовых, понатыканных на каждом перекрёстке. Среди прохожих шныряли какие-то озабоченные личности, очень внимательные ко всем и каждому. По всему выходило, что на бдительность стражей порядка из колчаковской охраны, всеобщее оживление и весенняя приподнятость, никак не влияли. Однако, человеческие возможности не беспредельны, далеко не беспредельны. Заглянуть в души людей, ознакомиться с их умонастроениями, знать, что происходит в каждом доме, квартире губернского города, даже при нынешнем развитии шпионской техники, задача, во многом, не реальная. Что уж там говорить про начало прошлого века.

Вот и оставалось уповать на бдительность топтунов, чуткость ушей и зоркость глаз стукачей. Средства надёжные, временем проверенные. Добавить бы сюда надлежащие тщательность и рвение, - и спи спокойно Томская губерния (в смысле не на кладбище, а в прямом).

-Помилуйте! – Имеет право воскликнуть читатель. - Бдительность, тщательность, рвение? Это вы, простите, о ком? О закордонных борцах с рыцарями плаща и кинжала? Что ж, известное дело; в забугорных отечествах карательные органы будут посноснее наших, можно сказать, намного посноснее. Почему? Секрет полишинеля. Ведь, вышеперечисленные качества относятся к воспитываемым или приобретаемым, как будет угодно. Да, грустно, печально, уму нашему непостижимо, но зарубежные господа сыщики, да и не только сыщики, способны воспитываться, образовываться, извлекать уроки из ошибок, причём не только из своих.

А, пардон, *авось*? Сиё качество (будем настаивать на качестве) именно российское, глубинное, данное нашим гражданам, а не только служителям Фемиды от природы, не сегодня и надолго. С молоком матери. Потому – то чаши пресловутых весов рано ослепшей богини у них и у нас, в смысле отечеств, постоянно находятся в противофазе. Наше «авось» наряду с поголовной, ладно, пусть будет не совсем поголовной, наивной верой в чудеса будут потяжелее и регулярно рушат равновесие, посредством разного рода революций. Даже собственный печальный и трагический опыт, почувствуйте разницу, нам также регулярно и не указ. Нет, у нас не враги за каждым углом, у нас дураки на каждом шагу!

У – уф, зело борзо, однако. Приложил! Хотя, хотя, может и прав читатель. Не указ и на каждом шагу. Но остаются углы, и не все, кто за углом ждут вас, чтобы подискутировать. Родить, так сказать, истину в споре. А, если, попробовать *дубиной народного гнева* по башке? Поубедительней, поди, аргумент (ударение на первом слоге) будет? И не надо умничать! Попроще лицо, и народ к вам потянется.

Ведь в городе, наряду с приверженцами, стремительно теряющего популярность адмирала Колчака, проживало и, надо сказать, без особого стеснения проживало, немало люда, весьма и весьма сомнительной благонадёжности. Что же вы хотите? очередное чудо манило заоблачностью перспектив.

Впрочем, в этой скромно обставленной комнате, вроде, не происходило ничего предосудительного. Просто два человека сидели за столом, покрытым простенькой скатертью, и вели доверительный разговор. Глядя со стороны, можно было подумать, что они просто коротают время за безобидной болтовнёй, в ожидании угощения.

Один из собеседников смахивал на земского учителя, или на врача. У него было мягко очерченное, интеллигентное лицо, с глубокими залысинами над высоким, выпуклым лбом и аккуратно подстриженными усами и бородкой. И лишь, твёрдый, цепкий взгляд умных серых глаз, защищённых *чеховским* пенсне, говорил о незаурядной воле его обладателя. Ладную фигуру его облегла вполне приличная, но уже изрядно поношенная, серая тройка.

Второй, вполне мог бы сойти за мастерового, а в равной степени и за промышленника, выбившегося в люди из простонародья. Это был человек, довольно крупного телосложения, с умным, энергичным лицом, в природной смуглости которого, а так же, в чуть скошенном вырезе чёрных, усмешливых глаз, угадывалась восточная кровь. Ему очень шли смоляные, франтовато подкрученные усы. На нём ловко сидел добротный, тёмный костюм, с которым как-то не вязались простые яловые сапоги и полурасстёгнутая синяя косоворотка, открывавшая сильную смуглую шею.

Таковы были эти два собеседника, в общем-то, ничем особо не примечательные люди. Если только не учитывать того обстоятельства, что за ними обоими упорно, но пока безуспешно охотилась колчаковская контрразведка. Да, да, ребята из тех, самых, которые за углом, а не на каждом шагу.

Разговор шёл о ниспровержении колчаковщины на Томской земле.

-Хм, «ниспровержение», а не слишком ли сильно сказано? - Снова может усомниться дотошный читатель. - Эвона куда замахнулись! Есть же в русском языке формулировки и покорректнее. Ну, подумайте сами, по плечу ли двум, пусть даже чрезвычайно оголтелым, экстремистам свалить режим, надо сказать, в не самой захудалой из Российских губерний?

Иными словами, по Сеньке ли шапка? И снова спорить не будем. Только напомним про палки в колёсах. Да, да палки в колёсах любого механизма, и государственный механизм отнюдь не исключение, придётся согласиться и читателю, штука весьма и весьма неприятная. Тем более, если уж взялись сравнивать Россию тех лет с механизмом на колёсном ходу, то и без сторонних помех, каждое колесо и колёсико в агрегате крутилось по собственному усмотрению. В физике невозможный, резонанс диссонанса происходил со страной, страна рассыпалась. Тут уж, каждая палка ли, каждое лыко ли, без разницы – всё ложилось точно и в строчку. Степень же захудалости губернии роли почти не играла. А вот удалённость от центра – да, определённо играла.

Но мы отвлеклись, пора представить наших собеседников. Первый из них – член Томского подпольного комитета большевиков Константин Михайлович Молотов, или товарищ Константин. Второй - Иван Сергеевич Толкунов, тоже партиец, получивший особо ответственное поручение. Впрочем, последний, ещё со времён бурной шахтёрской молодости, подвизался в подполье под именем Петра Гончарова.

-Полагать, что Причулымье, куда тебя направляем, поголовно созрело для восстания, - говорил своим ровным, глуховатым голосом Константин Михайлович, - не то, чтобы совсем уж глупо и наивно, а несколько преждевременно, что ли. Однако благоприятные для нас тенденции здесь имеют место быть. И в этой связи, не использовать насквозь очевидное недовольство властью, возросшими поборами, наконец, вполне понятную жажду перемен к лучшему у народа (эхма, по нашему, веру в чудо), было бы, уж точно, и глупо и наивно.

Значит, сидеть нам, раззявив рот в ожидании погоды с морей, не время. Капризные, бунтующие моря – это поприще для адмиралов. А бунтующему люду нужны другие лоцманы. И рулить оные должны энергично, однако осмотрительно. По обстановке. Причём, обязательно, по реальной обстановке. Строительство иллюзий в нашем деле слишком дорого обходится. Разношёрстность крестьянской среды порождает в умах селян и разные настроения. Плюс эсеры с меньшевиками вносят немалую долю сумятицы в головы хлеборобов. Те ещё штормы и рифы!

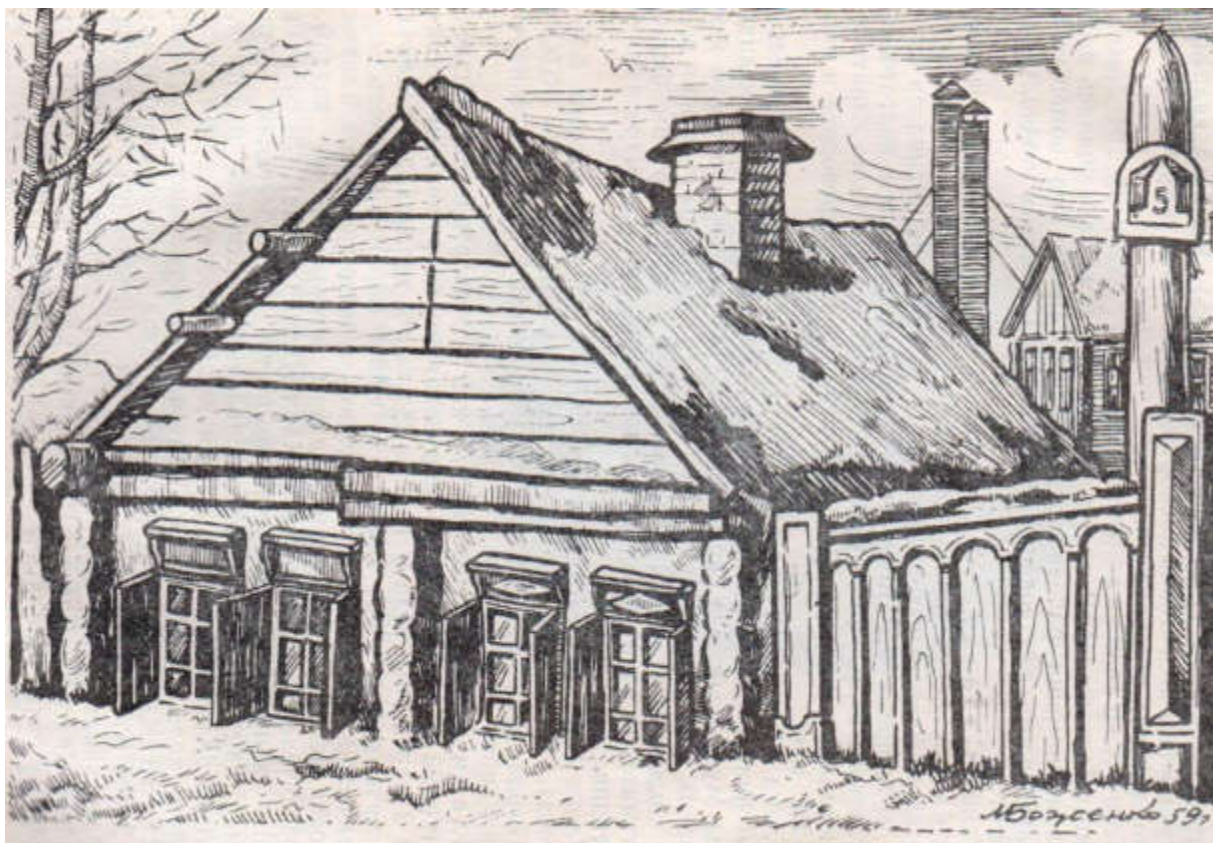
Факт известный любому - Сибирь лаптей не знала. Сиё означает, что в общей крестьянской массе здесь преобладают середняки. С их умонастроениями. Конечно, война серьёзно прошла по землепашцам. Практически всех добрых работников царь-батюшка на пушечное мясо забрил. Так что хозяйствовать на земле бабёнкам да старикам приходится. А какие из них пахари! Да, да, конечно, борозды не испортят, но и глубоко не вспашут. В общем, фронтовики, кто, конечно, уцелел, к разбитому корыту ворочаются. И хошь, не хошь, а приходится им залезать в кабалу к кулачю. Тут ещё колчаковцы со своими поборами....

-Это мне по собственному опыту знакомо, - усмехнулся Толкунов.- У нас на шахтах та же петрушка. А вот меньшевиков и эсеров не стоит переоценивать, их трепологию уже мало кто слушает. Теперь людям правду-матку подавай.

-Вот, вот, тут ты прав, - подхватил Молотов, - зришь в корень. Винтовка винтовкой, но и вовремя сказанное правдивое слово, надо использовать в нашей борьбе.

Товарищ Константин помолчал, а потом неожиданно заметил:

-Откровенно говоря, Иван Сергеевич, завидую я тебе. Ты идёшь на живое дело. Ждут тебя, спору нет, суровые передряги и серьёзные опасности. Не изюм, знамо. Но ты будешь драться с врагом в открытую. И, если доведётся погибнуть, то с оружием в руках, как и подобает бойцу революции. Нам же, подпольщикам, приходится бороться несколько другими методами, в случае провала нас ждёт и несколько другой конец.... Впрочем, это к делу не относится, - тут же оборвал себя Константин Михайлович и недовольно нахмурился. Совсем не следовало беречь душу ни себе, ни собеседнику напоминаниями о колчаковских застенках, где приняли смерть многие их сотоварищи.

Дом И. Яхимовича, в котором 4 марта 1919 года были арестованы руководители мартовского вооружённого восстания.

Увы, провалы верные, неизбежные спутники подпольщиков. Предопределённость периодических фиаско кроется в фатальном стремлении тайного стать явным. Просто, в один далеко не прекрасный момент, сакральное «авось», вдруг, возьмёт и не пронесёт. Последний прокол случился четвёртого марта. Помощник начальника Томского уголовно-розыскного отделения Лопатин с тремя агентами проходил мимо дома № 5 по Ново-Кузнецкому ряду. Во дворе они наткнулись на молодого человека, оказавшегося дезертиром Стельмаковым. Который, на вопрос о причинах его здесь нахождения ответил, что его поставили смотреть за тем, чтобы никто не вошёл в квартиру.

У вас, читатель, слёзы умиления не наворачиваются. Видно молодого человека с детства приучили говорить правду, только правду и ничего кроме правды. Качество весьма и весьма похвальное. Но только в данных обстоятельствах его проявлять!? Ох, и не время! Ох, и не место! Любой, самый завалающий урка *толкнул бы фуфло*, и все остались бы живы и довольны. Стельмаков же растерялся.

Лопатин оставив одного агента на улице, с двумя другими направился в дом. Вот так, практически весь Томский комитет партии большевиков оказался под арестом. Шестнадцать, хорошо вооружённых партийных функционеров сдались трём жандармам. Не понадобился Яхимовичу револьвер системы смит-вессон, Вейсу – браунинг, Жихареву – два бульдога, Викторову – кольт, Григорьеву – кольт, смит - вессон и ручная граната, Шилько – ручная граната.

Не верится? И нам не верится. А ведь во дворе стояла ещё и телега, в коей обнаружилось две винтовки системы винчестер, 160 ружейных патронов, 20 кусков динамита, 4 колбочки с взрывчатым веществом (тол), 58 ручных гранат. Роту жандармов разогнать можно! Вот что значит эффект неожиданности. *Снег на головы* вверг нелегалов в коллективный ступор. Напрочь отключив мозги.

Теперь личности в строго форменных мундирах, так не похожие на официантов, выписывали арестованным счёт к оплате. При этом и счёт и меню, отсутствие разнообразия, компенсировали обязательностью. На первое – допросы, на второе – пытки, на третье – расстрел. И попробуй тут отдели мужество от трусости.

-А, поди, и не надо отделять. В разных обстоятельствах одни и те же люди могут быть и героями и трусами. - Подвёл черту под невесёлыми думками Молотов.

Ну, что ж, тут, пожалуй, трудно спорить. Вот, ведь, Вейс и Бредис во время перевозки их в тюрьму сбросили двух солдат с саней и пытались бежать, но конвоем были убиты. Ильмер умер под пытками. Остальные, в ночь с 26 на 27 марта 1919 года были казнены на Татарском кладбище. Останки их и теперь покоятся в братской могиле на площади Революции города Томска. Так время ответило на вопрос по поводу справедливости их бессмертия.

Но с мифотворцами есть смысл пободаться. Начинаящие советские историографы сложили легенду о провокаторе. Гражданин *икс* ответил перед судом потомков. Увы, всё – таки *авось* не пронесло. Ведь конные и пешие наряды милиции под командованием начальника городской милиции Мишунича прибыли на место только после того, как «...*Лопатин, поняв, что наткнулся на преступное сообщество..., произвёл им личный досмотр и обнаружил...*». Обнаруженное мы выше перечислили. Вот так – то. Вся жандармская мощь губернской столицы обрушилась на нелегалов уже после ареста, а не для.

-У меня есть к тебе, Иван Сергеевич, ещё поручение, - снова заговорил Константин Михайлович, - Там, неподалёку от Ново-Кусковской волости, в Мариинском уезде, стихийно возник партизанский отряд Петра Лубкова. Надо бы прояснить идейные позиции самостийцев, цвет, так сказать, их политической платформы.

-Обязательно, постараюсь прощупать его хорошенько, при первой возможности, - заверил Толкунов.- Мне ведь тоже не без разницы, с кем по соседству партизанить придётся. Взаимовыручка наверняка потребуется, а в таком разе соседи должны быть надёжные.

-Загадывать не хочу, - продолжил раскрывать стратегические перспективы дотошный инструктор, - но задачу создания объединённого отряда сбрасывать со счетов так же не следует. Ох, чуть не забыл, - спохватился он, - будет оказия, передашь тёзке мандат.

-Само собой, передам. Но сейчас, по-моему, рановато мы суетимся, на месте будет видней. Наши стенки разины норовом суровы и буйны бывают. Палец им в рот не клади – отхватят по самый локоть. Тут особый, не с кондачка, подход нужен.

-Согласен, однако же, документ готовил *Кеша* (Иннокентий Григорьев). Это, своего рода, последняя воля. - Товарищ Константин переключился на другую тему. - А теперь, давай прикинем, как ты будешь добираться до Причулымья. Серьёзный вопросец, далеко не праздный. Напорешься дорогой на колчаковцев и самому, и делу – каюк.

-Знамо дело, - усмехнулся Толкунов, - я уже мараковал об том, и кое - чего намароковал.

-Ну что ж, давай тогда выкладывай плоды великих дум могучего шахтёрского ума, – улыбнулся, в свою очередь, партийный гуру.

-Великих, не великих, - не обиделся шахтёр, - а скромничать, ёжкин кот, не будем, могём иногда умишком – то пораскинуть....

Внимательно выслушав собеседника, Молотов одобрил его соображения.

-Что ж, скромничать, действительно не стоит. Могёт, могёт наш гегемон, при желании, не токмо бульжником, но и умищем пораскинуть.

Наваристый борщ и бутылка смирновской, появившиеся на столе, как нельзя, кстати, превратили собеседников в сотрапезников. Соответственно, и беседа утекла в другое русло.

Чёрт возьми, вот вам и вольная квинтэссенция учения Маркса: страна, где наваристый борщ и хорошая выпивка в дефиците, с диалектической точностью не испытывает дефицита в революциях. И наоборот. Да простит нас основоположник!

**Телеграфное донесение и.о. управляющего Томской губернией
директору департамента милиции колчаковского правительства.
15 апреля 1919 г.**

По донесению управляющего Мариинским уездом , 9 апреля сводный отряд в 25 человек, под командой прапорщика Соколовского, в Святославске попал в засаду, разбит Лубковым. Спаслось шесть милиционеров, уничтожена канцелярия начальника милиции 5 участка, похищено 20 винтовок, 3 револьвера, 17 шуб, 17 пар пимов. К Лубкову присоединились 20 человек из Анжерских копей, так же 8 милиционеров с оружием, бежавших из Анжерской милиции. Шайка Лубкова, в количестве 70 человек, преследуется двумя ротами 46 полка, а так же милиционерами.

За управляющего губернией **Дорогов.**

Великий Сибирский тракт, соединивший довольно сносным сухопутным сообщением Москву с Иркутском, появился на карте Российской империи, на заре восемнадцатого столетия. Это был в то время самый протяжённый тракт в мире. И самый оживлённый. По нему сразу же хлынули в неведомые, но по слухам, сказочно богатые края, купцы и промышленники, землепроходцы и рудознатцы, служивые люди и всевозможных мастей проходимцы. И у каждого имелся свой интерес, свои вождения. Своё, если хотите, Эльдorado призывно манило. Свой Клондайк грезились.

Уныло скрипели телеги и дроги переселенцев, весело заливались бубенцы лихих почтовых и купеческих троек, зычно гикали бравые ямщики фельдъегерей, свистели бичи и... кистени. Великий Сибирский тракт, ко всему прочему, снискал, впрочем, вполне заслуженно, авторитет ещё и самого разбойного тракта. Частенько, неосторожные путники, да и осторожные, чего уж греха таить, тоже, отдавали богу души через проломы в головах. Однажды здесь исчез даже царский золотой обоз, следовавший в Москву под усиленной воинской охраной.

Была у этого, поистине великого тракта и ещё одна характерная особенность, очень отличавшая его от остальных дорог и магистралей. Вне зависимости от времени года – и в летнюю жару, и в зимнюю стужу, в весеннюю распутицу, и в осеннее ненастье – висел над ним скорбный звон кандалных цепей. От вольнодумства, проявлений разного рода преступных наклонностей суды присяжных привычно отучали непутёвых подданных Российской империи проверенным и универсальным средством - сибирской каторгой. Если, конечно, деяния обладателей преступных наклонностей не карались смертной казнью. Партии колодников, подгоняемые окриками конвойных, одна за другой уныло брели в места не столь отдалённые. В юдолю печали и слёз - по дороге в один конец. Для многих....

Собственно, согласитесь, на тракте с убедительной яркостью и выпуклостью подтверждалась незыблемая универсальность правил жизненной лотереи: одним на роду прописали клондайки, другим, увы, кандалы.

Но ничто не вечно под луной. Пришёл конец и *золотому времени* Великого Сибирского тракта, с появлением Транссибирской железнодорожной магистрали. С её могучими стальными конями извозным лошадёнкам тягаться оказалось не под силу. Тракт начал постепенно хиреть, приходиться в запустение.

А в период колчаковщины, он и вовсе обезлюдел. По нему мало кто отваживался ездить, и теперь уж точно не из боязни разбойных людей, кои к тому времени здесь, почти что, перевелись.

На тракте можно было легко нарваться на карателей, а радетели белой идеи, если воспользоваться современными клише, прочно обосновались на первой строчке рейтинга 1919 года в номинации: *Разбой на большой дороге*. У закоренелых бандюганов и партизан с зачётными вистами дело обстояло значительно туже. Годились, разве что, на роль стажёров, не более. Правда, из некоторых стажёров в нашем, печально знаменитом ведомстве, году к тридцать седьмому, выпестовали настоящих монстров.

*Команда как команда, самая вроде
обычная....*

Вот по этому-то, уже изрядно подзахиревшему Великому Сибирскому тракту, воскресным апрельским днём 1919 года, в восточном от Томска направлении, следовала конная воинская команда, численностью в шестнадцать человек. С двумя офицерами во главе – штабс-капитаном и прапорщиком. Команда как команда, самая вроде обычная, вот разве по численности явно маловатая. Колчаковцы обычно рыскали по уездам губернии отрядами, не менее чем в тридцать – сорок штыков или сабель. Первое место в рейтинге, чего ж вы хотите?

Но, зато, здесь служивые были, как на подбор – молодец к молодцу. Почти сплошь георгиевские кавалеры, по всему видать, вояки бывалые, не чета тыловым замухрышкам. Особенно презентабельно, впрочем, так и положено командиру, выглядел штабс-капитан, облачённый в щегольскую офицерскую шинель, добротного английского сукна, которая плотно облегла его хорошо сложенную, могучую фигуру. Жёлтые скрипучие ремни

опоясывали его крест-накрест, оттягиваясь по бокам под тяжестью шашки и маузера. Смуглое, скуластое лицо штабс-капитана имело все признаки восточного происхождения. Однако его чёрные пышные усы были лихо закручены, вполне на славянский манер.

В команде или, если будет угодно, отряде лишь прапорщик не производил особого впечатления. Узкоплеч и чуть сутуловат. Офицерская форма сидела на нём мешковато, а толстые очки в роговой оправе придавали его худощавому, безусому лицу, вообще штатский вид. Но высокий узкий лоб и твёрдо, очерченные губы говорили о том, что неказистый с виду офицер обладает недюжинным умом и крепким характером. Остаётся добавить, что прапорщик Сергей Зворыкин, как не трудно догадаться даже людям не знакомым с воинской субординацией, занимал должность заместителя командира отряда.

Штабс-капитан вёл свою команду, не делая даже коротких остановок в попутных селениях. И селяне изрядно дивились тому, что brave с виду молодцы не трясли с них самогонки, жратвы и провианта, не приставали к молодухам. Самолюбие оных, попривыкших за военное время к скорой, без длинных предисловий любви, последнее обстоятельство даже несколько задевало:

«И чего нос воротють ребята, али мы хуже городских?». Привалы штабс-капитан устраивал только в безлюдных местах, обычно, в лесных околках, в стороне от тракта, обязательно выставляя дозорных.

День клонился уже к вечеру, когда команда проезжала мимо очередного села, вольготно раскинувшегося на высоком покатом взгорье. Село, судя по добротным строениям, было богатое. Под лучами тускнеющего вечернего солнца, кое-где ярко пламенили крашеные суриком железные крыши. Золотились купола и кресты нарядного божьего храма. И плыл оттуда, по-над пустынными полями и лесными долами, протяжный колокольный благовест, призывая православных к вечерне. Было тихо, так тихо вокруг, что даже ветерок затих, запутавшись в голых сучьях соседнего перелеска.

-Вот в бога не верую, поповское сословие не терплю, а колокольный звон, всегда, с большим удовольствием слушаю. - Неожиданно молвил штабс-капитан, с каким-то несвойственным ему, размягчённым выражением лица.

-Волшебство, да и только! – Подхватил прапорщик. - Особливо вечером, умиротворяюще на душу действует. Помните у Лермонтова: «Вечерний звон, вечерний звон, как много дум наводит он».

-А я должен помнить?...- Лениво уточнил штабс-капитан.

-Конечно! Ведь Лермонтов вне времени, вне революций! Одно слово – гений! – Оживился прапорщик.

-Не факт, не факт. - Усмехнулся штабс-капитан. – Нет, по поводу гения спорить не буду. Но помню я всё же кое-что другое. Мне ведь особо не до чтений было. За двенадцать часов в забое так обушком намахаешься, что к концу смены рад месту. Не чаешь, как до дому добраться. А там мало-мальски помылся, шей похлебал и скорей на боковую. Ведь назавтра, чуть свет, опять на работу – в тот же забой. Хозяин Судженских копей господин Михельсон, поberi его чёрт, все соки готов был выжать из нашего брата-шахтёра, чтоб самому сыром в масле кататься.

-Сейчас ввернёте про гимназии, кои не кончали....- съязвил прапорщик.

-Э, нет, мой юный друг, я немного о другом. – дружелюбие штабс-капитана перестало знать границы, - Мне тургеневский Базаров по душе. – перехватив удивлённый взгляд Зворыкина (ничего себе «не до чтений»), снисходительно улыбнулся Гончаров. (Думается, вы уже догадались, кем на самом деле был штабс-капитан). - Я тоже мыслю, что в каждой учёности имеется невеликая толика капитальных книжонок. Их – то бери и понимай себе на здоровье. Ладно, - уловив смену удивления на иронию в лице собеседника, немного смутился новоявленный нигилист. - По крайней мере, старайся понимать и запоминать. По нраву мне и сравнение природы с мастерской. Ну а, как их, вирши, что ли, Лермонтова.... - Поклонник всеобщего отрицателя умолкнув на полуслове, принялся внимательно вглядываться в сторону просёлка, ведущего к селу. Там, в придорожных кустах, он заметил какое-то подозрительное шевеление. В следующий момент, пришпорив и без того гарцевавшего Воронка, он в один мах оказался у подозрительного куста, с револьвером наготове.

-Ну-ка выходи, кто там прячется! – громко разрезала тишину команда.

Зловеще заклапали затворы подоспевших верховых, образовавших нестройный, но, тем не менее, внушительный полукруг.

Кусты раздвинулись, и перед грозным воинством предстали два, насмерть перепуганных, молодых парня, одетых хуже бы, да некуда. На них были старые зипуны, заплатанные холщовые порты, стоптанные, порыжевшие от времени сапоги и облезлые бараньи папахи.

-Кто такие? – сурово свёл разлтые брови штабс-капитан, с любопытством рассматривая незнакомцев.

-Мы тутошние...- с трудом выдавил из себя один из них, пугливо озираясь на вооружённых всадников, белесыми глазами.

-А что в кустах делаете? От кого прячетесь?

-Мы не прячемся, господин ахвицер.... Мы - до ветру....

-До ветру, значит? – криво усмехнулся штабс-капитан, начиная догадываться, что это за хлопчики. - Куда ж путь держите самаритяне? Из рекрутской команды тикаете? Ядрёна коромысло!

Ответа не последовало. Простодушные деревенские парубки, ввиду неизбежного разоблачения, только ниже опустили головы.

-Отвечайте: да, или нет? Только без вранья! – добавил агрессии в пристрастный допрос прапорщик.

В конце концов, с помощью наводящих вопросов, застенчивые отроки рассказали, что были они, забриты в колчаковскую армию и с рекрутской командой, которая сейчас находится в этом вот селе, направлялись в Томск, но решили напоследок, якобы родных «попроведовать». По их словам, рекрутов насчитывалось человек двести, а сопровождало их, примерно, три десятка солдат и унтеров во главе с господином поручиком.

-Ну ладно, коли так, валяйте, проводывайте ваших родных, - неожиданно подобрел штабс-капитан, весело добавив, - Если кого встретите, скажете, что я разрешил.

Хлопцы, не заставляя далее себя упрашивать, приурадили бежать в противоположную от села сторону. Позабыв поинтересоваться фамилией странного офицера. Для чего? – спросите вы. Нет, пользоваться его фамилией в качестве индульгенции от призыва сметливые парнишки конечно не собирались. Но ведь, надо бы, видит бог, надо бы свечку в церкви поставить за избавителя, как минимум, от расстрела. Почему, как минимум? Да потому что пойманных дезертиров, без суда и лишнего следствия, лишали жизни посредством расстрела, семьи же подлых уклонистов колчаковская администрация избавляла от имущества. Без особых церемоний. А вот это уже и был максимум.

-Что делать-то будем? - проводив ребят насмешливым взглядом, обратился к своим спутникам штабс-капитан, - Может, завернём в гости к господину поручику?

-Идея мне по душе! - загорелся прапорщик, с полуслова догадавшись о замысле командира. – Было бы верхом неприличия с нашей стороны не нанести визита вежливости. Поручик может, в конце концов, на нас обидеться за столь беспардонное небрежение этикетом.

-Тогда не будем терять времени!

...Поручик Потылицын, перекусив на скорую руку парным молоком и яйцами всмятку, прихорашивался перед зеркалом, кидая плотоядные взоры на дверь горенки, за которой обитала его пассия – младшая попова дочка. Девица на выданье. Изрядно из себя завлекательная, в самом соку. Румяное, светлоглазое лицо, обворожительная улыбка, постоянно блуждающая на сдобных, красиво очерченных устах. Прибавьте сюда стройную, с хорошо развитыми формами фигуру, при одном взгляде на которую, кровь закипала в жилах чувствительного поручика. И куда попали рубенсовские фламандки!

Резвый постоялец мелким бесом рассыпался, дабы заслужить благосклонность сельской Венеры, но, увы, пока без особого успеха.

Впрочем, девушка-то возможно и не имела ничего против романа с галантным военным. Однако батюшка с матушкой проявляли, с точки зрения молодого человека, чрезмерную бдительность. Особенно матушка, наученная горьким опытом многих поколений несостоявшихся тещ, глаз не спускала со своего заневестившегося чада. Но сегодня выпал на редкость удобный момент, коим грешно было бы не воспользоваться. Почтенная матрона умоталась в церковь на вечернюю службу, замаливать грехи. А её несравненная дочка, сказавшись больной, осталась дома. Возможно неспроста....

Судьба являла последний шанс поручику. Во всяком случае, другого столь же удобного случая, ещё одной мимолётной улыбки фортуны ему попросту не дожидаться. Не позднее завтрашнего утра, ему надлежало отправляться со своими рекрутами в губернию. Он и без того просрочил все сроки, жуируя и изобретая тонкие амурные комбинации, на зависть рано уставшему от жизни молодёжному кумиру Печорину. За что успешному прожигателю жизни, с большой долей вероятности, грозил изрядный нагоняй, а то и что-нибудь похуже.

Придирчиво оглядев себя в зеркале, бравый поручик ещё раз убедился, что выглядит он весьма недурственно. Природа снабдила его узким аристократическим лицом, кучерявой каштановой шевелюрой и тонкой талией. Серые же глаза и тёмные брови его и вовсе ассоциировались с лермонтовским героем, увы, не нашего времени. Естественно, и сам он прилагал немалые усилия для придания необходимого лоска своей внешности, поддерживая в идеальном порядке чёткий прямой пробор, острые усики и аккуратные полубачки.

Правда, пока, несмотря на применение различных патентованных средств, ничего поделать с этими, будь они не ладны, прыщиками на щеках, кои пробивали изрядную брешь в столь мужественном облике, не удавалось. Ах, молодость, молодость, - проворчим мы, - многие из представителей старших поколений, поменяли бы свои, не испорченные докучливыми гнойничками лица, на возможность окунуться в юность, пережить все острые ощущения, связанные с порой вхождения во взрослую жизнь.

Однако ж, пора и ближе к делу (сейчас бы сказали – *к телу*). Наш поручик отважно шагнул, было к заветной двери, как, вдруг внимание его привлёк какой-то шум, возникший на улице. Выглянув в окно, он с удивлением обнаружил, что у коновязи перед домом спешивается воинская команда. Судя по всему, её командир – суровый с виду, смуглолицый штабс-капитан, уже подходил к калитке, по хозяйски посматривая по сторонам.

-Кого это ещё черти принесли? – всполошился обескураженный ловелас, игривое настроение которого враз улетучилось. – Уж, не по мою ли душу? Интересно, как же посты, выставленные согласно уставу, проморгали появление в селе целого воинского подразделения? Видимо, дрыхнут, - поздравил себя поручик. – Эдак, можно и красных проморгать. Ну, погодите, сукины дети, доберусь я до вас!...

Между тем, приезжий штабс-капитан уже входил в дом. Не постучавшись. При виде нафуфыренного поручика, он небрежно кинул руку к козырьку и отрывисто отрекомендовался:

-Штабс-капитан Альдманович. С кем имею честь?

-Поручик Потылицын.- хмуро представился начальник рекрутской команды. – Чем могу служить?

-Я по особому поручению начальника Томского гарнизона генерала Сергеева. Инспектирую рекрутский набор. - Штабс-капитан чеканил каждое слово, строго глядя в глаза оробевшего поручика, имевшего все основания полагать, что эта инспекция, лично ему, ничего хорошего не сулит.

- Попрошу предъявить ваши документы, – неловко и с запозданием проявил вежливую бдительность функционер от инфантерии. - Время военное, знаете ли, да и мы люди военные. Простите, не мне вам объяснять....

Штабс-капитан, не сводя жгучих чёрных глаз с собеседника, сунул руку за пазуху, тут же зловещий зрачок револьвера уставился в лицо побледневшего поручика.

-Н-но, па-аз-звольте... - зазаикался он о чём-то.

-Па-аз-звольте вам не па-аз-зволить, - в голосе нагловатого посетителя послышалась откровенная издёвка.

-Кто это там? – насторожился штабс-капитан, глянув в сторону горницы. - Ну, быстро!

-Х-хозяйская д-дочка. - пролепетал Потылицын.

-Понятно, чем ты тут занимаешься, - игриво ухмыльнулся лже – Альдманович, освобождая кобуру незадачливого постояльца от нагана. Покончив с этим делом, он заговорил опять серьёзным, не допускающим возражений, тоном:

-Поручик, слушай сюда. Сейчас построишь свою команду и прикажешь сложить оружие. Я терпеть ненавижу спесивых балбесов. Но ты, вроде, парнишка смышлённый. Посему, ради бога, давай обойдёмся без геройства. Ты уж постарайся, не огорчай маму, ладно? Сделаешь, как сказано, останешься живым. В противном случае, - нарочито и тяжело вздохнул Гончаров, – сдохнешь!

-Выбор не велик, поэтому я подчиняюсь, - вполне членораздельно произнёс поникший поручик, несколько ранее уже догадавшийся, что перед ним никакой не штабс-капитан, а чёрт знает кто. Скорее всего, переодетый красный комиссар.

-А ну, стройсь! Ж-живо! Левый фланг! Что у вас там за ярмарка?! Чего брюхи пораспускали? Подтянуть ремни! А вы, морды неумытые, чего телитесь? Хыть вы и рекруты, а вас обчая команда тоже касается!...

Фельдфебель Кривоносов суетился, орал, командовал, но сам, ровным счётом, ничего не понимал в происходящем.

Оно конечно, в самом построении не было ничего не обычного. В армии без строя никуда. Но тут было что-то не то. Господин поручик приказал построить всех до одного. Даже и тех, кто в наряде, а ещё и рекрутов в придачу. Хотя, какие там из них строевики?! Смех один. Но это ещё, куда ни шло. Вот караульные-то, зачем понадобились на построении? Ведь село без охраны останется. Да притом, на ночь-то глядя. Красные, может, только и ждут такого удобного момента. Говорят, их тут полно по лесам обретаются.

Принесли же черти, опять же, на ночь глядя, нахрапистого штабс-капитана. Да ещё, похоже, не русской породы. Явный азиат. Не иначе, ему и запонадобилось построение личного состава. Видать, шишка какая-то, а соображения ни на грош. Другие проверяющие приедут, назюзюкаются с начальником команды коньячку, самогоночке отдадут должное и - всех делов. Азиату же, построение подавай, любит, видать, повыпендриваться. Вишь, как яшашную морду задрал, даже рук из карманов не вытаскивает. Это перед строем-то. И его очкастый замухрышка туда же. Смотрит кондебобером, хоть всего и чинов-то – прапорщик зачуханый. Зато наш поручик чего-то скис, стоит, как курица мокрая. Нет, тут всё же, что-то не так...

Построение производилось прямо на деревенской улице и, конечно, сразу привлекло внимание жителей села. Однако, они, зная крутой нрав колчаковцев, предпочитали не проявлять излишнего любопытства, наблюдая за происходящим, издали, а то и вообще из окон или из-за заплотов.

Когда, наконец, солдаты и рекруты, с грехом пополам построились, штабс-капитан, видимо, не особо доверяя поручику, принялся распоряжаться сам.

-А ну, слушай сюда! – не по-уставному, но зато так зычно, что многие вздрогнули, гаркнул он и, с места в карьер скомандовал, как выстрелил: - Положить оружие!

Команда, произнесённая столь властным тоном, исполнена была без промедления. Едва винтовки оказались на земле, как расторопные молодцы из сопровождения штабс-капитана, подскочили к ним, сгребли их в охапки, оттащили в сторонку. Всё произошло так стремительно, что никто не успел и глазом моргнуть. Обезоруженные солдаты стояли, ничего не понимая, в немом оцепенении. Зато ушлый фельдфебель, сразу и всё поняв, бочком, бочком ретировался по-за строй....

-Ну, чего носы повесили? – с усмешкой обратился к притихшей аудитории непонятный штабс-капитан. – Не бойтесь, никто вам ничего плохого не сделает. Я вас, наоборот, обрадую: кончилась ваша служба у адмирала. И, никакой я не штабс-капитан, а самый, что ни на есть пролетарий из анжерских шахтёров.

Зовут меня Пётр Гончаров. Именем рабоче-крестьянской власти, объявляю вам полную демобилизацию, и солдатам, и рекрутам. Идите на все четыре стороны. А, ежели, кто желает воевать против белой сволочи за лучшую долю, - присоединяйтесь к нам. Будем сообща восстанавливать нашу, народную власть. В общем, кто желает влиться в наши ряды, сделайте шаг вперёд.

В ответ, однако, последовало гробовое молчание, строй не шелохнулся.

-Ну, так что, нет желающих?

-Дома побывать охота.... - обронил немолодой солдат с левого фланга.

-И дьявол с вами! – загорячился Гончаров, - Мы никого не неволим. Поступайте, как знаете. Только учтите: за бабьи юбки долго не продержитесь. Не то время. Если не шлёпнут за дезертирство, то опять Колчак захомутает в свою армию и пошлёт воевать против своих же братьев. Его же нынешним союзничкам только того и надо. Они спят и видят, чтобы мы тут поубивали друг друга. Потом япошки, французы, американцы и прочие чехи поделят нашу богатую Сибирь и уже без Верховного правителя, - в таком разе, он им вряд ли запонадобится.

Неожиданно, эта пламенная речь была прервана гулко бухнувшим винтовочным выстрелом.

-Что за стрельба? – резко обернулся на звук Гончаров.

-Поручик хотел сбечь. - доложил один из его людей, опуская винтовку.

-Вот ведь дурень! Предупреждал же человека, - подсадовал Гончаров и опять обратился к притихшим солдатам и рекрутам: Вы то, какого хрена стоите? Вам русским языком сказано – демобилизация! Вот и демобилизовывайтесь на здоровье. Р-разойдись!...

И, без того, неровные ряды, распались, образовалась беспорядочная, пёстрая толпа. Люди не спешили расходиться, вроде ждали ещё чего-то, явно не зная, что делать с внезапно свалившейся свободой. Многие потянулись к Гончарову.

-Ладно, нехай, пишите меня в свою команду, - скорее даже не попросил, а потребовал молодой солдат, с суровым, худощавым лицом, - Мне проведывать некого. Разве, что хозяина, который с малолетства из меня жилы тянул. Так с ним ещё, бог даст, свидимся.... - При этом, прохладные, зеленоватые глаза его недобро сузились. - А то, и в самом деле, загремишь обратно в колчаковскую армию.

-Меня тоже запишите, - придвинулся тот самый немолодой солдат, которому надо было домой.

-И меня....

-Давай, брат, принимай пополнение, - снова повеселел Гончаров, обращаясь к своему помощнику в погонах прапорщика. Увидев, что на запись к нему становятся и рекруты, категорически воспротивился: - А вы зря не стойте. Расходитесь по домам. Нам обученные вояки нужны. Вы, же, зря головы под пули, только подставлять будете; да и с оружием у нас пока плоховато.

Запись добровольцев закончилась при свете уже угасающего дня. На западе дотлевала вечерняя заря, заметно похолодало.

Командиры отошли в сторонку.

-Что делать будем, Серёга? Может, заночуем в селе? Люди устали, да и лошадям пора дать передышку.

-Нет, здесь нам оставаться никак нельзя.

-Это почему же?

-Фельдфебель-то, оказывается, сбежал. Наведёт, сволочь, сюда ещё каких карателей.

-Н-да.... Вот тут мы дали маху.

-И ещё какого. Мой недосмотр....

-Э, брось ты эти интеллигентские штучки! Халатность тут наша общая,- командир хлопнул помощника по плечу и весело подмигнул. - Зато главное дело сделали без сучка, без задоринки. Так или не так?

-Конечно, так.

-То-то же.

Гончарова просто распирало от радостного возбуждения.

-А теперь, собирай людей, и будем сматываться подобру-поздорову.

Вскоре, команда «штабс-капитана», пополнившаяся добровольцами, покинула село, жители которого лишь назавтра разобрались, что же всё-таки произошло у них воскресным вечером....

2. РАЗГРОМ НОВО-КУСКОВСКОЙ МИЛИЦИИ

*Людам, решившимся действовать, обыкновенно
бывают удачи; напротив, они редко удаются
людям, которые только и занимаются тем,
что взвешивают и медлят.*

Геродот.

Начальнику Ново-Кусковской волостной милиции Иванову не спалось. Время перевалило за полночь, а он лежал в душевной горнице, на скрипучей деревянной кровати, ворочался и никак не мог заснуть. Один на один со своей бессонницей и тяжёлыми, тревожными думами. Кой чёрт его дёрнул поселиться в этом новом, пустом доме? Его хозяин, местный, зажиточный мужик Домбровский, ютится со своей семьёй в старой тесной избёнке, а справлять новоселье, переходить под одну крышу к своему высокочтимому постояльцу, не торопится. Или чего опасается? А с хозяевами, было бы, куда как веселей. Отдельные хоромы ему всё равно ни к чему – жена наотрез отказалась переезжать из Томска к нему, в беспокойное Причулымье.

И теперь он коротает время в тоскливом одиночестве. Не с кем, даже, словом перемолвиться. На душе же бывает так муторно, что хоть волком вой.

Особливо, нервишки зазбоили у Иванова после того, как по селу поползли слухи о появлении в Причулымье красных партизан. Правда, во вверенной ему Ново-Кусковской волости их, вроде бы, ещё не видали. Зато в соседней, Зырянской, орудовал ажно целый отряд под водительством некоего Петра Лубкова. И кто может поручиться, что оный Лубков в один прекрасный день, либо в, не менее прекрасную, ночь не заявится сюда, в Ново-Кусково? Вполне возможное дело.

Да что там Лубков, когда и местные мужики волком смотрят. Шапки ломают, словно одолжение делают. На сходы их, и то, чуть ли не из-под палки, собирать приходится. И молчат, будто языки попроглатывали. Только промеж себя о чём-то перешёптываются. Даже староста, Сергей Куршин, не очень внушает доверие. Начал подговариваться, чтобы его заменили кем-нибудь помоложе. Уж, дескать, года не те, чтоб людьми командовать.

За всем этим кроется явно, что-то недоброе, хотя, внешне, ни к чему не придерёшься. А вообще, надо бы тут кой-кого взять за жабры. К примеру, хоть бы этого политического ссыльного, Ивана Зайцева, по- уличному – Хрипатого. Сидит он, в соседнем Старо-Кускове, врачует своих и чужих деревенских всякими травками, а, заодно, наверняка и крамольными рассуждениями потчует.

Да и в самом Ново-Кусково немало подозрительных мужичков. Наверняка, не тем духом дышат – Яков Кусков, Иннокентий Чесноков, Яков Коростелёв, Филипп Петров, Виктор Бурдавицын, Фёдор Куршин, Сергей Волков и другие подобные прочие.

«Дожили! – вздохнул Иванов, - Какого-то мужичья опасаться приходится. Всё эта р-революция, чёрт бы её побрал! Как царя скинули, так и пошло-поехало. Свобода, демократия! Всяк сам себе голова. Никаких властей признавать не желает.

Вот и клацай теперь предохранителем нагана по ночам, при малейшем шорохе за окном или дверью».

Вконец расстроившись, Иванов стянул ватное одеяло, соскочил с кровати и прошлёпал босыми ногами по прохладному полу к буфету. Достал из него початую бутылку водки, набулькал чуть не полный стакан, снова тяжело вздохнув, залпом выпил. В последнее время он пристрастился пить в одиночку и без закуски, найдя в том действенное средство от чёрной меланхолии.

Начальник милиции собирался, было лечь обратно в постель, как, вдруг, в окно громко забарабанили.

У Иванова сердце ёкнуло, забилося учащённо. Он торопливо нырнул рукой под подушку и выхватил оттуда всегда готовый к действию наган. Лишь после этого, он крадучись приблизился к окну и осторожно выглянул в щелку между косяком и тюлевой занавеской, держа палец на спусковом крючке.

В окне маячил чей-то смутный силуэт. Взяв его на мушку на всякий случай, Иванов громко, чтобы скрыть дрожь в голосе, окликнул:

-Кто там?

-Господин начальник! – голос был вроде знаком. – Из Вороно-Пашни прискакал ихний милиционер, просил разбудить.

-Это ты, Бурдакин? – опознал Иванов.

-Так точно!

-Что стряслось опять у вороно-пашенцев?

-На них хтой-то налёт сделал. Должно, красные...

«Вот оно, начинается. И до нашей волости добрались», - похолодел Иванов, зябко поёжившись. – Погоди, пойдём вместе! – крикнул он в окно и принялся торопливо одеваться, тщетно пытаясь подавить противную дрожь в поджилках.

Вороно-Пашинский милиционер поджидал в канцелярии волостной управы, слабо освещённой пяти-линейной керосиновой лампой. Был он рослый, упитанный малый, с мясистым простоватым лицом, усыпанным яркими веснушками. Шинель его заляпалась грязью. Видать дорогу, с перепугу, особо не разобрал.

При появлении начальника милиции, он вскочил, вытянулся в струнку, едва не задев фуражкой потолка.

-Когда произошло нападение? – отрывисто спросил Иванов, едва кивнув на его «Здравия желаю».

-Как только стемнело, тут-то они и заявили, - часто моргая заплывшими глазами, отрапортовал гонец.

-Раненые, убитые есть?

-Мы отступили....- потупился и сразу поскуцнел совестливый носитель печальных известий.

-Разбежались, значит? – с недоброй усмешкой уточнил Иванов.

-Но, ить, нас же всего десять человек, а их нагрянуло незнамо сколько! – гонористо вскинув подбородок, с энтузиазмом принялся опровергать обидные домыслы, мужественный беглец. - Моить, человек сто, а моить, ещё больше...

-Может, тыща? – не удержавшись, съязвил начальник милиции. - Вояки, в душу, в креста мать! Какого-то сброда испугались. Конечно, с бабами, да за столом с самогонкой фортеля выписывать, оно, конечно, посподручней будет.

Потом, помолчав и, несколько успокоившись, хмуро поинтересовался:

-Чего натворили-то у вас супостаты?

-Всю управу перевернули кверху дном.

-Конкретнее?

-Все гумаги уничтожили и кассу разграбили.

«Ну и рожа!» – неожиданно подумал Иванов, глядя на топорную физиономию вороно-пашенца. Вслух же подосадовал:

-Выходит, не боитесь вы, граждане трусы, военно-полевых судов, трибуналов. А зря. Там ребята деловые, канителиться не любят, да и безмозглые тыквы разным отщепенцам дырявят получшее красных.

-Но, ваше благородие! Как же можно.... Ить врасплох.... Мы ж завсегда готовы отслужить.... – снова сник веснушчатый гренадёр.

-Заткнись! И слушай меня внимательно. Сейчас же вертайся обратно и передай своим прохиндеям, чтоб никто никуда не отлучался. Я приеду, и сам на месте всё расследую, что там было и как. Понял?

-Так точно!

-Тогда дуй, не стой.

Оставшись один, Иванов быстро заходил по кабинету, обдумывая случившееся. Ясно одно: надо принимать энергичные и срочные меры. Но вот какие? Пренеприятнейший прецедент, однако.

-Какие будут приказания? – прервал ход его мыслей, вытянувшийся в дверях дежурный.

-Собирай наших. Всех до единого! – отрывисто приказал начальник милиции, - И подыми старосту. Чтоб не позже, чем через час у милиции стояло десять подвод. Душа из него вон!

Отпустив дежурного, он засел за телефон. С большим трудом дозвонился до начальника милиции соседнего, девятого участка, Коноплёва. Услышав знакомый голос не проспавшегося коллеги, заметно недовольного, что его потревожили, в столь неурочное время, торопливо сообщил ему о нападении и попросил помощи.

Коноплёв не блистал умом, но Верховному правителю служил и верой и правдой. Выслушав Иванова, он разразился яростной матерщиной в адрес «красных бандитов», досталось и головотяпствующим коллегам. Напоследок заверил, что немедля выступает со всей своей милицией на подмогу Иванову.

-Мы их расчихвостим в пух и дребезги! – хвастливо закончил он, ничуть не сомневаясь в успехе предстоящей карательной операции.

Уверенность коллеги передалась и Иванову. Ему тоже стало казаться, что разгромить какую-то шайку сиволапого мужичья для объединённого отряда милиции не составит особого труда. Только, как бы все лавры будущей победы не уплыли у него прямо из рук.

Они договорились встретиться в Вороно-Пашне.

Вскоре, весь милицейский отряд, за исключением караула, выступил на предоставленных старостой подводах, в поход. Начинаясь мокрый апрельский рассвет. Село просыпалось, над трубами закручивались кучерявые, пахучие дымки. Бабы, оторвавшись от стряпни, с любопытством пялились в окна, дивясь, куда это понесло совсем трезвую милицию в такую рань? Для выколачивания штрафов и недоимок можно было бы обойтись более скромными силами, причём днём. Правы они в своём недоумении, повод куда серьёзнее. Это и до Причулымья докатилась Гражданская война, война жестокая и беспощадная....

**Из рапорта начальника милиции 10 участка
Томского уезда Иванова управляющему уездом
27 апреля 1919 г.**

В ночь на 22 апреля с.г. в селе Вороно-Пашино той же волости Томского уезда было совершено неизвестной шайкой, около 50 человек, разбойное нападение на местную земскую управу, в каковой уничтожено всё делопроизводство и похищено из кассы 10 руб. денег, гербовых марок на 80 рублей, паспортные бланки и разные книжки....

По получение донесения Вороно-Пашинской волостной земской управы о появлении шайки и совершённых ею преступлениях, я с чинами выехал на место происшествия, куда, также с чинами участка прибыл исполняющий должность участкового начальника милиции 9 участка Коноплёв. Производя розыски и устанавливая местонахождение шайки, были получены сведения, что, шайка находится на заимке, находящейся в 4 верстах от п. Ново-Покровское Ново-Кусковской волости и что в с.Ново-Кусково явился от шайки разведчик, крестьянин п.Ново-Покровского Шеренков, расспрашивая население о числе и местонахождении милиции, чем последний навёл на себя подозрение и был задержан по указанию населения. Получив эти сведения, я с милиционерами участка возвратился в с.Ново-Кусково, где опрашивал задержанного Шеренкова, и последний после продолжительных запирательств указал, что он послан в качестве разведчика от шайки, находящейся в п.Ново-Покровское Ново-Кусковской волости для выяснения местонахождения милиции, а равно и её численности и оружия. А чтобы не навлечь на себя подозрения по выполнению вышеозначенной задачи, его брат, местный председатель сельской управы Шеренков и секретарь Мавренков написали с ним в Ново-Кусковскую волостную земскую управу рапорт о представлении в податные сборы 80 рублей денег, причём, деньги для этой цели были даны главарём шайки штабс-капитаном, фамилии коего и происхождения он не знает, передать деньги и что если милиции нет, то он совершит ночью 23 апреля набег на с.Ново-Кусково.

Из допроса того же Шеренкова и других лиц было установлено, что упомянутый штабс-капитан прибыл в ихний посёлок в верное воскресенье с каким-то прапорщиком и 16 солдатами с целью организовать силу для выступления и присоединения к отряду Лубкова, действуя против правительства, для чего он собирал неоднократно в п. Ново-Покровском и Ивано-Богословском, сельские собрания, где всё население, во главе с сельскими председателями и секретарями записывались в его шайку и тут же им были выданы винтовки и гранаты. Соединившись, все они в ночь на 22 апреля ездили на лошадях крестьян этих посёлков в с.Вороно-Пашино, где и совершили вышеуказанные преступления.

Проверяя эти сведения, таковые подтвердились, и выяснилось, что шайка действительно находится в четырёх верстах от п.Ново-Покровского, на основании чего я, совместно с чинами участков отправился в названный посёлок....

Иванов нервничал. Он лежал, уткнувшись носом в землю, позади цепи своих милиционеров и лихорадочно соображал, что делать дальше? Встреченные дружным ружейным огнём со стороны заимки, труженики правопорядка не менее дружно залегли. Завязалась беспорядочная перестрелка. Свистели пули, сочно чмокая то тут, то там, поднимая фонтанчики жидкой грязи.

Дождливой мутью туманило небо. Ветер слезил глаза, тоскливо шумел сзади в голых кронах неприятного березняка. Холодная, сырая земля высасывало тепло из плотно прижатого к ней тела.

Впереди простиралось перепаханное бугристое поле. А за ним, в лесочке виднелась партизанская заимка. Подступиться к ней ни с какого боку не представлялось возможным. Со стороны поля она опоясана окопами, обойти же и вовсе нельзя. Её подковой огибает крутобокий распадок, заполненный вешними водами.

Ничего не скажешь, грамотно выбрал себе позицию предводитель бандитской шайки. Похоже, либо сам штабс-капитан, либо кто – то в его окружении совсем недурственно смыслит в военном деле.

Начиналось же всё, на редкость, удачно. В Ново-Покровку милиция нагрянула внезапно. Её обстреляли, но лишь ранили одного милиционера. Слабое сопротивление ново-покровцев было смято без особых проблем. Один из них был убит, остальные попрятались по домам.

Однако, их, по свежим следам быстро изловили и заперли в амбар, к которому приставили караульного. Пленников набралось двадцать человек.

Воодушевлённый первыми успехами, Иванов направился со своим отрядом на заимку, где, по его сведениям, засели остальные бандиты. По дороге, милиционеры схватили ещё двух подозрительных мужиков, ехавших со стороны заимки. При них было обнаружено восемь штук гранат, винтовка, 10 фунтов пороха и винтовочные патроны. Принадлежность к шайке мужиков не вызывала сомнений и их тоже препроводили под замок.

Теперь оставалось захватить заимку и можно писать победные репортажи. Стратег из десятого участка ничуть не сомневался, что с лёгкостью одолеет партизан, кои, казалось ему, не ждут нападения.

Примерно, за версту до заимки, Иванов развернул своё воинство в цепь и приказал передвигаться одиночными перебежками, соблюдая тишину. Блистательность замысла суровой акции возмездия, пока милиция кралась по лесу, не вызывала сомнений. Но, оказавшись на открытом пространстве, дотоле рыцари без страха и упрёка, попали под сильный ружейный огонь, грянувший со стороны заимки. Под партизанскими пулями, недюжинный боевой дух и воинственный пыл доблестных чинов милиции стремительно испарились. Резко потускнело и великолепие плана операции. Цепь залегла, дружно перестав реагировать на суетливые команды и понукания.

Оглядывался назад побелевшими глазами зубоскал и фронт Сашка Боровский, видимо, собираясь дать тягу в спасительный лес. Воткнулись носами в землю, вздрагивая при каждом выстреле, братья Нефёд и Никанор Бурдакины, Осип и Михаил Чернышёвы, Илья Минаков, Нефёд Чебурдаев, Фёдор Шейников.... А ведь, это были примерные во всех отношениях, служаки. Что ж тогда говорить об остальных.

Иванов с отвращением оглядывал свою присмирившую команду, не зная, чем поднять её боевой дух, всё больше укрепляясь в мысли, что это возможно только под страхом оружия.

-Переползанием, вперёд! – рявкнул он, угрожающе потрясая наганом.

Цепь зашевелилась, но выстрелы с заимки быстренько охладили пыл, правда, уже не слишком-то и горячих милицейских голов.

-А ну, вперёд! Кому сказано?! - вне себя заорал мятущийся предводитель 10 участка, потеряв остатки терпения, пальнул, для острастки, из нагана над самыми головами своих воинов.

Чины милиции с явной неохотой двинулись вперёд, со всей очевидностью демонстрируя, что вояки из них совсем никудышные, а пластуны и вовсе никакие. Они ползли на полчетвереньках, прижимая головы, как можно ближе к земле, зато выставляя кверху, как на показ, заляпанные грязью неповоротливые зады. Лишь несколько человек передвигались, как положено.

-Да курдюки-то хоть уберите! – надрывался Иванов, теперь уже ничуть не сомневаясь в своём поражении.

Внезапно, откуда-то со стороны распадка, почти во фланг милицейской цепи, ударил дружный залп партизанских берданок. Сразу ожили и окопы впереди. Кто-то охнул, кто-то жалобно застонал, кто-то длинно, с надсадой выругался. Партизанские пули, видно, достигали цели. Милицейская цепь начала поспешно отрабатывать обратно, теперь уже почти на карачках.

-Нас окружают! – вдохновенно завопил кто-то.

Возникшая паника придала вяловатому отступлению должную экспрессивность. Милиционеры разом вскочили и ударились в позорное бегство. Адреналин в крови, вот ведь какая любопытная штука, почище любого скипидара развивает легкоатлетические способности.

-Стой, сволочи! Ложись! – попытался, было остановить подчинённых участковый начальник. Но, ни его отчаянные крики, ни, даже, стрельба из нагана, не

возымели на убежавших никакого действия. В конце концов, убедившись, что сделать уже ничего нельзя, он тоже вскочил и, пригибаясь, двинулся под защиту деревьев.

-А ничего они бегают, резво! – насмешливо определил Гончаров, наблюдая в бинокль, по пояс, высунувшись из окопа, за отступающей в полном беспорядке милицией.

-Вы б, шибко-то не высывались, а то, ить, они не только бегают, но, бывает, и стреляют. - предостерёг его один из партизан.

-Э, теперь им, похоже, не до стрельбы, - снисходительно улыбнулся Гончаров, - подай бог ноги...

Тем временем, слева и справа продолжали хлопать выстрелы. Партизаны, в азарте, палили, почти не целясь, вслед удирающим.

-Прекратить огонь! – зычно скомандовал Гончаров. – Чего зря жечь патроны? Они нам ещё сгодятся.

Вскоре, ещё не остывший после недавнего возбуждения, «штабс-капитан», достал зачем – то карту и, обращаясь к Сергею, горячо сверкал глазами:

-Боевое крещение, по-моему, состоялось! Так что, нас можно поздравить. С почином. Теперь же, надо решать, что будем делать дальше?

-Мне кажется, у тебя уже есть готовое решение. - сдерживая улыбку, легко угадал помощник.

-Да-а, и какое же?

-Ну, что ж, пожалуйста. По-моему, выждать нам тут, теперь нечего...

-Верно! – подхватил Гончаров, - И потому, я решил сегодня же двинуть на Ново-Кусково! Невестке в отместку. Что скажешь?

-Я обеими руками и ногами – за!

-Тогда, значит, решено.

**Из рапорта начальника милиции 10 участка
Томского уезда Иванова управляющему уездом.
(продолжение) 27 апреля 1919 г.**

...Так как, занятая отрядом милиции позиция была неудобной и открытой для противника, укрепившегося в окопах, отряд милиции был вызван к отступлению и возвратился обратно, в посёлок Ново-Покровский, где, захватив всех задержанных соучастников шайки, двинулся в с.Ново-Кусковское. Прибыв в последнее, всех арестованных заключил под стражу в каталажную камеру при местной земской волостной управе. В 10 часов вечера 25 сего апреля выставленный караул милиции сообщил, что двигается какая-то толпа людей, и в этот момент послышался ураганный огонь из винтовок и взрывы гранат по земской управе и моей квартире, находящейся рядом с управой.

Выскочив на улицу с находившимися со мной чинами милиции участка, мы рассыпались в цепь и открыли стрельбу по противнику, но, видя, что сила последнего достигла около ста человек, я приказал отступить и скрыться, дабы не оставаться в руках противника. Во время перестрелки из отряда милиции тяжело ранен милиционер Иван Бурдакин, убит казначей местной земской управы Бардевицын и без вести пропало 9 человек – видимо, они схвачены шайкой в плен.

После нашего отступления шайка вломилась в земскую управу, приколола иттыком часового каталажной камеры милиционера Косякова и освободила арестованных, после чего разбила денежный ящик, захватив оттуда оставленную незначительную часть денег, паспортные бланки и уничтожила до основания всё

делопроизводство, после чего, бросив несколько гранат в мою квартиру, ворвалась туда, разграбив всё моё имущество, а так же одежду, и захватила пять или шесть винтовок, револьверов и отобранные у этой шайки гранаты, порох и патроны.

Главарём и руководителем шайки является, по описанию, штабс-капитан Адамович, происходивший из посёлка Алексеевского Вороно-Пашинской волости. Шайка с каждым днём увеличивается, и её цель – соединиться с шайкой Лубкова и открыть совместные действия против правительства, направив свои силы на г.Томск.

Докладывая о вышеизложенном, прошу теперь же войти с ходатайством перед военными властями о высылке воинских отрядов, не менее 200 человек, достаточно вооружив пулемётами и гранатами, так как шайка имеет для себя выгодную позицию и доступ к ней очень трудный....

...-Вы болван, сударь! Трусливый, безмозглый болван!... - кричал, вне себя от гнева управляющий Томской губернией поручик Михайловский, на вытянувшегося перед ним начальника милиции 10 участка Иванова, потрясая перед его носом его же рапортом.

-Я попросил бы без оскорблений, Борис Михайлович, - попытался, было постоять за себя, весьма обескураженный беспардонным разносом, последний.

Тем самым лишь подлив масла в огонь.

-Что?! Вы ещё и оскорбляться изволите?! Может, сатисфакции потребуете?! – съязвил поручик, - Да я велю вас предать военно-полевому суду за трусость и преступное головоутиение! Вместо того, чтобы объединёнными силами милиции двух участков уничтожить эту паршивую шайку красных в зародыше, вы затеяли какое-то дурацкое расследование, которое нужно там было, как собаке пятая нога. И дорасследовались, что те же красные в пух, и прах разнесли всю вашу милицейскую шатию-братию. Кстати, откуда вы взяли, что командует вашими, с позволения сказать, визави, штабс-капитан Адамович?

-Так показали жители Ново-Покровки.

Штабс – капитаны Суров В.А. и Альдманович А.Т. (в центре) рапортуют о свержении Советской власти в городе Щегловске (ныне - город Кемерово).

Да полноте вам! Отнюдь! Никакой это не штабс-капитан Адамович, а засланец томских большевиков – Пётр Гончаров. Хотя, к слову, и Гончаров – то, он тоже не совсем. То есть, совсем не совсем. Это, так сказать, партийный псевдоним. В миру же его кличут Иваном Сергеевичем Толкуновым. Выходец из анжерских шахтёров. Простой мужик накостылял вам по первое число. Стыд и срам! Ваше-с реноме-с в результате-с randеву-с изрядно пострадало-с. Да, уж, - он смерил милиционера презрительным взглядом, - дальше бы, да некуда. Настоящий же, а не мнимый штабс-капитан Альдманович Альфонс Теофилович, – с выражением отчеканил поручик, - гоняет партизан по Щегловской тайге. Именно Альдманович, - ещё раз нажал он, - а не Адамович. Ну, не знаете, так хоть сплетнями не бравируйте! Я вас умоляю!

Он порылся в стопке газет, в беспорядке лежащих на письменном столе:

-Вот послушайте, что в газете «Сибирская жизнь» в номере от 9 августа 1918 года пишут:

Командиру воинского отряда временного сибирского правительства штабс-капитану А.Т. Альдманович.

На ваш отряд была возложена тяжёлая задача очистить от красногвардейцев путь от Томска до Кузнецка. Следуя на пароходе с небольшим отрядом, вы одержали полную победу над советскими войсками, численно превосходящими вас во много раз и располагавшими пятью пароходами. Ликвидировав таким путем советскую власть, вы освободили население Кузнецкого уезда от тех насилий, которые чинились над нами советами. Мы, как представители города Кузнецка и уезда, просим вас, Альфонс Теофилович, и принимавшего особенно деятельное участие во всех операциях поручика Сурова принять в лице нашем от имени всего уезда искреннюю благодарность, а на память пусть будет вашему доблестному отряду стяг с флагом цветов временного сибирского правительства (зеленым и белым) и с лозунгами "Вперед к победе" и "За родину и народ".

Подлинное подписали:

Председатель уездной управы М.Нилов. Секретарь Хоменко. 4 июля 1918 г..

Хотя, уже не очистит. Наши болтуны и пустобрёхи хотят выглядеть посвятее католического папы. Предъявили Альдмановичу обвинения в зверствах и репрессиях. Его арестовали за избиения и расстрелы и чуть-чуть не лишили офицерского чина. В газете все это есть. Видите, красным газетки читать не зазорно, они нагло и цинично простофилям, вроде вас, втирают очки, вешают лапшу, в общем – глумятся, как могут! Ну, вы, хоть иногда – то стряхивайте с ушей разную хрень! Шевелите мозгом!

Иванов стоял, обливаясь потом. Впрочем, его бросало то в жар, то в холод. Его отчитывали, как мальчишку, а он, не смел и рта раскрыть в своё оправдание. Ведь гонористый поручик и в самом деле может предать его военно-полевому суду. Власть у управляющего губернией хватит. Напрасно, ох напрасно, он поминал все карательные органы намедни. Накаркал, похоже.

А за обвинениями дело не станет, формальных поводов достаточно. Хорошо, если только в чине понизят, вполне могут и шлёпнуть, по законам военного времени. Распалённое воображение рисовало картины его ближайшего будущего, всё больше в минорных, траурных тонах. – О, господи, спаси и помилуй!...

Меж тем, поручик Михайловский, вдоволь накричавшись, принялся решать для себя судьбу злополучного начальника 10 участка, сосредоточенно вышагивая по кабинету. Поразмыслив здраво, он пришёл к выводу, что иметь в милиции лично ему преданного человека, в столь переменчивое время, совсем нелишне.

Вернувшись за стол, он, с надлежащей долей патетики, выдал шаблонную заготовку:

-Ладно, бог с вами, привлекать вас, пока, не будем. Нам нужны люди, беззаветно преданные Верховному правителю. Но, прошу вас всегда помнить, что,

только кровью в беспощадной борьбе с большевизмом, сможете смыть свою вину. Так сказать, пятно-с с репутации-с.

-Да я..., до последней капли!...Всю отдам для святого дела! – чуть не добавив прилипчивое «с», истово перекрестился, обалдевший от свалившейся радости, Иванов.

- Препокорнейше вам благодарен, господин поручик! Век бога за вас молить буду!...

-Не стоит благодарности. – Сухо прервал его Михайловский. – Вы свободны.

-Честь имею....

После ухода воспрянувшего духом милиционера, Михайловский закурил, минуту подумал, затем взялся за телефон.

-Соедините меня с начальником гарнизона генералом Сергеевым. Побыстрее! – Приказал он, едва услышав служебно-вежливый голос барышни с телефонной станции.

Губернская машина пришла в движение....

3. НА УСМИРЕНИЕ МЯТЕЖНОЙ ВОЛОСТИ

*Штыками можно сделать всё, что угодно,
только нельзя на них сидеть.*

Наполеон Бонапарт.

**Из донесения начальника милиции 10 участка
Томского уезда начальнику уездной милиции.**

28 апреля 1919 г.

Важное. Спешное.

Прибывшие сего числа в г.Томск частные лица передали мне, что в посёлках Ксеньевском и Тихомировском Ново-Кусковской волости к разбойничьим шайкам примкнуло население, и численность восставших насчитывается около 500 человек, почему каждый день промедления увеличивает силу восставших и вряд ли скоро удастся ликвидировать это восстание.

...Промедление, повторяю, будет опасно, и через несколько суток, если не будут посланы отряды, вполне может произойти восстание нескольких волостей, ибо шайка не дремлет и быстро переносит свою заразу на другие населённые места.

Начальник милиции 10 участка Томского уезда

Иванов.

Прочитав эту депешу, пересланную ему начальником Томской уездной милиции с отчаянной сопроводилкой, начальник Томского гарнизона генерал-майор Сергеев резко позвонил. В дверях кабинета немедленно вырос лощёный адъютант.

-Разве в Ново-Кусковскую волость не послан экспедиционный отряд?

-Никак нет.

-Но почему? Я же, кажется, отдавал такое распоряжение? Ещё после звонка управляющего губернией.

-Точно так, ваше превосходительство, отдавали. И приказали отрядить туда, усиленную роту капитана Сурова. Однако, потом приказали задержать её, впредь до особого распоряжения, ввиду ожидавшихся беспорядков на первое мая.

-Ах, да, совсем запамятовал. Вы уж, не обессудьте, голубчик. Капитан Суров со своей ротой был, действительно, нужнее здесь, в Томске. Кстати, его роль в подавлении беспорядков в «Земском городке», трудно переоценить. Сейчас же,

никаких препятствий отправке его роты в Причулымье, на мой взгляд, нет. Заготовьте соответствующий приказ.

-Какие-то особые распоряжения, инструкции ему будут?

-Полная свобода рук. Максимально быстрое и жёсткое подавление восстания должно отбить охоту у всевозможных смутьянов, в будущем, повторять столь опасные и рискованные авантюры. Я давно убедился, что только страх делает людей порядочными, а смелость, наоборот – подонками. Се ля ви....

-Послушайте, Иванов, вы много приврали в своём последнем донесении насчёт численности ново-покровской шайки? – чёрные колючие усики капитана Сурова, подёргивались в ядовитой усмешке, однако, его тёмно-коричневые глаза оставались неподвижны и холодны, как у удава.

-Владимир Александрович, выбирайте выражения! Что значит «приврал»?! – побагровел от возмущения начальник Ново-Кусковской волостной милиции.

-Бросьте, майор, ваньку – то валять! Давайте уж, хотя бы в приватной беседе, называть вещи своими именами.

-Я не имею обыкновения привирать, как вы изволите выражаться, вышестоящим инстанциям.

-С обеими вашими филькиными грамотами от 27 и 28 апреля, я же имел несчастье ознакомиться.

-Позвольте, по- вашему, это филькины грамоты?

-Ладно, назовём их рапортом и донесением, если уж вам так угодно.

-Да-с, угодно-с! – (беседа с взыскательным поручиком явно не прошла бесследно).

-Хорошо, хорошо, не кипятитесь, милейший. Давайте, попробуем поискать логику. Надеюсь про логику – то вы слыхивали? Хотя, о чём это я?... Ну да ладно, попробовать – то, всё одно, можно. Вот и попробуем пройти извилистой тропой ваших умозаключений. В рапорте, адресованном управляющему уездом, вы пишете, что нападение осуществлено шайкой, численностью около ста человек. Так?

-Допустим.

-Отставить! Не допустим, а именно так! В донесении, отправленном на следующий день, на имя начальника уездной милиции, вы утверждаете, что в шайке насчитывается уже около пятисот человек. Вот это-то, как прикажете понимать?

-Что ж тут, не понятного?

-Собственно говоря, господин хороший, какая из приводимых цифирей соответствует сермяжной истине?

-Обе.

-Вот даже как. Чудны дела твои, господи! Зря, оказывается, зря и напрасно я приучил себя никому и ничему не удивляться. Ведь вам, признаюсь, легко удалось, хотя нет, всё – таки не удивить, а смутить меня парадоксальным и вопиющим отсутствием логики в ваших письменных и устных экзерсисах. Поверить в то, что численность шайки выросла на несколько сот человек за какие-то два-три дня? Это ж, сколько, простите за солдатскую прямоту, нужно выпить алкоголию или откусать белены?

Кинув взгляд на набычившегося при последних словах милиционера, капитан, тем не менее, с энтузиазмом продолжил развивать тему:

-Ну, а, допустим, не забирает в отдельности алкоголь, либо белена? Допустим, цифры, срисованные с потолка, пардон, пяткой левой задней ноги, не вяжутся с реалиями? Тогда могу посоветовать настоять белену на самогоне. Получится зелье, подобное абсенту. Великий Ван Гог, однажды надравшись абсентного галлюцигена, отхватил ножичком собственное ухо. Зачем? Думаю, просто решил устранить несоответствие изображения, видимого в зеркале, с автопортретом. На автопортрете

мэтр ухо поленился, либо позабыл изобразить, а зеркало нагло взывало к реализму, пеняло Гоге (во, разошёлся Гога в Гогу обратил) ошибкой.

Спросим себя, как поступила бы посредственная личность в таком разе? Полагаю, не мудрствуя лукаво, пририсовала бы к автопортрету недостающий орган, и все дела. Выражаясь языком настоящих художников – приписала бы. - Суров откровенно дурачась, щедро расходовал запасы злой иронии. - Совсем, как вы, например, малевали, снова пардон, приписывали цифири в приснопамятных документах. И только выдающийся мозг Винсента, ради торжества истины, мог додуматься до членовредительства.

Современники привычно определили живописца в сумасшедшие. На поверку оказался основоположником то ли абстракционизма, то ли сюрреализма, то ли футуризма. Но не суть важно... – слегка смутившись, тонкий ценитель изящных искусств, продолжил:

-Есть очевидный резон, для приведения в гармоническое соответствие творческих абстракций ваших отчётов с вящей действительностью воспользоваться старинным рецептом. Однако полностью полагаться на чудодействие абсента я бы лично поостерёгся, ибо оно носит не до конца изученный и избирательный характер. Некоторым видятся летающие крокодилы, иным мухи слонами чудятся. Ну, а если, хотя, буду откровенен, в это слабо верится, вы тоже гений? Ещё начнёте, боже упаси, себе язык и руки отторгать....

-Скоро вам представится возможность проверить справедливость ваших теперешних скептических суждений на практике. – Не оценив высоты полёта фантазий, прервал спутника, не расположенный к веселью собеседник, - Ведь восстание только начинается. И, боюсь, сказками про ван гогово ухо вы бандитов не одолеете. Они – то себе уши отхватывать от страха перед вами, поди, не станут. Да и *маэстре*, похоже, Гоген ухо – то отчекрыжил.

Суров не стал держаться своей версии. Ему стало скучно. Он зевнул, но счёл нужным взбодриться: - Будьте уверены, у меня, в отличие от вас, с арифметикой всё в порядке. Уж, я-то их посчитаю! – последняя фраза прозвучала просто зловеще.

-Ваши бы слова, да богу в уши....

Они ехали стремя в стремя, верхом на добрых кавалерийских лошадях по обочине разбитой просёлочной дороги, по которой на крестьянских подводах двигался хорошо вооружённый экспедиционный отряд. Со стороны могло показаться, что офицеры коротают время за безобидной, даже дружеской, беседой, хотя на самом деле, они не испытывали друг к другу ни малейшей симпатии.

Суров, посматривал на Иванова свысока. Битый какой-то мужицкой шайкой милиционер, не заслуживал в его глазах абсолютно никакого уважения.

...Что же касается наших милицейских, то они были большей частью распушенные, пьяные люди, абсолютно не знакомые ни с какими полицейскими обязанностями. ...Вообще же милиция представляла там один сплошной кошмар.

И думаете, кто так, мягко говоря, критично прошёлся по милиции. Это мы привели высказывание Колчака А.В.. Как видим, Суров В.А., по крайней мере, не одинок в своих воззрениях.

В свою очередь, Иванов считал своего собеседника большим наглцом и выскочкой. Но, строго, конечно, про себя. Суров был не высок ростом и тщедушен телосложением, в то же время обладал какой-то мрачной, магической силой. Даже когда капитан смеялся, или делал вид, что смеялся, скорее, всё – таки, делал вид, глаза его никогда не смеялись. Иванов ловил себя на мысли, что его, стыдно признаться, чуть ли не приводит в трепет неподвижный, ползущий из-под низко надвинутого козырька фуражки, взгляд офицера.

Колонна экспедиционного отряда, растянувшаяся по извилистому просёлку на несколько сот сажен, представляла собой внушительное зрелище. Впереди гарцевали полсотни бравых головорезов, готовых, по первому знаку своего командира, обрушиться на любого врага. На двух телегах торчали тупые рыльца станковых пулемётов, способных залить свинцовым дождём любой очаг сопротивления.

Так что Суров, чувствовал себя весьма уверенно среди обширных просторов Причулымского края. Наконец-то пробил его час. Судьба подарила ему шанс, и он намерен использовать представившуюся возможность на все сто процентов. Ситуация полностью находилась у него под контролем и дальнейшее развитие событий зависело от его личных качеств. А уж в себе-то, капитан был уверен, он прекрасно показал себя при подавлении Первомайской забастовки в «Земском городке». Забастовщикам надолго запомнятся кровавые уроки, которые им были учинены.

Теперь же, ему доверена куда более ответственная карательная операция по подавлению большевистского восстания в Причулымье, успешное завершение которой, сулило заманчивые перспективы карьерного взлёта. И он, капитан Суров, расшибётся в доску, но оправдает оказанное ему доверие. Огнём и мечом восстановит должный правопорядок в мятежной округе, навсегда отобьёт у этих чалдонов охоту к баламутству, бунтам и восстаниям.

Между тем, майское солнце перевалило за полдень и насквозь просвечивало голые ещё берёзовые колки. Пора было подумать и о привале.

-Ну что, скоро будет какая-нибудь деревня? – поинтересовался Суров у притихшего Иванова.

-Уже подъезжаем. За тем, вон, лесочком будет Мало-Жирово. – указал тот.

Капитан хотел спросить ещё о чём-то, но, в это время, вдруг, как гром среди ясного неба, по карателям грянул винтовочный залп. Вслед за ним и второй...

В авангарде отряда произошло замешательство. Несколько всадников, скошенных партизанскими пулями, полетели наземь. Перепуганные насмерть лошади с диким ржанием заметались из стороны в сторону, скидывая конников.

Забились в оглоблях и крестьянские лошадёнки. Испуганно храпя, одни пятились, вылезая из хомутов, другие выворачивали передки, поворачивая обратно и опрокидывая при этом, дормезы с солдатами.

Визгливое ржанье лошадей, жалобные вопли раненых и придавленных лошадей и телегами солдат, матюги унтеров и безостановочная стрельба слились в одну адскую какофонию. Тут ещё, задние подводы напирали на передние, усугубляя сумятицу.

Общая первоначальная растерянность, в какой-то момент, передалась и Сурову, неприятно удивив его (иммунитет к способности удивляться, оказался не таким уж стойким). Но он быстро взял себя в руки. Праздновать труса в присутствии Иванова, - нет уж, увольте! Впрочем, тот мало что соображал. Бледный, как полотно, он бестолково дёргал за поводья, крутясь вместе с лошадей на одном месте.

Суров, брезгливо глянув на него, пришпорил коня, и помчался к голове отряда. Необходимо было немедленно прекратить этот бардак и овладеть положением.

-Пулемёты – к бою! – скомандовал он, подлетая к пулемётчикам.

Однако удалось выставить на позицию лишь один пулемёт. Второй, свалившись с телеги, угодил в самую грязь, поэтому нуждался в основательной чистке.

Партизаны вели обстрел отряда из лесистого ложка, пересекавшего дорогу наискосок. Туда и приказал капитан направить губительный пулемётный огонь. Очереди «Максима», (знают американские изобретатели толк в гражданских войнах), вернули карателям уверенность, паника постепенно прекратилась....

**Телефонограмма начальника милиции 10 участка
Томского уезда Иванова начальнику уездной милиции
8 мая 1919 года.**

Доношу, что воинский отряд занял с боем с. Мало – Жирово, где в настоящее время и имеет пребывать. Противник отступает. Численность его 300-350 человек. Во всех сёлах красными избраны совдены и, последние, воинскими отрядами ликвидируются.

Гончаров шёл, осторожно придерживая голову то одной рукой, то другой. Делая вид, однако, что поправляет папаху, а то и просто почёсывается. Он находился во главе отряда и не хотел, что бы партизаны заметили его недомогание, хотя, полученная в бою под Мало-Жирово пулевая контузия, изрядно докучала. Если бы колчаковец взял чуть-чуть правей, то в отряде был бы не один убитый, а два. И не шагать бы сейчас ему, анжерскому шахтёру, по вешней земле, а несли бы его боевые товарищи ногами вперёд, как того, вон, молоденького партизана.

По счастью, пуля не зацепила голову, правда, прошла совсем рядом. Воздушной волной, будто дрыном, его и ошарашило. Теперь каждый шаг отдавался в мозгу пронзительной острой болью, временами, аж искры из глаз сыпались. В ушах гулко отсчитывали свои удары колокола пульса. Как назло, он то и дело оступался. Идти приходилось по сплошному кочкарнику и бурелому. Впрочем, Гончаров сам выбрал этот спотыкучий путь.

Хоть он и полагал, что Суров, после боя под Мало-Жирово не решится его преследовать, на всякий случай, решил отходить на свою базовую заимку по самому глухому, скрытному пути, труднопроходимой поймой таёжной речушки Соколы, густо поросшей тальником и разлапистым ельником.

Наступали прохладные майские сумерки. Колчаковцы не показывались, что подтверждало правильность принятого решения и укрепляло уверенность в благополучном возвращении на место дислокации. А там ему и сам чёрт не страшен! Не зря же говорится, что дома и стены помогают.

Не смотря на сильную головную боль и накопившуюся усталость, Гончаров вновь и вновь возвращался мыслями к событиям уходящего дня.

Учиняя бой капитану Сувору на подступах к Мало-Жирово, он, в общем-то, не рассчитывал на разгром карателей. Для решения подобной задачи у партизан было явно маловато людей, да и вооружение оставляло желать много лучшего. Партизанские дробовики и берданки не могли соперничать с боевыми трёхлинейками суровцев, а с пулемётами и вовсе шутки плохи. По всем законам военной тактики атаковать противника при таком соотношении сил, в лучшем случае, не разумно, в худшем – обречь себя на заведомое поражение.

Если рассматривать действия гончаровцев под Мало-Жирово с точки зрения классической тактики, то они могут показаться весьма и весьма рискованными, и, даже, безрассудными. Однако это было не совсем, а скорее, совсем не так. Безусловно, партизаны не рассчитывали на чисто военную победу, но своим внезапным ударом дали понять карателям, что не собираются бегать и прятаться по кустам, аки зайцы, а намерены драться с ними в любое время и в любых условиях. Еще Гончаров хотел прощупать, что представляют из себя вояки Суорова в боевой, экстремальной обстановке. То есть, стычка под Мало-Жирово носила элементы разведки боем, с очевидной психологической подоплёкой.

И теперь, осмысливая ещё и ещё раз все перипетии боевой операции, Гончаров пришёл к твёрдому убеждению, что первое «знакомство» с суровцами для партизан оказалось успешным. Что ни говори, наделали переполоху. И Суорову, наверняка, спеси поубавили. Ведь прошло немало времени после первого залпа партизан, прежде чем

ему с его офицерами и унтерами удалось восстановить относительный порядок в растерявшемся отряде и организовать ответный огонь. Впрочем, каратели до конца так и не оправались, не высовывая носа из укрытий, палили в белый свет как в копеечку. Когда же по партизанским позициям ударил пулемёт, позиции оказались покинутыми, след партизан простыл. Гончаровцы благополучно отступили по лесистому ложку, унося единственного убитого товарища.

-Ну и куда мы теперь будем подаваться? – прервал размышления командира партизан его помощник.

-А ты, разве, сам не видишь, куда мы идём? – повёл на него удивлёнными глазами Гончаров. – Или плохо ориентируешься на местности?

-Да нет, с ориентировкой у меня всё в порядке, - явно обиделся как бы прапорщик, - Я отлично вижу, что в данный момент мы следуем в направлении нашей Ново-Покровской заимки. Хотелось бы знать, куда мы направимся после?

-Никуда не отправимся.

-То есть как это – никуда? – отказался верить своим ушам Зворыкин.

-Очень просто. Шибко много чести будет Сурову, если мы от него в бега вдаримся.

-А если он нагрянет со всеми своими силами?

-Пускай нагрянывает, если, конечно, осмелится.

-Но он превосходит нас и людьми и вооружением.

-Не так страшен чёрт, как его малютки! – сердито отрезал Гончаров и тут же его смуглое, скуластое лицо перекосило от резкой боли в голове. Превозмогая себя, он произнёс:

-Ну, ты сам посуди, что про нас люди подумают? То же, мол, партизаны драные, заварили кашу, а как до драки дело дошло, они и в кусты.

ЗВОРЫКИН Владимир.
Заместитель командира
отряда. Погиб в 1937 г.

БРАНЕВСКИЙ
Василий Филлипович.
Командир взвода.
Умер в 1965 г.

-Так-то оно так... - протянул Зворыкин, поправляя длинным указательным пальцем роговые очки, - Но, по-моему, отрядом рисковать всё же не следует. Надо, пока не поздно, уходить за Чулым.

-За Чулым, говоришь? – мазнул его быстрым взглядом чёрных пронзительных глаз Гончаров. – Прямо сейчас! Оставить такую выгодную позицию без боя? Нет уж, дудки, погодим драпать!

-Что ж, тебе видней, командир. - Вздохнул недовольно его заместитель, исчерпав, казалось бы, все свои доводы. – Хотя мышеловка мышам, готов побиться об заклад, тоже не кажется последним приютом. В нашем же оплоте.... Тьфу, ты чёрт, чуть не брякнул «последнем». - Сплюнул через левое плечо и постучал по берёзке предусмотрительный носитель функций правой руки командира, шедший, к счастью, слева от него. - Вообще, даже бесплатный сыр, на хрен, отсутствует.

-Да, да, знамо дело. – Сплюнул, только зло, и Гончаров. - Чем дальше в лес, тем толще партизаны? Так, что ли? А по мне пушай лучше последний приют ли, оплот ли, чем труса праздновать!

Очередной тяжёлый вздох был ему ответом.

Ново-Покровская заимка действительно была укреплена неплохо. Стояла она на некотором возвышении, её почти вкруговую, опоясывали окопы, открытые со знанием дела. Так что, не зря битый начальник Ново-Кусковской милиции доносил по начальству, что партизаны имеют очень выгодную для себя позицию.

Поэтому, принимая решение остаться на Ново-Покровской заимке, Гончаров, конечно, учитывал все её оборонительные достоинства. Но, в основном, руководствовался несколько иными соображениями.

Если бы, после боя под Мало-Жирово, он увёл отряд не на свою заимку, а за тот же Чулым, то обстоятельство это было бы на руку Сурову, который не преминул бы разрезвонить, что партизаны его испугались и теперь не чают, куда скрыться. Можно себе представить, как упал бы престиж партизан в глазах населения. Репутация же, штука деликатная, добрая даётся трудно, зато потерять доверие людей – раз плюнуть. Значит, не смотря ни на какие риски, надлежит демонстрировать уверенность в собственных силах и готовность сражаться до конца, оставаясь хозяевами своей судьбы.

Существовало и ещё одно немаловажное обстоятельство, склонявшее партизанского командира в пользу Ново-Покровской заимки. После разгрома Ново-Кусковской волостной милиции, на сельской площади стихийно возник митинг. Среди собравшихся реяли самодельные красные флаги. Ораторы, из числа фронтовиков и местной бедноты, горячо благодарили партизан за избавление их от колчаковщины, возглашали здравницы в честь народной власти. Выступил на митинге и сам Гончаров, он коротко обрисовал текущий момент, рассказал о задачах партии на данном этапе, предостерёг, что борьба за власть предстоит нелёгкая и кровопролитная. В заключение, призвал всех сочувствующих большевикам вступать в отряд, чтобы с оружием в руках крушить колчаковский «правопорядок». Многие участники митинга откликнулись на его призыв, тут же примкнув к партизанам.

Подобные митинги состоялись в Ксеньевке, некоторых других деревнях, в результате чего, отряд практически сразу удвоился.

Но на этом приток добровольцев в отряд не закончился. Почти каждый день они прибывали в Ново-Покровку из разных окрестных деревень. Иногда по одному – по два, иногда и целыми группами. Кто на лошади, кто пешком, кто с оружием, а кто без. И вот теперь, если бы отряд исчез в неизвестном направлении, то о пополнении, на некоторое время, пришлось бы забыть. Это обстоятельство игнорировать было бы легкомысленно, да, и в какой-то мере, глупо. Ну, а то, что пребывание на Ново-Покровской заимке с риском связано, так без риска на войне не обойтись.

...На заимку отряд прибыл уже затемно, партизаны валились с ног от усталости. А Гончаров, вообще, чувствовал себя плохо, хотя старательно скрывал это. Однако прежде чем отправиться отдыхать в свою командирскую избу, он отозвал в

сторонку командира взвода разведки Василия Браневского и распорядился назначить караул для охраны заимки и отправить дозорных на Томскую дорогу.

-Я думаю, Суров не раньше, как завтра из Мало-Жирово тронется. В ночь он, наверняка, выступить не отважится. Проследить, куда он направится, для нас жизненно важно. А то, вдруг, ему, и в самом деле, сюда, к нам завернуть вздумается. Так не проморгать бы. Дозорные должны быть на лошадях, чтоб могли, если что, предупредить вовремя.

-Будет сделано, командир....

Партизанские разведчики Семён Фокин и Яков Шарапов восход солнца встретили в пути. Это были совсем ещё молодые, недавно женатые мужики. С детства привыкшие работать, тяжёлого крестьянского труда не чуравшиеся. Не пьяницы. Но и ещё раз но. Как же давит отсутствие даже намёка на перспективу, убийственное в молодости, собственным горбом выбиться из нищеты! Ведь хочется быть не хуже других. Хочется, чтобы дети уважали и гордились фамилией. Хочется перемен и обязательно к лучшему. Потому, они одними из первых записались в отряд Гончарова после разгрома Ново-Кусковской волостной милиции. С лёгким сердцем пошли они добывать себе лучшую долю с оружием в руках, невзирая на бурное противодействие, (пусть кто – нибудь посмеет после этого утверждать, что женское сердце не вещун), своих молодух.

Впрочем, на сей раз, у них не было никакого оружия, хотя и ехали они на боевое задание. Сергеев приказал им взять под наблюдение Томскую дорогу в районе Кайлы. При этом рекомендовал вести наблюдение не скрытно, а, наоборот, в открытую – под видом дровосеков. Поскольку, дескать, в голом лесу всё равно от посторонних глаз не укроешься. Да ещё с лошадьми. А Суров, может выслать по пути следования переодетых лазутчиков. Ну, а так как, сейчас самое время весенней заготовки дров, то дровосеки, возможно, не привлекут к себе пристального внимания и не нужного интереса.... Исходя из этого, товарищ Сергей велел дозорным вооружиться, вместо винтовок пилой да топором, об инвентаре должны были сами же и позаботиться.

Так что, в облике дозорных ничего не указывало на их принадлежность к партизанам. Обычные деревенские мужики, да и только. В одеянии, соответствующей сермяжности. Потёртые зипуны, перехваченные замызганными кушаками, облезлые бараньи папахи, домотканого сукна шаровары и густо смазанные дёгтем, стоптанные сапоги. Вот разве что, лошади имели не совсем обычный вид. Какой-то варнак, взял да и обкорнал у них хвосты по самые репицы, не подумав, что скоро появится гнус, а бедным лошадёнкам и отмахнуться будет нечем. Добрый хозяин до такого вряд ли додумался бы. Однако данное обстоятельство могло привлечь внимание лишь придирчивого глаза.

Старшим дозора назначен Семён Фокин. Он строен, худошав, лицо его, строгое чернобровое, обветрено до смуглости. Характером твёрд и порывист.

Яков Шарапов характером помягче, попокладистей. Его круглое белобрысое лицо, то и дело, озаряется простодушной улыбкой, без всякого, казалось бы, повода. Видимо, вспоминается ему что-то весёлое, а всего скорее, предстаёт в его воображении забористая молодуха Полинка, ради которой он и перебрался из родной Казанки в зятя в Ново-Кусково.

Свежее утро, даже слегка морозное. Земля гулким стуком отдавалась под копытами лошадей, местами звонко похрустывал ледок. Разведчики ехали уверенно через поля и перелески, не сбиваясь с пути, ибо места им были хорошо знакомы. Вскоре, они въехали в Кайлу. Так называется довольно обширная местность на Ново-Кусковских еланях, изрезанная глухими логами и падами, густо поросшая березняком.

Красный диск солнца выползал из-за горизонта, окрашивая лёгкие перистые облачка и всё вокруг в нежно-розовые тона. Сразу, как бы ожили березняки. Отдельные

птичьих посвисты слились в единый, разноголосый хор пернатых всех мастей, зазвучавший радостным гимном новому погожему дню, солнцу, самой жизни.

Посветлело на душе и у разведчиков. Вдруг увидели они, как прекрасен мир и как здорово, что они живут на свете. Им показалось, что жить они будут вечно, всегда будут молоды и красивы. Мысль о старости, тем более о смерти, которая теперь, завсегда ходила рядом, представлялась нелепой и даже кошунственной...

-Хошь пожевать? – нарушил затянувшееся молчание Семён, вытаскивая из-за пазухи краюху чёрствого хлеба и луковицу.

-Давай, - обрадовался Яков, у которого давно и изрядно сосало под ложечкой, запастись же съестным, он как-то не догадался. Да и не до того было. Вечером, как вернулись из-под Мало-Жирово, так умотался, что сразу завалился спать, а утром его растолкали ни свет, ни заря и сразу - в седло.

-Что б ты, без меня делал? – разламывая краюху пополам, с усмешкой, поинтересовался Семён. – Так бы и дозорил натошак?

-Ну почему... - неуверенно возразил Яков, - Сейчас на полях народу полно. Ново-Кусковцы на заимки перебираются, поди, разжились бы какими-нибудь харчами.

-Разжились бы! Держи карман, - хмыкнул Семён, - Нам придётся дозорить рядом с заимкой Дроздака, у этого же асмодея зимой снегу не выпросишь.

Семён был родом из Ново-Кускова и лучше знал своих земляков.

-Значить, и пилу он нам не даст?

-Пилу-то он, положим, даст, если попросить, как следует.

-Тогда всё в ажуре?

-В общем-то, да. Только лошади не подвели бы. - Хмуро обронил Семён.

-Это как, тоись? – не понял простоватый Яков.

-А ты что, не видишь, какие у них хвосты?

-Ну и што?

-А то, что только у наших отрядных лошадей такие хвосты. Что за дурак додумался их так испохабить?!

-И никакой не дурак вовсе, а наш конский фершал Фёдор Зайцев. - Явно довольный своей осведомлённостью, охотно пояснил Яков.

-Откудова ты знаешь? – живо заинтересовался Семён.

-Я нечаянно подслушал, как его Гончаров за это прорабатывал. Он, ешо оправдывался, што, мол, думал как лучше, штоб, значить, с посторонними лошадьми не путать.

-Да, этот Зайцев – малый не дурак. – Задумчиво согласился Семён, прищурился острыми тёмными глазами, - А, мабуть, и дурак не малый. Я - не я буду, тут подвох какой – то. - Вернёмся в отряд, надось будет приглядеться к фершалу.

-Што, ты думаешь, он не проста? – встревожился простодушный Яков.

-Пока не знаю.... Только лошадей, как приедем, надо от греха спрятать подальше. А вон, кажись, и Дроздакова заимка!

-Гришка-а!.. Гришка-а-а!.. надрывался Васька Авдеев, приставив ладони ко рту и поворачиваясь, то в одну сторону, то в другую. Но в ответ, лишь слабое эхо перекатывалось по Кайле, да ветерок мягко шелестел ветками берёз.

-Куда его черти унесли?! – сокрушался он, растерянно озираясь вокруг, в надежде увидеть своего непутёвого младшего братца.

-Теперь Васька очень сожалел, что отправил его одного попасти овец, пока сварится похлёбка на завтрак. Но похлёбка, давно перепрела, солнце уже вон куда поднялось, а ни Гришки, ни овец не видно и не слышно. А ведь, строго-настрога наказал человеку, чтоб не уходил далеко и за овцами хорошенько присматривал. Не свои, небось, а чужие. Случись что, за них хуже, чем за своих отдуваться придётся. Хозяева овец Семён Рогов, Михаил Вышегородцев, Василий Крешенко и Андрей

Мастрюков - мужики прижимистые. Ни один из них, даже самым паршивым ягнёнком не попустится. Три шкуры сдерут, если, не дай Бог, сдохнет или волки задерут. Чтоб, значит, знали голодранцы, как хозяйскую скотину беречь. Потом, ещё и отец наподдаст, в первую очередь, конечно же, ему, Ваське, как старшему. Ведь ему, скоро, восемнадцать стукнет. Его сверстники во всю женихаются, с девками хороводятся. Ему же, в его руноте, помышлять об этих делах не приходилось. В драном зипуне, с хозяйского плеча, холщовых штанах, заправленных в дырявые сапоги, на вечорках делать было нечего. Хотя, в остальном, не хуже других. Разве что, худоват маленько, так ведь, на таких харчах, да, ещё с утра до ночи на ногах, особо-то не раздобреешь.

Правда, недавно, Васька, как и вся Ново-Кусковская голытьба, совсем было, воспрянул духом. Когда партизанский командир Гончаров со своим отрядом, расчихвостив волостную милицию, всех колчаковских пришей-пристебаев, объявил о восстановлении Советской власти в волости. На митинге избрали Совдеп. В него вошли, в основном, бывшие фронтовики: братья Василий и Виктор Бурдавицины, Яков Кусков, Фёдор Куршин, Наум Яншин, Пётр Сухачёв, Иннокентий Чесноков, Сергей Волков, Степан Калинин.

С речью выступил командир партизан, призывая подниматься на борьбу с колчаковцами за народную власть, которая дарует трудовому люду полное равноправие и свободу, сметёт с лица земли всех угнетателей и мироедов. Долго гремело «Ура!» на сельской площади. На радостях, мужики даже качнули оратора, многие записались в отряд.

Среди первых добровольцев были дядя с племянником Тихон и Алип Петровы, Осип Бобров, Иван Павельев, Яков Шарапов, Семён Фокин, Григорий Гронский, Григорий Шишигин, Яков Чесноков и другие. Сбежал к партизанам и старший Васькин брат – Михаил. Было, наострился вслед за ним и Васька, но мать, догадавшись о его намерении, так жалобно заплакала, что с геройскими мыслями пришлось, конечно же, на время расстаться. На кого, вы, неслухи, нас покидаете? - причитала мать. Резон в словах матери, безусловно, был, ведь кроме родителей, в семье есть ещё две незамужние сестры – Фёкла с Марьей, да малолетний брательник Гришка.

Вобщем, не хватило у Васьки духу бросить родичей на произвол судьбы, поскольку, после ухода Михаила, фактически оставался главным кормильцем семьи.

Васька полагал, что после памятного митинга, на селе последуют большие перемены. Оказалось, зря полагал. Разве что, власть на селе от старосты Сергея Куршина перешла в руки Совдепа. Но, последний, явно не знал, что делать с этой самой властью, на что её употребить, проводя время в бесплодных заседаниях. А в остальном, после ухода Гончарова, всё осталось по-прежнему, кто кем был, тот тем и остался. Богатый – богатым, бедняк – бедняком. Васька, как пас чужих овец, так и пасёт, правда, продолжая верить в лучшую долю.

-Куда же подевался Гришка? – вернулся к вящей действительности он, изрядно расстроенный. – Конечно, братец мог и прикорнуть на каком-нибудь остожье, пригревшись на солнышке. Такая склонность за ним водится. Может, и заблудился. И долго ли до беды? В Кайле и волки, и рыси водятся, и, даже, лешие, говорят, встречаются.

От таких тревожных мыслей у Васьки совсем упало настроение, он сразу же заторопился на поиски запропавшего брата.

День, между тем, занимался прекрасно. Ночного морозца как не бывало. Оттаявшая земля стала мягкой, податливой. Солнечные лучи насквозь пронизывали нежно-зелёные, только начавшие распускаться берёзовые околки. В ответ струилось сочное изумрудное сияние. А воздух такой, что и вообразить невозможно, будто на ароматном хмеле настоящий. Дыши - не надышишься. Потому, видать, и лесные птахи верещат, как ошалелые.

Васька шёл, понемногу оттаивая душой от лесной благодати, наслаждаться которой он мог сколько угодно, никого не спрашивая. Живи и грейся! Правда, даже

крыши над головой здесь, на полях, у них с Гришкой не имелось, жить приходилось на заимке одного из своих хозяев – Михаила Вышегородцева, или, по-уличному, Хамкина, который мог в любую минуту лишить их крова. Только скажи слово поперёк или ещё как не угоди...

Вскоре, Васька вышел к заимке Дроздакова, расположенной у самой Томской дороги.

Дядька Иван, попросту Дроздак, мужик степенный, благообразный, занимался починкой летнего загона для скота. Его взрослые сыновья – Филипп и Игнат ему помогали. Тут же вертелся и самый младший – Яшка, которого Васька недолюбливал, за то, что тот имел склонность встревать в чужие дела, и именовал его про себя, не иначе, как Дроздачёнком

Неподалёку, в распадке двое каких-то мужиков пилили дрова.

-Дядя Иван, - поздоровавшись, обратился Васька к хозяину заимки, - не видал тут мово брательника Гришку с овцами?

-Нет, не видал, - повернул, покрытое шерстью лицо, дядька Иван, - А, ежели бы, увидел его тут с овцами, то все уши ему пооборвал бы. Ешо не хватало, чтоб на моём отрубе овец пасти! Штоб духу, вашего, поганого здесь не было!

-Так ить, мы же не по полям пасём-то, а по березняку. - Заметил обиженный Васька.

-А, хоть бы где!

У Васьки вертелось на языке «ласковое» словечко по адресу сквалыжного Дроздака, но он сдержался, поскольку заводить скандал, было не в его интересах, да и надо было продолжать поиски брата.

Когда он оказался на дороге, ему встретились две подводы с сеном. На переднем возу ехал Филипп Петров с младшим сыном Акимкой, на втором – Колька Бурдавицын, первый уличный заводила. Васька обрадовался встрече с сельчанами, тем более они-то были не чета Дроздаку. Дядька Филипп, хоть и жил своим хозяйством, на котором мантулил с утра до вечера, не далеко ушёл от деревенской голытьбы. Совсем не от хорошей жизни, один из его сыновей – Алип и младший брат Тихон подались в красные партизаны. Колькина семья звёзд с неба не хватала, «богачеством» похвастать тоже особо не могла.

-А как же, видали мы твою Гришаньку, - узнав о Васькиной заботе, охотно сообщил дядька Филипп. – Он закружал маленько в Берёзовом логу и ладно, что мы на него натакались, а то, он уж и в слёзы ударился, ревмя ревёт. Нас увидел, так прямо запрыгал, бедолага, с радости. Я ему растолковал, как выйти на вашу Хамкину заимку, маленько, даже, проводил. Теперь, подикось, он уже на месте, тебя дожидается.

-Спасибо тебе, дядя Филипп! – обрадовался Васька.

-Не за что. Беги, встрейвай брата. Н-но, пошла!

Подводы опять тронулись, Васька же заторопился в обратный путь, очень довольный, что объявился его, запропавший было, Гришка. Не успел он сделать несколько шагов, как его внимание привлёк какой-то шум. Будто гнали табун лошадей. Васька глянул вдоль дороги и обомлел. Из-за дальнего поворота вываливала колонна вооружённых всадников, с погонами на плечах.

-Белые! – ахнул он и побежал, не ожидая от встречи с ними ничего хорошего. Дядька Филипп оглянулся, сразу торопливо задёргал вожжами, понукая понурую лошаде́нку. Его примеру последовал и Колька Бурдавицын

Однако белые их тоже заметили. Несколько всадников, пришпорив коней, в один момент оказались рядом. С гиканьем и матюгами огорновали подводчиков, один подскакал к Ваське, чуть не растоптав беднягу.

-Стой, паскуда! Ты кто? Партизан? – заорал он.

-Я пастух, - втянув голову в плечи, проямлил Васька.

-Брешешь, ...твою мать!

-Вот-те, крест!

-Все вы тут, голодранцы, одним миром мазаны! – в следующий миг, нагайка со свистом врезалась в худые юношеские плечи. От острой боли и обиды потемнело в глазах.

-За что?! – вскрикнул он.

Вместо ответа на Ваську обрушился целый град новых ударов, только ключья полетели от его гнилого зипунишки. По телу потекли тёплые струйки крови...

Наконец, беляк видно натешился.

-Это тебе, чтоб знал край, да не падал, - весело осклабился он, опуская нагайку, - Для примера, чтоб с красными не снюхался. А теперь, катись отседова, оголец, пока цел. Да больше на глаза не попадайся.

Не чуя ног под собой, Васька бросился к ближайшему околку, от греха подальше. Глотая злые, жгучие слёзы, которые непроизвольно катились по его обветренным, до шелушения кожи, щекам....

На дороге, меж тем, дела принимали крутой оборот. Сперва всадники налетели на Кольку Бурдавицына, ехавшего сзади. Но за него вступился подоспевший новокусовский милиционер Михаил Чернышёв, заявивший, что парнишка ни в чём не замешан, а уж, если, дескать, кого следует потрясти, так вон того бородача, что на переднем возу едет – у него, почитай, вся семья в красных.

-Эвона, какая птичка попалась!

-А, ну стой, борода!

И белогвардейцы переключились на Филиппа Петрова, готовые исхлестать его нагайками, а то и учинить скорую расправу. Акимка плотнее прижался к отцу, испуганно зыряка тёмными быстрыми глазёнками из-за широкой спины его, словно затравленный волчонок. Однако, сам Филипп, внешне, довольно хладнокровно встретил угрозы карателей, угрюмо взирая на них с высоты воза, не проявляя ни малейших признаков страха. Будто окаменел.

-Неужели, мой Ванька, теперь, вот так же, над кем-то изгаляется? – билась в голове противная мыслишка.

Дело в том, что, если один из его сыновей партизанил, то другой служил у белых, оказавшись мобилизованным. Представить своего Ивана в роли карателя, Филипп никак не мог, и не хотел. Сиё, было выше его сил. Ванька рос добрым парнем, никаких вредных замашек за ним не замечалось. Разве что, теперь появились. Не зря говорится, - с кем поведёшься, от того и наберёшься. Каков бы Ванька не был; в столь скверной ситуации, шанс на спасение заключался именно в нём.

-Чего вы, расшумелись-то? – безбоязненно прикрикнул он на вошедших в раж конников, - Мой сын, ить, такие же погоны носит, так что, плётками сильно-то не машите, а то и на вас управа найдётся.

Уверенный тон и недвусмысленная угроза, прозвучавшая в словах Филиппа, подействовали на колчаковцев отрезвляюще. Как давно и всем известно, армейские недолюбливают, мягко говоря, милицейских. Во взорах, направленных на Чернышёва, явно читалось недружелюбие:

-Слухай, хрен милицейский, чего тень на плетень наводишь? У мужика сын, оказывается, в нашей армии служит!

-Это один сын! – не сдавался Чернышёв, - А вы спросите у него, где второй! Про младшего брата поинтересуйтесь. – Ну, чего молчишь? – Обратился он уже к Филиппу, - Поясняй. Вишь-ты, прикинулся овечкой!

-Откель я знаю? – огрызнулся Филипп, - Теперь, всяк сам себе голова.

-Врёшь, папашка! Ты прекрасно знаешь, что сынок твой с братцем в гончаровской банде!

Разговор приобретал явно опасный оборот. К счастью, у дроздаковской заимки, неожиданно, возник какой-то переполох. Бабахнул выстрел, послышались крики: «Стой, паскуда!», «Стой, кому говорят!», «Врёшь, не уйдёшь!».

Колчаковцы, разом пришпорив коней, с гиканьем помчались в сторону заимки. Филипп с Колькой, воспользовавшись замешательством, хлестнули лошадок и покатили в сторону Ново-Кускова, радуясь чудесному избавлению.

Семён с Яковом работали так, будто, и в самом деле, приехали только на заготовку дров. Едва свалив одну берёзу, тут же принимались пилить другую. Вначале, разведчики рьяно взялись за дело, что бы согреться, ибо утренник выдался весьма прохладным, и, добираясь от Ново-Покровки до Кайлы, они изрядно иззяблись. Но вот, солнце пригрело, стало даже жарковато, они же, продолжали пилить без передыху, по инерции, по укоренившейся крестьянской привычке работать до полного самозабвения. Первым опомнился Семён. Ухнув в лощину очередную берёзу, он отбросил пилу и объявил:

-Шабаш, Яшка, давай покурим, да соку попьём. Что-то разработались не на шутку, как на подёнщине.

-И то правда, - поддакнул Яков, вытирая рукавом холщовой рубахи разгорячённое лицо, - Не мешало бы и перекусить, а то кишка кишке фигу кажется. У тебя там хлеба, случайно, не осталось?

-Не, всё давеча съели.

-Может, к Дроздаку сходить? Поди, хоть картошки в мундирах, да даст, ведь, для него же стараемся. Дрова-то, всё одно, ему достанутся.

Яков, безусловно, был прав. Дроздак согласился одолжить им пилу, при условии, что готовить дрова они будут споловья. Проще говоря, половина заготовленных дров отходила хозяину пилы. Поскольку, заготовители являлись партизанами, то и вторую половину, с лёгкостью, он мог заграбастать себе. Уж, он-то, в подобных делах, парень не промах. На кой ляд, дрова варнакам-то?

Всё это, претотлично понимал и Семён, у него, тоже, сосало под ложечкой. Потому он, несколько поколебавшись, согласился:

-Ладно, сходи. Только не задерживайся.

-Айда вместе.

-Не, иди один. Не забывай, зачем мы здесь находимся. Дозор обоим оставлять нельзя.

После ухода Якова, Семён, расстелив зипун на бугорке, прилёг. И не заметил, как задремал, хотя делать этого ему, категорически, не следовало, да он и не хотел. Само собой получилось. Помимо его воли. Усталость сморила под ласковыми, убаюкивающими лучами солнца, вдобавок, земной вешний дух голову затуманил.

Спал он совсем недолго. Какие-то, может, минуты. Сколько же они, иной раз, значат в жизни и судьбах человеческих! Разбудил его дробный стук копыт, глухо отдававшийся по земле. Вскинув голову, он похолодел. Прямо на него, со стороны дроздаковской заимки скакали двое верховых белопогонников.

«Откуда они взялись? Что с Яшкой?.. Неужели...?» – Обожгла его тревожная мысль.

Впрочем, на раздумья и догадки времени не оставалось. Верховые скакали, не иначе, как к нему. Или, вернее, за ним.

«Врёте, сволочи, не дамся!» – закусил губу Семён, живо скатился под уклон, вскочил на ноги и, низко пригибаясь к земле, бросился к лошадям, привязанным в распадке. Он был в седле, когда услышал окрик:

-Стой, паскуда!

Но Семён, взяв с места в карьер, нахлёстывал своего маштачка, только берёзки по сторонам мелькали.

-Стой, кому говорят!

-Врёшь, не уйдёшь! – несло ему вслед. Он не оглядывался, с ликованием чуя, что вот-вот уйдёт от погони. Совсем немного оставалось до спасительного поворота

лога и тёмного ельника за ним, где его ни одна собака не отыщет. Банальное – «Не судьба...», как нельзя лучше, подходит к произошедшему в следующую секунду. Сзади гулко ударил выстрел, конь на всём скаку, будто запнувшись обо что-то, грохнулся наземь. Семён отлетел в сторону, больно ударившись о берёзовый пенёк...

Первое, что он увидел, открыв глаза, после короткого беспомыслия, наведённые на него карабины карателей.

-Вставай, гнида! – рявкнул один из окружавших. – Нечя притворяться.

Семён приподнялся. Рядом бился на боку, загребая копытами воздух, раненный маштачок.

-Коня-то, хоть, пристрелите, чтоб не мучился, - попросил Семён.

-Ничо, сам сдохнет. Пуля, ишо, для тебя сгодится, - осклабился один из белогвардейцев. – Шагай, давай! Аль, помочь? – Гоготнул он и со всего плеча огрел пленника нагайкой.

-Ваше благородие! Партизанов поймали! – радостно доложил унтер Бахмеев, подскакав к капитану Сувору.

-Где они? – Встрепенулся тот, с живым любопытством оглядываясь вокруг.

-А вон их ведут.

Двое верховых рысью гнали нагайками к дороге Якова с Семёном. Вид у них был истерзанным, даже на лицах алели кровавые полосы. На пойманных партизан, с не скрываемым интересом, воззрились и солдаты, катившие на крестьянских подводах.

-Точно, что это партизаны? – усомнился капитан, придирчиво оглядывая задержанных.

-Точнее некуда, ваше благородие! - заверил унтер, на них балазёнок с заимки указал. Потом, и хвосты у ихних лошадей отрезаны. Так что, не извольте сумлеваться.

Сомневаться, действительно, не приходилось. Сулова, ещё в штабе генерала Сергеева просветили, насчёт куцых хвостов партизанских лошадей. Выходит, контрразведка, не совсем даром ест свой хлеб. Хотя, капитан, всё же, был несколько разочарован. Воображение рисовало партизан дюжими бородачами, обмотанными вдоль и поперёк пулемётными лентами. Перед ним же стояли какие-то замухрышки. Неужели, такие вот мужичонки, чуть не заставили запаниковать его под Мало-Жирово?

-Где их оружие? – вспомнил он.

-При них ничего не найдено, - отрапортовал Бахмеев и тут же подсказал: Не иначе, как лазутчики, ваш бродь.

-Сами-то, что скажете? – снизошёл Сулов, скосившись на пленных недобрым, пронзительным взглядом.

-Мы дрова готовили... - поднял голову Семён.

-Бросьте вы толмить про дрова! – счёл своим долгом возмутиться унтер, - Так вам и поверили! Отвечайте правду, господину капитану. А не то!.. Попляшете, ужо, у меня!..

-Ладно, - оборвал его Сулов, - Некогда с ними валандаться. В Кускове они нам всё скажут. А теперь, господин начальник, - обратился он к постоянно находящемуся при нём начальнику Ново-Кусковской милиции, – возьмите своих землячков под конвой вашей доблестной милиции. Смотрите, что бы не сбежали дровосеки.

-Понятно. - Без особого энтузиазма отозвался тот.

Вскоре, Семён с Яковым брели в хвосте отряда под конвоем милиционеров, кои потчевали их плетьюми, не хуже суровцев.

Так начинался их тяжкий путь на Голгофу...

4. «П Р А В О П О Р Я Д О К»

Есть и такая суета на земле: праведников

постигает то, чего заслуживали бы дела нечестивых, а с нечестивыми бывает то, чего заслуживали бы дела праведников.

Екклесиаст.

-Вот и кончилась наша мужицкая власть...

-Ничо, поди, не надолго.

-Да хто его знает. Раз каратели сюда идут, то может обернуться по всякому.

-Слых есть, что под Мало-Жировой бой был. И там партизаны, будто, вломили белякам по первое число. Как снопов их, говорят, наваляли.

-Ох, вряд ли. Ведь это же регулярный отряд, вооружённый как положено. Трёхлинейками, подикось, даже и пулемётами. Так что, его голыми руками не возьмёшь.

-Так ить, и люди врать не станут.

-Дай бог, ежели, правда. Только вот, нам-то, что теперича делать, как быть? Заявятся сюда белые, и нам всем будет хана, исказнят в первую очередь.

Собеседники совсем пригорюнились. Получив известие о приближении роты Сурова, члены Ново-Кусковского «Военного красного комитета», в спешном порядке собрались у Степана Калиничева, судя по всему, на последнее заседание, чтобы определиться со своим ближайшим будущим. Прийти же к какому-то единому мнению никак не могли. Кроме хозяина дома, присутствовали: Василий Бурдавицын, Яков Кусков, Наум Яньшин, Иннокентий Чесноков, Иван Вишневецкий, Алексей Воробьёв, Пётр Сухачёв.

Собрать комитет в полном составе не удалось, некоторые его члены находились в отлучке, выполняя задание штаба партизанского отряда Гончарова. Виктор и Григорий Бурдавицыны, Сергей Волков, Фёдор Куршин, Федот Кусков, Сергей Ситников и Яков Коростелёв отправились по деревням волости, поднимать людей на борьбу за народную власть. Население Казанки, Челбака, Митрофановки, Михайловки, Ново-Николаевки и Каракولا, охотно собираясь на сходы, доброжелательно выслушивало агитаторов, задавало вопросы, зачастую с подковыркой.

Отсутствие оружия, в значительной мере, снижало эффективность работы комитетчиков, но и недооценивать их усилий тоже нельзя. Капля камень точит. А воевать вилами, косами, прочей хозяйственной утварью, как частенько случалось на русской земле, против теперешних пулемётов, уж точно, чистое безумие. Наличие же идеи, умение довести её до слушателей простым, понятным языком – сильное оружие и большевики одними из первых поняли это. Победа в Гражданской, Великой Отечественной войне, создание мощного государства оказалось возможным, во многом, благодаря правильно выбранной идеологии. Возникли сомнения, в первую очередь у руководства государством, рухнула страна, похоронив практически все достижения. Нам осталось только гордиться былыми победами, полётами в космос.

Лихорадочные попытки создать новую национальную идею, изначально, увы, обречены на провал, нет такой идеи, которая бы объединила миллиардеров и нищих.

Сухачёв П.А. на фронте.

Но всё это произойдёт потом. Пока, оставшиеся в Ново-Кусково члены комитета решали свою судьбу.

-Хватит вам переливать из пустого в порожнее. - Призвал бывший фронтовик Яков Кусков. – Надоть сматываться из села, пока нас всех тут не прикнукали. Вот и весь сказ.

-Куда сматываться-то? – уточнил осмотрительный Наум Яньшин.

-В лес! Куда же больше? Да и вообще, надо прибиваться к партизанам.

-Хорошо, ладноть. А семьи куды?

-Семьи?.. Пускай дома пока остаются... Там видно будет.

-Вот как ловко рассуждаете, мужички! – неожиданно вмешалась хозяйка – Пелагея Калиничева. - Значит, вы замутили воду и в кусты, а бабы и ребятишки, теперь, без вас, хоть матушку репку пой. Козе понятно, на ком белые отыграются.

-Уж, ты-то, не встревала бы! – в сердцах одёрнул её Степан. - Занималась бы своими делами. Без тебя тошно....

-Да я знаю, что тебе на меня наплевать. - всхлипнула Пелагея.

-Эх, дура-баба, уж и замороглазила! – досадливо поморщился Степан. - Чего реветь-то, раньше времени? Бог не выдаст, свинья не съест. Ты бы лучше, на стол собрала, а может, чем и угостила бы.

-Ну да ладно, чему быть, видно, того не миновать! – встрепенулась женщина, улыбнувшись сквозь слёзы. - Завьём горе верёвочкой.

Она проворно принялась собирать на стол, в центре которого, воссияла вместительная бутыль зелёного стекла. При виде угощения, собравшиеся сразу, как-то приободрились, заметно повеселели, отключившись от тревожных ожиданий. Лишь Пётр Сухачёв не принимал участие в общей дискуссии. Сидя на корточках у печки, он, с сосредоточенным видом жёг совдеповские бумаги – списки, протоколы, постановления и т.д., предварительно внимательно их просматривая.

Пётр был самым большим грамотеем среди совдеповцев, ибо, когда-то, закончил четыре класса церковно-приходской школы, потому и исполнял секретарские обязанности, ведя всё делопроизводство. Впрочем, такое доверие оказывалось ему не только за грамотность. Пётр Сухачёв пользовался на селе авторитетом и вполне заслуженным уважением.

Три года воюя на германском фронте, он дослужился до подпрапорщика, за свои боевые дела - награждён тремя Георгиевскими крестами, в том числе одним золотым, до полного банта не хватило чуть-чуть. Однако после Февральской революции махнул домой. В родном селе, выходит, попал из огня, да в полымя.

Уж кому-кому, а ему, подпрапорщику, Георгиевскому кавалеру, белогвардейцы не простят ни его дезертирства, ни совдеповской деятельности. Наверняка, поставят к стенке, без суда и лишнего следствия. Так что, надо сматываться из села. Опять же, что станется с женой Хритиньей и восьмилетним сыном Серёжкой? Ждали домочадцы его, ждали с фронта, вот и дождались.... Вся надежда, теперь, на отца с мачехой, авось, как-нибудь, отведут от них лиху беду.

Дело № 42158. Сшито в прямом и переносном смыслах белыми нитками.

Пётр кинул в печку кобуру от нагана, сам наган сунул за пазуху. Сгодится!

-Ну ладно, мужики, хватит натошак растобаривать, подвигайтесь ближе к столу, - пригласил, тем временем, хозяин, - Помаленьку и выпьем, напоследок. Чтоб дома, как говорят, не журились.

Усаживались за стол чинно, без обычных шуток и прибауток. Выпили молча, как на поминках, аппетитно захрустели солёными огурцами и капустой, не оставили без внимания студень и картошку с салом. Степан набулькал по второй. Опять выпили молча, как воду. Хмель, почему-то не бил в голову, только нутро обжигало. Самогон-то, видать, был огненной крепости, поднесёшь спичку к наполненному стакану, он и вспыхнет голубоватым пламенем. Нацелились пить по третьей, но тут хозяйка сдавленно вскрикнула:

-Робяты, белые!

Все кинулись к окнам. И замерли. По дороге, со стороны Минусы, поперёк, упирающейся в главную улицу, скакали вооружённые всадники в форме колчаковской армии. Несколько оправившись от неожиданности, совдеповцы разом бросились к дверям.

-Стой, мужики! Не теряйте головы! – властно прикрикнул, на правах хозяина дома, Степан Калиничев, - выходить не всем гамузом, а по одному, по два. И огородами – на луга. А ты, Петруха, - обратился он к Сухачёву, - подожди меня во дворе, вместе уйдём.

Отсюда Сухачёв П. А. и отправился «в сельсовет по какому - то делу...».

Ново-Кусковский «Военный красный комитет» прекратил своё существование. Орган местного самоуправления приказал долго жить. Хорошо это или плохо? Ни хорошо, ни плохо, просто очередной исторический факт. Тем паче, что большинство бывших членов бывшего комитета благополучно пересидели лихую годину по дальним и близким родственникам. А сдавшихся, в назидание, буднично отходили шомполами.

Только вот возникает закономерный вопрос: стал бы Пётр Александрович Сухачёв столь активно способствовать установлению Советской власти, знай он, что именно от её же и имени его расстреляют 25 сентября 1937 года?

За что? – можете спросить вы. - На этот вопрос отвечает постановление тройки управления НКВД по Запсибкраю от 19 сентября 1937 года – «враг народа». Ну, а дабы не огорчать родственников «контрреволюционера», им, с присущей нашим органам деликатностью рутинно сообщили о десяти годах отсидки в лагерях без права переписки. Основанием послужил приказ наркома внутренних дел за № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов», вышедший 5 августа 1937 года. Одним, уж точно, недобрым августовским вечером деда пригласили в сельсовет. Дед, в чём был, отправился по вызову. Ушёл и не вернулся.

Напомним, что наркомом внутренних дел с октября 1936 года по декабрь 1938 года был отнюдь не Берия, а Ежов, сам расстрелянный 4 февраля 1940 года. Пролетарское происхождение мало помогло наркому, признавшемуся в терроризме, подготовке заговора и шпионаже. Не готовы обсуждать шпионскую и заговорщицкую деятельность Ежова, но за полтора года действия приказа № 00447 органы арестовали свыше 1,5 миллиона человек, почти 700 тысяч из них приговорили к расстрелу. Масштабы, нынешним бен ладанам и не снившиеся!

Ну что ж, торжество справедливости в отношении деда тоже состоялось. 4 июня 1957 года Военный трибунал Сибирского военного округа полностью реабилитировал (посмертно) П.А. Сухачёва за отсутствием в его действиях состава преступления.

Вздохнём с досадой, привычно сошлёмся на сталинские леса, превращаемые в щепки? Или попробуем честно ответить, откуда взялось столько щепок? Сейчас принято мазать генералиссимуса исключительно чёрной краской. Многие яркие конъюнктурщики от политики и истории с комиссарской запальчивостью вещают обо всех достижениях сталинского периода, как случившихся исключительно вопреки воле Сталина. Даже Великая Победа, само собой, есть плод титанических усилий армии и тыла. И только. Как бы, верховный главнокомандующий, то бишь, Сталин, всю войну просидел сугубо в хате, которая с краю. Нет, нет, конечно, расстрелы, репрессии, прочие большие и малые преступные достижения новоявленные классики закрепили, словно землю за колхозами, исключительно за сухоруким вождём всех народов.

Конечно, применив достаточно мощный заряд фантазии, можно представить себе наш народ в виде безгрешного социума, исполненного истого благородства и поголовно облачённого в белые костюмы. Правда, с одним исключением в виде параноидальной оторвы, по колено и по локоть в крови. То есть одних в рай, одного в ад. Но мы то с вами на грешной земле, а здесь многим трудно сохранить чистоту клифтов. Вот и марались и продолжают мараться. Стучат.

И водили руками писателей доносов, да и продолжают водить не сталины с бериями, а человеческие пороки – зависть, жажда наживы, жажда званий и т.п. и т.д....

Вот и дед, равно, как и сонм других, пал жертвой одного из таких *писателей*. В роли последнего выступил двоюродный племянник. Пётр Александрович по просьбе сестры приютил *сироту*, вырастил, женил, выделил пай. Тут акселерат прозрел. Огляделся, ба, да он же вылитый батрак. Угнетённый! Чрезвычайно угнетало смышленного племяша беспредельная наглость деда, посмеявшего оставить своей семье из четырёх человек половину хозяйства и собственного дома. Типичный кулак. Мироед.

Радетель за права угнетённых строчит телегу по известному адресу. Дальше телега закрипела по накатанной колее. Деда арестовали, семью «контрреволюционера» выкинули на улицу. Хозяйство и дом отошли мнимому батраку. Партия радушно и скоро распахнула объятия *сознательному сельскому пролетарию*, наплевав даже на многожёнство. Не хилый гонорар за страничку текста!

А некоторые «Войну и мир» сочиняли. Ну да, Чехов – то, Антон Палыч куда смотрел. Не сказал про краткость Льву Николаевичу. А может, просто таланты бывают разные? Или сёстры у талантов?

Ну, не во всём, хоть убейте, виноват Сталин! Искушение совершить пакость, далеко не всегда адекватна факту совершения пакости. Хотя, повторимся, чрезвычайно удобно все смертные и не очень смертные грехи, свои и чужие, повесить на товарища Кобу. Да и притчу вспомнить про того, кто победив дракона, сам превратился в одного. Да и революции, кстати, снова можно вспомнить, оказывается, имеют свойство пожирать, то ли своих родителей, то ли своих детей, то ли совместно тех и других.

А неужели Пётр Алексеевич Романов мало люду в государстве положил на алтарь модернизации? Резкая модернизация, либо смена строя в нашей стране всегда сопровождаются жертвами. Не умеем по другому. Можно говорить, что сегодня смерть по неестественным причинам - от наркотиков, отравления суррогатным алкоголем, криминальных разборок, этнических конфликтов и т.д., расстрелам тридцатых годов не чета. Только так уж важна эта разница жертвам? Тем более, – за все годы Советской власти (исключение - военное лихолетье) численность населения страны постоянно росла. Со стартом буржуазных реформ в России разразилась демографическая катастрофа.

Даже наша, не воюющая армия ежегодно несёт потери, сопоставимые с потерями американцев в Афганистане. Вот такое сбережение народа. Виноватые, как обычно, найдутся или будут назначены попозже.

Уинстон Черчилль, произнося речь в Палате лордов 21 декабря 1959 года, по случаю 80 - летия со дня рождения Иосифа Сталина, как будто пробует вразумить будущих отечественных пророков:

...Большим счастьем для России было то, что в годы тяжёлых испытаний Россию возглавил гений и непоколебимый полководец И.В. Сталин. Он был выдающейся личностью, импонирующей жестокому времени того периода, в котором протекала вся его жизнь.

Он обладал глубокой, лишённой всякой паники, логической и осмысленной мудростью. Сталин был непревзойдённым мастером находить в трудные минуты пути выхода из самого безвыходного положения. В самые трудные моменты, а также в моменты торжества, он был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю....

Спорно? Возможно. Но это свидетельство современника. Причём современника не ангажированного. Наша же историческая наука в таких свидетельствах не нуждается, мы продолжаем удивлять мир непредсказуемостью прошлого. У нас герои привычно становятся антигероями, а то и просто подлецами. Бывшие антигерои, а то и просто подлецы в одночасье становятся героями. Большевики заложили традицию? Возможно. Но нынешние - то большевики от истории уже и генерала Власова готовы вырядить в тогу идейного борца с кровавым сталинским режимом.

Быть исследователями прошлого нам скучно и неинтересно, нам хочется быть следователями, а то и прокурорами. Отсутствуют беспристрастность и объективность, то есть справедливость в оценках. Повально. Олигархи принялись алкать справедливости в английском суде, люд попроще ищет правду в уличных шествиях. Интересно, это грабли всё те же? Или в известной корпорации нам вскорости сварганят нано – грабельки? И мы их со всего маху собственным челом и апробируем?

-Николай Александрович, вы заняты? Простите бога ради, что не постучавшись. Я только на минутку. Ой, что деется!.. Не дай и не приведи господь...

-Что случилось, Алёна? На тебе лица нет. Обидел кто, что ли?

Заведующий Ново-Кусковской земской больницей, Николай Александрович Лампсаков, даже вышел из-за стола навстречу неожиданной посетительнице, бесцеремонно вломившейся в его служебный кабинет. В дверях стояла молодая сестра милосердия Алёна Панина. Одна из лучших сестёр больницы, и, пожалуй, самая привлекательная. Её красоту немного портили следы оспы, испятнавшие выразительное, светлоглазое лицо, вследствие чего к ней прилипло прозвище Алёнка Рябая. Однако, столь, казалось бы, досадное обстоятельство, ничуть не смущало разбитную, весьма бойкую на язык особу. Рябая не Рябая, а в ухажёрах недостатка не ощущалось, скорее наоборот. Засматривались на неё и женатые мужички, к великому неудовольствию своих благоверных. Да что там, какие-то мужички! Сам батюшка, отец Иван, частенько рассыпался мелким бесом, отпуская комплименты, отнюдь не все из которых, были бы одобрены Патриархией. К зелому огорчению пылкого страсотерпца, предмет его воздыханий реагировал на оказываемые, довольно откровенно, знаки внимания, с холодным равнодушием. Чаше чем следовало, поглядывал на молоденькую сотрудницу и Николай Александрович.

Алёна же, хотя и выглядела несколько легкомысленной девахой, блюла себя в большой строгости, самым решительным образом давая понять каждому, кто пытался перейти порог дозволенного, что вышла ошибочка с адресом. Совсем не просто было её обидеть. Значит, случилось, видимо, действительно, что-то из ряда вон, если никогда не унывающая, жизнерадостная Алёнка впала, вдруг, в очевидное расстройство.

-Присаживайся, голубушка, успокойся, - хлопотал, меж тем, Николай Александрович, - выпей вот, водички и расскажи толком, что с тобой стряслось.

Алёна отпила глоток из протянутого стакана, присела на краешек стула и, наконец, заговорила вполне членораздельно:

-Со мной-то ничего не стряслось, Николай Александрович, а вот на село большая беда пришла, свалилась как снег на голову.

-Что за беда? – встревожился Лампсаков.

-Солдаты нагрянули. Говорят каратели, с ними заявили и наши держиморды недобитые.

-Солдаты?.. – удивлённо протянул заведующий больницей. - И из-за этого такая паника? Ну, Алёна – уши солёны! Теперь, хоть какой-то порядок в нашей Богом забытой волости восстановится. Ведь, наши мужички, совсем было, от рук отбились, совдепию им подавай....

-Ой, Николай Александрович, помилосердствуйте, про какой такой порядок вы говорите? Ироды эти, на каждого встречного поперечного, словно цепные кобели, кидаются. А милицейские, так те особенно. Не всё, мол, коту масленица, умоется, дескать, кое-кто кровью....

-Не преувеличивай, наверняка, наговоры уже пошли. Может, какой дурак и брякнул что, не подумавши, а смутьяны и рады кадило раздувать, настраивают население против солдат.

-Причём тут смутьяны? – сильнее прежнего загорячилась Алёна, - Я, ведь, главного ещё не сказала. Каратели двоих мужиков, прямо на глазах у всех, на штыки подняли!.. Семёна Фокина и Якова Шарапова. Вот вам и наговоры!

-На штыки?.. У всех на глазах? Не может быть! – не поверил Лампсаков, ужаснувшись средневековой дикости произошедшего. – Откуда такие подробности?

-Сама всё видела. Я сейчас только оттудова, из села-то. В лавку за керосином бегала. Как увидела ту казнь лютую, у меня аж сердце зашлось, в глазах темно сделалось. Даром, что на операциях насмотрелась всякого. Уж и не помню, как до больницы ноги донесли. Посейчас, смертные крики тех бедолаг в ушах стоят....

-Ладно, милая, ты сильно-то не убивайся. Пойди к себе, постарайся успокоиться. Тебе-то, никто ничего плохого не сделает, - голос Николая Александровича приобрёл профессиональные нотки, - Да, больше, пока никому не рассказывай об увиденном. Не нужно персонал и больных нервировать.

Но сестра милосердия не спешила уходить.

-Спасибо на добром слове, Николай Александрович, только ведь, шила в мешке всё равно не утаишь, - с укором вскинула на него она ясные, печальные глаза, - И не за себя я беспокоюсь. Людей жалко. Вам бы, надобно, поговорить с начальством этих головорезов, чтоб шибко-то не зверствовали, а то если дело так и дальше пойдёт, восстановят они не порядок, а мужиков и баб супротив себя. И такой тут тогда порядок устроится, только поддержись!

Николая Александрович не спешил с ответом. Буквально накануне, он ознакомился с данными обследования настроений крестьянства губернии по поводу свержения советской власти. Цифры обескураживали. Если в начале положительно отнеслось 63,6% обследованных, отрицательно только 13,6%. В ряде мест население активно помогало вылавливать скрывавшихся красноармейцев. Однако принудительная мобилизация, вкупе с налоговыми поборми поменяла настроения. Увы....

-Хорошо, хорошо, Алёна, я обязательно поговорю. Сделаю всё, что смогу. – наконец протянул Лампсаков, которому захотелось остаться одному, чтобы осмыслить всё услышанное. – Теперь ступай, голубушка, ступай.

Выпроводив Панину, Николай Александрович, первым делом, извлёк из шкафчика, где хранились всевозможные микстуры, початую бутылку коньяка, налил полную рюмку и торопливо выпил. Доза была в самый раз. Коньяк приятно ожёг внутренности, чуть-чуть ударив в голову, однако, ожидаемой лёгкости мыслям не придал. Слишком сильно действовали, видно, на него Алёнкины новости. Кроме всего прочего, было чувствительно задето самолюбие Лампсакова.

Ведь, он не просто врач, не только заведующий земской больницей, а ещё и начальник переселенческого пункта. Заметная фигура в уезде и даже в губернии, что уж говорить о волости. Здесь он пользовался, вообще непререкаемым авторитетом, как среди волостного начальства, так и простых сельчан. Любые чины, бывая здесь по казённой надобности, почитали своим долгом нанести ему визит, благо слава о его хлебосольстве давно достигла столицы губернии.

*Полковой врач Лампсаков Н.А.
1917 год.*

Поэтому, появление в селе солдат, возглавляемых командиром, который не счёл нужным, даже, представиться ему, собственно говоря, единственному представителю власти верховного правителя, уцелевшему после разгрома волостного правления и полуспившейся милиции, неприятно поразило начальника переселенческого пункта. Причём, оголтелая команда, с ходу взялась бесчинствовать в селе, творя явное беззаконие, дискредитируя власть и, в немалой степени, его, Лампсакова.

Выходит, с ним, с некоторых пор, не очень-то считаются в губернии? Раз не соблаговолили, даже, сообщить о направлении команды, спасибо Паниной, открыла глаза... Стало быть, и все его былые заслуги – псу под хвост? Между прочим, заслуг у Николая Александровича имелось немало.

Как начальник переселенческого пункта, он энергично способствовал заселению и освоению столь богатого угольями, зверьём, дичью и рыбой таёжного Причулымья. Всем, чем мог, помогал прибывающим из западных губерний переселенцам, хлопотал о предоставлении мест поудобнее для новых деревень и хуторов. Безусловно, главной его гордостью являлась новая земская

больница, сыгравшая неоценимую роль в улучшении здравоохранения прилегающей территории.

Строительство началось в 1903 году, продолжалось около 10 лет. Стройка обошлась казне в 32 тысячи рублей, деньги, по тем временам, немалые. Если уж овчинка стоит выделки, то больница тем более стоила вложенных денег, средства, инвестируемые в здоровье людей, окупаются сторицей. Больница имела приёмный покой, терапевтическое, хирургическое и инфекционное отделения, расположенные в разных корпусах. Аккуратный особнячок для врачебного персонала находился во дворе лечебницы. Все строения, включая подсобные и хозяйственные, были срублены из гладко оструганных сосновых брёвен, весенней заготовки, имели каменные фундаменты и железные крыши. Стены покрашены в желтый цвет, кровли - в зелёный, что придавало опрятный, даже праздничный вид зданиям в любое время года. Постройки Ново-Кусковской больницы располагались на высоком, красивом месте, среди белоствольных берёз, по-над поймой таёжной речушки Соколы, пересекающей самый конец села.

На том же взгорье, лишь несколько в стороне, Лампсаков поставил и собственный особняк из обхватистой лиственницы, вокруг которого разбил некое подобие сада, где произрастали крыжовник, малина, смородина, черёмуха и невиданные в Сибири ранеты. По весне, плодоносящие растения, распускаясь пышным цветением, издавали бесподобное благоухание.

-Зело борзо! Слово в райских куцах, - неизменно восхищался отец Иван, часто захаживавший в гости. При сём, с наслаждением вдыхал ароматный воздух сизоватым носом.

Следует отметить, что успеху в делах и начинаниях Николая Александровича, во многом, способствовала его супруга, тоже врач, Елена Дмитриевна, женщина умная и весьма симпатичная. Во время его многочисленных служебных отлучек, наряду с домашними, она заправляла и всеми больничными делами. Благодаря её распорядительности, в больнице поддерживался идеальный порядок. Во всех отношениях. Причём без использования всякого администрирования и довольно корректно. Вышколенный медперсонал понимал её с полуслова. Больные, те, вообще, в ней души не чаяли, откликаясь на доброжелательную заботу и сострадание к их болячкам.

Николаю Александровичу не приходилось кривить душою при гостях, говоря, что в чём-чём, а в женитьбе ему повезло. Одно лишь обстоятельство слегка омрачало счастливый, казалось бы, во всех отношениях брак, он оказался бездетным, и, что совершенно точно, не по вине супруга.

В остальном, жаловаться Лампсакову было не на что. Материально обеспечен, работой доволен, народ уважает, начальство благорасположено, - основательная поступь по жизни уверенного в себе человека, чувствующего надёжную почву под ногами. Увы, ничто не вечно под луной....

С некоторых пор, надёжная, вроде, почва стала, не то чтобы уходить, но основательно подрагивать под ногами. Надо признать, - не только у него. Грянула война, никому, кроме толстосумов, не нужная. Россия, как и ко всем предыдущим, оказалась не готовой и к Первой Мировой Войне. Растущее недовольство внутри страны, казнокрадство, одиозная фигура Распутина, постоянные неуспехи на фронтах явились непосильной ношей для самодержавия, и оно рухнуло. Вместо него образовалось говорливое Временное правительство, на поверку оказавшееся действительно временным. Его, как одуванчик, смело октябрьским шквалом 1917-го, власть в России перешла в руки большевиков.

Николай Александрович внимательно следил за происходящими событиями, абсолютно ничего в них не понимая. Со всей очевидностью, ясно одно – страна катится в пропасть, наступает конец Великой Империи. Продолжающаяся война с немцами, думалось ему, приближает катастрофическую развязку.

А царь – то, батюшка, чем так не угодил Керенскому? Ведь заселился *русский Марат* в государевы апартаменты, разъезжал на государевом авто, не пренебрёг и столовыми приборами с вензелями.... Мозг костей, вот парадокс, отторгал монархию, желудок не спешил следовать за этим странным мозгом в части поглощения, в компании таких же радикальных желудков, изысканных блюд монаршей кухни. Между делом, можно и порассуждать о судьбах революции (уже, конечно, не желудком, а языком).

Господи, ведь с началом первой Мировой войны, летом 1914 года все военнослужащие действующей армии надели полевые погоны. Хотя парадная и другие формы одежды отменены не были, но по примеру царя Николая Второго, одевшего с началом войны простую солдатскую гимнастёрку с погонами пехотного полковника и не снимавшего её вплоть до своей трагической гибели, носить золотые погоны мирного времени считалось дурным тоном....

-Эх, тёзка, тёзка! – вздохнул Лампсаков, - Нельзя властью бросаться, обязательно подберут, а самого растопчут! Слабость в нашем лучшем из миров не прощают. Если не боятся, сиречь, и не уважают.... Ох, а если власть употребил – сиречь *кровавый*? Вот и получается: *Куда ни кинь, всюду клин*. Как это по – русски!

Будучи молодым человеком, особенно во времена студенчества, теперешний врач не чурался революционных идей. Однако революция, тогда ему представлялась в некоем розовом цвете, как светлый Христов праздник всенародного братства и благоденствия. Творившееся же в стране, пугало его и настораживало. Нет, он ничуть не жалел о канувшей в Лету монархии, хотя слухи об ужасной, мученической кончине царской семьи шокировали, сама мысль об убийстве ни в чём не повинных детей казалась кошунственной и, априори, невозможной.

Нет, какого чёрта, громогласно пообещав отпустить бывшего российского самодержца с семьёй в Англию, Керенский отправил их в Tobольск? Лавры маратов, иже с робеспьерами грезилась? Чего ж, тогда сам – то не стал дожидаться гильотины? Рванул, не разбирая дороги за кордон. Ну да, шкура своя – то поближе к телу. Да и кто ж потом про себя любимого геройские сказочки расскажет?

Вот и не верь после этого в мистические предначертания. Правление последнего Романова продлилось 23 года. Первый Романов – Михаил короновался в Ипатьевском монастыре, спустившись со второго этажа ровно на 23 ступеньки вниз. Николай Второй перед мученической смертью жил тоже на втором этаже, и надо же, Ипатьевского дома.

Перед гибелью семейство Романовых с прислугой спустилось со второго этажа ровно на двадцать три ступеньки вниз. Жертвы революций, - сколько их было и сколько ещё будет?

К тому времени Сибирь, как и вся бывшая Российская империя, полыхала в огне гражданской войны, расколовшись на два основных враждующих лагеря - красных и белых. Временно победившая в Сибири, на Урале и в Поволжье контрреволюция начала свой путь с расстрелов. На влажной от большевистской крови земле с быстротой грибов появлялись бесчисленные «правительства». В захваченной белочехами Самаре обосновался эсеровский Комуч (Комитет членов Учредительного собрания), в Екатеринбурге – Уральское областное правительство, в Омске – Временное Сибирское, во Владивостоке – правительство автономной Сибири, в Чите царствовал «сын трудового крестьянства» атаман Семёнов, в Хабаровске – Калмыков, в Благовещенске – атаман Кузнецов....

Каждое из этих *правительств*, опиравшихся на японские, чешские или американские штыки, имело своё знамя, армию и страстное желание добиться безоговорочной поддержки союзников. Долго прицениваясь, зарубежные покупатели, наконец, в Уфе провозгласили «Всероссийское Временное правительство» – преемником почившего в бозе правительства Керенского. Оно состояло из Директории и совета министров. Местом пребывания Директории решено было избрать Омск....

Но преемники Александра Фёдоровича, по мнению белых офицеров и союзников слишком походили на него самого. Выпущенная «Декларация об объединении всех сил революционной демократии» ускорила уход с политической сцены, по крайней мере, с авансцены, эсеровского правительства. Союзникам нужен был для России Кромвель. Жаждали его и офицеры, и крупная буржуазия. Торгово-промышленный съезд провозгласил: - «Необходима твёрдая единая власть. Такой властью может быть только единоличная диктатура». Сильной личностью, призванной, в очередной раз, спасти Расаю, стал адмирал Александр Васильевич Колчак.

Что и говорить, либеральным идеям народовластия, приверженцем коих считал себя Лампсаков, тем самым, нанесён был чувствительный удар. Власть кухарок же, поленински, Николай Александрович почитал злом, гораздо большим для страны. Поэтому, он и продолжал служить, теперь уже, правопорядку по-колчаковски, хотя, надо сказать, без прежнего усердия. Колчак располагал обширной территорией, внушительной армией и значительной частью золотого запаса России, захваченного чехами в Казани. Последнее обстоятельство позволяло исправно платить жалование органам власти на местах, согласитесь, не последнее дело.

Правда, после событий в Причудлымье, когда красные партизаны довольно легко разгромили Вороно-Пашинских, а затем и Ново-Кусковских блюстителей правопорядка, у впечатлительного Николая Александровича зародились немалые сомнения в твёрдости власти новой администрации. К тому же, местное население, по, не до конца понятным, причинам встречало красных на *ура!*. В то время как к колчаковцам относилось с молчаливой враждебностью. Хамское поведение местной милиции у самого Лампсакова, если быть искренним, вызывало плохо скрываемое раздражение. Что же это за правопорядок, коль у него такие поборники? И, выходит, все они одним миром мазаны, если солдаты, едва заявившись в село, вытворяют, чёрт знает что, похлеще всякой милиции. Истинно – *Каков поп, таков и приход.*

Николай Александрович продолжал задумчиво расхаживать по кабинету, изредка поглядывая в окна, за которыми открывался широкий вид на село и его окрестности. А там, всюю хозяйничала чародейка-блудодейка Весна-красна. Полуденное, майское солнце щедро поливало землю горячими благодатными лучами, и земля просто млела от живительного тепла, на глазах покрываясь нежной, будто свежепомытой зеленью. Лесистая пойма Соколов заполнялась стремительным, бурливым половодьем. Под окнами, словно ошалелые, во всю наяривали любовные арии всевозможные птицы, громче всех, конечно, брали свои чик-чириковые ноты безалаберные воробьи.

Нигде не видно ни души....

Обычно, в первые погожие деньки на селе тоже царило оживление. Сейчас же, оно будто вымерло. Нигде не видно ни души, не долетает никаких звуков. Но вот, какое-то движение возникло, на главной улице показался конный отряд, направляющийся в сторону больницы.

Лампсаков не отрывал глаз от приближающихся верховых. Вот уже можно рассмотреть их поподробнее. Впереди рысил на добром вороном коне низкорослый офицер с хмурым, черноусым лицом. Его фуражка была надвинута на самые глаза. По всей видимости, командир карательного отряда, - решил, про себя, заведующий больницей. За черноусым следовали нижние чины, рослые, хорошо вооружённые.

«Догадался, всё же, представиться, - отметил Николай Александрович, - Интересно, что за фрукт?»

Он решил служивого сразу же поставить на место, культурно и вежливо, но дать понять, кто есть кто. Следовало, и подготовиться соответственно к встрече. Подойдя к трюмо, он принялся придирчиво рассматривать своё отображение. Из зеркала взирал довольно статный, представительный господин, облачённый в отлично сшитую тёмно-коричневую тройку и лакированные туфли. Серые глаза его смотрели сквозь стёкла золотого пенсне самоуверенно, чуть властно. Высокий открытый лоб и прямой, породистый нос делали его схожим с римскими патрициями, а хорошо ухоженные пышная шевелюра, усы и аккуратная бородка придавали облику аристократичность. Но обветренная кожа лица говорила о том, что это никакой не аристократ, а человек дела, которому часто приходится бывать на свежем воздухе. Короче говоря, Николай Александрович Лампсаков ни капельки не походил на затурканного житейскими невзгодами земского врача описываемых времён, скорее напоминая мелкопоместного барина.

Отсутствие малейших дефектов и изъянов в облике, отражённым зеркалом, придавало уверенности, заметно улучшило настроение. Николай Александрович усевшись за письменный стол, принялся ожидать гостя.

Однако прежде в кабинете заведующего больницей появилась его жена – Елена Дмитриевна, явно взволнованная и встревоженная. Грудь её, будто после быстрого бега, высоко вздымалась. Тонко очерченное, интеллигентное лицо полыхало красными пятнами, широко распахнутые зеленоватые глаза горели гневом и возмущением.

-Коля, ты слышал, что творится на селе? – прямо с порога возмутилась она.

Лампсаков смотрел на неё со смущённым удивлением, не узнавая свою, обычно сдержанную и уравновешенную супругу.

-Да, да, конечно, - торопливо подтвердил он, - Мне Алёна уже рассказала. Признаюсь, я также потрясён до глубины души. Подавлен, растерян и не нахожу слов. Посему, утешитель из меня слабый. Хотя, должен попросить тебя не принимать случившееся так близко к сердцу. Подумай о собственном здоровье....

-Ах, оставь! – резко оборвала она, потирая виски кончиками пальцев. – Какой ужас! Позор для всего русского воинства! Надо что-то делать. Куда-то писать, Кому-то жаловаться. А не сидеть вот так, мой милый, сложа руки....

-Согласен, делать что – то надо, - развёл руками Николай Александрович, - Но не следует пороть горячку. Между прочим, Леля, сейчас я не просто сижу, а жду командира отряда, который в данное время подъезжает к больнице. И, поверь, я намерен потребовать объяснений за творимые беззакония. Будем надеяться, что удастся на него воздействовать....

-Благими намерениями, как известно, вымощена дорога в чистилище.

-Несмотря на твой скепсис, я всё же надеюсь достичь понимания.

-Понимания с изуверами? Весьма сомнительная эклектика. Тщетная пустота хлопот.

-Как это ни печально, мой друг, однако иных решений в данной ситуации я не вижу. К тому же, с моей точки зрения, даже сомнительная эклектика лучше несомненного догматизма. Ну, пойми, не смогу я, даже если сильно захочу, объявить больницу терра инкогнито, а господ офицеров персонами нон грата! Не в моих силах.

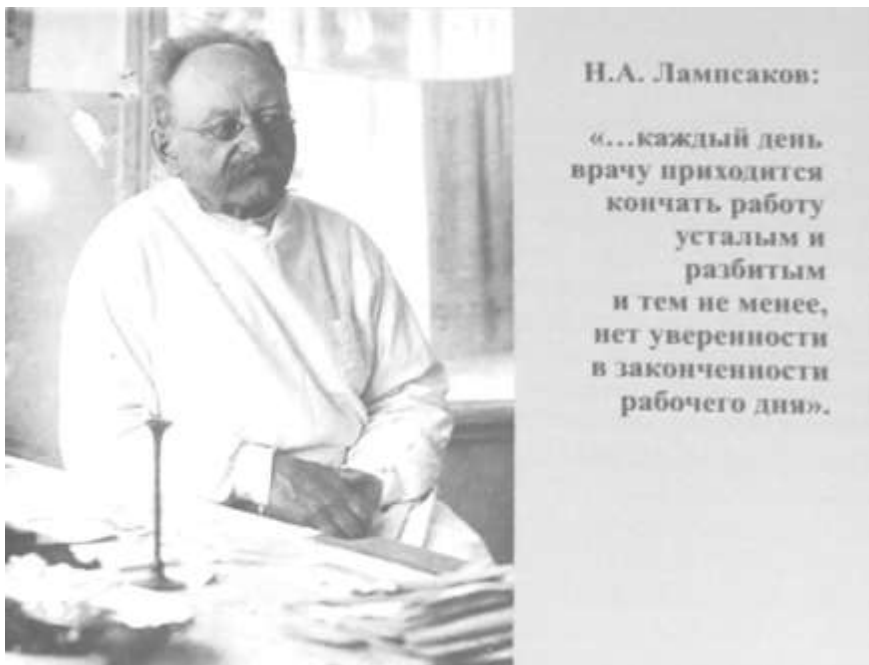
-А в твоих силах подать в отставку?

-В отставку? Мне?.. В такое время? Бросить на произвол судьбы больницу, дело всей нашей жизни! И где здесь здравый смысл? Неужели в демарше ради демарша есть резон?

-Почему же демарш ради демарша? Уйдёшь в отставку... – поискала убедительные доводы Елена Дмитриевна, таковых не нашла и запальчиво закончила фразу. - Что ж, по крайней мере, сохранишь лицо!

-Другими словами, сделать хорошую мину, при, надо полагать, плохой игре? Но, кто же примет мою отставку? Могут счесть дезертиром. А даже, если и примут, то тут же пошлют на фронт, где сейчас огромная нехватка врачебного персонала. Желания участвовать в этой мясорубке, признаюсь, у меня абсолютно никакого нет. Как нет и никакого смысла.

-Прекрасно, поступай, как знаешь, - согласилась Елена Дмитриевна, - Ещё одно только: Про больницу я всё поняла, - не в твоих силах. Но, надеюсь, наш - то дом можно сделать терра инкогнито для живодёров в офицерской форме? Пстой.... Ах да, ты же ещё не знаешь про последние «подвиги» экспедиционного отряда под командованием этого самого капитана Сурова в Ксеньевке! Эти господа устроили показательную экзекуцию ксеньевцев. Замучили 11 крестьян, заподозренных в помощи партизанам. Им выкололи глаза, отрубили уши, а затем до смерти застегали шомполами. Тела бросили в болото. Родственникам под страхом смерти запретили их хоронить. Жён убитых, которые обратились к Сурову с просьбой о погребении, избили шомполами. Белые сожгли 20 дворов, разграбили имущество, угнали скот....

При последних словах распахнулась дверь, перед супругами Лампсаковыми предстал низкорослый, черноусый офицер. Тот самый, что ехал во главе кавалькады всадников.

-Ну, ладно, я пошла, - глянув на неожиданного гостя, словно на пустое место, Елена Дмитриевна бесшумно скользнула в дверь.

Капитан Суров проводил её недобрый, ледяным взглядом. Вполне вероятно, что он слышал окончание их беседы. Затем, обернувшись к Николаю Александровичу, козырнул и отрывисто представился:

-Суров Владимир Александрович.

Не дожидаясь ответа, тем же отрывистым тоном уточнил:

-Если не ошибаюсь, доктор Лампсаков?

-Вы не ошиблись, капитан, - довольно сухо подтвердил Николай Александрович, посчитав нужным добавить: Кроме того, имею честь быть начальником здешнего переселенческого пункта.

-Последнее мне известно, - произнёс Суров, не отрывая неподвижного взгляда чёрных, немигающих глаз от собеседника.

-В таком случае, весь к вашим услугам, - слегка наклонил голову заведующий больницей, - Прошу садиться, - указал он на стул, где ещё совсем недавно сидела расстроенная Алёна.

-Благодарю покорно.

Пока капитан устраивался на предложенном ему стуле, громыхая великоватой для его роста саблей, Николай Александрович подошёл к заветному шкафчику и, несколько поколебавшись, извлёк из него полную бутылку с латинской надписью на наклейке «Спиртус винус». Следовало, соблюдая какой никакой этикет, проявить гостеприимство. Да и взбодриться перед нелёгким разговором не помешает. Для подобных дел вполне годится и спирт, коньяком угощать капитана не стоило. Не в коня овёс....

-Вас шокировала справедливая кара, постигшая двух краснопузых? – цинично ухмыльнулся, подогретый спиртом капитан Суров, в ответ на сентенции Николая Александровича относительно жестокости карателей. – Вот уж никогда бы не подумал, доктор, что вы столь чувствительны. Ведь, насколько мне известно, ни одна хирургическая операция без крови не бывает.

-Но нельзя же божий дар, и в самом деле, превращать в яичницу! – решительно отверг сравнение Лампсаков, - Поймите, «справедливая кара», пользуясь вашей терминологией, произвела чрезвычайно тягостное впечатление на местных жителей.

-Плевать я хотел, уж простите за солдатскую прямоту, на ваших жителей! А иногда тягостно впечатляться разболтавшемся быдлу бывает очень и очень полезно. Мозги, знаете ли, вправляет. И, заметьте, без всякого вмешательства со стороны психиатрических светил.

-Но, позвольте, эдак вы восстановите против себя всё население! Стоит ли швыряться камнями, обитая в стеклянном доме? Может быть, поискать другие методы? Нет?

-Вы, доктор, живёте в деревне, а русского мужика не знаете. Образумить его можно только страхом. И ничем больше. Так что, без кровопускания в данных обстоятельствах, к сожалению, никак не обойтись.

«Офицер-то с задатками идейного садиста, - привычно поставил диагноз главврач, неприязненно глядя в пустые неподвижные глаза визави, которые от употреблённого по назначению спирта, сделались ещё более мрачными, - Такой отца родного не пожалеет». Вслух же произнёс:

-Но, я надеюсь, вы всё же учтёте моё мнение.

-Может, посоветуете мне надеть белые перчатки, порекомендуете истовостью благородства заткнуть за пояс рыцарей Круглого стола? – криво улыбнулся капитан.

-Не надо утрировать, капитан. Хотя, немножко благородства в отношении пленных, как мне кажется, не помешает. Примером могут служить существующие международные конвенции на этот счёт...

-К чёрту дурацкие конвенции! Поймите же вы, наконец, что борьба идёт не на жизнь, а на смерть. Либо мы их, либо они нас. Третьего просто не дано! И совсем не зря, предоставлены мне самые широкие полномочия. Я прибыл сюда, чтобы огнём и мечом восстановить порушенный красными правопорядок.

-Вот так?.. Огнём и мечом?..

-Именно так, доктор, именно так. И, будьте уверены, интеллигентские сказочки о слезе ребёнка, при подавлении восстания мною в расчёт приниматься не будут. Полагаю использовать крайне жёсткие меры, все доступные мне средства, прежде всего огонь и меч! Ересь во все времена выжигали. Святая инквизиция с помощью аутодафе благополучно сохранила единство католической церкви. Отучила тамошнюю паству инакомыслию. Пора, давно пора и нам перестать, уж снова извините за выражение, сопли жевать!

-Ну, насчёт единства католиков, вопрос спорный. Да и с альтернативами у вас не густо, - задумчиво произнёс хозяин кабинета, - Хотя, помнится, один американец по фамилии Джефферсон высказался по поводу инакомыслия в том смысле, что это высшая форма патриотизма. Впрочем, согласен, не время сейчас для дискуссий. Так с чего, позвольте полюбопытствовать, собираетесь начать?

-Да я, собственно, уже и начал. Мои молодцы подпалили Ксеньевку. Видите дым на горизонте? Там какие-то негодяи организовали сбор и ремонт оружия для Гончарова.

-Да, да, молва уже разнесла по округе вести о ваших деяниях. Только вот мысль, что среди погорельцев вполне могли оказаться ни в чём не повинные люди, вашу голову не посещают?

-В войне всех против всех ни в чём не повинных просто не бывает. – Капитан продолжил седлать любимого конька. - И совершенно зря вы потревожили прах автора американской Декларации. Альтруистические воззрения уважаемого мистера, по моему глубочайшему убеждению, есть исключение. Правило же, сдаётся мне, сформулировал другой янки – некто Линч.

-Следуя вашей логике, Ново-Кусково необходимо спалить, а жителей линчевать? – сердито уточнил оппонент.

-Пока ответ отрицательный. – Помилував идеологический клон разбойного Прокруста. - Хотя стоило бы. Да, боюсь, больница пострадает. Попробую ограничиться кой-какими превентивными полумерами. Сегодня соберу сход и поговорю с вашим мужичьём по-своему. Постараюсь назидать и вразумлять. Ну, а потом, примусь, через денёк-другой, за красных бандитов, окопавшихся в вашей волости. Немножко передохнём, осмотримся и за дело.

-Да поможет вам бог. - Вежливо пожелал Лампсаков.

-Благодарю, покорнейше благодарю, - несколько отмяк капитан. - Как говорится, бог-то бог, да сам не будь плох. Кстати, - спохватился он, - мне, доктор, сейчас не столько божья, сколько ваша помощь нужна.

-Можете полностью на меня рассчитывать.

-С минуты на минуту подвезут наших раненых, просьба оказать им необходимую помощь и, вообще, обеспечить вниманием.

-Как, у вас уже есть раненые? Откуда? На вас напали?

-К сожалению, доктор, есть не только раненые, но и убитые. Павшие герои преданы земле с полагающимися почестями. Красные бандиты устроили нам засаду под Мало - Жирово....

-Простите, я не в курсе... - замялся Лампсаков, с приличествующим выражением лица.

Вообще-то, он краем уха слышал о стычке солдат с партизанами, правда, посчитав это чьей-то выдумкой. Не укладывалось в голове, что партизаны могут атаковать подразделение регулярной армии. Оказывается, вполне могут, и довольно успешно. Отчаянные, видать, мужички.

-Будьте уверены, ваших раненых мы устроим наилучшим образом, - заверил он. – И примем все меры к скорейшему их излечению. Я, теперь же, распоряжусь принять их, как полагается.

-Буду премного обязан, Николай Александрович, - удовлетворённо кивнул Суров, - И поверьте, красные бандиты жестоко поплатятся за свою дерзость! Засим, должен откланяться. Пора на сход.

-Не смею более задерживать....

Новокусковцы собирались на сход с большой неохотой и опаской. Вполне резонно полагая, что собирают их каратели неспроста. Были, правда, и такие, кто шёл на сельскую площадь просто из любопытства, со спокойной душой, не чувствуя за собой никаких грехов перед Верховным правителем. Своими глазами посмотреть на губернских воителей. Авось, не так уж и страшен чёрт, как его малюют.

Одним из таких любознательных участников схода был и дед Яков Винивитин, по прозвищу Горенка, наречённый так односельчанами за нескладную, горемычную жизнь. Обитал он на задней улице села, именуемой Козловкой, в кособокой избёнке, перебивался с хлеба на квас, в никакие деревенские дела не вступал. Для него, как бы, не существовало ни белых, ни красных, ни бедных, ни богатых. Война с нуждой отнимала силы, занимала время, остававшиеся ресурсы дед Яков бросал на благородную борьбу за мужской суверенитет со своей благоверной бабкой Настасьей, постоянно, блазилась ему, посягавшей, со сварливой настойчивостью, на его авторитет хозяина в доме. Противоборство за престиж, надо отметить, никогда не заканчивалось рукоприкладством. С обеих сторон использовалась, исключительно, сила убеждения.

На сей раз, едва он засобирился на сход, как супружница не преминула уколоть:

-Ну, а ты-то, старый пень, куда наострился?

-Пойду послушаю, што господа калякать будут, - важно отвечивал дед Горенка, опоясывая старенький зипунишко совсем, почти, новым праздничным кушаком.

-Тебя, только, там и не хватало!

-Не куриного ума это дело! – строго прищипнул Яков, воинственно вздёрнув кверху куцую бородёнку. И, чтоб, окончательно застолбить одержанное превосходство, авторитетно изрёк напоследок: Всяк сверчок – знай свой шесток!

Чем не Брусилловский прорыв, удавалось и ему иногда брать верх над своей поперечной половиной.

Народ, собравшийся на сход, заполнил всю деревенскую площадь перед церковью. Переминаясь с ноги на ногу, щёлкали орехи, негромко переговаривались мужики и бабы, старики и ребяташки. В толпе, с уха на ухо гуляли, будоража людей, последние новости про деяния карателей, передавались подробности лютой казни Сергея Фокина и Якова Шарапова. Бабы охали и крестились, мужики мрачно хмурились.

Дед Горенка, слушая разговоры, ужасался вместе со всеми, в душе благодарил бога и поперечную спутницу жизни, что удержали его от якшания с красными. Он и на митинге по случаю разгрома волостной милиции гончаровским отрядом не присутствовал. Так что, кому-кому, а ему-то опасаться карателей совершенно нечего.

Но вот говор стих. Перед сходом появилась группа всадников. Впереди гарцевал на вороном коне низкорослый офицер с колючими усиками. Чёрные немигающие глаза его зло оглядывали толпу из-под низко надвинутого козырька фуражки. Капитан Суров, несколько поуспокоив не стоявшего на месте жеребца, обратился к собравшимся с речью, изрядно сдобренной матюгами. Забористость выражений, даже самых искушённых и бывалых мужиков заставила раскрыть в изумлении рты. Без матов, бранная речь капитана выглядела примерно так:

-Это как же прикажете понимать, господа мужички, а? Захотелось, значит, с суконным – то рылом, да в калашный ряд? Под красную дудочку плясать вздумали! Нет, вы у меня по-другому запляшете! Я вам такую совдепию покажу, что вы и думать про неё забудете! И внукам и правнукам закажете. Зарубите, сукины дети, на носу, цацкаться я с вами не стану. В бараний рог сверну!..

Получасовая идеологическая артподготовка завершилась командой солдатам:

-А ну, построить всех мужиков в одну шеренгу!

Убедившись в исполнении распоряжения, недавний ритор хриплым голосом озвучил приговор:

-Теперь всыпать каждому третьему по пятьдесят горячих!

Дед Горенка смиренно стоял в общей шеренге, не допуская и мысли, что какие-то «горячие» могут иметь отношение непосредственно к нему. Пусть он и третьим окажется, его, всё равно, и пальцем тронуть не должны. Белопогонники-то, ведь, тоже люди, хоть и каратели, а, небось, как прознают, что он перед ними ни в чём не провинился, так сразу же, отпустят с миром домой. С каких таких шей, он должен быть за чужие грехи ответчиком.

Старик оказался третьим. Слушать лепет о невиновности никто не захотел. Его схватили за шиворот и грубо толкнули к отдельной кучке мужиков – таких же «третьих», как и он.

Дальнейшее, Яков Винивитин воспринимал, будто в страшном сне. Два дюжих, красномордых карателя хватали очередного бедолагу, бросали его на широкую, грубо стёсанную лавку, лицом вниз, сдёргивали порты и принимались молотить в два шомпола по «казённому» месту, на глазах превращающемся в кровавое месиво. Одни сносили экзекуцию молча, другие взывали к милосердию, третьи зло матерились, получая солидный прибавок шомполами. Больше всех отличился Семён Бурдавицын, по уличному - Микишин. Когда на него посыпались «горячие», неизвестно почему, он вдруг заорал:

-Ой, товарищи!..

Доброе, без сомнений, слово, но, в данный момент, произнесено никак не к месту и не ко времени.

-Ах, «товарищи»! – зло осклабился один из эзекуторов, - Твои товарищи по лесам бегают, подикось, по Тамбовским. – Оба они заработали с удвоенной энергией.

Подошла очередь деда, он сам, дрожащими руками приспустив порты, лёг на лобное место лицом вниз. Когда шомпола забарабанили по его тощему заду, он заплакал жидкими стариковскими слезами, не столько от боли, сколько от сраму и бессильной злобы.

Домой со схода Винивитин возвращался, еле переставляя ноги. Его исполосовали так, что и порты оказалось невозможным застегнуть, он придерживал их на ходу обеими руками. Подобным же макаром, добирались домой все его товарищи по несчастью.

Мы же, пока селяне бредут по избам, спросим, вместе с Чрезвычайной следственной комиссией про массовые порки у адмирала Колчака:

Про порку я ничего не знал, и вообще всегда запрещал какие бы то ни было телесные наказания, - следовательно, я не мог даже подразумевать, что порка могла где – нибудь существовать. А там, где мне становилось известным, я предавал суду, смешал, то – есть действовал карательным образом.

Александр Васильевич говорил правду? Увы. Однако, он утверждал это под следствием, а значит имел право (сейчас бы юридическое, а в тех обстоятельствах моральное право, по крайней мере) против себя не свидетельствовать. И, в конце концов, адмирал заплатил по счетам. Достаточно? Мало? Много? А нет эквивалента на нашей планете человеческой жизни. Каждая – бесценна!

В отличие от Колчака, общественность *подвиги* правительственного отряда Сурова В.А. могла лицезреть воочию. Вот, к примеру, как редактор Томской газеты «Сибирская жизнь» Адрианов А.В. в письме председателю Российского правительства Вологодскому П.В. от 2 июня 1919 года описывает их:

«... Теперь я Вам сообщу полученные мною сведения от участников экспедиции по Томскому уезду против лубковцев. Там отрядом командует некий Суров, просто вор – офицер, который нарочито затягивает ликвидацию большевистских банд, чтоб не идти на фронт – ему выгоднее оперировать в тылу, менее опасном и более прибыльном. Офицеры отряда предаются поголовному пьянству и безобразничают. Приносимые отрядом жертвы объединяются в большинстве неумелостью и глупостью, разгильдяйством и пьянством (гибель под Святославкой отряда передового объясняется тем, что они занялись чаепитием и покупкой дешёвых яиц к Пасхе и в это время застигнуты были врасплох лубковцами)... Примите меры против бандита Сурова и К°...».

Письмо датировано вторым июня 1919 года.

Реакция на обращение Адрианова А.В. в Омск последовала 24 июня 1919 года. Исполнявший обязанности директора департамента милиции МВД Агарев В.Н. по приказанию министра попросил управляющего Томской губернией собрать «сведения и материалы» по действиям отрядов против Лубкова и Щетинкина. Речь шла и об офицере Сурове.

Ответ Михайловского Б.М. не заставил себя долго ждать и неожиданностей не таил. 26 июня 1919 года он отчитался: ***«В виду имеющихся в министерстве сведений о неблагоприятных действиях отряда по ликвидации разбойничьих шаек в Мариинском уезде капитана Сурова имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству, что капитан Суров, как известно в управлении Томской губернии, очень энергичный человек, добросовестно относится к своим обязанностям, не пьянствует, не безобразничает, ведёт себя прилично и вообще ничего предосудительного о нём сказать нельзя. Позволяю себе выразить уверенность, что полученные в министерстве сведения не соответствуют действительности...».***

На документе синим карандашом 22 июля 1919 года сделана приписка: *И по другим сведениям Суров отличный офицер.*

На доклад управляющего губернией с энтузиазмом откликнулся министр внутренних дел Пепеляев В.Н.. В письме от 11 июля 1919 года он сообщил Михайловскому: *«С удовлетворением прочёл Ваш рапорт. Оценка успешных действий принадлежит военным властям, однако прошу передать мою признательность капитану Сурову. Передайте привет и благодарность чинам милиции. Представьте щедро к пособиям пострадавших и отличившихся.... Жду столь же энергичных действий по всем направлениям».*

Нет, действительно трудно сдерживать восхищение. Наверное, так же трудно сдерживать восхищение работой лесоруба, который *энергично и добросовестно* принялся за сук, на котором вы восседаете. Пока восседаете....

-Ну, и что хорошего, старый дуралей, тебе сказали господа на сходке? – не без ехидства, поинтересовалась бабка Настасья у, едва переступившего порог родной избёнки, деда.

-В гробу бы их видать в белых тапочках! Господ энтих!...– зло прохрипел Яков, многократно выругавшись, чего раньше за ним не замечалось.

Тут только до бабки дошло, что с её стариком творится неладное. Узнав в чём дело, бросила свои дела и захлопотала над ним со всей присущей ей энергией. Уложила в постель, поднесла стакан самогону для облегчения души и принялась готовить настои из целебных травок, припасы коих у неё имелись на всякий несчастный случай. Вот и сгодились....

Получив практический урок политграмоты (в очередной раз прав Ильич), дед Яков отлёживался несколько дней. Немного оклемавшись, обретя способность передвигаться, первым делом, пошёл в чулан и приволок оттуда ружьё, - старинный, заряжавшийся с дула дробовик. Мог он стрелять и жеребами – самодельными, свинцовыми пулями. Дробовик, доставшийся деду Якову в результате несостоявшейся таёжной «дуэли», долгие годы провисел в чулане без всякого употребления. Пришло, видимо, время допотопного, но всё же оружия. Внимательно осмотрев ружьё, старик принялся чистить его прилежно и старательно. И, хотя видимых поводов для веселья не было, невольно разулыбался, вспомнив историю, послужившую ярким подтверждением божьего промысла в делах людских....

...В те времена на месте теперешнего посёлка улуюльцев, можно сказать, пустое место было. Стояла там одинокая заимка старого таёжника Захаркова, имя которого и носит, теперь сей благословенный посёлок. Обитал промысловик среди природных красот вместе с женой и двумя сыновьями. Клочок земли обрабатывал, главным же образом занимался охотой, да рыболовством. Улуюльская тайга богата немеряно. Всевозможного зверья и дичи – сколько хочешь. Умей только промышлять. А Захарков умел. Потому жил – не бедствовал, главным хозяином чувствовал себя в этом медвежьем углу. До бога высоко, а до царя – далеко. Ни урядников тебе, ни станowych, ни податных сборщиков.

Как подросли его сыновья – Тимофей да Иван – женил он их честь честью, пристроил каждому по клетуху, а отделять не стал – в тайге, дескать, лучше вместе жить, друг за друга держаться. Поодиночке, мол, и пропасть не долго.

Но вот пришло время старому таёжнику помирать. Прожил он всю жизнь в лесу, молился, как говорят, колесу, а в бога верил. Зачув близкую смерть, приказал позвать батюшку. Ближайшая же церковь находилась в Минаевке, около ста километров водой по Улу – Юлу, затем по Чулыму. Далековато. Но воля умирающего – закон. Дело было летом. Сели сыновья в тесовуху – и айда за батюшкой.

Отец Амвросий, получив в дар несколько соболиных шкур, да ещё кое – чего, детишкам на молочишко, в тот же день отправился с братьями в неблизкий путь.

Умирающего удалось застать в живых.

Батюшка, наскоро перекусив с дороги, принялся за своё невесёлое дело. Пособоровал, причастил, исповедал старика, помахал над ним кадиллом, побрызгал из склянки святой водицей – в общем, сделал всё, как полагается, согласно канонам православной церкви.

А Захарков, стоически дождавшись окончания процедуры собственного душеспасения, подозвал к себе сыновей и в последний раз поучил их уму – разуму. Бога, дескать, не гневите спорами – раздорами, мать свою старую почитайте, в общем, живите – поживайте и добра наживайте. Потом дал знак наклониться поближе и начал шептать им про заветный горшочек, закопанный в погребнице. Успел сказать, где он запрятан, затем закатил глаза, вздохнул, потянулся, да с тем и отправился отчитываться к святому Петру.

Народу к тому времени на подворье Захарковых набралось порядочно. Старые друзья и столь же старые недруги пришли получить последнее прощание умирающего, проводить его в последний путь и помянуть его грешную душу. По таёжному поверью, если не сделать этого, то покойник будет являться по ночам и сводить старые же счёты.

Три дня и три ночи лежал покойник в переднем углу под образами, три дня и три ночи голосили над ним его старуха и обе снохи, три дня и три ночи махал кадиллом, читая псалтырь, отец Амвросий, три дня и три ночи томились, в ожидании богатых поминок, гости.

Наконец, брэнное тело предали земле, поставили над ним ладный лиственный крест и принялись поминать.

Угощение и впрямь удалось богатым. Самогон прямо из вёдер черпали и ковшиком подносили. Столы ломились от жареного и пареного. Тут тебе и сохатина, и медвежатина, и птица, и рыба. Ешь и пей – не хочуй!

Мужички оттянулись по полной программе, батюшка, несколько раз некстати выкрикнув: «Господу Богу помолимся...», вскорости уснул. И только братья Захарковы оставались трезвыми. Не давал им покою горшочек. Первым не выдержал старший. Иван вылез потихоньку из – за стола, и незаметно скользнул за дверь, вроде, по нужде. Тимофей, хватъ – нет брата, и тоже побежал к погребнице. А Иван уж достал горшочек и золотой песочек из ладошки в ладошку пересыпает. Братья дружно позабыли отцовский наказ, насчёт дружного житья. Такая вражда вдруг между братьями из – за золота (недаром его жёлтым дьяволом прозвали) вспыхнула, что они готовы уж друг другу в глотку вцепиться. Когда в воздухе запахло поножовщиной, старший выдвинул предложение:

-Раз так, то пусть это золото одному из нас по закону тайги достанется.

На том и порешили.

Спрятали они обратно злополучный горшочек, достали из амбара охотничий дробовик, зарядили его свинцовым жеребом с медвежьей закладкой пороху и пошли в лес. Подыскали подходящую полянку со старым толстым пнём посередине, положили к нему ружьё, отмерили двести шагов в одну сторону, столько же в другую и разошлись. А уж оттуда – бегом к полянке, к роковому пню....

Так в старое время решался в Причулымье спор между людьми, которым тесно становилось жить на одной земле по причинам различного свойства: не могли поделить тайгу, золото или женщин. Кто первым добежал до ружья, тот и выиграл спор, второму призёру доставалась пуля в упор. Секунданты, в отличие от классических дуэлей таёжным этикетом не предусматривались. Свидетелями выступали Всевышний и совесть поединщиков. Победитель предаёт земле тело убитого противника и – концы в воду. Мало ли что могло случиться с человеком в тайге....

Однако на этот раз никакого кровопролития не случилось. Братья честно разошлись на отмеренную дистанцию, следом во весь опор помчались навстречу друг другу. Выиграл спринтерский забег по пересечённой местности Тимофей. Удачливый двоеборец кинулся к пню, а ружья – то и нет. Зароились в разгоряченной голове кроссмена мыслишки о подленьком вероломстве братца, вспомнились Каин с Авелем.

Тут вывалился на поляну, тяжело дышащий, покрасневшийся Иван, в свою очередь, изрядно удивившийся, что по нему никто не стреляет, хотя он и явно не первый на поляне. Растерялись оба. Стоят, что делать не знают. Пауза пошла на пользу. Злость прошла. Повод, чуть не доведший до смертного греха, теперь казался просто смехотворным. Посмотрели братьев друг на друга, неловко обнялись, да на том и помирились.

По поводу же, так кстати пропавшего ружья, сначала несостоявшиеся душегубцы терялись в догадках, но потом более рассудительного и набожного Ивана вдруг озарило:

-Это не иначе, как господь, отец наш небесный не допустил братоубийства!

Пали оба ниц, давай целовать землю, молиться, да каяться в своём богопротивном умысле.

Потом поднялись, перекрестились и заторопились домой.

Поминки шли своим чередом. За столом пьяный дым стоял коромыслом. Заявились братья в избу и сразу – бух в ноги матери, так, мол, и так, прости нас родительница, бес попутал, затемнил разум, и чуть не совершили чёрное дело. И выложили всё, как было.

Отец Амвросий мигом оклемался, выскочил из – за стола и возопил:

-Сие перст божий! Да святится имя твоё, господи! Возблагодарим, православные, спасителя, за его знамение!..

И понёс! Сотрапезникам от речей батюшки даже робастно сделалось. У иных благочестивые, у иных пьяные слёзы на глаза навернулись. Набожные старушки к братьям руки целовать полезли. А как же иначе? Ведь святые же они, раз сам бог к ним ангела – хранителя послал. Отец Амвросий пуше прежнего вокруг них засуетился, принялся кадилом окуривать, поливать святой водицей, бормотать непонятное. Затем увёл в горницу и начал исповедовать. Догадался борец за слабые людские души, что неспроста меж братьями чёрная кошка пробежала.

Услышав про золото, он осенил себя крестным знамением и, сурово сдвинув брови, торжественно изрёк:

-Грех великий тяготит над вами, дети мои, но не ваш, а вашего покойного родителя, царство ему небесное!..

От подобных речей, папахивающих приговором, братьев в пот шибануло. А батюшка, видя, что семена упали на благодатную почву, ещё более посуровел и вдарился в наставления, должны вывести заблудших на дорогу к истине.

Родитель, видите ли, ввёл их в искушение златом, добытым явно, не без помощи нечистого, иначе бы не случилось между братьями такого раздора. Но всевышний справедлив. Каждому воздаёт по делам его. Раз не их грех, он совершил чудо и не допустил братского кровопролития. А вот отцу их на том свете, теперь, не токмо не видать царствия небесного, а, наверняка, придётся вечно лизать раскалённую сковородку или вариться в кипящей смоле, если, конечно, его близкие не позаботятся здесь, на земле, о спасении его грешной души. При этом, эрудированный батюшка сослался на священное писание, где прямо сказано, что, мол, удобнее верблюду пройти в игольное ушко, нежели богатому войти в царство божие....

Короче говоря, братьям следовало быстренько расстаться с грехонесущим золотом и пожертвовать его богу. Лишь после сего благотворительного действия кончатся великие муки их родителя на том свете и перед ним распахнутся золотые врата рая. Да и сами дарители, по словам благочестивого проповедника, в накладе не останутся.

Стукнулись отроки, в очередной раз, лбами об пол, сбегали к погребнице, принесли окаянный горшочек и отдали суровому носителю истины, - замолвите, дескать, только за нас словечко перед господом.

-Во имя отца и сына и святого духа, аминь! – торжественно провозгласил святой отец.

На другой день, чуть свет он в сопровождении тех же братьев Захарковых отбыл восвояси. Следом за ним разъехались и остальные участники поминок, развозя по Улулюлю и таёжному Причулымью весть о чуде, свершившемся на Захарковской заимке.

Новость сильно перебудоражила умы верующих таёжников. Православные валом повалили в церковь. Каждому хотелось хоть краем уха услышать проповедь отца Амвросия по поводу столь необычайного события. А негибемый борец с несовершенством человеческой натуры, выражаясь языком современных имиджмейкеров, *пиарил* захарковское чудо так, что прихожанам дух захватывало благочестием. Наслушавшись страстных речей святого отца, паства с усердием крестилась, щедрыми пожертвованиями стремилась заслужить расположение спасителя.

Тем паче, мы не католики. Это те для подтверждения чуда собирают комиссии, кои, в свою очередь, годами собирают доказательства. В слова не верят. Крючоктворы! Нам ждать некогда. Больше всего устаём от ожиданий. Остываем. А вот разгорячимся, и из нас, хоть гвозди!

Единственным человеком в округе, доподлинно знавшим подоплёку возникновения чуда, был Яков Винивитин. Его несколько даже задевало то обстоятельство, что все восторги земляки привычно расточали в адрес небесной канцелярии, также привычно и напрочь отбрасывая иные, более приземлённые объяснения несостоявшегося смертоубийства. Нет, любой же козе понятно, настоящие чудеса в объяснениях не нуждаются! Прочь сомнения! Токмо, где набраться – то их, настоящих - то чудес?

Что ж, пора приоткрыть флёр таинственности. Яков, вышедший во время поминок освободить желудок от излишков самогона, путём блевания (кстати, способ широко применялся ещё римскими патрициями), оказался невольным свидетелем ссоры братьев. Подавив последние патрицианские позывы, тогда совсем ещё не дед, тайком подался за братовьями в лес, и, улучив удобный момент, обезоружил одинокий пенёк. Эх, если бы бессловесные пни могли говорить....

Однако и деду, хочешь - не хочешь, волен-с – не волен-с, а следовало хранить стоическое инкогнито. Во – первых, как ни крути, а промысел – то божий никто не отменял. Во – вторых, братья, подумать страшно, вдруг дознаются до подноготной чуда. Искренняя благодарность вспыльчивых отроков за потерю золота, можно ходить к бабке, можно и не утруждать ноги, ждать себя не заставит, при этом, границ знать - точно не будет. Попадись им, ужо, бедовый дедуля в укромном местечке! Оторвут, в порыве горячей признательности, головёнку – то! В – третьих, родная православная церковь, традиционно косо посматривает на самозванцев, тем паче, на вороватых самозванцев. Анафема, не анафема, но трения на старости лет с пастырями душ человеческих, согласитесь, тоже ведь не фунт изюма. А про пастырей в погонах всеу, вообще, лучше не вспоминать. А острые на язык односельчане.... Вот и делай добрые дела после этого....

-...Чевой-то ты опять удумал? – всполошилась бабка Настасья, застав супруга за необычным занятием.

-Молчать, пока зубы торчат! – бодро отмахнулся дед. Но непреклонная решимость в голосе и нарочитая ершистость облика не помогли. Сначала слегка опешив, супруженица, однако, быстро одыбалась и не говоря ни слова, стремительно осуществила операцию разоружения престарелого милитариста. Куда там нынешним миротворцам до бабки Настасьи!

5. НЕРАВНЫЙ БОЙ

*В военных делах наибольшую силу имеют случайности.
Корнелий Тацит.*

Его с такой силой толкнули в амбар, наподдав прикладом промеж лопаток, что он едва устоял на ногах. И, может, растянулся бы на полу, да угодил головой в закром, набив солидную шишку на лбу, сознание помутилось, множество задорных искорок полыхнуло в глазах. Инстинктивно ухватившись растопыренными руками за какие-то доски, с трудом преодолевая боль, горе-арестант выпрямился. Глухо стукнула за спиной дверь, гроыхнул замок и стало темно и тихо, будто в могиле.

Приобвыкнув к темноте, Никита принялся осматриваться по сторонам, выискивая хоть малейшую лазейку. Но скоро убедился в тщетности своих надежд. Ну не может, Гурьян Игнатьевич Чупринов, иметь, по определению, худой амбар. Комар носа не подточит, для мышей преграда, про людей и говорить нечего. Словом – хозяин...

*Хлев усадьбы Чуприкова, в котором держали партизан перед расстрелом.
Село Казанка.*

Отсутствие вентиляции в амбаре делало воздух тяжёлым. Развешенные овчины, льняная кудель, всевозможная рухлядь, сваленная в углу, изрядно наполняли пыльным ароматом атмосферу сарая, затрудняя дыхание. Никита зло матюгнулся, присел на закром и закурил. Только теперь, осознав в полной мере, что вляпался окончательно, как кур в ошип, великая досада на себя охватила его с новой силой. Впору биться дурной башкой об стенку, кусая локти. Надо же так, по-глупому, попасть в лапы карателей! Глупее не придумаешь. Главное и винить-то, кроме себя, некого. Не смог обойти Казанку стороной. Домой ему приспичило. Смена белья, да харчи понадобились. Вроде обовшивел и оголодал окончательно. Чего уж близирничать!

Просто по жене Анне соскучился, давно за бабий подол не держался. Зов плоти, язви его в душу!

В объяснение, а не в оправдание Никите, заметим, что в его возрасте редкий стоик может сдерживать беспощадный натиск либидо.

Вот и он не сдюжил. Ломанулся, гонимый инстинктом, словно мотылёк в огонь. Прямо белым днём. Думал: огородами к дому подкрадётся, никто и не заметит. Не успел ногу на прясло занести, а сзади:

-Куда, морда ясашная!

Оглянулся – два конных белогвардейца берут его на прицел. По крупному, называется, не повезло. Не узнавши броду, полез в воду. Неумолимый бег времени, к несчастью, не остановить, не повернуть назад, а задним, именно, умом крепка Россия. Можно ещё, про свои и чужие ошибки добавить. Планида...

Никто за ним, Никита проверял и мог побожиться, не следовал, да и лошади фырканьем, хочешь, не хочешь, выдали бы преследователей. Скорее, белый разъезд случайно на него наткнулся.

-Кто таков? – меж тем, пытал у Никиты один из верховых с лычками на погонах. Видно, старшой.

-Тутошний я... Хрестьянин.

-А чего в лесу делал?

-Корову искал. - соврал Никита первое, пришедшее в голову, с ужасом осознав абсурдность сказанного.

-Ну и где ж, твоя корова?

-Не нашел... Гдей-то, видать, в другой стороне поискать надоть...

-Ладно, хватит брехать! – грубо оборвал унтер. – Ну-ка, подь сюда!

Расспросы кончились. Незадачливого ковбоя погнажи, загородив конями с двух сторон, в деревню. Сразу, почему-то, к дому Чуприкова. А там, прямым ходом – в амбар, стоящий в глубине двора.

Пока вели по деревне, Никита, к немалому своему удивлению, обнаружил, что в ней полно беляков. Видно, из Ново-Кускова нагрязнули. И уж, конечно, неспроста. Не на прогулку. Эх, надо бы предупредить своих, жалко крылья подрезали...

Командир его – Пётр Гончаров ждёт, не дожждётся вестей от своего связного, наверняка, всякие тревожные думы думает. Может, уже и сожалеет, что поручил столь ответственное задание ему, Никите Левину, доверившись его знанию окрестных мест. Знание округи, как своих пяти пальцев, должно было помочь проскочить незамеченным мимо постов и разъездов белых. Помогло.... На родном огороде сцапали. Прямо, на старуху - проруха. И вот теперь, вместо радости по поводу выполненного задания, гнетущие мысли и осознание собственной никчёмности....

Задание заключалось в следующем. До Гончарова дошёл слух, будто в Тихомировке организовался красный партизанский отряд. Больше, однако, ничего об отряде известно не было, - ни численность, ни кто командир, ни боевые намерения. Никита Левин и был направлен в Тихомировку, с целью разузнать всё на месте. Если отряд действительно существует, то предложить его командиру присоединиться к гончаровскому. Общими силами, известно, вести борьбу с колчаковцами способнее.

Одному ему ведомыми лесными тропами, Никита благополучно добрался до Тихомировки, где остановился у своего старого знакомца. От него и узнал, что отряд в деревне на самом деле есть, но находится в очень большой секретности. Даже от своих. До поры, до времени. Насчитывает человек двадцать. Возглавляет его Григорий Залипаев, мужик, по словам знакомца, боевой и башковитый.

Никита попросил собеседника свести его с Залипаевым.

-А не боишься? – огорошил тот.

-Чего? – не понял Никита.

-Встреча с Григорием для тебя может быть чревата боком.

-Иди ты! С какой стати?

-Дак, он тебя, запросто, шлёпнуть может.

-Шлёпнуть? – изумился Левин, - Запросто? Это с какой – такой пьяной радости?

-Запросто. – Весело подтвердил селянин.- Выведет в чистое поле, поставит лицом к стенке и пустит пулю в лоб.

Пока Никита напрягал мозг и морщил чело, пытаюсь постичь суть произнесённой абракадабры, задорный абориген поведал ему совсем недавнюю историю. Появился в Тихомировке новокусковский мужик Андриан Волков, якобы, с целью предупредить партизан о прибытии в Ново-Кусково карательного отряда капитана Сурова. Сам же, всё больше про партизан интересуется – сколько их, чем вооружены, есть ли связи с другими отрядами. Заподозрили неладное. Как водится, кой-то подсказал, что этот самый Волков на руку нечист, вообще, человек нашим - вашим. Из тех, кто обведёт и выведет, куда сам чёрт не забредал. Словом, сплошная темнота.

Взял его Григорий Залипаев на притужальник. Оказался, он сам и подтвердил, шпиёном капитана Сурова. Расстреляли Андрияна Волкова – и всех делов. А залипаевцы засекретились, решили сначала укрепнуть численно и вооружением.

-Наши храбрецы, теперича, к каждому свежему человеку относятся с очень большим недоверием. Вот тебе и тонкий намёк на толстое обстоятельство.– Заключил свой рассказ радушный хозяин, наливая по очередной стопке мутноватого первача.

-Но ты-то, ведь, меня столько лет знаешь, – с горячностью засуетился Никита. - Я прохиндеем никогда не был, паскудством не занимался, людям привык в глаза смотреть.

-Так ить, как сказать...- взгрустнулось собутыльнику. - Не обо мне речь. Залипаев может не поверить.

-Всё одно, мне надо с ним поговорить. Командир поручил, а у нас дисциплина, брат, сам понимаешь.

-Что ж, лады. Надоть, так надоть. Я тебя предупредил, в случае чего не обессудь. А там, – хрустнул солёным огурцом мирянин, - как знаешь....

Он чего – то поискал помутневшим взглядом на потолке, зевнул, неспешно перекрестил рот, снова зевнул, и, наконец, завершил мысль:

-Сам не маленький.

Встреча состоялась на следующий день. Утром в дом, где Никита остановился, зашёл невысокий, коренастый мужик. Окинув Левина пытливым взглядом светлых хитроватых глаз, присел к столу и закурил. Хозяин с хозяйкой, тотчас, под благовидным предлогом покинули избу.

После паузы, сделав пару затяжек, незнакомец, как бы, между прочим, поинтересовался: - Ты, что ли, хотел поговорить с Залипаевым?

-Хотя бы и я. Тебе-то, какое дело? – подобрался Никита.

-Об чём толковать собрался?

-А с кем, извиняюсь, я разговариваю?

-Неважно. Выкладывай, на кой ляд припёрся?

-Вот самому Залипаеву и скажу.

-Ну ладно, хватит валять дурака. Я – Залипаев. Слышал, Гончаров Петро тебя к нам командировал. Так ли?

-Точно так.

-Чем докажешь?

-Ничем.

-Вон оно как! Насколько мне известно, только вера в Бога доказательств не требует. Скажи, я сильно на дитя малое смахиваю?

-Ладноть, дело твоё. Только, по-моему, ежели никому не верить, то и людей баламутить не зачем. Залезть на печку и носа не высовывать. Иль под бабий подол, оно ещё сподручней.

-Ишь, какой говорун, - снисходительно ухмыльнулся Залипаев. - У вас все такие, или через одного?

-Все, не все, а тюхи-матюхи не водятся.

Гончаровец, определённо, начинал нравиться предводителю тихомировских мужичков. С виду, вроде, неказист - и ростом не взял, и лицо самое обыкновенное, по-деревенски грубоватое, а малый, видать, ухорез. Вон широко посаженные, бедовые глаза так и зыркают по собеседнику, словно норовя в самое нутро заглянуть.

-Лады. Сказывай, с чем пришёл.

Выслушав изложенное Никитой предложение Гончарова об объединении отрядов, Залипаев задумчиво побарабанил пальцами по столу, вместо ответа пожаловался:

-С оружием у нас хреново.

-Дак и у нас.

-Вот видишь!

-Так ить, у белых его столько, что на всех хватит.

-Правда, твоя.

-Мне своим-то, что докладать? – поверил в удачу объединительной миссии

Левин.

-Я, конечно, - за. Однако, надо бы, с мужичками посоветоваться. Но, думаю, договоримся.

На прощание, Залипаев пообещал присоединиться к Гончарову в ближайшее время.

После полудня, Никита, с лёгким сердцем двинулся в обратный путь. Ему следовало идти напрямую на Ново-Покровку, он же решил завернуть в Казанку. И завернул.... Осталось, сидя в тёмном вонючем амбаре, подобно бродяге из песни, проклинать судьбу, заодно себя, карателей, белый свет, одновременно уповая на всевышнего.

Одиночество арестанта продолжалось недолго. Вскоре в амбар втолкнули, не забыв угостить прикладом, Петра Чернова, члена Казанского совдепа.

-У, гады!.. – зло скрипнул зубами новый обитатель амбара, с трудом поднимаясь с пола. Лицо и рубаха его были в крови.

-Здорово они тебя разуделали, - посочувствовал Никита.

-Кто здесь? – насторожился Чернов, вглядываясь в сумрак, царящий в сарае. – Никита? Левин? Ты?

-Я самый...

-Как тебя-то угораздило? Говорили, вроде, к Гончарову ты подался.

-В отряде я и был. Да вот, вздумалось своих попроведать, вместо этого сюда угодил. Кабы знать, что беляки в деревне, разве ж сунулся бы в неё. Ну, а ты?

-На меня, похоже, кто-то донёс.- Вздохнул Чернов, - Я только наладился в лес дать тягу, а колчаки уже тут, как тут, прямо ко мне во двор. Схватили и давай полоскать шомполами, по чём попада. Я, мол, за что, господа хорошие? А они, знай, молотят и щерятся: это ещё цветочки, ягодки впереди будут.

-Вон глянь, как они меня расписали. - Заключил свой рассказ Чернов, задирая рубаху.

-Никита глянул и ужаснулся – тело его товарища по несчастью, было исполосовано вдоль и поперёк багровыми кровоточащими рубцами.

-Ни хрена себе. - Оценил он представившуюся его взору картину. – Узоры....

Скрежет замка прервал разговор, дверь распахнулась, и в амбар влетел очередной арестант. Им оказался Илья Расторгуев, тоже член совдепа. Похоже, беляки, действительно, хватали, не кого попало, а пользовались чьей-то точной указкой. В дальнейшем, дверь амбара, едва захлопнувшись, распахивалась вновь, принимая очередное пополнение, состоявшее, исключительно, из членов совдепа. «Загремели под

фанфары»: Иван Курзенёв, Владимир Попадейкин, Поликарп и Пётр Сухановы, Василий Сычёв, Филипп Быков, Карп Тулупов, Антон Черемисин, Иван Ширянкин.

-Ну вот, можно открывать заседание, - невесело пошутил кто-то, - все в сборе....

Но амбар продолжал заполняться. Одного за другим втолкнули и непричастных к совдепу мужиков – Николая Чернова, Григория Субботина, Степана Белоглазова.

-Вас-то, за что? – поллюбопытствовал один из совдеповцев.

-Жратвой партизанам помогали.

-Ясно, гнида какая-то донесла.

-Знамо дело. Иначе, как бы каратели узнали, хто партизанам помогает. Не на лбу же, у нас написано. Сволочуги не наугад, а по списку орудуют. Говорят, им поп Иваницкий наушничает, да ещё Евсей Ковалёв со своей паскудной дочкой Ольгушей, чуприковской снохой....

Амбар бурно отреагировал на последнее заявление.

-Вот гады ползучие, а!

-Ироды проклятые!

-Чтоб им, ни дна, ни покрывки! Паразитам!

-И поповская морда туда же. Святой отец, называется!

-По нашему святому отцу давно черти в аду тоскуют.

-Знатьё бы, наперёд всю эту братию прищучили.

-Дай срок, выберемся отсель....

Заветная, но, увы, неосуществимая мечта. Прибытие новых «постояльцев» отвлекло Никиту от мрачных дум, однако тревожное беспокойство не отпускало. Его теперь, наверняка, потеряли в отряде, и подумать могут всякое. Многие, Никита не исключение, только оказавшись в заточении, начинают ценить свободу, такова уж природа человеческая – потерявши плакать. Любые опасности на воле, виделись отсюда легко преодолимыми. Сама смерть на миру не пугала, погибнуть в бою, с оружием в руках, где многое, если не всё, зависит от тебя, совсем не бесполезный, глупый, не за понюх табака конец, неминуемо ожидавший всех, согнанных в амбар, узников. Пристрелят, как собаку. Если дознаются, что он партизанский связной, то придумают казнь позакковыристей....

Вдруг, где-то за деревней, треснул выстрел, на него, сперва, не обратили особого внимания. Затем последовал залп, следом разразилась беспорядочная стрельба.

В амбаре сделалось тихо, мужики, прислушиваясь, затаили дыхание. Пальба доносилась со стороны Челбаковских хуторов, где, вероятно, завязался бой между карателями и партизанами. Вместо того чтобы томиться по собственной дурости, в тёмном, вонючем сарае, Никита сейчас должен был бы находиться, вместе со своим товарищами, в рядах родного отряда биться с врагами.

-Хыть бы, наши расколошматили кровопивцев, да нас ослобонили бы, - выразил общие чаяния Григорий Субботин.

Понимая лучше других, что в открытом бою с регулярными частями у партизан шансов нет, Левин не очень-то верил в возможность избавления, но и у него затеплилась надежда. Кто знает, а вдруг?.. Гончаров командир боевой, с соображением. Лихо он перевстрел карателей на полпути к Ново-Покровской заимке. Не стал ждать, когда они припожалуют, а, видно, предупреждённый кем-то, сам выступил им навстречу, навязав бой на выгодных условиях. Может и верно – бабка надвое сказала.... От исхода боя зависело многое, для узников же чуприковского амбара – всё, поэтому грохот его звучал для них сладкой музыкой. Музыкой надежды....

Враждующие силы под Челбаком разделяло ровное поле, покрытое бурой прошлогодней травой. Над ним не пели птицы, здесь свистел свинец, сея смерть,

чистый весенний воздух, пронизанный ярким майским солнцем, пропах кисловатой пороховой гарью.

Партизаны занимали предпочтительную, заранее подготовленную позицию на небольшом увале. Каратели залегли прямо у дороги, на совершенно открытом пространстве. Несколько их человек было ранено, стоны удручающе действовали на остальных. Капитан Суров лежал в ложине позади своих солдат с окровавленной головой. Толстый отрядный фельдшер с конопатым бабьим лицом, явно переживая, делал ему перевязку. Рядом находились начальник Ново-Кусковской волостной милиции Иванов, унтер Бахмеев несколько дюжих нижних чинов.

Наконец, после лихорадочных манипуляций отрядного эскулапа, Суров начал приходить в себя. «Пить!» – первым делом потребовал он, открывая глаза. Фельдшер торопливо поднёс фляжку к его пересохшим губам. Сделав несколько жадных глотков, Суров, обвёл замедленным, тяжёлым взглядом склонившихся над ним людей.

-Слава те, господи, кажись, оклемались... - мелко закрестился фельдшер, вздыхая с видимым облегчением. Капитан, вначале, никак не мог понять, где он и что с ним. Донимала сильная боль в затылке, мешавшая сосредоточиться. Постепенно сознание полностью восстановилось. Припоминая, как оказался, в столь беспомощном положении, он сделал неуклюжую попытку встать, удалось только сесть. С правой ногой творилось что-то неладное, резкое движение отдалось в голове нестерпимой болью, едва снова не лишив сознания.

-Ну, чего рты пораззявили?! – гаркнул он на примолкнувших подчинённых, - Думаете, небось, конец пришёл командиру, а? Нет уж, дудки, поминок не дождётесь! – и с угрозой добавил, - Мы ещё повоюем!

Злость на собственную беспомощность требовала выхода. Окажись перед ним Гончаров, порвал бы его на куски, с живого кожу содрал бы, в порошок стёр. Увы, сие, пока неосуществимо. Опять он его перехитрил. А ведь, Суров ничуть не сомневался в успехе тщательно продуманной операции.

Из разведанных следовало, что партизаны находятся на Ново-Покровской заимке, похоже, не думая её покидать, поскольку роют дополнительные окопы. Было решено их там и прихлопнуть, причём наверняка. С этой целью отряд разделился на две части, одну возглавил сам капитан, другую – поручик Тарасов. Условились так: капитан ведёт своих людей на партизанскую заимку через Казанку, поручик – через Вороно-Пашню и Кайнары. Первый, кто займёт Ново-Покровку, даст знать о себе поджогом какого-нибудь строения. Потом они с двух сторон атакуют окопавшихся на заимке красных и беспощадно их уничтожают. Оставшиеся в живых мятежники подлежат ликвидации на месте. Их предводителя ждала публичная казнь.

Так планировалось. На деле же, получилось совсем иначе. В очередной раз, красные спугали все карты. Хорошо информированный обо всех передвижениях карательной миссии, Гончаров и не подумал, во избежание неминуемого разгрома уходить подальше в тайгу, решив попытать счастья во встречном бою, учиняя его в самом неожиданном месте.

Беспрепятственно пропустив головной дозор, партизаны внезапно ударили по основной колонне карателей, следовавшей на крестьянских подводах. История под Мало-Жирово повторилась в точности. После первых выстрелов лошади испуганно зашарахались, опрокидывая телеги, сбивая с ног растерявшихся солдат....

Возглавляющий колонну Суров гарцевал на горячем вороном жеребце, немного рисуясь. Этим безоблачным майским днём больше всего ему хотелось побыстрее покончить со смутьянами, положить конец и всему причулымскому восстанию. Задача вполне реальная, сулившая по выполнению заслуженные награды, милости начальства. Вполне могут дать Георгия с бантом, произвести в штаб-офицеры...

Прервав очередной полёт фантазии, как гром среди ясного неба, раздался выстрел. Ти-и-у! – пропела, совсем рядом, пуля; фуражки на голове размечтавшегося

офицера будто и не было. Грохнул залп. Жеребец дико заржал, сделал свечку. Кульбит вороного вышиб капитана из седла, боль от удара о землю пронзила тело, правая нога предательски застряла в стремях. Положение – «вверх – кармашками», нелепее не бывает. Попытавшись высвободиться, он получил сильный удар копытом по голове, – лошадиный пинок отправил сознание повитать в облаках. Окончательно взбесившийся конь понёс тело в сторону красных. Злоключения капитана прекратил ординарец, успевший, в последний момент схватить жеребца под уздцы. Подоспевшие солдаты, под огнём красных, высвободили ногу беспомощного наездника и живо оттащили в безопасную лощинку, потеряв двух человек ранеными.

Подробности своего спасения Суров узнал позже. По счастью, удар копытом пришёлся вскользь, благодаря чему он и остался жив. Сказочно повезло и с неточным выстрелом, может и хорошо, что невысок ростом. Впрочем, конь, конечно, шандарахнул его с перепугу, какой спрос с животного. Особая статья – партизаны, с ними-то, дай срок, он сполна рассчитается.

Мозг военного привычно оценил обстановку. Солдаты лежали, плотно прижавшись к земле, в отсутствии командира, не очень усердствуя в стрельбе. Кинув взгляд в сторону Ново-Покровки, Суров, заметил поднимавшийся в чистое голубое небо, белесый с ржавыми подпалинами, дым. Видимо, горела какая-то постройка, крытая соломой – условный знак поручика Тарасова. Капитан скрипнул с досады зубами. Кой чёрт догадал его разделить отряд на две части?! Будь Тарасов со своими людьми здесь, без особого труда, смяли бы и уничтожили краснопузых. Наличных же сил может оказаться маловато.

-Эй, майор! – окликнул Иванова Суров, - Пошли-ка, кого-нибудь из своих в Ново-Покровку с приказанием поручику Тарасову во весь опор шпарить сюда.

«Ну, а что дальше? – продолжал размышлять он, - Сидеть и ждать у моря погоды? Вдруг партизаны выкинут какой-нибудь фортель? То-то милиционер позлорадствует. Вслух, вероятно, ничего не скажет, не осмелится. Зато уж в губернии, как пить дать, раззвонит всем встречным и поперечным о конфузии, постигшей экспедицию. Прощай тогда репутация боевого офицера, продвижение по службе...»

Нет, Тарасова ждать нечего. Надо самому решать исход боя, громить зарвавшийся сброд. Если посмотреть ладом, сил-то у него не так уж и мало. Необходимо просто грамотно использовать превосходство в численности, а особенно в вооружении. Следует поднять боевой дух солдат. Главное, никак нельзя дать уйти мужичкам, оставить его ещё раз с носом. Ведь, запросто, могут исчезнуть, воспользовавшись удобными путями отхода. Почти сразу за их позицией начинается лесистый лог, дальше – вообще тайга, где обнаружить и прищучить повстанцев так же легко, как найти иголку в стогу сена и где опасность нарваться на засаду, попасть в ловушку многократно увеличивается. Да и неизвестно, как будет складываться обстановка. Силы мятежников, с фактами не поспоришь, растут не по дням, а по часам. Промедление сейчас грозит большими проблемами в будущем.

Так что, хочешь, не хочешь, а атаковать надо. И атаковать со всей решительностью. Для того чтобы взбодрить упавшее духом воинство, - страх перед партизанами следует подавить иным страхом. Собственно и Иванова хватит держать, себе же в ущерб, в американских наблюдателях. Нечего ему околачиваться по тылам за чужими спинами. Пора, давно пора, пороку понюхать...».

Суров сделал ещё одну попытку подняться, на сей раз удалось. Правая нога действовала, хотя и побаливала. Видно, он просто зашиб или подвернул её при падении.

Решение окончательно созрело.

Испытующе посмотрев на вернувшегося Иванова, тоном, не допускающим возражений, объявил:

-Поскольку я ещё не совсем оправился от ранения, поведёте солдат в атаку вы. Надеюсь, не подведёте?

-Не пощажу живота своего, ради исполнения святого долга перед Отечеством! – напыщенно заверил милицейский чин, покрываясь, однако, холодным потом.

-Храни вас бог, - не менее холодно пожелал Суров, одарив его своим тяжёлым, мертвящим взглядом. – А ты, - обратился затем к унтеру Бахмееву, - разверни своё отделение позади общей цепи и приказываю тебе стрелять в каждого, кто вздумает залечь, либо повернуть обратно. Невзирая на лица. Приказ понятен?

-Так точно.

-Исполни. Вам же, майор, следует довести до сведения наших храбрецов о функции отделения Бахмеева.

-Не сомневайтесь, доведём в точности.

-А теперь, по местам. И немедля – в атаку! С богом.

Гончаров наблюдал за солдатами в бинокль, рискованно высунувшись из наспех отрытого окопа. Их видно было и невооружённым глазом, но в бинокль, конечно, намного видней. С нескрываемым удовольствием он отмечал растерянность и нервозность, царившую в стане врага после внезапного удара партизан. Видел он, и как возглавлявший колонну офицер шмякнулся об землю, то ли сбитый пулей, то ли просто не удержавшись в седле, взвившегося на дыбы коня. Определённо, это был пресловутый капитан Суров. Сразу засуетившиеся у поверженного всадника воины, оттащившие его из-под огня в безопасное место, утвердили партизанского командира в правильности предположения относительно личности офицера. Осталось, правда, не ясным убит он или только ранен. Обезглавить в самом начале боя противника – большая удача, даже, если капитан лишь ранен. Хотя бы уже потому, что сам эпизод с беспомощно болтающимся вниз головой Суровым, должен был подействовать на солдат, поубавить малость прыти.

Пассивность штурмового отряда наглядно демонстрировала отсутствие, по крайней мере, в данный момент, жёсткой направляющей воли. Другие офицеры и унтера не торопились брать командование на себя, – не всякий решится взвалить бремя ответственности в разгар столь неожиданно возникшей заварушки. Правда, каратели всё же поднялись, было в атаку после первого партизанского залпа, но повторный заставил залечь их снова. Наступила некоторая пауза. Ни та, ни другая сторона не спешили переходить к активным действиям, ограничиваясь довольно жидкой перестрелкой. Партизаны берегли патроны, а колчаковцы стреляли для отмашки, больше для собственного успокоения. Лежа в цепи, они посматривали в сторону Ново-Покровки, завидуя сослуживцам, оказавшимся в тарасовской половине отряда. Небось, те во всю жрут самогон, лапают солдаток, вместо, чтоб торопиться на подмогу.

Понимая, что растерянность противника долго продолжаться не будет, Гончаров ещё раз приказал экономить патроны. Превосходство в численности, по-прежнему, было у колчаковцев, да и боевые трёхлинейки не сравнишь с однозарядными охотничьими берданками. Рано или поздно эти преимущества скажутся, предопределяя исход боя не в пользу партизан. Оружия, пополнившего партизанский арсенал, после разгрома Вороно-Пашинской земской управы и Ново-Кусковской волостной милиции, всё-таки было явно недостаточно.

И пусть, издревле, на Руси из двух зол привычно выбирают оба, всё же положение, в котором гончаровцы находились сейчас, являлось куда более выгодным, чем, если бы оставаясь на базовой заимке, они подставились под удар всех сил карателей, наносимый с двух сторон. Тогда, пожалуй, разгром выглядел бы неизбежным.

Между тем, суровцы заметно оживились. Безвластие кончилось. Подчиняясь чётким командам, солдаты занялись привычным делом - перебежками по одному, двинулись на сближение с партизанами. Резко усилился огонь с их стороны. Слабая

ответная стрельба, на сей раз, не смутила атакующих. Положение принимало дурной оборот. Подполз Сергеев и встревожено зашептал:

-Что делать-то будем, командир? Боеприпасы на исходе....

-Пойдём врукопашную, - не раздумывая, решил Гончаров, – где наша не пропадала! (Японцы предпочли бы хакари. Но мы не японцы, нам компанию подавай).

Обстановка на поле боя становилась близкой к катастрофической, - сказывалась тактическая выучка солдат. С криками «Ура!» они все разом устремились на штурм позиций, занимаемых гончаровцами. Беспорядочные выстрелы продолжали не причинять никакого вреда наступающим. Неизбежность поражения стала очевидной; ещё несколько минут и всё будет кончено. Мышеловка захлопнется. Неужели прав был Сергеев, напрогочив погост?

Фортуна – капризы богини удачи множество раз меняли ход событий. Случается и степенной госпоже Клио выделять замысловатые «па» под дудочку этой взбалмошной девицы. Благосклонность богини, просто случай или стремление бороться до конца, используя любую возможность, спасло защищающихся, - кто знает? Готовясь недёшево продать свою жизнь, Гончаров, вдруг заметил, как от упавшего неподалёку бумажного пыжа вспыхнула сухая прошлогодняя трава, и дымок потянул в сторону вражеской цепи. Его сразу осенило:

-Поджигай палы! – заорал он, и сам первый принялся торопливо поджигать траву перед окопом.

Партизаны дружно принялись за дело, кто спичками, кто кресалом начали добывать огонь. Благодаря сухой погоде, трава загоралась, словно порох. Вскоре, вдоль партизанских позиций заплясали языки пламени, за клубился густой, едкий дым. Ветер, мгновенно раздул занявшийся пал и погнал его в сторону колчаковцев. Те, при виде надвигающегося и разрастающегося огня дрогнули, затем в замешательстве повернули назад, невзирая на бахмеевцев. Впрочем, те, долго не мешкая, выказали завидную солидарность с отступающими.

-Стой! Назад! В атаку! – крики капитана Сурова, тщетно пытавшего восстановить порядок, никакого влияния на бегущих не оказывали. Солдаты, попросту, не обращали на него никакого внимания, - первобытный страх перед огнём гнал их к спасительной лощинке. Поперхнувшись дымом, капитан осёкся. С трудом взгромоздился на коня и поскакал собирать своё опростоволосившееся воинство, с горечью понимая, что триумф, казавшийся столь близким, не состоялся.

Партизаны, тем временем, поспешно ретировались к лесистому Челбаковскому логу, унося единственного убитого товарища и нескольких раненых. Прошло совсем немного времени и на месте неравного боя осталось лишь чёрное пепелище выжженной палом травы....

6. К А З А Н С К А Я Т Р А Г Е Д И Я

*Каждый, кто был верен будущему и умер за то,
чтобы оно было прекрасно, подобен изваянию,
высеченному из камня.*

Юлиус Фучик.

Пока доносились звуки боя, узников чуприковского амбара не покидала надежда на освобождение, во многом, надежда утопающих на соломинку. Ведь, даже в случае победы партизан каратели, наверняка, успели бы расправиться с пленниками.

Но вот наступила тишина. В амбаре тоже сделалось тихо. Все подавленно молчали, понимая, что уповать больше не на кого.

Между тем, у колчаковцев, оставшихся в деревне для наведения «правопорядка», были пока другие заботы. Согнав во двор Чуприковых всех мужиков, устроили сходку на свой лад.

-Ну что, господа мужички, совдепию захотели? – с недоброй усмешкой обратился к собравшимся поручик Савицкий. – Извиняюсь, может вы теперь «товарищчи»? Уж, не обессудьте... - он, не спеша, прошёлся перед селянами, подержал театральную паузу, и огорчился. - Значит законную власть по боку, - ныне сами себе «хозявы»? Правильно я излагаю?

В ответ – угрюмое молчание. Савицкий снова взял паузу и снова огорчился:

-Ай-яй-яй! Неужели запамятовали? Как прикажете вас понимать? Проголосовали за совдепию, а теперь, вроде, на попятную? – офицер легонько похлопал прутиком по голенищу хромового сапога, - Бают, и «уря» кричали и в протоколах расписывались. Верно я говорю, батюшка? – обратился он к попу, стоящему поодаль, со сложенными на выпуклом животе ручками.

-Истину глаголешь, сын мой. - Склонил длинногривую голову тот, потупив очи.

-Видите, оказывается, всё суцая правда, - самодовольно подытожил поручик, - Коли, сам батюшка свидетельствует. Устами пастыря божьего, сиё всем известно, вещает господь наш, не извольте сомневаться.

-Кол бы в глотку энтому паскудному пастырю, чтоб голова не качалась! – громко возмутился Чернов, наблюдая, через щелку в амбаре, за происходящим во дворе.

-Я-то, пень старый, ему ешо исповедовался, - с сожалением вздохнул Григорий Субботин, - Причасье из поганных рук примал...

-Ну и дурак. – Последовала насмешливая реплика.

-Так ить, хто знал-то....

-Тихо! – зашикали на них, - Дайте послухать, што белопогонник дальше брехать будет.

Усадьба Чуприкова Гурьяна. Село Казанка.

-...Но власть Верховного правителя незыблема! – продолжал витийствовать поручик назидательным тоном, - Калёным железом изведём большевистскую заразу. –

Неожиданно сменив интонацию, резко скомандовал: Слушай сюда, граждане! Кто в протоколе подписывался, два шага вперёд, шагом арш!

Никто и не подумал даже пошевелиться. Савицкий выразительно посмотрел на батюшку. Следом произошло нечто, из ряда вон... Светоч веры, поп Иваницкий, приблизился к толпе мужиков и начал тыкать то в одного, то в другого указующим перстом:

-Вот он, он, он....

Солдаты, по знаку поручика, расторопно выхватывали указанных из общей толпы и отводили в сторону, в угол двора. Память, порой, изменяла пастырю, указующий перст его неуверенно повисал в воздухе. Заминочка? Кому – то повезло? Отнюдь. А местный кулак Евсей Ковалёв с дочерью Ольгой, снохой хозяина подворья, – на что? То - то и оно. Поточный метод заметно ускоряет любой процесс. И выявление крамолы – не исключение в правилах.

Поручик Савицкий с довольной улыбкой наблюдал за действиями доброхотов, длинными пальцами поглаживая аккуратные усики.

Возмущённый ропот в амбаре не прекращался.

-Не, не, ты глянь, что творит паскуда в рясе! Вот змей подколодный! Чтоб ему ни дна, ни крыши!

-А Евсей-то, Евсей! Мотри, какие коленца откалывает! Ну, прямо наизнанку выворачивается. Будто черти его за язык дёргают!..

-И его суразка от него не отстаёт, хрен её морде! Гля, как развернулась. Стерва та ещё, явно не из последних.

-Да все они одним миром мазаны. У, кровопивцы грёбаные!..

Когда его заводили во двор, припомнил Никита, Ольга шепнула на ухо конвойному, и его поспешно заперли в амбар. Стало быть, всё же не случайно он здесь оказался. От бессильной ярости кровь ударила в голову, аж в ушах зашумело.

А во дворе события развивались своим чередом. Общими усилиями попа, Евсея Ковалёва и его дочки было выявлено тридцать шесть человек сторонников Советской власти, самолично в том расписавшихся. Среди них – братья Иван и Михаил Бабарыкины, братья Денис и Андрей Ляшковы, Иван Половников, Андрей Езерский и многие другие.

С этими мы разберёмся отдельно, - указал рыжему унтеру в их сторону поручик Савицкий, - Остальным, - махнул он прутиком, - по двадцать пять шомполов. Чтоб знали, как *урякать* за совдепию. – уловив возмущённое волнение, смиловистился, - Ладно, каждому третьему.

Завершив таким образом *суд правый*, достойный поборник колчаковского правопорядка не спеша, удалился в обществе батюшки на обед. Всё так же, небрежно похлопывая прутиком по глянцевою голенищу сапога. Вслед за ними засемили Евсей с дочкой.

Тем временем солдаты, под командой рыжего унтера, уже отсчитывали кандидатов на порку, препровождая их в Лазутинский переулочек, где всё было готово для предстоящей экзекуции.

Вначале, всё шло по установлению поручика. Но потом, вдруг, случилась неожиданная суматоха. Началось с того, что в числе третьих оказался сын хозяина подворья и муж той самой правдолюбивой Ольги – Игнатий Чуприков. За него вступился брат Иван, между прочим, служивший в колчаковской армии, а дома пребывавший на побывке. Пока разбирались с возникшим недоразумением, во дворе появился староста Пётр Субботин и, будучи не в курсе происходящего, принялся отдавать распоряжения, кому сегодня выставлять подводы для солдат. Дополнительный транспорт потребовался для раненых, убитых, а также для реквизированной провизии.

Неожиданное появление старосты с его разнарядкой смешало все карты команде рыжего унтера. Рассортированные было мужики, опять сбились в общую кучу. Поди, разбери теперь, кого и куда тащить на расправу.

Сообразив, что грешно не воспользоваться на редкость удобным моментом, первым выскользнул за ворота Иван Бабарыкин. Его примеру с живостью последовали остальные. Вывалив на улицу, задержанные приурадили бежать, резво растекаясь по задворкам.

-Стой!.. Назад ... , мать вашу!.. – подняли переполох опомнившиеся солдаты, заклавав затворами. Однако стрелять в беглецов не решились, поскольку приказа не было. Опешивший вместе со всеми унтер, среагировал с опозданием, предпринятые им меры привели к задержанию всего нескольких, ни к чему не причастных мужиков. А те тридцать шесть, обречённых на какую-то особую расправу, благополучно скрылись за околицей. Раздосадованные каратели сорвали злость, исхлестав шомполами всех, попавшихся на глаза, в том числе и Игнатия Чуприкова.

-Теперича, похоже, эти ухорезы за нас примутся, - мрачно определил Иван Ширянкин, закуривая.

Вскоре, действительно громыхнул замок, дверь распахнулась, в её проёме показался уже знакомый унтер.

-Ты и ты, - ткнул заскоружлым пальцем в сторону Петра и Чернова и Ивана Белоглазова, оказавшихся ближе всех к дверям. – На выход!

-Ну, прощевайте, братцы... - дрогнувшим голосом выговорил Чернов, покидая амбар.

-Не поминайте лихом... - добавил Белоглазов, последовав за ним.

-Скоро свидимся. На том свете... - нашёл в себе силы пошутить Карп Тулупов.

Дверь захлопнулась, лязгнул ржавый замок, опять наступила гнетущая тишина. В привычном сумраке лишь пыхали красные огоньки самокруток. Все чутко прислушивались к малейшим звукам, доносившимся снаружи. Поначалу угадывались только размеренные шаги часового, да откуда-то издали, доносился протяжный, сразу в несколько голосов, тоскливый собачий вой. А собаки воют, известно, к покойникам....

Вдруг, пронзительный женский крик перекрыл все звуки. В стороне Лазутинского переулка возник какой-то шум-гам. Послышалась матерная руготня, затем, раз за разом, хлопнули два винтовочных выстрела. Женский крик оборвался на полуноте. Чья-то жена, оказавшись вдовой, зашла в безутешном плаче....

Узникам чуприковского амбара не надо было объяснять значение случившегося. Развеялись последние сомнения относительно ожидавшей их участи. Белая с косою нетерпеливо переминалась за порогом, и каждый коротал последние мгновения по-своему. Одни, охваченные тоской, замерли, словно окаменев. Другие нещадно палили табак. Третьи метались из угла в угол, бормоча не то молитвы, не то проклятия. Кто-то всхлипывал. Лишь Пётр Суханов, по прозвищу Петя Хитрый, не поддался общему унылому настроению. Он принялся деловито закапываться в кучу кудели, сваленной в углу запасливым хозяином. Хлопотливая суета несколько развлекла его товарищей по несчастью.

-Вишь ты, чего удумал – от смерти спрятаться.

-Ловкач!

-Нет уж, видно, от судьбы не убежишь.

-Знамо дело.

-А чем чёрт не шутит, когда Бог спит, - бесшабашно отвечал из-под кудели неунывающий Суханов, - Вдруг, да пролезет.

Меж тем, опять залязгал замок, раскрылась дверь, тот же заскоружлый палец ткнул в одного, второго, а, поколебавшись, и в третьего обречённого. Снова последовало печальное прощание, затем – уже знакомое тягостное ожидание своей очереди, обострявшее жажду жизни до крайности, буквально до безумия. И потому,

когда унтер появился в очередной раз, некоторые начали прятаться за спины товарищей, надеясь хоть ненадолго оттянуть роковой конец, пожить хоть ещё чуть-чуть, хоть одну лишнюю минуточку...

Но прокуренный палец беспощаден и неумолим, как перст судьбы. С бесстрастной последовательностью вытягивает из амбара новых и новых смертников.

Никита Левин воспринимал происходящее, как в дурном сне. Не прятался за чужие спины, но всякий раз корявая длань огненного унтера упиралась не в него, давая возможность мысленно окунуться в прошлое, поискать ответа на извечные вопросы: Зачем появился на свет? Не напрасно ли коптил небо? С чем предстанет перед святым Петром?

Жизнь Никиты сложилась не лёгкой. С малых лет трудился с двумя братьями в маломощном хозяйстве отца. Пришлось и побатрачить на местных богатеях, помогая семье сводить концы с концами. Но в свои двадцать четыре года был полон великого жизнелюбия и ему, до крика, не хотелось умирать. Особенно теперь, когда над Причулымьем забрезжила заря новой жизни. Он нисколько не сомневался, что песенка колчаковцев спета, зверства белых отталкивали население, одновременно увеличивая ряды их противников. Идеи же большевиков близки и понятны каждому безграмотному мужику. Откровенно говоря, и не в идеях дело. Ведь Александр Васильевич Колчак тоже отстаивал принципы демократической, как он их понимал, революции. Средства достижения провозглашённых целей кардинально отличались.

С одной стороны – шомпола, расстрелы, *красные петухи*. Не напоминает: «Заставь дурака богу молиться – он и лоб разобьёт». С другой – уважительные разговоры с мужичками о воле, о земле, о мире. А это, по сути: «Доброе слово и собаке приятно»? Безусловно, многим хотелось, и поучаствовать в ограблении грабителей, восстановлении, так сказать, справедливости, благо и в писании сказано: - все равны перед богом. Выходит – борьба за правду. А правда кривду завсегда одолеет. Не может не одолеть!

Первая встреча Никиты с большевиками произошла ещё на германском фронте, где они вели антивоенную пропаганду. Почва оказалась благодатной. Измученные, уставшие от войны, вшей, крови, грязи солдаты с воодушевлением воспринимали призывы: Землю – крестьянам! Фабрики – рабочим! Мир – народам!...

Ещё ремарка. Лозунги чистые, правда, в конечном счёте, идеализм или цинизм их провозвестников, а может гремучая смесь из идеализма с цинизмом, сбили нашим гражданам мозги набекрень. А с мозгами набекрень выдавливать из себя рабов каплями, как советуют классики, - безнадёжное дело! Принялись, так нам сподручней, вычерпывать вёдрами. Эти вёдра образовали поток, в первый раз в двадцатом веке, смывший Великую Империю. Государь отрёкся, отрёкся и народ. Ликование на фронте воцарилось повсеместное, как на Пасху. Между тем, шёл Великий пост.

Наш последний монарх не был диктатором или тираном. Скорее просвещённым демократом. Таких сейчас нет. После революции 1905 года ему предлагали уничтожить несколько сот революционеров. Государь не разрешил:

-Человек подвержен воздействию зла, но он может исправиться, покайся. Нужно дать шанс каждому.

И многие в стране думали также? Вот то – то и оно. Получилось, он преподавал практический урок последующим диктаторам и тиранам, причём, не только нашим. На тему - как не надо вести себя с политическими противниками. Ленинский почин, лета 1918 года: «Запереть в концентрационный лагерь!», показался различным *отцам* различных наций, куда как более действенным. И насмотрелись мы в двадцатом веке на гуглаги, маутхаузены, испанских детей, чилийские стадионы, полпотовские *братские могилы*....

Правда, *Кровавым* - то прозвали нашего последнего императора. Было Ходыньское поле, было и *Кровавое воскресение*, были и *военно – полевые суды*,

учреждённые в период первой русской революции. Действовали они восемь месяцев, с 19 августа 1906 года по 20 апреля 1907 года. По их приговорам с августа по январь казнили 629 человек. Вот так, начало века положило и началу очередной девальвации человеческой жизни в России. Ну, хоть тресни, не везёт нам с этими демократиями! У нас или сильная рука или слабак! Стоит вожжи чуть отпустить, тут мы и понесём, не разбирая дороги! Чуть охолонем, оглядимся – ба, а где это мы? Уф, слава те, снова в том же (матерки придётся опустить), в общем, мы все знаем каком нехорошем месте.

Когда Временное правительство отменило обязательные богослужения на фронте, в храмы стало ходить только десять процентов солдат. Но ведь окопы – место не для атеистов! Последствия известны – братания, развал фронта, разруха, позорный Брестский мир, буквально накануне победы стран Антанты. С апофеозом в виде Гражданской войны.

Но продолжим. Вернулся в родную Казанку в октябре 1917-го бывший рядовой Никита Левин уже убеждённым большевиком. Поэтому ничего удивительного в появлении его в отряде Гончарова нет. Хотя за убеждения в этом прекраснейшем из миров часто приходится платить. И платить, что тоже не удивительно, собственной жизнью....

Кроме Никиты в амбаре оставался только Василий Сычёв, естественно, не считая Петра Суханова, когда палец унтера поманил, наконец, и его. Оказавшись во дворе, он невольно зажмурился, поскольку глаза его, привыкшие к полутьме, зарезало от обильного света. Проморгавшись, к своему удивлению обнаружил, что солнце склонилось уже на вечер, последний, судя по всему, вечер в его жизни.

-Больше никого не осталось? – для порядка поинтересовался унтер, заглядывая в открытую дверь амбара.

-Не. Мы – последние, – поспешил заверить Никита. Ему, вдруг, до боли захотелось помочь Пете Хитрому осуществить его хитрый план. И он выразительно посмотрел на Сычёва: смотри, мол, не выдай человека.

-А ну-к, проверь – не спрятался ли там кто, – будто прочитав его мысли, велел, недоверчивый унтер часовому.

Тот шагнул в дверь и, видимо плохо ориентируясь со света, принялся наугад ширять штыком по углам сарая. Ткнул он пару раз и в кучу кудели, но, по счастью, не угодил ни разу в затаившегося Суханова.

-Ну, что там? – раздался нетерпеливый окрик

-А никого тут не осталось. Амбар пустой. – Доложил солдат, вылезая наружу.

-Тогда пошли. Господин поручик уже ругаются, чего мы долго канителиться.

Левин шёл, подталкиваемый конвоиром в роковой Лазутинский переулочек и никак не мог примириться с мыслью, что вот этот конопатый рыжий унтер, от которого и на расстоянии сильно разит сивухой, поставит последнюю кровавую точку на его, ещё мало житейской жизни, погасит для него навсегда солнце, лишит его старую мать сына, молодую жену – мужа, малолетнего сынишку – отца....

Лобное место каратели устроили у кузницы Михайлы Чучейкова, стоявшей на берегу речки в самом конце переулочка. Даже много всякого повидавший на фронте, Никита невольно содрогнулся, увидав представшую перед ним ужасную картину.

Окровавленные трупы казнённых, в беспорядке валялись в неестественных, скрюченных позах, по всей ширине переулочка. Большинство их было обезображено штыками до неузнаваемости, некоторые – обезглавлены.

Жуткое зрелище! Особенно, если знаешь, что и тебе уготована та же незавидная участь....

-Разоблакайтесь! – вывел Никиту из мрачного оцепенения резкий голос рыжего, он и здесь был за главного распорядителя.

Когда они разделись до нижнего белья, из-за кузницы вышел батюшка Иваницкий, а следом появился и поручик Савицкий, всё также небрежно похлопывающий прутиком по голенищу. Глаза у обоих блестели, лица полыхали румянцем. Поручик умудрялся ещё и ковырять в зубах, поп что-то выскребал из бороды. Похоже, за кузницей они справляли походные поминки по новопреставленным рабам божьим.

-Исповедайтесь в прегрешениях ваших, сыны мои, дабы с покаянием предстать перед престолом всевышнего. - Елейно проблеял святой отец, с трудом сохраняя приличествующий случаю вид и равновесие.

-Не тряси сутаной, чучело! – задохнулся от негодования Никита, яростно глядя на опешившего пастыря божьего. – «Исповедайтесь» - передразнил он батюшку. – А лом в жопу, иуда, не хочешь?!

Обескураженный столь резкой отповедью, батюшка невольно попятился, воздев вверх дрожащую руку с крестом: «Свят, свят!»

-Чё ж, ты, святой отец, про «не убий» своих дружков не наставляешь!? Как ни как, грех – то смертный! Ну, а на нас крестом - то не маши, не гневи ты, зазря бога. – Не остался в стороне и Василий Сычёв. – Да и ручонки побереги, не ровён час - отсохнут!

-Но, но! Вы!...- прикрикнул поручик и торопливо махнул прутиком, давая знак солдатам

Тут же гроыхнули выстрелы. Никите, будто кто хорошим дрыном врезал по левому плечу и он, как подкошенный, рухнул на землю, лицом вниз. Свалившись, ещё не понимая произошедшего, первое, что почувствовал, вопреки всему, жгучую радость: «Жив!»

Однако главные испытания ещё только начинались. Опять раздались выстрелы. На сей раз «дрыном» заехало по левой ноге. Нестерпимая боль пронзила ступню. И опять обнаружилось, что он, по-прежнему, жив. Осознание этого теперь для него было главней всех болей. Звериное буквально, желание жить помогло ничем себя не выдать. Подумалось: - Авось, да пронесёт. Перехитрил же смерть Петя Хитрый! Почему бы и ему не попробовать? Только дай бог выдержать – не закричать диким криком, не задёргаться. Проклятые раны огнём горят....

-А ну-ка, пощупайте их для верности! – услышал он, сквозь меркнувшее сознание, команду поручика и похолодел, соображая, что наступил его смертный час, сил держаться и дальше уже не оставалось.

Снова страшная боль, штык карателя прошёл под левой лопаткой и вышел под мышкой. Никиту, на мгновение, вышибло из памяти, но опять он не издал ни звука. Сработал тот же звериный инстинкт. Очнувшись, с удивлением и радостью ощутил, что и на этот раз остался жив. И опять ничем себя не выдал. Однако силы покидали приговорённого. Но затухающий огонь его жизни, словно ветром раздувала лютая ненависть к истязателям, страстное желание сквитаться с ними за свои и чужие муки, за смерть товарищей.

Между тем, Смерть всё ещё стояла у его изголовья. Унтер-офицер, проявляя недюжинное служебное рвение, «пощупал» Никиту ещё разок. На сей раз, штык угодил в правую лопатку и пропорол лёгкое. Никита провалился в чёрное беспамятство, теперь уже надолго....

-Михаил, а Михаил! Слышь, что ли! Проснись!

-Чего тебе?

-Хтой-то стонет.

-Где?

-У нас во дворе, вроде бы.

-Что ты несёшь, глупая баба!

-Вот, ей-богу! Да ты сам послухай.

Михаил Расторгуев прислушался и ничего не услышал.

-Тебе со сна, всё какая-нибудь ерундовина померещится, - определил он с досадой и повернулся на другой бок. Но в это время послышался звук, действительно похожий на стон. И вдобавок, в дверь постучались, или поскреблись. Ему сделалось жутковато. У жены вообще, зуб на зуб не попадал от страха.

-Теперича, услышал, небось? – домогалась она.

-Услыхал. Ну и что? Поди, какие-нибудь озорники шутки шуткуют. Попугать хотят...

-А можа, это из энтих кто?

-Ты, про каких таких энтих, балакаешь?

-А про исказнённых....

-Ну, эт - ты брось! Выкинь из головы такую несуразицу, - уверенно возразил он. – Про тех и говорить даже нечего. Я сам, скрозь заплот маленько поглядел, как белопогонники мужиков казнили. Жуткое дело. Смотреть и то, волосья дыбом становятся. Сперва их стреляли, а потом ещё и штыками пропарывали. Иных и шашками, будто капусту, тяпали. Ивана Курзенёва первый раз кольнули, он вскрикнул, дак его потом всего изрешетили, живого места не оставили. Вдобавок, ишо и башку снесли. А ты говоришь....

-Но ведь, стонет же хтой-то!

-Вот заладила!

Расторгуев нехотя слез с кровати и принялся на ощупь одеваться.

-Можа, лампу зажечь? – предложила жена, которой в темноте было шибко боязно.

-Ладно, зажги. Да только шторы на окнах хорошенько задёрни, - распорядился хозяин и вышел в сенцы.

-Хто там? – подойдя к наружной двери, окликнул он.

-Это я... Ни-ни-кита... Левин....

-Никита Левин? – недоверчиво уточнил Расторгуев.

-Я... я... самый и есть....

-Но постой.... Как же так? Ведь тебя ж, расстреляли.... И штыком, потом ешо прокалывали.... Я сам видал. – Растерянно бормотал Расторгуев, торопливо крестясь, на всякий случай. А вдруг, то нечистая сила скребётся, под видом Никиты Левина? От крестного знамения нечистая сила должна сгинуть обязательно, однако голос за дверью, продолжал молить:

-Помогите.... Ради всего святого....

Михаила прошиб холодный пот. Признаться, любого другого точно также шибануло бы. Шутка сказать – в глухую ночную пору к нему в дом просился покойник....

И всё же, набравшись мужества, он откинул крючок.

-Ну, чего zenки вытаращила? - прицыкнул на жену, втащив окровавленного Никиту в избу, - Крови, что ль, сроду не видала? Давай воду кипяти, да чистую холстину доставай. И поживей поворачивайся!

Вскоре Никита Левина лежал в горнице на чистой постели, обмотанный вдоль и поперёк чистыми холстинными бинтами. Раны его промыли тёплой кипячёной водой, затем на них наложили алой и листья «живого» дерева, незаменимого в подобных случаях. Самого его заставили выпить какого-то целительного снадобья, настоящего на перваче. Народная медицина благотворно подействовала на раненого. Он перестал стонать и метаться, впав в глубокое забытьё.

Наутро, Расторгуев с помощью Ивана Чуприкова, позванного им на всякий случай, для подстраховки, как колчаковского служивого, доставил Никиту домой. Домашние, сперва завыли, было, над ним, словно над покойником, потом, разобравшись, что он жив, стали думать и гадать, как быть дальше. Ничего другого не

придумав, жена Анна отвезла его в Ново-Кусковскую больницу, под видом тифозного. Осталось уповать на искусство врачей, местные знахари лишь разводили руками, кости вправить, с пулевыми ранениями справиться – с грехом пополам смогли бы. Иное дело – русский трёхгранный штык, раны оставляемые им, легко затягиваясь на входе, оставляли гниющий канал в теле, что, без оперативного вмешательства не оставляло обладателю этого самого тела шансов на благополучный исход.

Нелёгкий и сложный путь возвращения страдальца к жизни продолжался....

Вот так, собственно, и получилось, что обрекли к смерти 15 узников Чуприковского амбара, расстреляли – 14, а в перечне на обелиске братской могилы в Казанке, под нехитрой эпитафией: *«Расстреляны колчаковскими карателями 12 мая 1919 года»*, значатся 13 фамилий. Да, одному из приговорённых удалось чудом избежать расстрела, а одному из расстрелянных удалось чудом остаться в живых. Что ж, у судьбы своя арифметика, где дважды два не всегда четыре!

7. В З Е М С К О Й Б О Л Ь Н И Ц Е

*Медицина поистине есть самое благородное из всех искусств.
Гиппократ.*

-Коля, будь добр, посмотри одного пациента.

-Что за пациент, Леля?

-У него два пулевых и два штыковых ранения. Состояние – крайне тяжёлое. Необходимо посоветоваться, насчёт его лечения.

-Кто-то из раненых солдат? Впрочем, я их всех осматривал, штыковых ранений ни у кого из них не наблюдалось.

-Нет, он не солдат.

-Ну вот, ещё немного, и я буду заинтригован.

-Это молодой крестьянин из Казанки. Его вчера привезли.

-А позволительно ли будет мне полюбопытствовать, кто это, а главное - за что, молодого человека столь серьёзно изувечил?

-Его жена, которая и доставила его в больницу, утверждает, что он был расстрелян колчаковцами.

-И остался жив?

-Выходит, так.

Заведующий Ново-Кусковской земской больницей, Николай Александрович Лампсаков удивлённо посмотрел на жену через стёкла золотого пенсне. Его холёное, интеллигентное лицо, украшенное тщательно ухоженными усами и бородкой, а ля Чехов, тронула недоверчивая усмешка.

-Ты меня, случаем, не разыгрываешь?

-Такими вещами не шутят, - покачала головой Елена Дмитриевна, - Несчастный просто чудом остался жив.

-Следовательно, он – красный?

-Разве, в данных обстоятельствах, это имеет значение? Тяжёлый больной нуждается в неотлагательной медицинской помощи. По-моему, вполне достаточно оснований, чтобы мы занялись его лечением.

-С формальной точки зрения, ты, безусловно, права. Однако есть одно но....

-Ты хочешь сказать, если больной оказался красным, мы не должны его спасать?

-Боюсь тебя огорчить, моя дорогая, но, по правде говоря, не хотелось бы иметь ничего общего с подобными субъектами.

-Опомнись, мой милый! Коля, а как же клятва Гиппократа? Надеюсь, для тебя, заветы великого врачевателя, по-прежнему, не пустые словеса?

-Разумеется, я отлично помню о своём врачебном долге, но, ещё раз но....

-Иначе говоря, господин «но» - это «их благородие» капитан Суров?

-Да при чём тут Суров? Хотя.... Недоразумения с военными властями больницы пользы, уж совершенно точно, не принесут.

-Ах, какие мы осторожные!

-Время такое, вот и приходится быть осмотрительным.

-Вот, вот, время такое. Только время, уж совершенно точно, не для карасей - идеалистов и не для премудрых пескарей.

-В каком смысле, дорогая? – сделал непонимающее лицо премудрый идеалист. Ему доставляло нескрываемое удовольствие наблюдать за азартным натиском жены. Сейчас она удивительно напоминала ту задорную студентку, в которую он когда – то безоглядно влюбился.

-Тебе не приходила в голову простая мысль, что ещё бабка надвое сказала, чей верх, в конечном счёте, окажется в этой заварухе.

-Выражаясь казённым языком, спрошу, уж не сочувствуешь ли ты красным, Леля? – добавил перца в дискуссию нарочито пристрастный оппонент.

-Я сочувствую больным. Что же касаето красных.... Они выступают против угнетения людей людьми, за счастье простого народа. А вспомни историю США, войну Севера и Юга, Францию, наконец, не за то ли самое и мы ратовали когда-то на студенческих вечеринках? Только мы, как истинные интеллигенты, поболтали красиво и успокоились. А большевики, и тут нельзя им не отдать должное, борются за воплощение своих, может и утопических, идей в открытую, не щадя ни себя, ни противника. И, если быть до конца справедливыми, врагов не щадят - да, но население - то не мордуют, не мародёрничают! В отличие от бравых защитничков правопорядка....

Елена Дмитриевна даже порозовела от волнения. Чувствовалось, высказанные мысли не сейчас пришли ей на ум, изливалось давно накопившееся.

Николай Александрович с интересом продолжал слушать жену. С одной стороны, доводы, приводимые, пусть и с женской импульсивностью, перекликались с его собственным анализом ситуации. Достаточно сравнить поведение солдат и партизан. Грубо говоря, против фактов не попрёшь. Разгромив волостную милицию, возглавляемую незадачливым Ивановым, повстанцы наутро устроили митинг. На нём выступил их командир Гончаров с речью, объявив о восстановлении Советской власти в волости, и призвал новокусковцев всеми силами её поддерживать. Декларировалась полная добровольность, без применения порок, расстрелов, прочих карательных акций.

Зато Суров, заявившись в село, начал с казни двух человек, затем перепорол шомполами каждого третьего мужика. Не потрудившись разобраться, кто здесь, чем дышит. И наломал дров. Если до порки среди сельчан преобладали нейтральные настроения, многие, вообще, не имели ничего против власти Верховного правителя, то после – практически у всех, в одночасье, настроения сменились на откровенно пробольшевицкие.

С другой стороны, знание истинного положения вещей, крайне огорчившее Николая Александровича, собственно, ничего для него не меняло. Приходилось служить власти, с недавних пор, столь непопулярной среди простого люда, хоть, кто бы знал, как это не просто. Осознание собственного бессилия, невозможности что-то изменить, предотвратить разыгрывающуюся на его глазах трагедию агонизирующей диктатуры, тяжёлым грузом давила на плечи. «Делай, что должен...» – вспомнился ему французский император.

-Ладно, пойдём смотреть твоего больного. - Направляя разговор в практическое русло, предложил он.

-Давай мы его всё-таки вылечим, Коля. - Закрепляя достигнутое согласие, попросила Елена Дмитриевна.

-Ну, хорошо, хорошо. Ты же знаешь, я ни в чём не могу тебе отказать, – залил перец изрядной порцией еляя супруг. - Чудес не обещаю, но всё возможное предпримем.

Никита Левин очнулся от лёгкого прикосновения чьей-то мягкой тёплой ладони ко лбу.

-Кажется, температура спала, - услышал он приятный женский голос и открыл глаза. Не поворачивая головы, с трудом повёл мутным взором по сторонам и ничего не понял. Где он? Что с ним? Кругом всё непривычно белое – стены, потолки, шторы на окнах, сами окна. Над ним склонилась миловидная женщина в очках. Тоже вся в белом. От неё исходил тонкий аромат духов. Просто рай... Если бы в нос не шибало лекарствами, не горело бы так тело, не жгло бы в груди, не выворачивало бы, будто раскалёнными щипцами, ногу. От боли даже дух захватывало. Перед глазами плавали разноцветные круги, во рту было совсем сухо. В глотке – тоже.

-Пить... - слабо прошептал он.

-Алёна, подай воды, - распорядилась склонившаяся над ним женщина, - Не больше полстакана. И поставь градусник.

До Никиты, после упоминания о градуснике, дошло, что находится он в больнице. А женщина в очках, не иначе, как сама Елена Дмитриевна, о которой он слышал много хорошего. На душе у него сразу стало легче. Рай, кто спорит, место хорошее, но на грешной земле тоже совсем неплохо. Будучи чрезвычайно слабым, то и дело впадая в забытьё, он и воспринимал происходящее вокруг, словно во сне.

Вот над ним склонилось другое женское лицо, о зубы его звякнуло прохладное стекло стакана. Воды оказалось слишком мало, чтобы залить бушующий в груди пожар, и Никита попросил ещё. Но больше ему не дали, а лишь приложили ко рту мокрую тряпицу.

Затем Никита очень близко от себя увидел мужское лицо в золотом пенсне, на него пахло запахом дорогих папирос и одеколona. Опять ему щупали лоб, заглядывали в глаза, приподнимая веки, осторожно разматывали повязки.

-Антонова огня, кажется, нет, - резюмировал Николай Александрович, - Но необходима срочная операция.

Потом, склонившись к самому лицу раненого, спросил:

-Это тебя кто так? Суровцы?

-Нет....

Никите казалось, что он выкрикнул, на самом же деле он еле прошептал это слово, опять провалившись в беспамятство. Он уже не слышал, как Елена Дмитриевна выговаривала мужу за неуместный вопрос, затем потребовала покинуть палату, сердито заявив, что в таких помощниках она не слишком-то и нуждается.

Когда он открыл глаза в следующий раз, в палате находилась лишь медсестра.

-Пить....

-Ох, горе ты моё луковое, да ведь, нельзя же, тебе пить-то. Вредно же.

-Пить....

Сжалившись, она позволила ему выпить глоток. Алёна (Елена Павловна Панина), смотрела на истерзанного пациента, удивляясь и восхищаясь силе духа молоденького паренька, бросившего вызов самой смерти. Симпатичное лицо Паниной с бедовыми зеленоватыми глазами, слегка побито оспой, за что и присохло к ней на селе прозвище Алёна Рябая. Понимая, что обижаться на, мягко говоря, не завидное прозвание – себе дороже, давно перестала обращать внимание на подобные пустяки. В деревне прозвище также неизбежно, как судьба. Лёгкий, общительный характер её позволял быстро находить общий язык с любыми больными, даже с самыми нервными и тяжёлыми. Она не сюсюкалась с ними, не говорила сладких утешительных слов, а вела себя так, будто перед ней совершенно здоровые люди. Психологически верная манера поведения действовала на пациентов благотворнее всяких слов утешения, даже самых целительных микстур.

Некоторые выздоравливающие пытались ущипнуть разбитную сестру милосердия, а то и приобнять пониже талии, но она, с неизменной ловкостью увёртывалась от вульгарных знаков внимания и шутливо, но твёрдо осаживала пылких ухажёров. К их вящему неудовольствию.

-Ну, паря, ты просто в рубашке родился, - подавая жаропонижающую микстуру, сделала вывод Алёна, - Теперь сто лет проживёшь, раз уж, считай, из покойников воскрес.

-Да я, и не супротив... - через силу улыбнулся Никита.

-Лежи спокойно, не разговаривай, - спохватилась сестра, - Тебе пока лучше помолчать, а говорить я буду. Слушай, Елена Дмитриевна сказала, что, мол, не я буду, а этого больного, тебя, тоись, на ноги поставлю. Понял? Вот то-то и оно....

Раздавшиеся за дверью голоса прервали намечавшийся монолог. Спорили мужчина и женщина. Прислушавшись, Никита понял, что разговор шёл о нём.

-К нему нельзя, он в крайне тяжёлом состоянии, - убеждала кого-то Елена Дмитриевна.

-Но он может говорить? – настаивал чей-то незнакомый мужской голос. Резкий и властный.

-Разумеется, нет.

-А отвечать на вопросы?

-Поймите же, наконец, капитан, здесь вам не застеноч, а больница. Допросы устраивайте в других местах. В больнице, извините за каламбур, мы лечим, а не калечим. Тем более, речь идёт о жизни или смерти, при данных обстоятельствах, даже малейшее волнение противопоказано.

-Простите, Елена Дмитриевна, однако я вынужден настаивать. Иначе прикажу солдатам доставить его ко мне в штаб, надеюсь, дальнейшее вам объяснять не нужно.

-Вы не посмеете, господин капитан!

-Посмею, уверяю вас, посмею, мадам.

-Вы – чудовище! Что ж, ладно: «Париж стоит мессы». Задавайте ему свои вопросы, только ради всего святого, побыстрее оставьте несчастного в покое.

Дверь распахнулась, и в палату вошёл, в сопровождении расстроенной Лампсаковой, невысокий черноусый офицер. Он подошёл к кровати и вперил в Никиту пронзительный, недобрый взгляд, явно упиваясь своим превосходством и беспомощностью жертвы. В какой-то момент, Елене Дмитриевне и Алёне, смотревшим со страхом на капитана, показалось, что тот сейчас набросится на распростёртое тело.

Левин взирал на офицера, не отводя глаз, мобилизуя волю, чтобы не провалиться в беспамятство, до конца выдержать яростный взгляд, буквально сверливший его. Нечто, вроде уважения, шевельнулось в чёрствой душе капитана. «Всё потеряно, кроме чести», - некстати вспомнилось ему, вслух же, прерывая немую сцену, произнёс:

-Ты был в партизанском отряде? – голос прозвучал резко, как удар хлыста.

-Нет.

-Врёшь!

Остатки сил покидали Никиту, в глазах уже привычно помутилось, в ушах зазвенело. Язык перестал слушаться, челюсти сдавило нервными спазмами, губ разомкнуть не удавалось. Нелепое желание плюнуть в мучителя, осталось неосуществлённым. Апатия и безразличие победили, всё одно - не жилец он, так скорей бы к какому-нибудь концу.

-Ну!?

-Хватит, капитан! – не выдержала Елена Дмитриевна, - Вы что, не видите, что ему плохо? Уходите сейчас же. Слышите?

Офицер метнул на неё традиционно недобрый взгляд, вдруг лучезарно улыбнулся и быстро вышел, громко клацая по полу коваными каблуками. Вслед за ним вышла и Лампсакова. Алёна проводила её тревожным взглядом.

-Кто это? – наконец смог выговорить раненый.

-Капитан Суров.

-Разрешите?

Николай Александрович вздрогнул от неожиданности. В последнее время, что-то у него расшалились нервы. В широко распахнутых дверях его приёмного кабинета, возник капитан Суров. Он был в полной полевой форме и даже при сабле, которая, при его небольшом росте, волочилась по полу.

-Входите, капитан, - хмуро пригласил заведующий больницей, делая вид, что отрывается от чрезвычайно важных дел. Елена Дмитриевна рассказала ему о стычке, произошедшей накануне. Её взволнованный рассказ неприятно удивил и слегка шокировал его. Николай Александрович согласился с женой, что поведение капитана, иначе как хамским не назовёшь, и, следовательно, с ним, соответственно, тоже не следует излишне церемониться.

Суров вошёл, гулко грохоча пыльными сапогами по чистому, блескучему полу, явно бравировав выправкой. Как и многие невысокие люди, он был прекрасно сложен.

«Мог бы и потише, - поморщился Лампсаков, - здесь же не плац для строевых занятий...».

А капитан, меж тем, подойдя к столу, бесцеремонно плюхнулся на стул для посетителей. Потом достал из кармана бридж удивительно свежий носовой платок и принялся промокать потное, разгорячённое лицо.

-Чему обязан? – сдержанно напомнил о себе заведующий больницей.

-Простите, доктор, за вторжение, - спохватился Суров, - но, ей-богу, мне сейчас не до этикетов. Чертовски устал. Просто рад месту.

-Может, хотите выпить? – предложил хозяин кабинета, оценивший извинения визитёра.

-С превеликим удовольствием. На дорожку стаканчик-другой не помешает. Не зря у нас на Руси посошок придумали.

-Вы, что, Владимир Александрович, куда-то отбываете?

-Точно так.

-Вас вызывают в губернию?

-Никак нет.

-Разрешите полюбопытствовать, куда, в таком случае, вы направляетесь, если, конечно, сведения о маршруте передвижения не носят, упаси Бог, характер военной тайны.

-От вас, любезнейший доктор, у меня нет и быть не может никаких секретов. Ухожу за Чулым.

-Со всем отрядом?

-Да.

-Но, позвольте... - растерялся Лампсаков, - Как же так? Что за неотложные дела у вас за Чулымом?

-За реку скрылась большевистская банда Гончарова. Мне же приказано её уничтожить. И я уничтожу её, не извольте сомневаться!

-А нашу волость, простите великодушно, вы оставляете на произвол судьбы?

-Почему же на произвол судьбы? Здесь остаётся милиция.

-Не вам мне объяснять, капитан, на что способна эта наша доблестная милиция. Только самогон хлестать, да за бабёнками ухлёстывать. А как красные бандиты появляются, так они – подай Бог ноги.

-Я вполне согласен с вашей, надо сказать, достаточно профессиональной, оценкой боевых качеств наших отважных милиционеров. - Усмехнулся офицер. - Но, думаю, вам, всё же, опасаться, особо не следует. На красных и прочих серобурмалиновых мы нагнали такого страху, что они долго сюда не сунутся.

-Не знаю, не знаю. Придётся, видно, писать в губернию, - с сомнением покачал головой заведующий больницей. И поспешил сменить тему: Ну, хватит о грустном. Давайте челокнемся на прощанье. А то, мы совсем забыли про пососок. Что вы предпочитаете, капитан, - коньяк, спирт?

-Исключительно – спирт.

-Ну, а теперь, Николай Александрович, у меня к вам, ещё одно пустяковое дельце. – Суров выпил, слегка поперхнувшись.

-Весь внимание.

-Во вверенной вам больнице нашёл приют, как ни странно, один мой *крестничек*.

-Что за крестничек? – недоумённо вскинул брови Лампсаков, хотя сразу догадался, о ком идёт речь. Необходимо было выиграть время для определения своей позиции в связи с меняющейся ситуацией. Правительственный отряд уходил, а ему, в дальнейшем, придётся иметь дело с «обществом», изрядно «покрасневшим», в результате одиозных деяний колчаковцев. Нет, права Елена Дмитриевна, взявшая на попечение раненого пациента и сумевшая отстоять его, не только перед ним, но и перед нахрапистым капитаном. Рубикон переяидён, теперь этого пациента надо беречь, как зеницу ока.

Суров, косил на него тёмными, слегка хмельными глазами и неприятно ухмылялся.

-Вот уж, никогда бы не подумал, что вы, милейший Николай Александрович, способны помогать всякого рода бандитствующим смутьянам.

-Шутить изволите, Владимир Александрович, - подобрался Лампсаков.

-Ладно, допустим, я пошутил, - продолжал криво улыбаться офицер. Однако, факты – упрямая вещь, в больнице лежит не добытый красный партизан, словно бог весть, какая важная персона.

-Кого вы имеете в виду?

-Мужичка из Казанки?

-Может, вы потрудитесь назвать и его фамилию?

-Охотно – Левин. Если память мне не изменяет.

-Да, есть такой.

-Стало быть, он вам известен.

-Разумеется. Я помню фамилии всех своих больных.

-Вам, очевидно, известен и характер его, так сказать, заболевания?

-Естественно. Я сам его осматривал и прописал соответствующий курс лечения. – Николай Александрович окончательно сжёг переправы.

-Вон даже как! – изобразил удивление собеседник, - Весьма любопытно, весьма. А минуту назад, вы утверждали, будто не помогаете красным.

-К вашему сведению, милейший, я лечу больных не по цвету их убеждений, а исключительно от их заболеваний, - сухо возразил задетый за живое заведующий больницей. В этом, вам сиё прекрасно известно, состоит мой долг врача.

-Известно, как вы изволили выразиться, прекрасно известно, - любезность капитана не знала границ, - Но, позвольте вам заметить, милейший (а получи-ка назад милейшего) доктор, у меня тоже есть долг. Перед Отечеством и Верховным правителем. Заключается мой долг, вероятно для вас сиё то же не секрет, в искоренении большевистской заразы всеми доступными средствами, что я и проделываю в вашей волости. Вышеупомянутый Левин был расстрелян по моему приказу, но каким-то загадочным образом остался жив и очутился в больнице, на вашем попечении.

-Что же из этого следует?

-Следует то, Николай Александрович, что, если кому должно умереть, тот никак не должен оставаться среди живых. В противном случае, у местных челдонов

могут возникнуть беспочвенные иллюзии, будто можно избежать сурового, согласен, подчас излишне сурового, но справедливого возмездия.

-Иначе говоря: «Пусть погибнет мир, но свершится правосудие», то есть, вы хотите добить злосчастливого Левина?

-Вы на редкость прозорливы, доктор.

-Благодарю, однако, боюсь, планы ваши, в обозримом будущем, не осуществимы.

-По крайней мере, откровенно. Вы намерены воспрепятствовать их осуществлению?

-Да. И самым решительным образом! К тому же, я сильно сомневаюсь, что свершится именно правосудие.

-Вам так дорог, прошу прощенья, бандит с большой дороги?

-Мне дорога моя репутация врача. Признаюсь, я далеко не святой, но клятва Гиппократова для меня – свята. Да и вам, Владимир Александрович, следовало бы помнить, что не в традициях русских воинов добивать раненых.

-Ну, хорошо, хорошо, доктор, не будем ссориться по пустякам, - неожиданно сдался Суров, - Будь по-вашему. Дарю вам вшивого лихоимца. Всё равно, никакого вреда он нам ещё долго причинить не сможет. Лечите его на здоровье, сколько влезет. - Хохотнул офицер, - Но когда поставите бедолагу на ноги, мы его снова расстреляем. И тогда уж, будьте покойны, ему придётся отправиться в преисподнюю.

-Сдаётся мне, капитан, вы ещё не всевышний, не истина в последней инстанции. А в остальном, почему бы и не положиться на волю божью, - примирительно улыбнулся Николай Александрович, - Лучше давайте выпьем ещё по одной на дорожку.

-С удовольствием! – просиял и Суров.

Проводив гостя, Николай Александрович с облегчением перевёл дух. А потом долго ходил по кабинету из угла в угол, нервно теребя аристократическую бородку.

...Большевицкое восстание, вспыхнувшее в причудльском районе с двадцатых чисел апреля месяца с.г., в настоящее время можно считать оконченным.

Выяснилось, что подготовительная работа начата Томской большевицкой организацией. Из Томска доставлялось оружие в посёлки, из Томска даны указания об организации по селениям тайных большевицких комитетов, которые и подготовляли общественное мнение в пользу большевицзма.

Хотя установить точно, когда началась подготовительная работа, не удалось, но есть данные предполагать, что она велась несколько месяцев перед восстанием.

В марте месяце, в указанный район было выслано из Томска ядро восстания – группа в 14-20 человек, во главе с так называемыми «товарищем Сергеем» и «товарищем Гончаровым». Эта группа разместилась в малоизвестном посёлке Ново-Покровском, Ново-Кусковской волости и оттуда вела свою работу далеко по окрестным посёлкам, через агентов и тайные комитеты.

...Ново-Кусковская милиция, получив сведения о местонахождении этой шайки в Ново-Покровском, соединилась с милицией Александровской волости, всего в числе около 35 человек, и решила забрать эту шайку, для чего отправилась в п.Ново-Покровский. Однако, здесь она встретила вооружённое сопротивление и сама едва не попала в засаду, благодаря участию с шайкой населения, почему и вернулась в с.Ново-Кусково. Гнавшаяся за милицией шайка ночью прибыла в указанное село и разгромила волостную земскую управу и милицию. После этого, началось открытое насаждение по всем селениям «военных красных комитетов», с образованием «главного штаба» в посёлке Ксеньевка... Красноармейский же отряд сразу сформировался из добровольцев в числе 180-200 человек, вооружённых

винтовками разных систем. Для отряда были реквизированы лошади, а для усиления отряда объявлена мобилизация населения в три очереди. По всем селениям были установлены караулы и связи.

Возникшие «военные комитеты», равно как и «главный штаб», занялись преследованием убежавших милиционеров и местных деятелей, признаваемых этими комитетами вредными для красных. А главный отряд направился к Томску на соединение с Лубковым.

...Красные, получив бой под д.Мало-Жировой, избрали себе позицию в 8 верстах за Ново-Кусковском, где около п.Челбаковского был второй бой. А несколько дней спустя, правительственный отряд имел бой в п.Тихомировка с отрядом Лубкова, шедшим на соединение с другим отрядом, уже разбитым около Челбаковского.

Во всех боях красные, неся потери, разбежались(!), распылялись по округу – в таёжных лесах.

На днях правительственный отряд частью переправился на пароходе за Чулым, а Лубков и Гончаров, по слухам, соединились и оперируют в районе села Зыряновского.

...Ввиду всего вышеизложенного прошу Вашего личного ходатайства перед начальником губернии и начальником гарнизона об обеспечении здешнего района достаточной вооружённой силой, впредь до успокоения, в виде военного отряда или отряда особого назначения. В противном случае пребывание на пункте и работа невозможны. Прошу Вас не отказать уведомить о дальнейшем.

**Заведующий Ново-Кусковским переселенческим пунктом
Врач Н. Лампсаков.**

Елена Дмитриевна с большим вниманием читала пространное сочинение мужа, а, дочитав до конца, глянула на него с недоумением:

-Ты что, всерьёз решил отправить эту бумагу в губернию?

-Разумеется, - невозмутимо побарабанил пальцами по столу супруг, - С моей точки зрения дельное и своевременное послание.

-Но ведь ты просишь, Коля, чтобы сюда опять прислали отряд особого назначения.

-Совершенно верно. Последние события показали, что гарантии против разного рода баламутов, жизненно необходимы. В условиях перманентных бунтов работать, лечить народ, да и нормально жить просто невозможно.

-Однако ведь нет и гарантий от кровавого кошмара, всех этих шомполов, расстрелов, истязаний, устраиваемых с завидной лёгкостью подобного рода отрядами.... С ума сойти можно.

-Остаётся надеяться, что все эти кошмары остались в прошлом. Здравый смысл обязан возобладать. Хотя капитан Суров, надо признать, наломал дров немало. Оправдание одно: На войне, как на войне....

-На войне... - горько усмехнулась Елена Дмитриевна, - А позволительно спросить: на войне с какими такими супостатами?

-С красными.

-И откуда они взялись, эти самые красные? Из какого царства-государства заявились?

-Вопрос излишне риторический. Тебе не хуже меня известно, что из себя представляют красные, и откуда они взялись.

-Да, мне прекрасно известно – они такие же, как и мы, русские люди, только взгляды их на принципы государственного устройства отличаются от официальных. Правы, не правы, судить не нам, рассудит история. Но нельзя отрицать очевидного, население их поддерживает. И они, пользуясь поддержкой, хорошо, хорошо, части

населения, борются за свою правду, за свою власть, именуемую Советской. Таким образом, идёт не война, а банальная борьба за власть. Русские убивают русских за торжество, с моей точки зрения, химеры.

Кому повезёт одержать верх – пока неизвестно ни мне, ни тебе, потому я бы очень не хотела, Коля, чтобы ты встречал в междоусобицы патриотов, ведь с обеих сторон декларируется просто неземная любовь к Отечеству. Последствия могут оказаться непредсказуемыми. Не забывай – ты врач, и, прежде всего врач. Твоё дело – лечить людей, перво-наперво, а в остальных делах, пусть-ка, они разбираются сами.

-Мне приходится помнить, к сожалению, что, кроме всего прочего, я являюсь ещё и начальником переселенческого пункта.

-Боюсь, ты уделяешь слишком много внимания миссионерской деятельности.

-Ничуть не более того, сколь нужно для пользы дела. Во всяком случае, Леля, я обязан заботиться о безопасности больницы и всех больных, в равной степени, вне зависимости от их политических воззрений.

-Страхи по поводу больницы мне представляются несколько надуманными.

-Вполне может быть, но, согласись, нет, ведь, и уверенности в её полной безопасности. Тем более, времена-то – смутные.

-Значит, по-твоему, гарант спокойствия – отряд особого назначения. Извини, мой дорогой, но сиё – нонсенс.

-А ещё утверждают, что в спорах рождается истина. Наш диалог, мой друг, опровергает данное суждение. Может истина и рождается, но спорщики часто её не замечают. Мешает отделить зёрна от плевел дух радикализма, носящийся, кажется, в самой атмосфере. Вот и ты становишься, словно революционерка – непримиримой.

-Нет, просто я стала немного мудрей, мне хочется отвести беду от тебя, от нас, в конце концов. Вспомни, совсем недавно, ты верой и правдой служил государю - императору. И где он теперь? Сейчас уже мало кто помнит, хотя, вполне допускаю, что ошибаюсь, про царя-батюшку. Трагедия страны, трагедия семьи императора – вот и не верь после этого прозванию «кровавый»....

Дальше – Временное правительство, и ему, с той же верой и правдой, ты принялся усердно служить. Канули в Лету временные говоруны, возникла, свято место пусто не бывает, омская Директория. И ты служишь ей с тем же усердием. Приказала долго жить Директория, сделало белое движение ставку на Верховного правителя. Уверенности же, что Колчаку Александру Васильевичу, удастся долго продержаться, лично у меня уже нет никакой, посему, делать ставку на адмирала, я бы не советовала никому. Уж, коли, наши зажиточные челдоны, настроились против покорителя Арктики, то пришла пора не донесения писать, пришла пора писать - пропало!

-Блестяще, Леля! Главное свежо, оригинально. – Рассмеялся автор поносимой челобитной. - Так и написать – «пропало»! Может, есть другие предложения? А то, боюсь, напишу «пропало», и точно пришлют отряд, да только не для охраны больницы, а за мной.

-Есть, Коля, есть, – Не растерялась критикесса. - Порвать и выбросить донесение! И больше никаких дел не иметь с колчаковцами, и, вообще, ни с кем. А целиком и полностью, если хочешь, радикально, сосредоточиться на своих прямых обязанностях, – лечении людей.

-Позволь искренне поблагодарить тебя за желание помочь, - вымолвил посерьёзневший Николай Александрович, забирая донесение, - но, Елена, тебе же отлично известно, что у меня есть определённые принципы и обязательства, коим я намерен следовать и в дальнейшем.

-Что ж, истина в споре не родилась, вернее, ты не захотел заметить её родов, - тоже невесело констатировала Елена Дмитриевна. – Выслушать женщину и сделать наоборот, - не есть ли это один из твоих пресловутых «определённых принципов»?

Повесив саркастический вопрос в воздухе, Елена Дмитриевна покинула кабинет.

Николай Александрович подошёл к окну, постоял в задумчивости, вдруг ему показалось, нет ему явственно послышалось, что чей-то голос его настойчиво спрашивает:

-Ктой – то тебя, Николай Александрович, наущал эти письма писать? А!

Подикось, дружки твои – япошки? Давай – ка колись, жидовская морда! Мы ведь с тобой валандаться не будем. У нас с такими антилегентами разговор короткий – вилы в бок, да в колодец!

Голос скрипуче захихикал....

Семейный снимок – слева Н.А. Лампсаков, справа его жена Елена Дмитриевна и её мать Александра Людгардовна.

Лампсаков встряхнул головой, отгоняя наваждение. Повертел письмо в руках, хотел порвать, но передумал....

Вещун - сердце женщины. Порви донесение Лампсаков, и маховик репрессий, вполне возможно, махнул бы стороной. А так, при *санитарной вырубке леса* в тридцать седьмом году одной *щепкой* стало больше.

§. ПАРТИЗАНСКИЕ ПУТИ – ДОРОГИ

Бойся опасности, пока её нет. Когда же опасность пришла, не бойся, а борись с ней.

Древний Восток. Индия.

-А не врёт он, твой двоюродный брательник? – пытливо прищурился Гончаров на собеседника – бородатого вознесенского мужика, заявившегося к нему с важным сообщением. Они разговаривали с глазу на глаз, сидя за грубо сколоченным столом, в прокопчённой избушке Петровской заимки, где обосновался Гончаров, по прибытии в Зачулымье.

-Ну, что ты, товарищ командир! – загорячился вознесенец, - Брательник не из таковских, чтоб врать-то, Зря сумлеваешься. В нашей породе сроду врунов не бывало.

-Порода породой, а чужая душа – потёмки. Особливо, в теперешние времена.

-Может, ты и ко мне без особому доверия относишься? – полез в занозу мужичок, - Так ты так и скажи...

-Ты – совсем другое дело. Ты у белых не служишь, а он служит.

-Так ить, кем он служит-то? Простым кочегаром, притом не по своей воле. По мобилизации его на «Ермак» забарабали.

-Если, говоришь, не по своей воле, то и сбежать мог бы.

-А куда, к придмеру?

-Да хоть бы и к нам.

-Не так всё просто, командир. Рад бы, говорят, в рай, да грехи не пускают. Суров их всех, мобилизованных-то, сразу упредил, чтоб мол, ежели вы, сукины дети, сбежать задумаете, то учтите, что за вас, мерзавцев, ваши семьи ответють. А «ответ» у колчаковцев, знамо какой. Вот тут, небось, и подумаешь, прежде чем бечь-то. Особливо, ежлив семья, как у брательника в Томске находится, долго искать не надоть.

-Если так, конечно, дело другое, - согласился Гончаров, - Будем считать вопрос исчерпанным. Теперь меня интересует вот что. Никто из деревенских не знает, что ты сюда, к нам наладился?

-Ни одна живая душа.

-А жена?

-Бабе я сообщил, что, мол, всходы поеду, гляну.

-И по дороге никого не встретил?

-Я по таким тропам добирался, что там, разе, леший может встренуться, али ведмедь, - похвастал лихой разведчик, весьма довольный собой.

-Добро, коли так, - не удержавшись, улыбнулся командир отряда, - По всему видать – парень ты тёртый и всё-таки, смотри, не нарвись на обратном пути на суровцев. Ведь ума большого не надо, чтобы определить, куда ты наведывался и по какой надобности. Всходы, если где и зреют, то явно далековато отсюда. Откровенно говоря, не хотелось бы сюрпризов, жалко терять столь ценного осведомителя, да и свои планы господин Суров, может запросто переиначить.

-Не пугай, командир, ты думаешь, я не знаю, что мне грозит, ежлив каратели дознаются, какого хрена я из деревни отлучался? Легко с живого шкуру спустют. Насмотрелись мы на их благородиев, у нас на Вознесенке – волосья дыбом становятся.

-Лютуют?

-Зверски! Не успели заявиться, вместо здрасьте вам, первым делом всех мужиков отодрали шомполами. Вон глянь, как меня, к придмеру, разуделали, - скинул зипунишко и задрал холстинную рубаху, обнажив спину, мужичок. Взору Гончарова предстало багровое месиво, начавшее покрываться струпьями.

-Ну и ну... - покачал головой тот, не находя подходящих слов, ему, побывавшему в разных жизненных передрыгах, сделалось не по себе при виде искромсанного тела.

-Да это ешо что. Это цветочки, - продолжал вознесенец, с большой осторожностью натягивая зипун. – Наш деревенский, бывший австрияк, Андрей Коза у тебя в отряде?

-Допустим.

-Вобщем, передай ему, - дом его беляки сожгли вместе со всеми манатками. Пасынка же его, Гордея Пикунова насмерть замучили. За дезертирство из ихней армии. Не иначе, хтой-то выдал. Попал, как кур в ошип. Ох, и поизгалялись они над ним! Сперва уши отрезали. Потом ремни из спины давай вырезать. Посля принялись рубить шашками... Прямо нелюди какие-то. Злыдни проклятые. Одно слово – зверьё!

-Ничего, дай срок, посчитаемся уже с козлячьими рожами, - пронзительные глаза Гончарова вспыхнули недобрый огнём, - попомни мои слова, не долго им осталось лютовать. Скоро отлютуются.

-Дай-то бог!

-Бог-то бог, говорят, да сам не будь плох.

-Тоже верна, - с готовностью поддакнул волонтер, взявшись за шапку, - Ну, мне, однако, пора, а то, не ровён час, как бы не хватились меня на Вознесенке, мать их ети-то.

-Давай, счастливо, - протянул руку командир, - Родина тебя не забудет, - пошутил он напоследок. - Если серьёзно – спасибо за бесценные сведения. Удачи...

-Да, ладно, - смутился вознесенец. - Мотрите, не оплошайте сами-то. Покудова!

Оставшись один, Гончаров опять присел к столу и задумался. Подумать было о чём. Важность сведений, полученных от вознесенского мужичка, трудно было переоценить. Его двоюродный брат, служивший кочегаром на пароходе «Ермак» сообщил, что Суров намеревается высадиться в Сергеево. Вместе с артиллерией. И отсюда, в конном строю, собирается начать решительное наступление на партизан, преследуя их повсеместно и громя опорные пункты, вплоть до окончательной победы. Лошадей, фураж и провиант намечалось реквизировать у местных жителей.

Высадка предполагалась на завтра, как раз на Святую Троицу, во второй половине дня. Первоначально планировалось раньше, но на «Ермаке» что-то случилось с машиной, в связи с ремонтом и пришлось задержаться у Вознесенки.

Сергеево выбрано Суровым было, видимо, не случайно. Довольно крупное село подразумевало хорошую возможность пополнения лошадьми и провиантом. А главное, имелась чрезвычайно удобная пристань, представлявшая собой ровную невысокую площадку, будто специально созданную для выгрузки тяжёлых артиллерийских орудий.

Что ж, вполне резонно. Итак, замыслы противника, в общих чертах, ясны. Осталось определиться с ответными мерами. Необходимо действовать напористо и не менее решительно. В данной ситуации – единственно возможный способ поведения, нужно отвечать ударом на удар. Осталось обмозговать – как именно, выражаясь по военному – выработать стратегию и тактику. Во всяком случае, зная планы врага, гораздо легче спутать ему карты, подготовить сюрпризы.

Ласковое июньское солнце бросило тёплый луч света в сумрак избушки через небольшое мутноватое оконце. Снаружи доносились голоса и гогот партизан, судя по всему, использующих временную передышку по полной программе. Ещё вчера обычные мужики и парни из причулымских сёл и деревень, сегодня, поднявшись на борьбу за лучшую долю, в одночасье превратились для властей в «бандитов с большой дороги». У каждого из веселящихся и беззлобно зубоскаливших на полянке существовали свои резоны для поисков «неба в алмазах». Но каждый успел показать себя стоящим мужиком. И каждому из них Гончаров верил.

А Осип Бобров, Григорий Гронский, Иван Павельев, Тихон и Алип Петровы, Яков Чесноков из Ново-Кускова, Михаил Чесноков, Иван и Емельян Боровские из Казанки, Пётр Гусаров, Фёдор Круглов, Кузьма Хохлов, Семён Прудников, Фёдор Ульященко – из Тихомировки, Василий Броневский, Семён и Иван Кровельщиконы, Фёдор Макаренко, Василий и Иван Цветковы, Александр Мишечкин – из Ксеньевки, Григорий Лебёдкин, Николай Лукьянёнок и бывший пленный австриец Андрей Коза из Вознесенки - продолжали балагурить и бедокурить.

По первости ответственность за судьбы таких разных по возрасту и характеру людей, постоянно давила Гончарову на плечи, беспокоила, не давала спать, заставляя по много раз проверять принимаемые решения. Постепенно, искусство управления людьми для бывшего анжерского шахтёра перестало быть тайной за семью печатями. И хоть будни требовали ежедневно решения различных задач, касающихся снабжения провиантом, фуражом, оружием, патронами; определения маршрутов движения и мест ночлега и т.д. и т.п., - это были уже именно будни. Правда, каждый новый бой, как и для любого из партизан, мог так же буднично стать последним и для него.

Смерть давно не пугала, но возможность гибели в последнее время, нет-нет, да и приходила в голову, может, вследствие накопившейся физической, а скорее

психологической усталости. Мысли о вечном отвлекли от главного, оказались совершенно неуместными. Расслабляться же ему было никак нельзя, да и некогда. Страхнув с себя минутное оцепенение, он стремительно поднялся из-за стола.

Выйдя из избушки, Гончаров чуть не столкнулся с командиром взвода разведки Василием Броневским. Василий кинул руку к лихо заломленной кубанке, явно бравируя выправкой и броской внешностью.

-Ладно, не форси, - хмуро одёрнул его Гончаров. – Кто это с тобой?

-А ты не узнаёшь? Это ж товарищ Лубков Пётр Кузьмич, собственной персоной. Прознал про наши геройские подвиги и самолично решил навестить. Да и у тебя ж к нему документик имеется, - многозначительно подмигнул разведчик.

-Имеется, имеется. Пётр Кузьмич, какими судьбами?

Лубков улыбнулся.

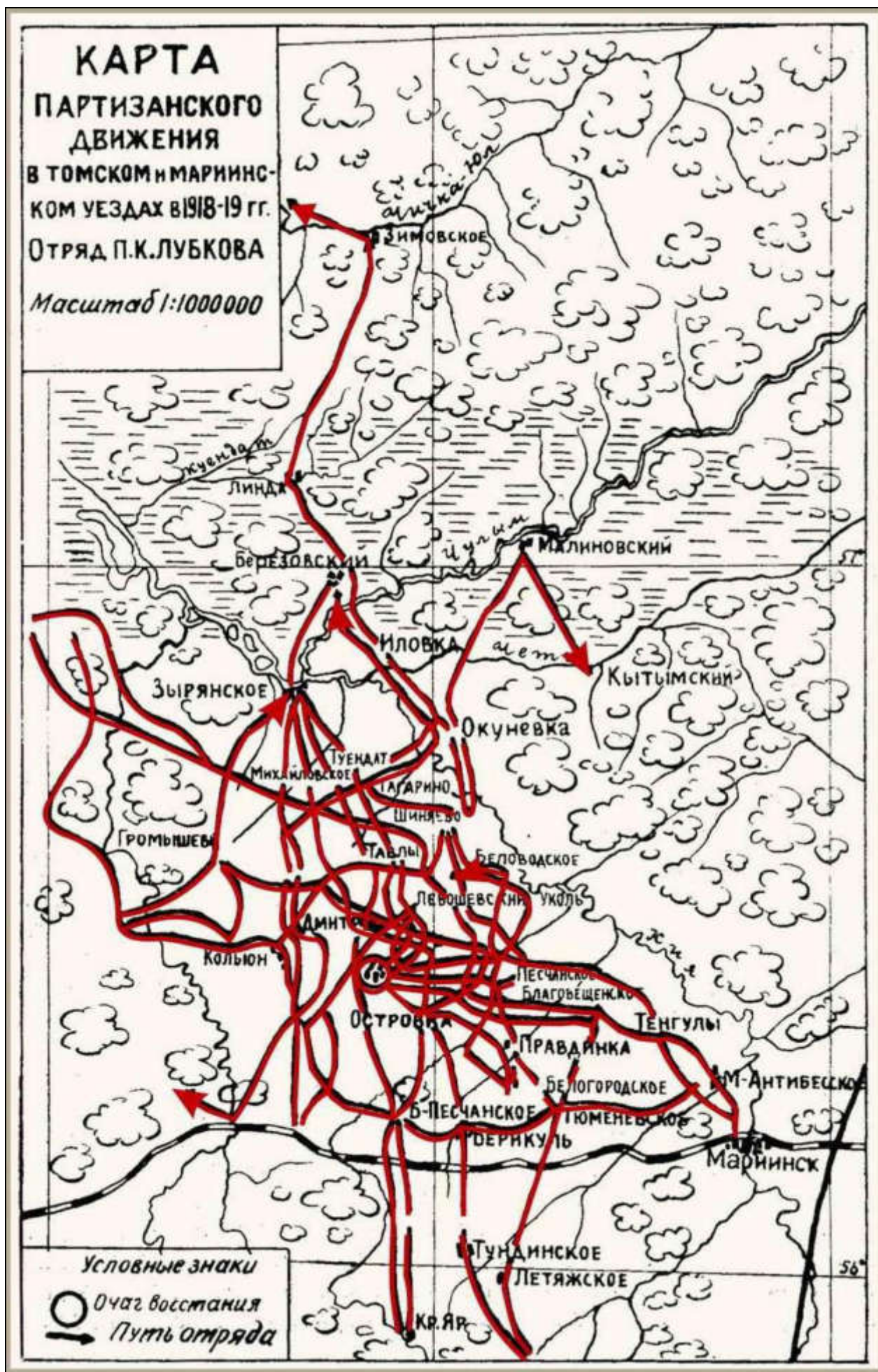
-Военная тайна. Был тут по делам, а твои орлы меня чуть не заарестовали. Слава богу, кое с кем раньше встречался. Да и нас, всё-таки, пятнадцать человек, и все как на подбор – тоже орлы!

Толковали они долго, затем вышли на свет....

-Ну ладно, военная тайна, так военная. Не хочешь говорить, так и не надо. Пойдём в избу, там и документик заполучишь, да и потолкуем.

Толковали они долго, потом вышли на свет, Гончаров ещё раз приточнил, уже на карте, расположение отряда Лубкова. Затем лубковцы покинули расположение отряда.

Карта с предыдущего снимка.

Православная церковь приурочила праздник Святой Троицы ко времени окончания посевной страды. Здесь у хлебопашцев выдавался небольшой передых. До начала сенокоса. Пока не подрастёт трава. Затем крестьянам опять приходилось впрягаться в работу до самых белых мух. Ведь сразу за покосом наступает самая важная страда – хлебоуборка.

Вот почему, Святая Троица – единственный летний праздник, отмечаемый в начале века не хуже зимних и весенних, - Рождества Христова, Нового года, Крещения, Пасхи.

Самогонку, обычно, нагоняли заблаговременно, несмотря на строжайшие запреты. И в количествах, позволявших нагуляться досыта, от всей широкой русской души. А вдобавок, заводили брагу крепости необыкновенной - человек, отведав одну кружку, начинал терять равновесие, стремясь сохранить оное, выписывал замысловатые кренделя на подгибающихся ногах, доставляя искреннее удовольствие окружающим.

Тем не менее, собственно сам праздник начинался исключительно чинно и благородно. Все, от мала до велика, шли с утра в церковь к заутрене, потом – на кладбище, где чтили память усопших родственников мизерными рюмочками. По возвращении же по домам, сочинялись компании, и начиналась гульба. На несколько дней. Благо, времени свободного хватало. Отведя застолье в одном доме, оставив после себя полнейший тарарам, направлялись в другой, потом, с песнями и плясками валили в третий. И всюду пили до обалдения, драли глотки до хрипоты, плясали до упаду. Где под гармошку, где и под ведро.

При этом, конечно, редко какая гулянка обходилась без доброй драки. Кто-то кому-то, когда-то насолил или сказал неладное, естественно, по пьяному делу, старые обиды и всплывали. Слово за слово, глядь, уже затрещали рубахи, засвистели кулаки. И пошла писать губерния! В драку втягивается и вся остальная, разухабистая компания. Разбираться, кто на кого и кто за кого, недосуг. Лишь бы душу потешить.

А то, бывает, сойдутся компания на компанию, или край на край, улица на улицу. Здесь, нередко, в ход идут и колья из ближайшей городьбы. Серьёзные случаются разборки, иной раз так раздерутся, что кого-нибудь в общей свалке и насмерть ухряпают. Или изувечат.

Наутро, едва продрав глаза, гулеваны опять собираются вместе. И снова – пить. Теперь уже мировую. У одного заплыл глаз, у другого шея перестала ворочаться, у третьего болят рёбра, но, зато, праздник удался, погуляли по-человечески. Есть что вспомнить!

В общем, весело отмечали, да и отмечают православные Святую Троицу и все другие церковные праздники в деревнях. До упаду. Тем паче, что дело это очень богоугодное, ибо в святом писании сказано: «Итак, ешь со веселием хлеб свой и пей в радости сердца вино своё».

С началом Германской войны лиха беда властно застучалась в понурые деревенские избёнки. Парней и молодых мужиков угнали на фронт, воевать за веру, царя и Отечество. Скоро пошли оттуда худые вести в виде бумаг с казёнными печатями, мол, рядовой такой-то, такого-то полка, пал смертью храбрых на поле брани с германским супостатом....

Правда, некоторые служивые возвращались и самолично. Иные без ноги, иные без руки, иные с пулей или осколком в печёнках, иные, с отравленными немецкими газами лёгкими. Кормильцы из них, прямо сказать, как из дерьма пули, скорее, всё-таки – нахлебники. Но домашние были рады им и таким. Какой никакой, а мужик в доме. Глава семейства.

Отвоевавшиеся инвалиды, на чём свет стоит, материли и в бога, и в мать, и во Христа распроклятую войну, бездарных генералов, какого-то Гришку Распутина, охмурившего, вроде бы, всю семью Романовых, и, даже, страшно сказать, самого царя-

батюшку. Неслыханные доселе речи сильно удивляли, напрягали и пугали простодушных домочадцев и односельчан. Однако это, оказывается, были ещё только цветочки.

Вскорости наступили совсем непонятные и страшные времена, - вся жизнь пошла в разлом. Грянула Февральская революция, следом – Октябрьская. Правительства сменяли другие правительства, спасителей Росси – другие спасители. Нежданно-негаданно, в Сибири объявился Верховный правитель – Колчак Александр Васильевич с его правопорядком.

Растерянные и обескураженные селяне, окончательно запутавшиеся в калейдоскопе бурных событий, не понимая, каким богам молиться, пили напропалую, то с горя, то с радости, то опять с горя, конечно, традиционно продолжали отмечать и все церковные праздники. Природу русского человека не переделаешь, невзгоды – невзгодами, передряги – передрягами, а праздник ему подай. И, уж тут, хоть последний алтын, а зато ребром!

Вот в такой-то, пресветлый день Святой Троицы вступал отряд Гончарова в село Сергеево. День выдался погожим и слегка жарковатым. Партизаны шли пешим порядком, колонной по четыре в ряд, одетые не по сезону тепло – в бараньих папах, солдатских шинелях и зипунах, просто изнывая от жары. Пот лил градом. Прибыть они могли сюда и на подводах. В деревнях им ни в чём не отказывали. Всем известно – даже плохо ехать, гораздо лучше, чем хорошо идти.

На подводе можно и раздеться и разуться. Но на совете было решено отказаться от лошадей, замыслив провести отряд от Петровской заимки на Сергеево напрямую, через лес. Передвигаться по лесу пешим порядком, определённо, намного труднее, чем по дороге и на подводах, но, зато, тем самым обеспечивалась скрытность манёвра. В свою очередь, в скрытности манёвра заключалась добрая половина успеха предстоящей операции.

Оценивая обстановку применительно к местности, командиры объединённого отряда решили упредить Сурова на Сергеевской пристани. Пристань являлась удобным местом не только для высадки экспедиционного отряда, но и для подобающей встречи белогвардейцев партизанами. Её площадку, с одной стороны омывала, впадающая в Чулым крутобережная речка, с другой – поднимался высокий, обрывистый яр, просто идеально подходивший для засады. Дабы не попасть впросак, если сведения о намерениях белых окажутся ложными, или, если планы их поменяются, накануне и были высланы разведчики Василия Броневского, с наказом зорко следить за прилегающими подступами к Сергеево, как со стороны реки, так и с суши. При любых изменениях обстановки, обо всём замеченном немедленно сообщать в отряд. Туда же отправился и Лубков, который предпочёл лично побывать на месте предполагаемой высадки карателей....

Едва отряд миновал поскотину, как навстречу ему из одного из окраинных домов вывалила развесёлая, подпитая компания, состоявшая почти сплошь из молодых бабёнок, принаряженных по случаю праздника в цветастые кофточки и катетки, хранившиеся, до поры, до времени в заветных семейных сундуках. Присутствовали здесь, правда, и мужики, но, в основном, пожилого возраста и увечные. Пустынная и доселе тихая деревенская улица враз ожила, огласилась радостными приветственными криками:

-Наши идут!

-Красные!

-Партизаны!

-Уря-а!...

Сзади кондылял, припадая на деревяшку, вместо правой ноги, молодой рыжеусый гармонист с Георгиевским крестом на зелёной суконной гимнастёрке. Он

бестолково рвал на ходу потрёпанную однорядку, пытаясь, по всей вероятности, исполнить туш. Неожиданно в безалаберную разноголосицу врезался трубный мужской бас:

-А ну, стой, курицы мокрохвостые! Чего раскудахтались? Да, рази, так встречают дорогих гостей? С хлебом-солью полагается!

Это взялся наводить порядок гвардейского роста, кряжистый дед с крупным, загоревшим до черноты лицом, обрамлённым пышной патриаршей бородой.

«Не иначе, как фельдфебелем или взводным служил, поди, ещё в турецкую кампанию» – предположил Гончаров, по достоинству оценив, сохранившую статью фигуру старца.

В разбитной, шумной ораве, громогласно одёрнутой, произошло видимое замешательство. Молодухи, застигнутые врасплох властным окриком пожилого предводителя, неуверенно затоптались на месте. Гармонь, басовито вякнув напоследок, смолкла.

А дед, протолкавшись вперёд, уже простирал руку навстречу отряду, требуя остановиться. -Федосья, язви ты в душу, чего стоишь столбом? – продолжал распоряжаться патриарх. – А ну-кось, дуй за караваем!

-Счас, свёкор мой ласковый, - усмешливо отозвалась чернобровая, очень пригожая дивчина, поведя в его сторону лукавыми, озорными глазами. И, отделившись от товарок, метнулась во двор, откуда несколько минут назад выкатилась тёпленькая компашка.

-Да рушник-то с солоницей не забудь! – прогремел ей вслед басовитый наказ.

-Сама знаю – не маленькая! – звонко прозвучало, с легко улавливаемой хмельной бесшабашностью в голосе, со двора.

-Вы уж, извиняйте, граждане-товаришши, но задержитесь маленько, передохните, - пробасил он и снял картуз, обнажив сивую голову, - Встренуть вас, наших зашшытников, надоть, как полагается, по русскому обычаю. Кабы знатьё, что вы сёдни объявитесь, так мы бы вас за поскотиной дожидались. Со всем, что полагается по такому случаю. Не обессудьте уж....

-Спасибо, папаша, на добром слове, - пожал ему руку Гончаров, тронутый бесхитростным, идущим от сердца радушием, - Но с караваем, пожалуй, вы зря затеялись.

-Ничё не зря! Хыть ты и командир, видать, а перечить не моги. Так старый обычай велит, дедами и прадедами установленный.

-Попить бы, товарищ командир, - деликатно используя ситуацию, напомнил стоявший в первом ряду Осип Бобров, - Вон, неподалёку и колодец с бадьёй.

-Погодь, хлопцы, счас напоим, - немедля отреагировал гостеприимный дед, - Дуняха, Варвара, Маврутка! Ну-кась, тащите квас из погребов!

Тем временем, перед командиром отряда предстала молодуха, посланная за караваем. Она приблизилась вплотную, держа румяный, пахучий каравай в полусогнутых, соблазнительно оголённых, почти до самых плеч, крепких, и в то же время, женственных руках. Гончаров, взглянув на неё, обомлел и про себя охнул. Перед ним стояла стройная, красивая до неотразимости, молодая женщина, каких и среди челдонок, красавиц в Причулымье не из последних, редко встретишь. Впрочем, смуглое, чернобровое лицо её имело мало общего с классическими эталонами красоты. Задорно-курносый широковатый нос, полные мягкие губы, обворожительные ямочки на щеках, не потерявших девичьей округлости, резко контрастировали с образами томных, белотелых мадонн с живописных и фотографических портретов начала века.

Чарующе колдовские, карие глаза её лукаво улыбочиво, и одновременно, с показной серьёзностью смотрели на смущённого партизанского командира, будто заглядывая в самую душу. Непринуждённая естественность манер, основанная на осознании собственной привлекательности, довершали неповторимость её облика,

придавали особую самость, исключаящую равнодушие со стороны особой противоположного пола.

-Ох, и смачная бабенция! - отвесил комплимент Михаил Чесноков, выразив мнение большинства.

-Прими, командир, от нас, солдаток и всех деревенских скромную хлеб-соль и земной поклон, - певуче, с подобающим достоинством произнесла молодица, гибко поклонившись в пояс, - Добро пожаловать, дорогие гостёчки и защитники наши....

Гончаров, не отрывая взгляда от её выразительного лица, бережно принял каравай на расшитом рушнике, склонившись, чтобы по обычаю поцеловать его, вдруг обнаружил рядом с солонкой стакан с самогонкой. Недоумённо подняв взгляд на женщину, снова наткнулся на её лукавый, усмешливый взгляд и окончательно растерялся.

-Не побрезгуй, командир, от чистого сердца. И присухи не опасайся. Не умею я присушать-то....

-А я ничего и не опасуюсь. С чего ты взяла? – расхрабрился, немного придя в себя, Гончаров.

Строго говоря, ему, безусловно, не следовало пить самогонку, показывая нежелательный пример подчинённым. Но и ударить лицом в грязь перед такой женщиной, и без того изрядно его смутившей, не позволительно. Красный партизан в любом деле и любом месте должен быть на высоте положения. Да и потом, стакан первача, разве способен выбить из колеи бывшего шахтёра? Тем более, в преддверие боя. Накануне и во время боя, любые спиртные напитки, вроде воды делаются, только немного взбадривают. Это испытали на себе все, кому довелось понюхать пороху.

Сомнения побоку, стакан поднят и по-гусарски, залпом осушен.

-Вот это по нашенски, - ослепительно улыбнулась искусительница и неожиданно предложила: А теперь, давай похристосуемся, командир.

-Я ж неверующий... - в очередной раз смешался Гончаров.

-Христосуются, разве, только верующие?

-Федосья! У, бесстыдница! Ты чего, человеку на шею вешаешься? – гаркнул её бдительный свёкор.

Но не таковскую напал.

-А на кого, мне прикажешь вешаться? – повела она в его сторону сердитым взглядом, - На тебя, что ль? Так у тебя уж и песок весь давно высыпался.

Дед только гулко крякнул с досады.

Сноха же продолжала с горечью, явно оправдываясь:

-Родненького мово, муженька-то, а твоего сынка Андрюшу на войне убили. Даже наmilоваться мы с ним не успели, как следоват. А я ж, поди, не деревянная. И что за грех, если я с ладным и пригожим партизаном малость позаигрываю. Всё на душе, глядишь, полегчает....

Повернувшись опять к Гончарову, не то с укором, не то с вызовом прищурила на него повлажневшие глаза:

-Ну, что ж ты, командир?

Гончаров почувствовал, что краснеет не только всем смуглым лицом, но и шеей и даже спиной. Хотя раньше не замечал за собой такой способности.

Сзади соратнички весело поддерживали, как могли, подливая, тем самым, масла в огонь.

-Не тушуйся, командир!

-Держи марку!

-Не подкачай!

И тут же:

-А то дай, я за тебя похристосуюсь, возьму грех на душу.

-Ладно вам, черти! – отмахнулся Гончаров и решительно притянул Федосью, обняв её за плечи. Податливо откликнувшись, она обвила его шею мягкими, но сильными руками и её горячие уста нашли его губы.

Потом, с видимой неохотой оторвавшись, она отстранила его от себя и вздохнула, демонстрируя огорчение и сожаление:

-Завлекательный ты мужик, командир. Жаль только, разные у нас стёжки-дорожки с тобой. Ступай, видно, делай своё правое дело. А я за тебя молиться стану....

Наконец, со всеми церемониями покончили и Гончаров, кое-как оправившись от смущения, смог снова приступить к командирским обязанностям, от коих был отвлечён столь неожиданным и, надо сказать, приятным образом. Окинув взглядом, потерявшие даже подобие стройности, ряды партизан, убедился, что далеко не он один «похристосовался». Не были обойдены вниманием изголодавшихся по мужикам молодух и остальные «зашытники», особенно, кто помоложе, да повидней. И жажду их утоляли не одним квасом, далеко не одним квасом, определил командир. Многие, довольно крякая, ладонями оглаживали усы.

-Ша-агом арш! – скомандовал Гончаров и, помахав на прощанье рукой Федосье, её свекору и всей остальной честной компании, завернул отряд в ближайший проулок. Во избежание подобных торжественных встреч, он решил провести партизан к пристани не улицами, а задами.

Партизаны шли молча. Хмельная, с избытком чувств, встреча с сергеевцами напомнила им о родных и близких, оставленных дома. Как-то они там теперь живут-поживают? И доведётся ли с ними свидеться? Ведь предстоящий бой далеко не последний....

Далее предоставим слово участникам:

**Из воспоминаний бывшего партизана отряда Петра Гончарова –
Н. А. Лукьянёнка.**

...Как сейчас помню, день был солнечный, жаркий, люди справляли троицу, молодёжь гуляла на берегу, не подозревая о засаде партизан. Но сын кулака-лавочника Тихон Шубицкий, забравшись в кусты, выстрелами предупредил врага об опасности. С парохода начали артиллерийскую стрельбу по селу, заработали вражеские пулемёты. Партизаны с берега открыли огонь по пароходу, многие белогвардейцы были убиты, был тяжело ранен капитан парохода. Бой принял ожесточённый характер. Колчаковцы долго не сдавались, но партизаны одержали победу. Пароход отошёл от пристани с серьёзными повреждениями. Каратели понесли большие потери убитыми и ранеными. Предателя, сына кулака, партизаны расстреляли.

ЛУКЬЯНЕНОК
Николай Алтынович.

КРУГЛОВ Ф.Е.
Участник партизанского
движения 1919-20 гг.
Командир первого взвода
разведки.

Из воспоминаний бывшего партизана отряда Петра Гончарова –
Ф.Е. Круглова.

...После этого наш партизанский отряд перебрался на левую сторону реки Чулым и направился в район села Зырянка. Там мы получили сведение о том, что на пристань села прибыл из Томска буксирный пароход с грузом и вооружённой охраной. Наша разведка проверила и подтвердила правильность прибытия парохода. Мы встретили и атаковали это пароход. Военная охрана была уничтожена. Груз был взят для отряда, продукты и часть товаров были переданы бедным крестьянам из Зырянки. Так кончилась судьба этого парохода.

В июне 1919 года в Мариинском уезде колчаковское командование проводило кампанию по мобилизации лошадей для своей армии. Но это была не мобилизация, а настоящий грабёж: если крестьянин имел в своём хозяйстве трёх лошадей, то колчаковцы двух забирали, а крестьянину оставляли одну. Это делалось для того, чтобы крестьяне не смогли оказывать красным партизанам помощь в транспорте.

В Мариинский уезд был прислан из Томска белогвардейский отряд в составе 500 солдат под командованием полковника Иванова, который находился на станции Ижморка Томской железной дороги. Вот он-то и производил мобилизацию лошадей.

Станция Ижморка охранялась чехословацким отрядом. Чехи не только охраняли железную дорогу, но одновременно помогали колчаковским отрядам вести борьбу с красными партизанами. Наш партизанский отряд, узнав расположение чехословацких и колчаковских войск, немедленно приступил к подготовке наступления на станцию Ижморка. К наступлению тщательно готовились. В это время с нами соединился отряд партизан под командованием Лубкова.

21 июня 1919 года в два часа ночи объединённый партизанский отряд совершил неожиданно для противника наступление. В результате двухчасового боя белогвардейский отряд и чехословацкая военная охрана в Ижморке были окружены партизанами и разгромлены полностью.

Много солдат и офицеров было убито. Командир белогвардейского отряда Иванов во время боя был убит, железная дорога была взорвана и разрушена, паровозы подорваны, телеграф и связь уничтожены. Партизанский отряд забрал большие трофеи: около 300 штук боевых винтовок, много патронов и обмундирования, а так же продовольствие, большое количество лошадей, которых белогвардейцы отобрали у крестьян. Лошадей мы передали обратно крестьянам....

Судьбы Иванова и Гончарова Гражданская война тесно переплела. Расплела ли их смерть? Кто, наконец, прав? За кем правда? Вопросы не простые, хотя нынче, относящиеся к разряду философских. Ответило ли на них время? Время, вообще на вопросы не отвечает, отвечают и ищут ответы люди....

Временно исполняющий обязанности управляющего Томской губернией поручик Дорогов Михаил Фёдорович просматривал донесение управляющего Мариинским уездом с всё возрастающим интересом. Безусловно, уездные сочинители изрядно привирают, строча победные реляции, частенько выдают желаемое за действительное. Уж что-что, а бумаги почтенные государственные мужи тачать насобачились. Однако, в отличие от массы, ежедневно лежащих на его рабочий стол документов, абсолютное большинство, из которых не имело практической пользы и содержало либо красивые фразы, либо челобитные, донесение, полученное утром из Мариинска, по настоящему интриговало, читалось будто авантюрный роман. Привычно надкусив кончик гаванской сигары (плоды цивилизации от союзников), закурил и продолжил чтение.

Управляющий Мариинским уездом рапортовал о следующем:

«В дополнение к своему телеграфному донесению от 23 июня за №2768 имею честь донести вашему превосходительству, что в два часа ночи 23 июня банда Лубкова, направляясь из села Почитанского и, разделившись на два отряда, сделала одновременно нападение на ст.Ижморскую, на чешский караул, охранявший мост через реку Яю, и с трёх сторон обстреляла разъезд Яя.

Воинская охрана ст.Ижморской, застигнутая врасплох, разбежалась...».

Дочитав до этого места, поручик призадумался. Удивительное дело, отметил он про себя, полное отсутствие понятия об азах караульной службы. И где? На главной правительственной магистрали. Исключительное головотяпство! Стыд и позор! За такую, с позволения сказать, службу, мало и головы поотрывать. Доблестная воинская охрана, похоже, рассчитывала, что красные, будучи настоящими джентльменами, заранее предупредят о своём нападении, сообщат и день и час, возможно, вывесят объявления. А те, видимо, в силу забывчивости, не предупредили. Крайне невежливо с их стороны! Пришлось охране, огорчённой до глубины души проявлением столь наглого вероломства, задавать драпака в разные стороны. Не подкопаешься, не придерёшься и не обвинишь. Врасплох же!

«...В результате столкновения ст.Ижморская со всем имуществом от разрыва гранат сгорела, ценности, документы и имущество Ижморского почтового отделения разграблены. Лошади, набранные ремонтной комиссией в количестве 64 голов, угнаны. Убито пять чешских солдат и четыре русских, ранено три русских и три чешских солдата.

Тотчас же по получении сведений на ст.Ижморскую и разъезд Яя были двинуты: со ст.Мариинск – чешский броневик и со ст.Судженка – чешская батарея, а также русские пехотные части отряда капитана Сурова, находящегося на ст.Берикульской...».

Далее в донесении сообщалось, что часть отряда капитана Сурова, под командованием поручика Тарасова, направилась «по пятам» отходивших партизан. Отряд Лубкова следовал по дороге на с.Мало-Песчанку *«...и в ночь с 24 на 25 июня свернул с дороги в сторону и расположился бивуаком на поляне в лесу. Преследовавший правительственный отряд, слыша голоса, пьяные песни и звуки гармошки в стороне от дороги, рассыпавшись в цепь, тихо и незаметно подошёл к поляне, залёг в кустах, ожидая для атаки первых проблесков зари.*

Около двух часов ночи правительственным отрядом был открыт ураганный ружейный и пулемётный огонь.

...Солдаты и офицеры правительственного отряда бросились в штыки, добивая бегущих. В этом бою погибла значительная часть банды Лубкова, на одной поляне, например, обнаружено свыше 30 трупов.

Главарь банды Пётр Лубков во время боя был тяжело ранен в грудь. Взяты пленные и, между прочим, 12-летний сын Лубкова.

Потери правительственных отрядов незначительны. Убиты один офицер-пулемётчик прапорщик Сарычев, милиционер Головин и 6 солдат, ранены 4 офицера: подпоручик Аникин, прапорщик Попов, прапорщик Усольцев и прапорщик Кузнецов, из коих последние два остались в строю...»

-Хм, незначительные...- стряхивая пепел, мысленно не согласился поручик. – Однако, масштабы у наших полководцев. Хотя последних двух, не забыть бы, представить к наградам. Ведь, с ранениями остались в строю. Пример, во всех отношениях, достойный подражания и поощрения.

По мере чтения документа любопытство возрастало, но появились и вопросы, вызванные невнятным изложением некоторых фактов. Трудно понять, почему поручик Тарасов, если красные действительно перепились, как утверждается в донесении, не подождал, когда алкоголь окончательно сделает своё дело, взяв бандитов в объятия мертвецкого сна, унесёт их в сладкое царство Морфея. Потом делай с ними, что хочешь. Голыми руками можно было повязать всю эту братию, как миленьких. На худой конец, штыками переколоть. Всех до единого. И пикнуть никто бы не успел.

Ждали «проблесков зари» – святое дело, отчего же не дождавшись, открыли «ураганный огонь», эффективность которого, любому известно, в условиях кромешной темноты, сомнительна. В результате, нападающие ввязались в ближний бой, где появились шансы и у партизан, потери в восемь убитых и девять раненых, красноречиво свидетельствуют о серьёзности отпора, полученного правительственным отрядом. Хорошо ещё, если, по старой российской привычке данные о потерях не занизили. Опять же и Лубкову удалось уйти. Пусть и тяжелораненому. Да и не ему одному.

«...Преследование бандитов было поручено другой, свежей части отряда капитана Сурова, который преследовал банду до села Михайловского...»

-Последствия тактической близорукости Тарасова, - утвердился в правильности ранее сделанных выводов, Дорогов, - Ни о каком преследовании и речи бы не шло, проводи он операцию тихо и без шума. Ураганный огонь и штыковые атаки хороши при свете дня и в чистом поле. Лес и темнота явно не подходящее место и время для подобного рода геройских экспериментов. И почему, спрашивается, преследовать банду было поручено другой, свежей части отряда капитана Сурова? Стало быть, Тарасов преследовать «разгромленных» красных, по неизвестным причинам, уже не мог. Логично предположить, что его с подчинёнными изрядно потрепали, гораздо серьезнее, чем следует из документа. Тяжеловато далась Виктория.

Ничего не скажешь, пьяные бандиты неплохо огрызнулись, даже застигнутые врасплох. Любой противник требует к себе уважительного отношения. Истина,

известная поручику ещё с кадетского корпуса, в очередной раз нашла подтверждение на практике.

«...Вблизи села бандиты, зная о погоне, устроили правительственному отряду засаду, но которая, однако, разведкой правительственного отряда была своевременно обнаружена. Правительственный отряд, точно разведав местонахождение засады, сам сделал на неё нападение и, без потерь со своей стороны, перебил свыше 20 бандитов. В этой стычке убит командир отдельного большевистского отряда Гончаров, труп которого доставлен в с. Мало-Песчанку, и во второй раз ранен в руку Лубков...».

-Ну, слава богу, хоть тут не сплеховали, - удовлетворённо просиял Дорогов, - Могут, если захотят. Следует запросить подтверждение и фамилии отличившихся. Заслуженные награды должны найти героев.

Дорогов отлично понимал, что гибель Гончарова, фигуры почти легендарной, является невосполнимой потерей для красных. Прав великий корсиканец: «Войско баранов, возглавляемое львом, всегда одержит победу над войском львов, возглавляемых бараном». Отбросив прочь, могущие далеко завести аллегории, перечитал последние строки. Лишь одно обстоятельство вызвало неприятное беспокойство – Лубкову снова удалось скрыться. Осталось нейтрализовать его, и можно смело утверждать, что с партизанским движением в Причулымье и Мариинском уезде – покончено. Хочешь, не хочешь, а Лубкова необходимо ликвидировать. В кратчайшие сроки.

Поручик вызвал управляющего делами и приказал телеграфировать Сурову, немедленно приступить к отысканию, аресту, либо уничтожению Лубкова. Пусть переворачивает всё вверх дном, перетрясёт уезды, но отыщет партизанского вожака.

-В случае выполнения задания, Сурова ждёт завидное будущее, в противном же случае, о карьере придётся забыть, - пригрозил Дорогов, - Я позабочусь об этом!

-Так и передать? – уточнил управделами.

-Сделайте одолжение.

Губернская машина со скрипом дорабатывала последние ресурсы. Приказы, в силу инерции, продолжала регулярно производить. Приказы плодили другие приказы:

П р и к а з № 256

**Командира белогвардейского карательного отряда капитана Сурова.
с. Ново-Кусково, 30 июня 1919 г.**

Приказываю населению с получением сего немедленно приступить к розыску бежавшего раненого Лубкова со своими бандитами по заимкам, оврагам и тайге или же указать местонахождение такового. Срок даю три дня. Если в течение этого времени Лубков со своими бандитами не будет разыскан или указано его местонахождение, то всё население указанного посёлка будет мною предано военно-полевому суду, а имущество конфисковано и дома сожжены, как за укрывательство и содействие скранию Лубкова со своими бандитами.

Настоящий приказ приказываю немедленно объявить на сходе и приступить к розыску Лубкова. Если же кто найдётся знающий местонахождение его, то немедленно дать мне знать в штаб с. Колыон.

Раненый Лубков скрывается с 10 ранеными бандитами и 4 невооружёнными.

Результаты исполнения моего приказа жду к 9 часам вечера 6 июля с.г., а по получении сего приказа немедленно выслать ко мне в штаб 5 человек заложников.

Начальник объединённых штурмовых отрядов

капитан Суров.

Однако, лишь в вакууме инерция творит чудеса. В любой другой среде требуется смазка. Заменить солидол угрозами и пинками? Категорически нельзя.

Из доклада управляющего Томской губернией министру внутренних дел колчаковского правительства

20 июля 1919 г.

«...По всей территории Мариинского уезда продолжается гражданская война, почти ежедневно появляются в разных местах уезда шайки бандитов, именующие себя «партизанскими революционными отрядами» или просто «отрядами красноармейцев», под командой Лубкова, Зубкова, Гончарова и других...».

Обратим внимание на дату документа – 20 июля 1919 года. Гончарова почти месяц, как нет в живых. Дорогову это прекрасно известно. Но он, в приводимом документе, дважды упоминает его в качестве вполне дееспособного командира. Родилась, выходит, легенда?

«...Преследующие бандитов отряды правительственных войск и милиции успешно рассеивают большие шайки, не давая им усиливаться, но бандиты, разбившись на небольшие отряды, благодаря летнему времени и индифферентному отношению населения, становятся неуловимыми.

Сведения о различных нападениях шаяк по Мариинскому уезду мною доносятся телеграфно ежедневно.

Для окончательного уничтожения шаяк в Томском и Мариинском уездах, а так же ареста членов тайных большевистских организаций по сёлам и деревням устанавливаются правительственные отряды в с.Ново-Кусково Томского уезда и в с.с.Зырянском, Мало-Песчанском и Колыонском Мариинского уезда...».

Легенда, как видим, не только родилась, но уже принялась, и вполне реально принялась, сеять панику, отвлекая на себя вооружённые силы колчаковской администрации. А правительственный отряд, посланный в село Ново – Кусково, в конечном итоге, переметнётся к красным. Об этом – во второй части книги.

«...Среди населения Мариинского уезда бандитами Лубкова и Гончарова распространяются прокламации...».

**За управляющего губернией
Заведующий отделом**

*Дорогов
Савельев*

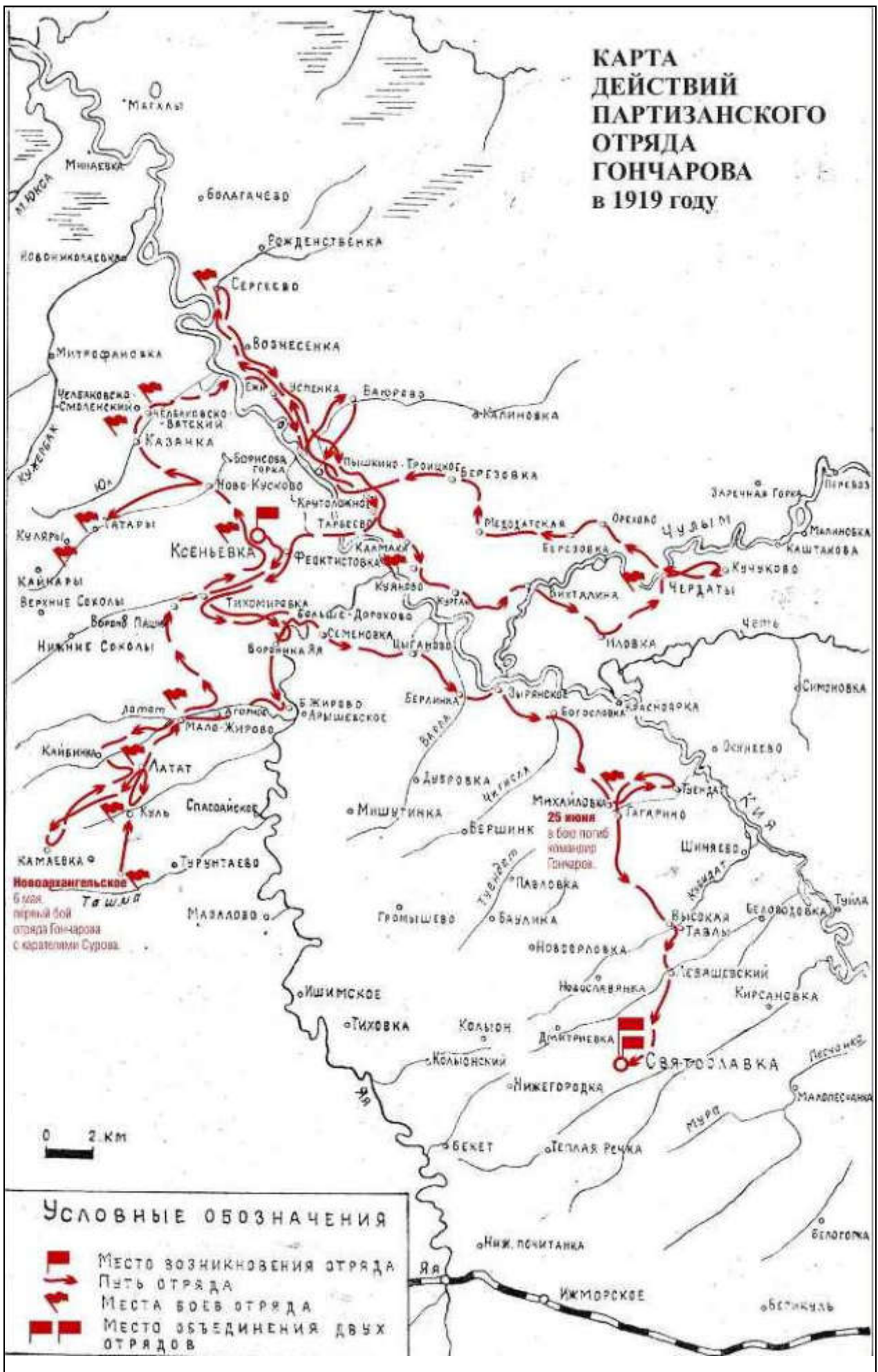
Паника. Страшнее на войне ничего не бывает. Смотрите, генерал – майор Романов Сергей Александрович, начальник Томского губернского управления государственной охраны, 6 сентября 1919 года продолжает доносить начальству:

«...Третья банда находится за Тюхтетью около села Поваренкина Поваренкинской волости, имеет по сведениям в составе своём около 100 человек под начальством якобы Гончарова и Романова.

Относительно самого Лубкова имеются сведения, что один крестьянин с.Святославского, между прочим, писал своему сыну солдату в письме, что Лубков был ранен, четверо суток сильно мучился и умер 28 июля с. г. в 3 часа утра... ».

Глаза и уши армии – разведка, занялась мифотворчеством. Резоны грешить супротив истины для лиц, облечённых полномочиями, во все времена легко находятся. Тем самым у легенды начинается своя жизнь, со своими фактами и подробностями. Эти факты и подробности неминуемо входят в противоречие с истиной. А уж любое противоречие порождает сомнения. И версии.

КАРТА ДЕЙСТВИЙ ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА ГОНЧАРОВА в 1919 году

И вот уже асиновский краевед Лещик Александр Брониславович много лет спустя изложит свою версию событий, описываемых нами. Дескать, никакого ксеньевского восстания не было, как не было здесь и Гончарова. А была кучка тунеядцев и лодырей, прятавшаяся на заимках.

-Высказываю свои предложения, - входя в раж, потребовал краевед, - срубить фамилию Гончарова на стеле памятника партизанам в Асине....

Чего ж так мелко? – спросим автора идейки, - Можя динамитом его? Али как к скульптуре Дзержинского, автокран подогнать? Пущай знает. Жалко, что сжечь нельзя, не горят каменные изваяния. Живёт, вот поди ж ты, дело Геростратово, живёт. К счастью, пока не везде побеждает.

И именно поэтому, в нашей книге так много документов и выдержек из документов, мы не версии выдвигаем, мы рассказываем правду, опираясь на факты.

А Иван Сергеевич Толкунов – Гончаров 25 июня 1919 года погиб в селе Михайловка, вместе с двадцатью своими товарищами. Сейчас в центре села Михайловское, на месте их гибели, стоит обелиск с надписью: «Вечная слава героям, павшим в боях с белогвардейской контрреволюцией».

Тело же партизанского вожака упокоилось в селе Мало – Песчанка.

С кончиной же Лубкова, так красочно представленной генерал – майором Романовым в его донесении, случился конфуз. В жизни часто как бывает: конфуз случается вовремя, а кончина запаздывает. Лубков от ран оправился. В этот раз.

П О Р А З М Ы Ш Л Я Е М ?

Герои авантюрных, приключенческих романов, наваляв суслоны трупов нехороших парней, в эпилоге устало глотают виски, сдабривая скотч сигарой, на худой конец, сигаретой. Негодяям преподан очередной урок. Справедливость в очередной раз торжествует.

Жанр документалистики лишает возможности авторов лихо закручивать сюжет. Чётко следуя дорогой исторических фактов, не заблудишься и не повернёшь назад. К сожалению, хоть и фабула борьбы за власть в Томской губернии уступает в яркости сюжетам большинства фильмов о Гражданской войне, количеством жертв, со многими из них легко может потягаться. К несчастью, в каждой вооружённой борьбе за власть, по обыкновению, имеется, по крайней мере, две правды, две идеи. И шут бы с ними, с правдами ль, с идеями ль, разбивай они собственные лбы друг об дружку!

Ан, нет, плохие ль, хорошие ль, кто их разберёт в этой катавасии, гибнут, разбивая не только лбы, люди. Победители же дружно голосят о наступлении, благодаря их нетленным подвигам, эры торжества справедливости. На следующем витке спирали развития следующие победители и следующая справедливость торжествует. А может, и нет справедливости в природе? Очередная утопическая выдумка человечества застит нам глаза. И справедлива только смерть. Или бессмертие.

На привокзальной площади города Асино возвышается монументальный обелиск. Изваянные из камня, застыли на постаменте в скорбном карауле при полном боевом снаряжении красногвардеец и красный партизан. У основания памятника написано: «Герои – партизаны, погибшие в 1919 году». Список из девятнадцати фамилий открывает Пётр Гончаров (именно эта надпись и раздражает Лещика А.Б.). Есть в Асино и улица Гончарова. Есть и улица Партизанская. Что ж, людская память – это и есть бессмертие.

Да, бессмертие это не жизнь после смерти в обычном понимании слова, правда, без смерти невозможное. К примеру, давным - давно жил и правил Тутанхамон. Как жил, как правил – сиё никому неизвестно. Да, по большому счёту, никому и неинтересно. Выдающихся прижизненных деяний за фараоном не числится. Но

состоялся факт смерти, три тысячи с большим лишком лет позднее обнаружили усыпальницу сановного египтянина, и пожалте вам, место в учебниках, широчайшая известность. Богатый человек, облечённый немалой властью, выходит, купил себе бессмертие. Хотя, в идеале, большинству из нас хочется, чтобы только добрые дела и имена оставались в веках.

-Ну, а куда же девать злодеев? - Спросите вы. – Их имена, что, выкинуть на помойку истории?

Есть соблазн. А, что, отправил ведро с историческими отбросами в мусоропровод, и ноу проблем. Забыл про зловоние. Простенько и со вкусом. Подстать беззаботным голубям на памятниках. Нагадил на один, отправился к другому. Но у прошлого нет свалок. Счастливых же людей с избирательной памятью или с полным отсутствием оной, пока ещё, правда, с разной долей успеха, лечат.

Имена отрицательных исторических персонажей, по нашему убеждению, в одних случаях, сродни шрамам от прививок, в других – шрамам от пулевых и ножевых ранений различной тяжести на теле человечества.

Гитлер и ему подобные – прививки, с диапазоном болезненности, сообразным масштабам носителей заразы (фашизм, апартеид, ксенофобия). Сильней бацилла – сильней иммунитет. Из той же оперы и Хиросима с Нагасаки. К несчастью, иммунитет не вечен. Кто – то снова и снова соблазняется идеей облагодетельствовать мир очередным новым порядком.

Геростраты, джеки – потрошители, чикатилы, террористы, уголовники – работа для разума человечества. Здесь, иммунитет бессилён. Инстинкт самосохранения и приёмы самозащиты должны постоянно совершенствоваться. Трудней ошибки – богаче опыт, лучше нашего поэтического солнца не скажешь.

Завершим, пожалуй, наши рассуждения ссылкой на универсальную мудрость формулы: «Никто не забыт и ничто не забыто». Далее позволим себе сделать вывод о справедливости бессмертия для исторических персонажей. Положительных и, куда деваться, отрицательных. Тем более, если речь идёт об истории Государства Российского, где герои постоянно и буднично меняются местами с антигероями и наоборот.

Портрет Сухачёва П.А.. Написано Сухачёвым П.П. с фотографии.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РОТА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

1. НА ОХРАНУ ЗЕМСКОЙ БОЛЬНИЦЫ

Давайте верить в то, что сила на стороне правды, и пусть эта вера поможет нам исполнить наш долг так, как мы его понимаем.

Авраам Линкольн.

До прибытия в Новосибирск фирменного поезда «Томич», сообщением Томск - Москва оставалось немногим более двух часов. Хабарову не спалось. Он вышел в коридор, приоткрыл окно. В вагон, вместе с ритмичным грохотом колёсных пар о стыки рельс, ворвалось щедрое разнообразие сочных и девственно свежих запахов утреннего леса. Поезд, гигантской жёлто – красной гусеницей вписывался в очередной поворот.

Да, поворот. Волшебная аура июньского утра снова унесла мысли Иосифа Яковлевича, помимо его воли, в прошлое. Пятьдесят лет назад другой паровоз, с конечной остановкой в Коммуне, увлёк его и страну именно лихостью и крутостью выписываемых поворотов.

А разбередила душу и теперь не позволяла заснуть, завершившаяся вчера поездка в село Ново – Кусково. Экскурсия, так сказать, в юность. За бессонную ночь, воспоминаний набралось на увесистый, правда, сейчас бы сказали, виртуальный, том мемуаров. С заголовком, вполне в духе Александров Дюма – «Пятьдесят лет спустя».

Хабаров Иосиф Яковлевич, 1919 год.

Хабаров Иосиф Яковлевич, 1970 год.

До сих пор добавляла адреналина в крови и остроты воспоминаниям, нечаянная, хотя в глубине души, ещё как чайная, встреча с женщиной, чувств которой, он в 1919 году так позорно испугался. К сожалению, имя Надежда, обещает, но не гарантирует исполнения надежд. Надежды не сбылись, но Иосиф, вот, поди ж ты, на семидесятом году жизни понял, что любил – то он всю жизнь её одну – Надежду, теперь Анатольевну. Более того, он также ясно осознал, что все женщины, нравившиеся ему когда – либо, были похожи на неё.

Ну что тут скажешь. Случай из тех, когда лучше никогда, чем поздно? Или, несмотря на отыгранный второй тайм, *юность прошедшая всё же бессмертна?* И, значит, по – прежнему, ничего ещё не поздно?

Попробуем оставить вопросы настоящему, а сами снова последуем в прошлое.

И для начала поищем ответы на другие вопросы: Почему в 1904 году старший лейтенант Колчак Александр Васильевич сражался с японцами, уверенный, что перед лицом внешнего врага русские должны забыть обо всех своих разногласиях? И почему в 1918 году адмирал Колчак уже сражался с русскими, убеждая самого себя, что для борьбы с революцией можно пойти и на союз с японцами? Против русских вместе с кем угодно – с теми же японцами, французами, американцами, чехами. Что определённо шло в разрез с патриотическими принципами адмирала. Это несоответствие до конца дней мучило его. Это же несоответствие сегодня мучает и заводит в тупик комиссии по реабилитации.

Если бы Александру Васильевичу кто – либо сказал, что, став у кормила власти, он тем самым приблизит торжество революции, адмирал бы, вероятнее всего, счёл того сумасшедшим. Уж кто – кто, а он делал всё, что бы выкорчевать в Сибири, на Урале, в Поволжье и на Дальнем Востоке корни большевизма. Но в том – то и заключается чёрный юмор истории, что действия адмирала привели к результатам, совершенно противоположным.

Голословно? Приведём свидетельства современников. В 1919 году в Париже вышла книжка либерала Зензинова В.М. - «Из жизни революционера». Вот что он пишет: *«Свергнув демократическую коалиционную власть и вступив на путь реакции, правительство Колчак, хотело оно того или не хотело, в величайшей степени укрепило позиции большевиков в России, так как после такого переворота никто не посмеет возразить большевикам, что в лице правительства Колчака они борются не с контрреволюционерами».*

Генерал Брусиков А.А. в своих воспоминаниях пишет: *«Однажды мне келейно был задан вопрос: буду ли я поддерживать Керенского, в случае если он найдёт необходимым возглавить революцию своей диктатурой? Я решительно ответил: «Нет, ни в коем случае, ибо считаю в принципе, что диктатура возможна лишь тогда, когда подавляющее большинство её желает». А я знал, что кроме кучки буржуазии, её в то время никто не хотел.... Тогда мне был предложен вопрос: не согласишься ли я сам взять на себя роль диктатора? На это я также ответил решительным отказом, мотивируя это простой логикой: кто же станет строить дамбу во время разлива реки – ведь её снесут неминуемо прибывающие революционные волны».*

То ли Александр Васильевич Колчак этого не понимал, то ли понимал, но решил, что любое действие во время разгула стихии, пусть неправильное, пусть обречённое на неудачу, лучше пассивного бездействия? Но с фактами не поспоришь. Призванный сплотить силы контрреволюции и задушить большевизм, он, помимо своей воли раздробил эти силы и, гася пламя революции, разжёг пожар, в котором сгорели все его надежды. И тут уже не важно: понимал ли, либо сознательно обманывался.

Да и наш народ, понимая или не понимая, сознательно или бессознательно свой выбор сделал. Вот смотрите, в сентябре 1919 года, в разгар боёв за Омск, в Красную Армию влилось 24 тысячи новых бойцов из крестьян, а Колчак в это же время вынужден был бросить 24 тысячи солдат на подавление у себя в тылу крестьянских восстаний. Бросили солдат на подавление, и что? А вот давайте и посмотрим, что.... Что, собственно, произошло в селе Ново – Кусково Томской губернии с одной из таких рот особого назначения?

Командир роты поручик Баранов во все глаза смотрел на двух рослых нижних чинов, вытянувшихся перед ним в струнку, и ничего не понимал. Эти двое просились на фронт. Под пули и снаряды красных. Желали, видите ли, пролить кровь за веру, белое дело и Отечество. Служба в тылу, видите ли, их категорически не устраивает.

Поручик, будучи циничным реалистом, не без оснований полагал, что ура-патриотов белого движения, в связи с последними событиями на фронтах, резко поубавилось. Особенно среди нижних чинов. Оказывается, есть ещё порох в пороховницах, не перевелись на Руси бескорыстные борцы за белую идею. Ландскнехты, мать их! Нонсенс....

А бескорыстные (а, и, правда – нонсенс) ландскнехты стояли плечом к плечу и, по-уставному, ели глазами начальство. Были они удивительно схожи между собой и статью, и телосложением. Только один был почернявее и пошире в кости, а другой – посветлее и в плечах поубористее. У обоих усы лихо закручены кончиками вверх – мода, принятая у нижних чинов бывшей царской армии. От обоих так и веяло сочным здоровьем и ядрёной силой.

-Что такое фронт, надеюсь, вам известно? – недоверчиво прищурился на служивых Баранов.

-Так точно, господин поручик, - отчеканил черноусый, глядя на командира роты твёрдым, немигающим взглядом, - Мы – унтер-офицеры ещё старой армии, тридцать второго Томского полка. Довелось на германской повоевать....

-Унтер-офицеры? – озадаченно вскинул брови поручик, - А почему на вас погоны рядовых?

-Когда нас мобилизовывали, звания не спрашивали, интересовались лишь годом рождения.

-Встречается ещё, к сожалению, путаница при мобилизации, - согласился Баранов, - Но, простите великодушно, почему здесь, в роте, до сих пор молчали?

-Опасались, как бы за самозванцев не приняли. Документов-то, у нас при себе никаких нет.

-Любопытно узнать, где же они?

-Дома.

-Надеюсь, звания-то вам присваивали не дома?

-Никак нет, не дома. Здесь в Томске. В учебной команде.

-Так-с, так-с....

Поручик принялся расхаживать по ротной канцелярии, не зная, как ему поступить с новоявленными унтерами. Строго говоря, за сокрытие званий полагалось наказывать. Вплоть до расстрела. Подобные случаи расценивались командованием, как проявление саботажа и враждебного умысла против режима Верховного правителя. С другой стороны, унтеров в роте не хватает. Потом, ведь, солдатики сами пришли и доложили, кто они такие есть. К тому же, на фронт просятся. Правда, до конца не ясно, из каких побуждений, может действительно из патриотических, чем чёрт не шутит. А патриотов наказывать, пожалуй, не стоит, надо сперва разобраться.

Унтера стояли, не меняя ни позы, ни выражения лиц, ожидая решения своей участи.

Поручик поймал себя на мысли, что невольно им симпатизирует, даже немного завидует. Такие бравые молодцы, обычно, пользуются успехом у женщин. Внешность самого Баранова, особенно явно проигрывала, в сравнении с этими здоровяками.

Ярко выраженный альбинос среднего роста, с непримечательным, не запоминающимся лицом, дисциплинированный службист, не более того. Достижения на амурной стезе его, правда, интересовали мало, в герои-любовники не стремился. При необходимости, с присущим ему практицизмом, пользовался услугами женщин, весьма не строгого поведения, просто покупая их ласки за деньги, руководствуясь принципом: «Зачем любить, зачем страдать, ведь все пути ведут в кровать». Профессионалки, к тому же, прекрасные знатоки мужской психологии, чутко и с энтузиазмом исполняют любые прихоти клиентов.

Баранов оторвался от не имеющих отношения к делу сопоставлений, строго и требовательно глянул на подчинённых.

-Может статья, с фельдфебелем отношения не сложились или ещё с кем, вот вас и одолела тяга к фронту? Вы скажите прямо – я приму меры.

-Никак нет, господин поручик. Никто нам никаких притеснений не чинит. Просто мы хотим выполнить свой долг. - Не задумываясь, отрапортовал черноусый.

Командир роты закурил и хмуро задумался, глядя в окно, за которым оживлённогалдели никогда не унывающие воробьи. Стремление попасть на фронт, кто спорит, похвальное стремление. Но лишь в том случае, если оно действительно искреннее.

А вот в искренности устремлений нижних чинов, поручик, столь же искренне, сомневался. Сам он, например, при всей его нелюбви к большевикам, предпочитал не любить их на расстоянии, справедливо полагая, что, с практической точки зрения, тыл во время войны, гораздо более удобное место, чем фронт.

Знал он, что некоторые нижние чины рвутся на передовую, намереваясь, при первом удобном случае, рвануть к красным. К сожалению, обстановка на фронтах благоприятствовала подобным настроениям. Большевики наступают, неудержимо тесня в глубь Сибири войска Верховного правителя.

Ещё одно, немаловажное обстоятельство, подкрепляло подозрения Баранова. Эти двое прибыли с последним пополнением из Камня, где перед тем произошло восстание новобранцев, спровоцированное тамошним большевистским подпольем. Восстание жестоко подавили. Часть его участников, засвеченных филерами, была расстреляна, остальных привезли сюда, в Томск, в трюме грузопассажирского парохода. На полуарестанском положении. Говорят, их за всю дорогу не удосужились, и покормить - то ни разу. После, прямо скажем, скотского обращения, вдруг неистребимое желание и горячее стремление попасть в действующую армию. Стремление, мягко говоря, странное.

-Кстати, напомните ваши фамилии? – спохватился Баранов.

-Младший унтер-офицер Хабаров.

-Младший унтер-офицер Романцев.

-К моему искреннему сожалению, ваша просьба удовлетворена быть не может, - сухо объявил поручик, - Наш 46-ой полк – полк особого назначения. От нас на фронт не направляют. Мы нужнее здесь, в Томской губернии. Вы свободны!

Хабаров с Романцевым повернулись налево кругом и, чётко печатая шаг, вышли.

Поручик Баранов проводил их долгим, пристальным взглядом. Понапихали ему в роту личный состав. Без всякого разбору. Рвутся на фронт, смотрят прямо, говорят правильно, правильность сия и настораживает. В один прекрасный день, удивляться при таком контингенте, не приходится, занесут в расположение роты большевистскую заразу.

-Писарь! – гаркнул он, усаживаясь за стол и снова закуривая.

Писарь вытянулся в дверном проёме, преданно выпучив глаза, демонстрируя готовность буквально умереть за обожаемое начальство. Слагать голову не потребовалось, прозвучал короткий приказ:

-Принеси-ка, братец, личные дела Хабарова и Романцева.

-Слушаюсь, господин поручик!

В делах сомнительных нижних чинов, компрометирующих данных не обнаружилось и поручик, поколебавшись, распорядился назначить их на должности командиров отделений.

Слева направо: Романцев Фёдор Витальевич, Сидоров Иван Ефимович, Хабаров Иосиф Яковлевич. Во время службы в городе Томске, в 46 стрелковом полку белых

Хабаров и Романцев, меж тем, укрывшись в тени казармы, обсуждали разговор с ротным.

-Не вышел номер...- лениво затянувшись самокруткой, с сожалением вздохнул Романцев и смачно сплюнул.

-Сейчас не это главное. - Покачал лобастой головой Хабаров.

-А что же?

-Похоже, мы попали на заметку нашему ротному.

-С чего ты взял?

-Сам посуди, ну какой дурак сейчас на фронт запросится? Настоящие герои в наше время, по большей части, в тыл рвутся. А тут, вдруг, два рьяных вояки объявились.

-Считаешь, он нас заподозрил?

-Скорее всего. Ротный сказал, ты тоже слышал: наш полк особого назначения. Это означает, что и порядки здесь, наверняка, особые. Хорошо, если Баранов посчитал нас за придурков или полных идиотов. А, не приведи Господь, начнет копать?

-Выходит, зря мы к нему попёрлись?

-Наверно, зря. Прежде, следовало хорошенько подумать. А не прыгать в воду, не узнавши броду. С другой стороны киргизы говорят: «Лучше упасть с верблюда, будет потом, что рассказывать».

-Что же нам теперь делать? – заволновался Романцев, - Искать верблюдов или сразу к киргизам подадимся?

-А пока ничего не будем делать, чтоб, ещё каких дров не наломать, - определил Хабаров, - будем смотреть по обстановке.

Поручик Баранов не ошибался в своих подозрениях. Нижние чины его роты Иосиф Хабаров и Фёдор Романцев действительно хотели попасть на фронт ради того, чтобы при первом удобном случае перейти к красным. Их, недавних деревенских бедняков, ничуть не устраивала служба в колчаковской армии вместе с кулацкими сынками и прочими прихвостнями. Красные сулили мир, землю, волю, возможность стать «всем». А они, трудно объяснить почему, держали сторону богатеев, т.е. собственными руками гробили, своё же, будущее.

Попытку изменить, не устраивающее их течение жизни, они предприняли, став активными участниками восстания в Камне. Чудом избежали расстрела, благодаря счастливой случайности – милицейские филеры их не опознали. Однако опасность разоблачения продолжала оставаться и здесь, поскольку среди новобранцев, вполне мог найтись иуда, дятел долгоносый. Избежать неприятностей можно было, лишь исчезнув куда-нибудь подальше. На тот же фронт, например.

Нечаянная встреча ускорила решение друзей насчёт фронта. В тот день они прогуливались в личное, свободное от занятий, время по расположению полка. Походя, наткнулись на кучку солдат, перекуривавших у забора. И уже намеревались пройти мимо, но невольно замедлили шаг, заслышав весьма крамольные речи.

-На кой ляд он нам сдался, энтот кровопивец Колчак? Што у нас с ним могёт быть обчего? Надоть подаваться к красным партизанам и вместе с имя воевать за рабоче-хрестьянскую власть.

Как ни странно, вольномыслие проявлял мордастый унтер, вещавший в центре кружка. Алкал справедливости, ничуть не понижая голоса. Обличье обладателя трубного гласа, друзьям было, вроде, знакомо.

-Правильно я говорю, братцы? – меж тем вопрошал добровольный проповедник, обводя собравшихся цепким взглядом острых глаз.

Паства поддакивать не торопилась, чувствуя в его, через чур, уж смелых, разглагольствований, неприкрытую фальшь. Унтер же, явно переигрывая, продолжал гнуть своё:

-Могёт, хто знает, где партизаны скрываются, так вместях бы и подались к ним отседова. А?

При последних словах друзья прибавили шагу, торопясь уйти подальше от странного сборища, сильно попахивавшего провокацией. Окрик языкастого унтера заставил их остановиться:

-Эй, ребята! Хабаров, Романцев стойте!

Унтер, с широкой улыбкой на красной физиономии, поспешил к остановившимся.

-Что за рожа? – вслух гадал Хабаров, глядя на приближавшегося агитатора с возрастающим недоумением.

-Да ты что, всё ещё не признал? – подивился Романцев.

-Вроде морда знакомая, а признать, убей бог, не могу.

-Да, это же Пашка Дитятин. Вместе в учебке корячились.

-Ай, молодца! Теперь и я вспомнил. - улыбнулся Хабаров, - Век живи, век учись. Пожалте, сын богатого купца, а какие речи излагает! Вот уж, действительно, борец за рабоче-крестьянскую власть! Вылитый Стенька Разин.

-Ну, здорово были! – шумно приветствовал их подошедший Дитятин, - И вы тут? А што это вы, будто незнакомые, мимо проходите? Чай, не признали?

-Где нам тебя признать? Так раздобрел на казённых харчах – чисто генерал.

-Ладно, смеяться-то.

Дитятин широко улыбнулся, подкручивая жиденькие, рыжеватые усы, продолжая разыгрывать рубаху парня, хотя сразу почувствовал настороженность собеседников, не принявших панибратского тона.

-А я тоже, сперва, было, не узнал, - признался он, - Солдаты и солдаты. Потом присмотрелся, глядь, старые знакомцы. Чё-й-то вы без лычек? Разжаловали, што ли?

-Да нет, просто не успели нацепить. – Сухо пояснил Хабаров.

-А сюды-то, как попали?

-Как и все – по мобилизации.

-На хронте-то были?

-Довелось.

-Я тожить вшей в окопах покормил, - похвастал Дитятин, - Сам удивляюся, как живой остался.

-Это ты на фронте, такую ряшку наел? – невинно поинтересовался Романцев, подмигивая Хабарову.

-А ты не смейся, - обиделся унтер. Далась тебе моя ряшка. Могёт, у меня болезнь сурьёзная. Одутлость называется.

-Ах, болезнь? – без тени улыбки, посочувствовал Фёдор, - Да, ещё и сурьёзная? Это, в смысле: Ешь – потей, на службе – мёрзни? Тебе бы докторам показаться – глядишь, и комиссуют со службы. Не ровён час, копыта отбросишь позорным укором командирам.

-Я и так отседа уйду, - решительно объявил болезный, не реагируя на подначки. - Мне служба у Колчака, как нож вострый.

-Что так?

-Вы сами, рази, не видите, какие он порядки завёл? Похлеще, чем при царизьме.

-Не один ли хрен, что поп, что попадья?

-Не, надоть к партизанам подаваться.

-Отчаянный ты парень, Дитятин. Такие шутки откальываешь. Помнится, раньше ты смелостью особой не отличался.

-Я уполне сурьёзно. А то, айдате вместе. Ведь, поди, в ваших местах партизаны имеются? Вот бы, к ним и прибились всей компанией.

Откровенность проверки «на вшивость» покорила обоих. Уж слишком топорная, грубая работа. Впрочем, тонких изысков, требующих игры воображения, ожидать от Дитятина не приходилось. Ревностный, с лицом, не обезображенным интеллектом, служака работал, как умел, в строгом соответствии со своими способностями. Просто, шапка, на сей раз, оказалась не по Сеньке. Ударил, что называется, в грязь лицом.

-Нет, нам с тобой не по пути, - отрезал, молчавший до сих пор Хабаров, - Мы будем на фронт проситься. Пошли, Федя.

Сразу после этого, они и озадачили поручика Баранова своей странной просьбой. Конечно, и Хабаров, и Романцев, не задумываясь, ушли бы к партизанам,

если бы знали, где их найти. Поскольку, чувствовали себя в стане колчаковцев белыми воронами.

Друзья призывались из одной деревни Индерь, Ново-николаевского уезда. Фёдор Романцев там и родился, а Иосиф Хабаров появился на свет в далёком селе Сарай Рязанской губернии. У его родителей – Якова Гавриловича и Натальи Андреевны Хабаровых было семеро детей, мизерный земельный надел не позволял прокормить такую ораву. Помыкавшись на бесхлебье, семья Хабаровых, в 1908 году подалась, со всем своим многодетьем, в Сибирь, на вольные земли. Так они оказались в Индери, где вместо вольготной жизни, сразу же попали в кабалу к местным богатеям.

Иосиф родился пятым по счёту, беззаботного детства не получилось, поскольку с ранних лет пришлось работать. В Сараях он пас чужих телят, шостал чужое зерно на мельнице, а в Индери он, с десятилетнего возраста работал у местных купцов, подсобничая в бакалейных лавках. Типичная судьба детей деревенской бедноты выпала и Фёдору Романцеву. Общая доля свела и сдружила их на всю жизнь. Вместе они были забриты в 1916 году в царскую армию для защиты «веры, царя и Отечества» от германского супостата. Вначале друзьям повезло. Их направили не на фронт, а в Томск, в учебную команду. Учиться на унтер-офицеров. Здесь и застала их Февральская революция.

Это было бурное время. Улицы Томска полнились возбуждёнными, радостными толпами людей, с красными бантами на лацканах пальто. Реяли красные знамёна. Звучали революционные песни. После свержения самодержавия, в обществе господствовали либеральные настроения, все ждали значительных перемен к лучшему.

В гарнизоне, практически ежедневно проходили митинги. Перед солдатами выступали ораторы самого разного толка. И прилично одетые господа, и волосатые интеллигенты, и ещё какие-то крикливые личности. Наперебой краснобайничая о свободе, равенстве, братстве, народовластии, о войне до победного конца, вышеупомянутые властители дум, звали народ в светлое будущее, не затрудняя себя разъяснениями деталей всеобщего счастья, которое с неизбежностью постигнет народонаселение, последующее за ними. Часто звучали туманные намёки на Учредительное собрание, должное воздать каждому от общего пирога.

Однажды на трибуну взобрался оратор, одетый в скромную суконную тужурку и смазные сапоги. И без лишних предисловий высказался предельно ясно, не затрудняя речь красотами:

-Вся власть трудящимся! Земля – крестьянам, заводы и фабрики – рабочим! Долой войну! Долой министров – капиталистов!

Зёрна упали на благодатную почву, радикальный и быстрый способ решение всех проблем вызвал живой отклик среди солдат, ибо все они и были, преимущественно, те самые рабочие и крестьяне, временно одетые в солдатские шинели, коих ожидали столь заманчивые перспективы. Да и война им была совершенно ни к чему. И всякие захребетники – тоже.

Офицеры и штатские в котелках недовольно косились на шустрого горлохвата.

-Кто это? – поинтересовался Хабаров у стоящего рядом небритого солдата.

-Это нашенький, из большевиков, - доверительно пояснил тот и, затянувшись махрой, одобрил: Правильно режет. Молодец! А кой-кому не ндравится. Вишь, господа и ахвицеры косоротятся. Но ничё, придёт, придёт и наш черёд. Пока, пущай, цветики нюхают, а ягодки впереди...

В толпе зашмыгали юркие субъекты в штатском, подбираясь к трибуне.

-Как бы его не забарабали? – заволновался Хабаров, видя, что подозрительные личности в штатском взяли трибуну в кольцо.

-Пусть только попробуют, рискнуть здоровьем. - недобро усмехнулся солдат.

Меж тем оратор в тужурке, видимо предупреждённый, сиганул с трибуны и сразу исчез, будто растворился в серой солдатской массе. Оказавшиеся с носом шпики, долго не могли выбраться из толпы; вволю дурачившиеся солдаты, как бы ненароком,

из лучших побуждений, иным оттоптали ноги, иным оторвали пуговицы, иным рукав надорвали, всем досталось по рёбрам.

Так Иосиф Хабаров и его друг Фёдор Романцев впервые увидели и услышали большевика. Сказанное им понравилось внятностью и краткостью. Успех большевистских ораторов в воинских частях обуславливался, именно, чёткостью и ясностью изложения простых, понятных и близких любому солдату истин. Говорилось людьми, подчёркивающими своё пролетарское происхождение и внешним видом и повадками, практически всегда то, что хотела слышать солдатская аудитория. Популизм, скажете вы. И будете правы. Но и трезвый расчёт.

Для служивших в любой армии, совершенно очевидно, что требовательный офицер, априори, не может быть хорошим для подчинённых. Не случайно, в бурно развивающейся Японии, давно усвоив, что требовательность и строгость, по определению, любимыми быть не могут, в курилках устанавливают резиновые чучела боссов, со сложенными рядом орудиями избиения – дубинками, палками и т.д. Тем самым выпускается пар, происходит психологическая разрядка. Вовремя не сраженный пар, известно, приводит к взрыву котла.

Осознал, вероятно, слишком поздно, опасность неминуемого взрыва и Николай Второй. Будучи лично порядочным и мужественным человеком, самодержец отрёкся от престола. Не выдержал давления родственников и военачальников. Все командующие фронтами и флотами (кроме адмирала Колчака) и все великие князья прислали ему в Ставку телеграммы о необходимости отречения. Известия о готовности встать на сторону царя прислали только двое – хан Нахичеванский, мусульманин, глава Дикой дивизии, и генерал Фёдор Келлер, немец.

Кругом измена, и трусость, и обман.

Государь поплакался в дневнике: ***Кругом измена, и трусость, и обман.*** Обиделся, обиделся, как – то уж, совсем по – детски. И сел писать телеграмму, которую потом назовут «Манифестом отречения». До последнего надеясь, что подданные одумаются, *авось*, заметят несуразницу документа. Ведь, отречение самодержавного государя не допускается законами Российской империи! Это намёк номер один. Намёк номер два – в телеграмме государь говорит о передаче наследия на престол своему брату Михаилу Александровичу, в обход законного наследника – царевича Алексея. Побокую Свод Законов Российской империи! Ну, и, наконец, намёк номер три – подписана телеграмма карандашом. Единственный документ в истории государства Российского, подписанный карандашом!

Клятвопреступники не одумались. Верность царю, его наследнику и Отечеству? Дак про это мы читаем в мемуарах битых белых полководцев.

История повторяется; один раз в виде трагедии, один раз в виде фарса. Горбачёв, будучи, в общем – то не самым плохим человеком в СССР, но чрезвычайно слабым руководителем, в начале 90-х годов прошлого века отправился по стопам последнего императора. Ушёл. Ушёл постыдно. Не совладав с давлением Ельцина, оставил пост президента Советского Союза. Круг замкнулся. Два неплохих человека, правда, совсем не годных к роли управленцев, на беду нашей многострадальной стране, дважды в течение века ввергали Россию в пучину хаоса и разрухи, подтверждая истину: **- Хороший человек – не профессия....**

Господа же в котелках, декларирующие войну до победы и власть Учредительному собранию, только подливали масла в огонь. Ребёнку ясно, они-то воевать будут в глубочайшем тылу, жуируя и провозглашая здравницы за победу русского оружия, закусывая холодную водочку чёрной икорочкой. Занятия и так мало обременительные, а если к ним добавить весьма приятные подсчёты барышей от военного бизнеса, получится недурственный парадиз для маленькой такой компании предприимчивых хапуг. Нет, две вечные беды России – дураки и дороги революций у нас никогда не вызывали. Но вот столь же вечное, по определению Карамзина – **воруют**, - с завидным постоянством!

И Ленин, как бы к нему сейчас не относились, убедительно использовал не умность, не гибкость политики Временного правительства, вернее отсутствие всякой политики и направляющей воли. Большевистские пропагандисты, работая на контрасте, расшатывали и без того шаткую власть. Ох уж это – **Грaбь нагрaбленное!**

Но митинги митингами, а командование гарнизона тоже не бездействовало. Дабы уберечь нижних чинов от большевистской заразы, оно, с лихорадочной поспешностью, формировало маршевые роты и тут же спроваживало их на фронт. В одну из таких рот были включены и новоиспечённые унтер-офицеры Иосиф Хабаров и Фёдор Романцев, довольные тем, что оказались снова вместе.

Вместе, потом, кормили вшей в окопах Западного фронта, вместе ходили в смертельные атаки на германские позиции, огрызавшиеся плотным ружейно-пулемётным огнём. Вместе выходили брататься с немецкими солдатами. Затем, вместе участвовали в подавлении корниловского мятежа, вместе ликовали в дни Октября, празднуя переход власти в руки большевиков.

В первые же дни установления Советской власти друзья влились в ряды Красной гвардии, и уже в качестве красногвардейцев, отражали натиск немцев, напавших на Петроград. Здесь Хабарова контузило в бронепоезде и верный друг, Федя Романцев, вытащил его из-под груди, искорёженного прямым попаданием снаряда, металла и отправил в тыл. Снова довелось им встретиться уже в Индери, откуда, нежданно-негаданно, их замели в колчаковскую армию. Таким вот, сложным образом, оказались они в полку особого назначения...

-Р-рота, падъём! Тревога! В ружьё!

Зычный голос фельдфебеля властно гремел по казарме, безжалостно обрывая сладкий утренний сон солдат. Дежурный по роте и дневальный дружно вторили фельдфебелю, не жалея глоток:

-Падъём, рота!

-Тревога!

-А ну, живо подымайсь! Не дома на печке!

Солдаты вскакивали, будто ошпаренные, с двухъярусных коек и торопливо одевались, путаясь в обмундировании. Некоторые, в переполохе, напяливали на себя чужие шаровары или сапоги, вызывая, где смех, а где сердитые матюги.

-Живей, живей поворачивайтесь, сонные тетери, мать вашу так! – торопил заполошный фельдфебель. – Команда – в ружьё! В две шеренги – становись!

Не все ещё успели встать в строй из-за толкучки у ружейной пирамиды, как последовала новая команда:

-Напра-во! На выход, ша-гом арш!

Хабаров оделся и встал в строй одним из первых. Сказались навыки, приобретённые в учебной команде. Наблюдая за происходящим, он никак не мог понять – что бы, всё это значило? Может, в городе восстание? Но не слышно ни стрельбы, ни вообще никакого шума. Летняя заря занималась ясная и тихая.

Когда же вышли на плац, то оказалось, что поднята по тревоге одна их рота. Может, очередная тренировка? Дабы окончательно не разленились на казарменном положении.

После построения на плацу, появился поручик Баранов в новенькой полевой форме, туго затянутый в жёлтые ремни, с видом, весьма воинственным. Козырёк защитной фуражки надвинут на глаза, левая рука картинно расположилась на эфесе шашки, ярко начищенные хромовые сапоги позвякивают кавалерийскими шпорами.

«Неужели, в самом деле, на фронт отправляют?» – гадал про себя Хабаров, удивлённый экипировкой поручика. – «Сбылась мечта больных на голову патриотов? За Веру, Колчака и Отечество! Уря, господа, уря! Тьфу ты, накаркали с Федькой войну до победного конца».

Командир роты, между тем, принял рапорт фельдфебеля о построении вверенной ему роты. Затем, не отнимая руки от козырька фуражки, остановился против середины строя и громко засвидетельствовал своё почтение:

-Здорово, братцы!

«Братцы» ответили вразнобой. Баранов поморщился, словно от зубной боли, но предпочёл не высказываться по поводу великолепия выучки, столь наглядно демонстрируемой подчинёнными. Видно, не хотел портить торжественности момента. Выдержав многозначительную паузу, он изрёк:

-Мы выступаем на охрану земской больницы в волостное село Ново-Кусково. К месту назначения будем следовать на крестьянских подводах. Они ждут нас за городской заставой, на Иркутском тракте. Вопросы будут?

Вопросов не было.

Конный обоз, на который погрузилась рота Баранова, растянулся почти на полкилометра. Ехали не спеша. Погода стояла жаркая и сухая. И, если, передние телеги начинали двигаться чуть быстрее, на задних, сразу становилось нечем дышать от поднимаемой пыли. Впереди и по сторонам обоза следовало конное боевое охранение. Для этой цели имелось достаточное количество верховых лошадей. Поручик Баранов оказался предусмотрительным командиром. В походе он делал всё возможное, чтобы не утомить роту и уберечь от внезапного нападения партизан. На ночёвки выбирал небольшие деревушки, сразу после остановки выставлял секреты вдоль поскотины. И с этого момента, ни одна живая душа не могла покинуть деревню. Правда, в неё беспрепятственно впускали всех и каждого, тут же доставляя к ротному, учинявшему самоличный допрос запоздалому путнику на предмет выяснения: - Кто он? Откуда и куда следует? По каким, таким делам?

Преимущественно местным мужикам и бабам, возвращавшимся с сенокоса, ибо сенокосная страда была в самом разгаре, приходилось отвечать на жёстко поставленные вопросы. Ну, а если попадались чужаки, их запирали на ночь в холодную, и староста получал наистрожайший приказ отправить их на утро под конвоем сотского в волостную милицию для досконального выяснения личности.

Сам Баранов вместе с другими офицерами останавливался на ночлег у местного старосты или батюшки. Наутро, чуть свет, был уже на ногах, проверял посты, порядок в расположении, строго взыскивая с унтеров и офицеров за обнаруженные упущения.

Хабаров и Романцев держались в походе, как всегда, вместе. На ночь старались останавливаться тоже на одной квартире. Оставшись наедине, принимались прикидывать, так и эдак – как им быть дальше.

Они догадывались, что рота следует в Ново-Кусково, не столько для охраны земской больницы, сколько для карательных действий против красных партизан и местного населения. Друзей подобная перспектива совершенно не устраивала. Но что делать? Бежать? Пока не представляется возможным. Караул, выставяемый Барановым, имел инструкции задерживать не только неурочных путников, но и своих солдат и унтеров, вздумавших выйти за поскотину. Ладно, положим, удалось бы дезертировать, всё равно, затея эта могла плохо кончиться. Допустим, отыскали они партизан. А дальше? Поверят, не поверят, лотерея, с вполне вероятным летальным исходом, шлёпнут, сгоряча, как лазутчиков. И ведь будут правы, сколь – нибудь серьёзных оснований верить перебежчикам, нет. Праведные речи и честные глаза – не аргумент.

Если добираться до Индери, то без карты и без знания местности, с большой долей вероятности, можно нарваться на милицейские посты. Дальше, разговор ещё короче – расстрел за дезертирство, по законам военного времени. В общем, куда ни кинь, везде клин. В конце концов, решили пока ничего не предпринимать, а по прибытии на место, думать и планировать свою дальнейшую судьбу, искать выходы на партизан, либо... Хотя, стоп, о восстании они, во время похода, не задумывались, так далеко их планы не простирались, слишком дерзкий полёт мыслей для плохо знающих сослуживцев унтеров.

Невесёлые настроения царили и среди других солдат и унтеров роты. Даже пили, если удавалось расстараться спиртным, мрачно, с надрывом. Не было слышно ни смеха, ни весёлых шуток и прибауток, обычно, изобильно сдабривающих речь православных при честной компании.

На третий день пути, рота вступила в пределы Ново-Кусковской волости. Дорога виляла меж берёзовых и осиновых околков, одетых в сочный, зелёный наряд. В знойном небе плавали белесые, кучерявые облачка. Солнце стояло в зените и палило нещадно. От буйного разнотравья шибало пряным, духовитым настоем, а от обоза – конским потом и дёгтем. В прохладе леса, на все голоса насвистывали и нащёлкивали, его пернатые обитатели. В траве, до звона в ушах, трещали кузнечики. В музыку природы вплетался и тонкий комариный звон, и густой гул неотвязных паутов. Всякая живая тварь пела свои песни. Жизнь кипела во всём великолепном многообразии её проявлений.

А на скрипучих подводах ехала сама Смерть, одетая в форму цвета хаки. Оснащённая не банальной зазубренной косой, а боевыми трёхлинейками...

Хабаров ехал верхом, поскольку исполнял обязанности взводного. Держась в стороне от обоза, он всей грудью дышал, и не мог надышаться густым, ядрёным лесным воздухом. Сейчас бы сбросить с себя надоевшую амуницию, да взять в руки звонкую литовку, и пройтись, вон по той, ровной поляночке. «Вжик, вжик...». И так, ряд за рядом. И, ни о чём бы, не тужила голова. Вот было бы славно...

Взору Хабарова, скользнувшему за облюбованную полянку, открылось неказистое строение, по всем признакам – пасека. Безотчётная мысль, мелькнувшая в подсознании при виде пасеки, подтолкнула его к импульсивным действиям.

-Эй, Федя! – окликнул он приятеля, - Поедем, проветримся.

-Куда?

-А вон, на пасеку.

-Не понял. Зачем?

-Медку отведаем. А то и медовушки.

-Ну да, ждут там нас с тобой, не дождутся. Карманы пошире распахивай, - резонно осадил дружка Фёдор.

-Ждут, не ждут, а, глядишь, тема для разговора найдётся, - многозначительно произнёс Хабаров.

-Ну, это ж совсем другое дело, - согласился Романцев, - Поехали!

И они, пришпорив лошадей, поскакали в сторону пасеки.

Дед Ион Марков ходил по пасеке и сокрушался. Всё здесь носило следы запустения. Красноречивое свидетельство отсутствия заботливой человеческой руки являл собой, повывлазивший всюду бурьян. Прясло местами перекособочилось, крыша избушки прогнила и зияла дырами, дверь омшаника висела на одной петле.

Ко всему надо было прикладывать руки, а времени не хватало. Да и душа уже, ни к чему не лежала. Бейся, как рыбка об лёд, а потом заявятся колчаки и позаберут всё, им понравившееся. Благодарите бога, если не пустят красного петуха в придачу.

С наступлением колчаковского правопорядка, из жизни Иона Маркова, да и других сельчан исчезла размеренность, предсказуемость, характерная для крестьянского уклада, столь милого сердцу деревенских обитателей. Особенно надолго запомнили жители, майское посещение села карателями отряда Сурова, изрядно пошерстивших Ново-Покровку. У деда Иона они выгребли, под метёлку, семенное зерно, забрали остатки мёда, приберегаемого для подкормки пчёл. Но ему, считай, ещё повезло, легко отделался. Ведь, нескольких мужиков каратели, вообще, расстреляли, а дома их сожгли. Чуть не полдеревни спалили. Показательная акция устрашения проводилась в деревне с целью искоренения сочувствующих красным. По указке местного провокатора Фёдора Зайцева. Прикинувшись сперва партизаном, вынюхал, кто, чем дышит, а, дождавшись удобного момента, преподнёс белякам списочек...

Вот Иуда проклятый! Искарот хренов! Теперь Ион оказался в долгах, как в шелках. Зерно на семена-то пришлось у местных богатеев занимать, а им с процентами, будь добр, отдай. Хорошо, если земля-матушка нынче уродит. А если нет? Тогда, уж точно, из нужды не выбраться. В глубине души теплилась слабенькая надежда на пасеку. Но пчёлы, после весенней бескормицы, еле одыбались, несколько семей, вообще, сдохли. И мёду накачивал Ион Марков со своей пасеки меньше скупых котовых слёз.

Осмотрев пасеку, он взял топор и направился в ближний околок, подтяпать сушняку, собираясь затопить печурку и сварить похлёбку. Пишущие друг другу протоколы кишки, плохие помощники в работе. В это время и появились двое верховых, подъезжающих к пасеке со стороны тракта. На их плечах пасечник разглядел погоны, за спинами – карабины. Опять колчаковцы! И до пасеки добрались. Видно, снова медку захотелось.

Дед Ион сжал топорище, казанки его тёмных, жилистых рук явственно побелели. Фёдор Зайцев настучал! Выдал, всё же, гад ползучий. Теперь уж, не миновать беды, два раза не пронесёт... Мысли суматошно роились в голове, мелькнула и шальная – бежать. В следующее мгновение, природная рассудительность и степенность долго живущего человека, одёрнули, далеко ли убежишь, если ноги еле носят. Здравый смысл подсказывал, что соревнование в скорости с пулей, пущенной опытной рукой из трёхлинейки, и для, куда более резвых, бегунов, с вероятностью, близкой к ста процентам, заканчивается фатально.

Приближавшиеся конные, старческая дальнорукость позволила Маркову разглядеть, носили погоны унтер-офицеров. Так, видно, должно и быть – рядовым, наверняка, не всякие дела доверяются...

Старик поджидал незваных гостей, набычив голову и глядя на них исподлобья мрачным, немигающим взглядом. Вот они подъехали. Остановились на некотором расстоянии и, первым делом, почтительно поздоровались:

-Добрый день, хозяин!

-День добрый, коль не шутите... - отозвался дед, озадаченный приветливостью тона.

Унтера спешившись и, накинув поводья на колья прясла пасеки, подошли поближе. Марков, с возрастающим любопытством рассматривал, остановившихся подле него, военных.

Молодые, крепкие ребята. С лихо закрученными усами, у одного, практически, чёрными, а у другого белесыми, казавшимися, совсем белыми на его сильно загорелом лице. Первый выглядел посерьёзнее, посуровее, второй смотрелся побесшабашнее и помягче, с озорной искоркой в глазах.

-Дал бы, отец, водички напиться, - попросил он, - А то, может, и медовушкой угостил бы...

-Медовушкой, говоришь? – ожёг его гневным взглядом Ион, у которого, немедля, возникли вполне определённые подозрения. – Так чего ж, вы близирничаете – «дал бы», «угостил бы». Хозяйничайте, не стесняйтесь! И нечего наводить тень на плетень! Вам, теперь, вся власть дадена – бери, что хочешь, охальничай, как умеешь!..

-Да ты чего, дед, заерепенился-то? – опешил унтер, не ожидавший столь бурной реакции на свои слова. - Мы ж, по-хорошему...

-Знаем мы, ваше хорошее. По горло им сытые. По самое «не хочу!» – продолжал кипятиться хозяин пасеки.

-Да ладно уж, не надо нам твоей медовухи, раз так, - подосадовал унтер, хмуро покосившись на ухмыляющегося товарища. – Но воды-то, поди, не жалко?

-Отчего же, жалко? Воды, с нашим удовольствием, - смягчился, наконец, Ион, - Счас принесу.

Он сходил в избушку и вернулся с полным ковшом холодной, родниковой воды, теряясь в догадках, – что за люди? Хоть по форме они и колчаковцы, а обхождением на карателей не похожи, больно вежливо себя ведут. Те-то, совсем по-другому разговаривают, – не просят, а требуют, понравилось, – берут, без лишних церемоний. Словом, пупы земли, людей в упор не видят. А уж, за его вольные речи, с гарантией, зубы с рёбрами, самое малое, пересчитали бы. Господа каратели любят, исключительно, уважительное к собственным персонам отношение. То ли белые вороны, то ли действительно, не все, судя по поведению унтеров, в белой армии придерживаются принципа: «Сила есть – ума не надо».

Светлоусый опростал ковш до дна одним духом. Крякнув, как после доброй чарки, обтёр усы и вежливо поблагодарил:

-Спасибо, дед. Хорошая у тебя водичка. Холодная, аж зубы ломит. А на вкус, смородиною отдаёт. Давно такой не пивал.

Ион сходил в избушку и наполнил ковш заново. Подождав, пока и второй унтер утолит жажду, предложил:

-Медовуха у меня не водится, а медком могу угостить.

-Да ничего не надо, пошутковал я, насчёт медовухи-то, - смутился белобрысый, - Брякнул, не подумавши. Ты уж, не обессудь, отец...

-Теперь, я и сам вижу, что пошутковал, - добродушно усмехнулся старик, - Так что, никакого сердца на тебя не держу, почему и предлагаю медку отведать.

-Некогда нам, отец, - вставил, молчавший до сих пор, второй унтер, - Как-нибудь, в другой раз наведаемся, если, конечно, ты не против.

-А, чего ж, заезжайте, коли, по добру, - охотно согласился Марков, - Хорошим людям, мы, всегда, рады.

При этом он ничуть не кривил душой. Пусть почаще навещают его обходительные унтера. Глядишь, и охальникам в форме и без оной укорот сделают, защитят при случае. Сами-то они, видать, ребята неплохие.

-Куда путь-дорогу держите? – поинтересовался дед Ион.

-В волостное село Ново-Кусково. – охотно сообщил белобрысый. – Есть тут такое?

-Знамо дело, есть.

-Далеко отсюда?

-Вёрст десять. А по каким делам, вы туда едете, ежли, конечно, не секрет.
 -На охрану вашей земской больницы.
 -Вон как. Вдвоём, что ли?
 -Пошто вдвоём? Нас целая рота.
 -Интересно, от кого вы ту больницу, таким скопом охранять собираетесь?
 -От партизан, наверное. Водятся партизаны-то, в ваших краях?
 -Кто их знает... Вроде были, но уж, давненько не слышать....
 -Куда ж они подевались?
 -А они мне о своих путях не докладываются.
 -Ясно. Ну, а если, вдруг, они появятся, ты можешь нам шепнуть? По секрету.
 -Вон ты, куда гнёшь! Шпиёном хочешь сделать, - недобро ухмыльнулся старик. – Я сроду такими делами не занимался, а на старости лет и подавно не буду! Хоть порвите меня на части. Вишь, как ловко подъехали!..
 Дед Ион рассердился не на шутку. Разговор грозил принять нежелательный, для обеих сторон, оборот.
 -Не так ты нас, опять, понял, папаша, - поспешил вмешаться черноусый, - Никто тебя, никаким шпионом, делать не собирается. Просто, нам лично, надо бы с партизанами встретиться. Желательно, с их командиром. Очень надо. Если можешь, помоги. Всё останется строго между нами.
 -Теперь, ить, верить-то никому нельзя, - неопределённо заметил, впрочем, уже вполне миролюбиво, дед Ион.
 -Но и совсем не верить никому – тоже не годится, - возразил черноусый.
 -Ладно, поживем, – увидим...
 -Мы на тебя надеемся.
 -Антересный дед, - определил Фёдор Романцев, когда они отъехали от пасеки, - По возможности, надо бы к нему, почаще наведываться.
 -Обязательно, - подхватил Хабаров, - Он вполне может пригодиться.
 -Ладно, хватит рассусоливать. Давай наперегонки, а то, я вижу, наших и след простыл.
 -Давай....

2. Д В А Ж Д Ы В О С К Р Е С Ш И Й

*Пока человек жив, он должен надеяться на всё.
 Л.А. Сенека.*

-Честь имею представиться. Поручик Баранов Константин Павлович.
 -Очень рад, поручик. Главный врач этой больницы, Лампсаков Николай Александрович. С благополучным прибытием в наши края.
 -Благодарю-с.
 Они обменялись крепкими рукопожатиями. Затем Николай Александрович предложил гостю присесть, с интересом, меж тем, его рассматривая. Кого-то ему бог, то бишь, начальник Томского гарнизона, послал, на сей раз.
 Фигуру поручика нельзя назвать атлетической: средний рост, не широкие плечи. Розовое лицо, неестественно белые волосы, бледно-голубые глаза довершали портрет командира роты.
 -Понравилось вам наше Ново-Кусково?
 -К сожалению, не могу сказать ничего хорошего.
 -Вот даже как. А мне, признаться, нравится и само село, и, особенно, его окрестности. Кстати, здесь богатая охота и рыбалка. Вы не любитель? На заливных лугах множество озёр, да и Чулым совсем рядом.

-Вынужден напомнить вам, доктор, что я человек военный, и на любой населённый пункт смотрю не с созерцательной, а с профессиональной точки зрения.

«Приходится признать его правоту, род занятий накладывает отпечаток на сознание, ограничивает кругозор. Для меня люди, ведь, в первую очередь, пациенты, я, знакомясь с новыми представителями рода человеческого, автоматически фиксирую признаки и симптомы недугов. Для него же красоты природы ассоциируются с фортификацией» – подосадовал про себя Лампсаков.

-Простите великодушно, и чем же не устраивает, с точки зрения военной тактики и стратегии, вас наше Ново-Кусково?

-Весьма многим. Оно слишком растянуто в длину и в нескольких местах примыкает непосредственно к лесу. Очень удобные скрытые подходы для неприятеля, для тех же, пресловутых, красных бандитов, например. Следующая слабость: село у самой больницы пересекает речушка с лесистой поймой. Значит, больницу довольно легко отрезать от села, разрушив единственный мост.

-Аргументы, действительно железные. Вы раскрыли дилетанту суть теперь очевидных вещей, - глаза доктора хитро блеснули из – под пенсне. - Но, мне кажется, партизаны не рискнут соваться в село, зная о расквартировании здесь вашей роты. Эффект, знаете ли, присутствия.

-Хотелось бы надеяться. Но, по последним данным, красные снова активизируются. К сожалению, и в ваших местах. Информация достоверная, получена мною в штабе дивизии. Резюме – пациент скорее жив, чем мёртв.

-Внешне проявлений активности партизан не заметно и, признаюсь, я посчитал, что песенка красных спета.

-Увы, доктор... Большевицкая зараза, оказывается, чрезвычайно живуча.

-Вы не переоцениваете размеров опасности? – посерьёзней хозяин кабинета.

-Уважаемый Николай Александрович, вам прекрасно известно, как мало живут пациенты, пренебрегающие советами врача. Шкура подобных самонадеянных господ, меня, категорически, не прельщает. Да, я из предпочитающих переоценивать....

-Вы знаете, господин поручик, зачастую, пациент, обладающий бычьим здоровьем, может спокойно игнорировать рекомендации врачей на протяжении многих и многих лет. И, наоборот, больной, скрупулёзно следующий предписаниям лекарей, сгорает, словно свечка. Успех лечения, практически всегда, определяет правильность поставленного диагноза. Применительно к нашему случаю, диагноз вы поставили, осталось выбрать способ лечения. Иными словами, достаточно ли у вас сил для выполнения миссии по охране нашей больницы?

-Рота полного состава, не считая егерей-иностранцев, должны прибыть в ближайшее время в качестве подкрепления.

-Впечатляет, голубчик, впечатляет. Внушительная сила!

-Вполне согласен. Однако часть отряда мне придётся направить за Чулым. Там тоже становится беспокойно.

-Понимаю нужды Зачулымья, но меня, уж не обессудьте, в первую очередь, волнует безопасность вверенной мне больницы.

-Конкретные меры и детали организации охраны больницы я и намереваюсь с вами обсудить. Ведь мы, напомним, направлены сюда по вашему ходатайству.

-Весьма рад, что моё ходатайство не осталось без внимания. А насчёт охраны.... Действуйте по своему усмотрению. Вы в этом деле, как верно изволили выразиться, профессионал, вам и карты в руки.

-Где расставить часовых – я уже наметил. Осталось определиться с помещением для караула.

-Сторожка сгодится? Строение представляет собой небольшую пяти-стенную избу.

-Знаю. Я её уже осматривал. В числе прочих объектов больницы. Предлагаемое вами здание идеально подходит для размещения в нём караульного помещения.

-Вот и чудненько! Забирайте её в полное владение.

-Благодарю.

-Выражаясь языком посольских, официальная часть вашего визита, судя по всему, исчерпана. Пора переходить к не официальной, фуршету, проще говоря, пора дёрнуть по маленькой за ваше благополучное прибытие и наше дальнейшее сотрудничество. - На правах гостеприимного хозяина, предложил Ламисаков, - Свидетельствую, как профессиональный медик, исключительная польза здоровью, разумеется, в ограниченных количествах. Лошадиные дозы превращают любое лекарство в яд. Или устав не позволяет?

-Легко заметить, что бычьим здоровьем я не располагаю, поэтому рекомендации врача для меня – дело святое. Тем более, они, согласитесь, редкий случай, соответствуют и моим желаниям.

-Ваши предпочтения мне, пока, не известны – коньяк, спирт, смирновская?

-С вашего позволения, коньячку. О, да у вас французский! – оживился Баранов при виде бутылки. – Богато живут доктора нынче. Позволить себе сибаритствовать в наше бестолковое время! Это, знаете ли, вызывает зависть. Уж чёрную, ли белую, не берусь утверждать точно, но зависть.

-Полноте, завидовать особо нечему. Ну, посудите сами, где мы, а где сибариты? Хотя, и жаловаться грех, - улыбнулся Лампсаков, разливая по рюмкам янтарную жидкость. – Кстати, чёрной икорочки нет, вот вам и сибарит, однако, есть немного красной. Нет возражений?

-Вот, вот, даже икра и та красная, - шутливо скривился поручик. – Строго говоря, есть, что уж тут скрывать, у нас вопросы к красному цвету. Но возводить в абсолют цветовой антипатии? Нет уж, увольте. – поручик с видимым удовольствием поводител фужером из стороны в сторону, вдыхая аромат. После непродолжительных ритуальных пассов, пожелал, - Ваше здоровье!

-Как говорят наши заклятые «друзья» - немцы: «Прозит».

-Да, кстати, Николай Александрович, можно полюбопытствовать о здоровье вашего подопечного? - Неожиданно спросил Баранов, вперив в обладателя чеховской внешности, немигающий взгляд странных голубоватых глаз.

-Не понял вопроса, поручик, - насторожился тот, полагая, не без оснований, что вопрос задан неспроста, - У меня достаточное количество подопечных. Вас интересует здоровье всех больных, или у подопечного есть фамилия.

-Думаю, красный бандит, выживший чудесным образом, после расстрела, у вас один. Поправьте меня, если я ошибаюсь. Суров, передал мне его, выражаясь фигурально, по наследству и просил исправить оплошность его солдат.

-Ах, вот оно что. Несчастный Никита Левин из Казанки, обязан сдохнуть, а Карфаген должен быть разрушен.

-Да, да, только насчёт Карфагена подсутились другие и до нас, наша же миссия выглядит поскромнее. Хотя суть дела, согласен, и там и там одна – надо доводить начатые дела до конца.

-Он находится ещё в довольно тяжёлом состоянии.

-Кто? Надеюсь не Карфаген, - усмехнулся Баранов. - Ну что ж, Николай Александрович, мы не звери, пусть поправляется на здоровье. Из уважения к вашим принципам, мы, безусловно, позволим ему выздороветь. Умирать абсолютно здоровым гораздо сподручней, чем больным и немощным. Прошу прощения за цинизм, но гуманистам в армии места нет. Где стол был яств, там гроб стоит – лучше про наше многострадальное Отечество не скажешь. Верно ведь?

«Совсем не прост, ох, не прост, поручик», - мысленно выставил оценку Лампсаков, вслух же предложил:

-Давайте, я вам лучше расскажу историю появления коньяка.

-А давайте, - легко согласился переменить тему, поручик. – Приобщимся к сонму, так сказать, посвященных в сибариты.

-Так вот, появился этот волшебный напиток, благодаря повышению налогов. В 1641 году во Франции были повышены налоги на белые столовые вина, которые виноторговцы департамента Шаранта вывозили в большом количестве в Англию, Швецию, Норвегию и Финляндию. Дабы сэкономить на налогах, виноделы решили сократить объём своей продукции путём перегонки вина, резонно полагая, что полученный продукт уже у потребителей, можно будет разбавить водой и вновь получить в полном объёме. Однако полученная после перегонки жидкость, выдержанная в бочках из дуба, понравилась самим изготовителям. Это объяснялось тем, что коньячный спирт, полученный из шарантонского винограда, вместо сивушного запаха имел тонкий аромат дуба. Коньяк стал особенно популярен после того, как Людовик XIV попробовал и оценил его.

-Вот видите, монархия - дело, не совсем бесполезное. - Улыбнулся Баранов. - А мы её сплеча! Ну, не будем о грустном.... Есть смысл расценить вашу занимательную историю в качестве тоста за несомненность пользы от повышения налогов.

-Значит, ещё по одной?

-Пожалуй. А я добавлю в продолжение темы о бесполезности монархии. И сошлюсь на нашего царя – реформатора Петра Великого. Сегодня, с этим вряд ли поспоришь, картофель у нас один из основных продуктов поедания. Но вот в допетровские времена народ очень жаловал квасок с редькой – тюрей блюдо обзывалось, да и щи с кашей кушать по привычке. Пётр, обуреваемый зудом реформаций, решил и в области кулинарии прорыв учинить. Чтоб не хуже европейцев, да американцев! Позавёз заморских клубней – и ну, по обычаю, через колено насаждать, то бишь, указом указал!

Народец наш указы слушал со вниманием, а кушать продолжал брюкву с редькой. Чихать хотел на картофан! Но и мператор – то тоже нашей породы человек, знать, не только лыком шит. Велел у полей с дозревающей бульбой выставить охрану, причём на ночь охрана поля покидала. Что произошло дальше? Догадаться вовсе не трудно. Растащили клубни, потом вкусить не преминули. А уж про сладость запретного плода со времён Адама и Евы известно! И дело дальше пошло бойко. Завертелся севооборот.

Вот, а теперь и мы давайте вкусить не преминём!...

-Никита!

-А.

-Не спишь?

-Нет. Спать уже некуда. Отоспался я у вас за все прошлые недосыпы и наперёд на целый год.

-Ну, а чувствуешь себя как?

-Как ты пришла, так сразу получшело.

-Я серьёзно спрашиваю.

-А я серьёзно отвечаю.

-Не болтай глупостей.

У изголовья кровати стояла и задумчиво улыбалась медсестра Алёна Панина, подобно ангелам, излучающим свет. Никита с нетерпением ожидал её приходов, возможности поговорить, ненароком прикоснуться. Жизнь брала своё, пробуждались инстинкты продолжателя рода. Она ставила уколы, пичкала препротивными микстурами и таблетками, делала перевязки, измеряла температуру, всячески способствуя его выздоровлению. От души радовалась, что дела его шли на поправку. Он же ловил себя на мысли, что ему хотелось бы подольше ощущать теплоту и заботу медсестры.

Но на этот раз Алёнка молча делала своё дело, заметно чем-то расстроенная.

-Что с тобой, Алёна? Уж не обидел ли кто? – забеспокоился Никита.

-Тот не родился ещё, кто меня обидит. - Слабо улыбнулась она.

-Отчего ж, невесёлая такая?

-Радоваться-то особо нечему.

-Ладно, давай, выкладывай.

-Не хотела говорить, а, видать, придётся...

-Что такое? – встревожился Никита.

-Белые опять нагрязнили.

-Белые?.. – протянул он, чувствуя враз занывшие раны. – И когда?

-Третьего дня.

-Снова суровцы?

-Нет, на этот раз барановцы. Поручик Баранов у них за главного. В нашей больничной сторожке теперь ихний караул помещается. Всех наподряд проверяют на воротах – кто, куда, зачем?

-Да, новости....

-Ты-то чего заперезживал? К больным же они не касаются.

-Погоди, доберутся и до больных. И до меня первого....

-Говорю тебе, не суровцы. Барановцы, поди, про тебя и знать-то, совсем не знают.

-Не знают, так узнают.

-Не паникуй раньше времени. Елена Дмитриевна, в случае чего, в обиду тебя не даст.

-Станут они её спрашивать!

-Ладно, не расстраивайся, авось, придумаем чего-нибудь.

-Куда, извините за любопытство, подевался больной с этой койки? – наседали на Алёну поручик Баранов, указывая на пустующую кровать Никиты Левина.

-Мне он не докладывал. – Пожала плечами, изображая недоумение, та.

-Лжёт, барышня, убедительно. Губите, губите лицедейский талант в заштатной больничке, а вам бы в театрах аплодисменты срывать. Согласитесь, мадемуазель, трудно представить себе тяжелораненого, прикованного к больничной койке, красного бандита, лихо выпрыгивающим из окна, потом, с резвостью зайца, покидающим пределы видимости. Прямо скажем, зрелище не для слабонервных. Сей прискорбный инцидент, наверняка, не обошёлся без вашего участия или, по крайней мере, без вашего ведома. Покайтесь, милая, облегчите душу.

-Да, не в чем мне каяться. А вы, господин поручик, не похожи на батюшку.

-Признаюсь – я действительно не батюшка. Поэтому, исповедь при помощи шомполов, либо розог, представляется мне более откровенной. Желаете удостовериться? Если продолжите упорствовать, легко убедитесь в правоте моих слов.

-В чём дело, господин поручик? – в дверях палаты стояла Елена Дмитриевна, строго взирая на нарушителя больничного распорядка. - Как вы разговариваете с медперсоналом? Что за угрозы? Почему, наконец, без халата?

-Любезнейшая Елена Дмитриевна, ваш медперсонал активно пособничает красным. Будь на моём месте менее сдержанный офицер, кое-кто не сносил бы уже головы. Я же, образец корректности, где – то даже деликатности, ограничиваюсь разговорами, ибо свято верю в силу убеждения. Но терпение моё – не беспредельно, не советую испытывать его бесконечно. Ибо я также свято верую и в убеждение силой. Халат...,- почесал переносицу Баранов, - дался вам этот халат, у вас больные исчезают, а вы – халат.

-Любезнейший господин поручик, - язвительно отыграла *любезнейшую*, Лампсакова, - главное отличие больницы от пыточной в том, что здесь лечат, а не калечат. Грозить шомполами женщине, по-вашему, верх корректности. Бедное русское офицерство! Где вы, голубые князья?

-Сильно сказано. Особенно по поводу голубых князей. Где-то я уже слышал про голубые мундиры, про немытую Россию, про странную любовь. Ах да, Михаил Юрьевич сподобился. Однако, чуть не вырвалось, вернёмся к нашим баранам. - Поручик хохотнул, довольный шуткой. - Вопрос, куда же подевался, вышеозначенный Левин, по-прежнему, остаётся открытым.

-Судя по всему, теперь и я попала в число подозреваемых? – румянец полыхнул на щеках Лампсаковой.

-Елена Дмитриевна, бог свидетель, не я первый это произнёс. Но попробуйте представить себя на моём месте. На излечении в земской больнице, вашей, заметьте, Елена Дмитриевна больнице, факт сам по себе вопиющий, находится красный партизан. Занимает казённую койку, пользуется казёнными лекарствами, пользуется услугами медперсонала. Затем исчезает. Правда, койка остаётся. Сам сбежать он не мог, значит, ему помогли. Вопрос – кто? Ситуация, согласитесь, щекотливая. Ваш подопечный, лежачий больной, исчез в неизвестном направлении и не известно – с чьей помощью.

-На вашем месте, поручик, я бы, в первую очередь, спросила с солдат, охраняющих больницу. Просто завидные образчики караульной службы являют ваши бравые подчинённые. Даже лежачие больные, как верно вы подметили, проворнее ваших бдительных часовых. А их, не менее бравый командир, словно опрофанившийся Цербер, изгаляется над слабыми женщинами. Напрашивается вывод о полной неспособности роты обеспечить нормальную охрану больницы.

-Вы..., надеюсь, вы шутите, Елена Дмитриевна? – не сразу нашёлся Баранов.

-Мне не до шуток, господин поручик. И будьте уверены, я своё мнение доведу до сведения, кого следует, в губернии. Ваше хамство оставляю на вашей совести.

-Пощадите, сударыня! – снова принялся ёрничать поручик. – Не велите казнить! Я ведь просто ищу красного бандита. Вопрос, хоть и принципиальный, но явно мелковат для губернских масштабов.

-Вот и ищите, себе на здоровье. Кто вам мешает? Медперсонал, попрошу больше не нервировать. Да и покажите нам, в конце концов, что честь мундира, честь русского офицера – не пустые словеса.

-Прекрасно. Но....

-Лучше «но», оставьте при себе.

-Елена Дмитриевна, выходит, так нам хамам и надо? Прочь церемонии! Перебивать собеседника, в такой нетактичной форме... - деланно огорчился Баранов, - Не нахожу слов.

-Не фарисействуйте, вы столько слов здесь уже наговорили.

-И почему я не Творец? – воздел руки к небу поручик, - Сделал бы всех женщин бессловесными.

-Именно поэтому и не Творец....

-Наш разговор, со всей очевидностью, показал, что перед некоторыми женщинами я совершенно бессилён, - с ироничной улыбкой склонил голову в полупоклоне поручик, - Пикироваться же и дальше, признаться, у меня нет ни особого желания, ни времени. Служба, знаете ли. Честь имею.

Дверь за Барановым захлопнулась, Елена Дмитриевна устало опустила на стул и спросила у Алёны:

-У тебя есть валерьянка?

-Есть.

-Дай-ка глотнуть....

Ну, вы, Елена Дмитриевна, ловко умеете разговоры разговаривать с ихними благородиями! Мне бы так...

Женщины перемигнулись и рассмеялись.

Нет, вы снова, что ли про *авось*, может полюбопытствовать читатель. *Авось придумали*, выходит?

Выходит. Скажем снова несколько слов про авось и не совсем. Пятнадцать лет назад обнаружили подземный ход, ведущий из подполья здания больницы к высокому берегу речки Соколы. Было там и небольшое помещенье, выложенное брёвнами. Внутри керосиновая лампа и лекарства кругом. Вот такое получается не совсем *авось*. И автор этого не совсем *авось* – Лампсаков Николай Александрович. Пережидали тугие времена в погребочке и красные и белые. *Не омрачил чести сословия*, и в случае с Левиным. Правда отправил того к ново-покровской бабке-знахарке не подземным ходом, а на подводе с добрыми людьми. Под видом покойника.

29 августа 1937 года, перед собственным расстрелом, наверняка Николай Александрович мыслями возвращался к истории спасения жизни другого расстрелянного. И не факт, что знает он, чем через восемнадцать лет для него обернётся история с *дважды воскресшим*, так уж радел бы о сохранении жизни Левина.

ЛЕВИН
Никита Кузьмич.
Выжил после расстрела
12 мая 1919 г.
в селе Казанка.

БОБРОВ
Осип Павлович.
Один из первых
добровольцев отряда.

-Ну, а теперь спи, Никитушка. Отсыпайся, касатик. И ни об чём не думай. Дела твои пошли на поправку. Травкой-муравкой мы тебя живо на ноги поставим. Глони-ка, вот ещё настоечки, на сон грядущий. Очень это питьё для твоих болячек полезительное

Никита послушно глотнул из протянутой кружки и чуть не задохнулся. «Полезительное питьё» было настояно, не иначе, как на перваче.

-На-ка, вот кваском запей.

Никита сделал несколько глотков из деревянного ковша, сразу обретя нормальное дыхание. Откинулся на подушку, с наслаждением чувствуя, как по телу разливается приятное, придающее бодрость, тепло.

Он лежал, а знахарка и хлопотала над ним, пичкая всевозможными снадобьями из «травки-муравки», собственного изготовления. К ранам прикладывала мясистые листья «живого дерева». Процесс выздоровления, успешно начатый профессиональными врачами, столь же успешно, продолжала неграмотная деревенская бабушка. Молодой организм брал своё, выигрывая борьбу у недугов. Боль в груди прошла. Раны зарубцевались и не кровили, как прежде, при неосторожном движении.

Надо сказать, бабушка лечила Никиту, не только средствами народной медицины. Больничные лекарства и препараты; ими и бинтами, снабдила на прощанье заботливая Алёна, применялись целительницей, так же со знанием дела.

-Теперь ты долго жить будешь, Никитушка, - пророчила бабушка уверенным тоном.

-Откуда известно? – внутренне довольный столь оптимистичному прогнозу, интересовался он.

-Так ить, не каждому дано опосля лютой казни в живых остаться. Ты ведь, вроде как заново народился. Значит, не судьба тебе была помереть, вот и не помер. А раз так, то тебе, по всем статьям, долгая жизнь на роду написана.

-Вашими бы устами, да мёд пить, бабушка, - вздохнул Никита, - Меня, ведь, теперь, наверняка, искать начнут. Я им, как кость в горле. Ну, а если найдут, то в гроб загонят, исправят ошибочку.

-Не бойсь, - успокоила целительница, - Бог не выдаст, свинья не съест. Не для того я лечу, Никитушка, чтоб те кровопивцы тебя опять казнили. Ни дна бы им, ни покрышки. Суседи, ежли что, предупредят и спрятать понадёжнее помогут. Мир не без добрых людей. Федыки-то Зайцева давно в деревне нету, так и опасаться особо нечего. Вот уж до чего пакостный мужик, прости господи!

-А где он?

-Бог его знает. Скрылся куда-то и глаз не кажет. Бойсья, видать, как бы поплатиться не пришлось за поганые делишки. Сколь у нас людей из-за него пострадало! Носит же земля таких хриstopродавцев.

-Ну, а про партизан слышно что-нибудь?

-Не скажу, милоч. Вроде гуртуются какие-то люди по лесам, но покаместь не слышать, чтоб они на колчаков напали. Верховодить, говорят, некому стало у них.

-А Гончаров?

-Так ить, слух прошёл, что он убитый, царство ему небесное.

-Как... убитый?

-Ну, как убивают? Бой, банют, у них с колчаками был в Зырянской волости, в Михайловке, что ли, вот там он и сложил свою головушку.

-Эх, жалко... - выдохнул Никита.

-Да уж, куда жалчей, - согласилась бабка, - Я свечку поставила за его святую душу в церкви. За заступничка нашего.

Никита помолчал, потом произнёс:

-Уж лучше так, чем как Залипаев! Звал же я Тимофея в отряд, а он – покумекать, дескать, надобно, посоветоваться. И досоветовался!

Бабуся заинтересовалась:

-А кто таков энтот Залипаев?

-Да из наших. Взяли его в деревне Тихомировке.... Вот покуражилась над ним сволота белогвардейская! Привязали за хвост лошади, плетьюми стегали, таскали по селу, ломали пальцы рук и ног, вырезали на спине звёзды...

-Не дай бог такому ужасу приключиться! – бабушка, крестясь, заторопилась во двор. Ой, Никитушка, побежала я...

3. В БОРЬБЕ ИДЕЙ ГИБНУТ ЛЮДИ

*Если будешь поступать слишком жестоко,
тебя постигнет неудача, если же будешь
действовать слишком мягко, сам попадёшь в оковы.
Сюнь-Цзы.*

ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ
2 Сибирской сводной дивизии белогвардейских войск
27 июня 1919 года

Секретно
Карта 10 вёрст в дюйме

НОВО-КУСКОВСКИЙ район. Получены сведения об образовании из разбежавшихся по тайге остатков шаек Лубкова и Гончарова нескольких мелких банд (численностью 10 – 15 человек), скрывающихся в тайге и временами появляющихся в посёлках... Шайки эти ежедневно увеличиваются в своём численном составе... Те, кто оказывал содействие правительственным отрядам, подвергаются беспощадной мести... Одна из таких банд находится в окрестности п.Медодатского той же волости (25 вёрст восточнее с.Пышкино-Троицкого) на севере Томского уезда...

КОЛЫОНСКИЙ район. Разведка посланного в район с.Ново-Рождественского одного из отрядов капитана Сурова, захватила одну из небольших шаек, оперировавшую в районе этого села, в числе 4 человек. По полученным сведениям, в районе дд.Емельяновки, Михайловки, Данковки и посёлков Ро мановского и Ново-Покровского (район к северу от Анжеро-Судженского каменноугольного района) небольшими отрядами расположена шайка под общим руководством Крылова. Благодаря великолепно налаженной разведке шайка хорошо осведомлена о всяком движении правительственных отрядов. Сюда направлен, один из отрядов капитана Сурова.

МАРИИНСКИЙ район. 22 июля банда красных в количестве 70 человек проехала через с.Мало-Песчанское и д.Тенгулинскую (25 вёрст северо-западнее г.Мариинска). В Тенгулинской шайка запаслась фуражом и провиантом.

Поступающие за последние дни сведения рисуют вновь усиливающуюся деятельность шаек, возрождающихся после нанесённых им поражений, вновь образующихся там, где их ранее не было, и из районов действия карательных отрядов переходящих в соседние...

БОГОТОЛЬСКИЙ, ТАЙГИНСКИЙ, ЩЕГЛОВСКИЙ районы.

Сведений не поступало.

Поручик Креминский.

Из обращения

**Всероссийского Центрального Исполнительного комитета
и Совета Народных Комиссаров к трудящимся Сибири.**

16 августа 1919 года

**К рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому
казачеству Сибири.**

Рабочие, крестьяне и все трудящиеся Сибири!

*Под могучим непреодолимым напором Красной Армии падает временно
восторжествовавшая на территории Сибири власть наёмника русской и*

иностранной буржуазии, царского адмирала Колчака и восстанавливается власть Советов.

Сибирская реакция, несмотря на поддержку иностранных пушек и горы золота, разбита и бежит на восток.

Час освобождения рабочих и крестьян Сибири приближается.

И ныне, выполняя волю российского пролетариата и трудового крестьянства перед лицом всего сибирского населения Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и Совет Народных Комиссаров

Постановляют:

1. Бывший царский адмирал Колчак, самозванно наименовавший себя «Верховным правителем», и его «Совет министров» объявляются вне закона.

Все ставленники и агенты Колчака и находящегося в Сибири союзнического командования подлежат немедленному аресту.

2. Все законы, приказы, договоры, постановления и распоряжения Колчака и его Совета Министров, а равно и уполномоченных – отменяются.

3. Равным образом отменяются все концессии, дарственные, купчие и другие акты на земельные угодья или недра земли, заключённые правительством Колчака с иностранными подданными, как направленные к расхищению народного достояния Советской республики

4. На всей территории освобождённой Сибири восстанавливаются органы советского самоуправления трудящихся на основании Конституции РСФСР.

5. Восстанавливаются все права рабочих и крестьян, установленные Советской властью, и отменяются все долги и вообще всякие обязательства трудящихся по отношению к капиталистам.

6. Восстанавливается хождение общегосударственных денежных знаков и Советских бон.

7. В отношении инородческого населения Сибири подтверждается «Декларация прав народов России», где всем народам предоставляется самим определять свои судьбы, что уже сделано народами Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии, татаро-башкирами, калмыками и другими народностями России...

Надсадно гуднув, пассажирский поезд отчаянно зашипел тормозами и, наконец, остановился у дощатого перрона станции Богашёво. С подножки переполненного общего вагона первыми соскочили три небритых солдата в замызганном обмундировании, но при полном боевом снаряжении. У каждого было по трёхлинейке с примкнутым штыком, а поясные ремни оттягивали тяжёлые подсумки.

Железнодорожный милиционер из бывших жандармов задержал на них цепкий внимательный взгляд, – не дезертиры ли? Но подойти и удостовериться в обоснованности подозрений, либо в обратном, не решился. Уж больно, вид у солдат был не располагающим к общению, и смотрели они на блюстителя порядка с откровенной враждебностью. Армия Верховного правителя не очень жаловала его же милицию. Особенно не любили её фронтовики, едва завидев милицейского чина, начинали сучить кулаки. А трое, к тому же, были с винтовками. И служитель «правопорядка» благоразумно решил не испытывать судьбу и с достоинством удалился в помещение вокзала, провожаемый насмешливыми взглядами солдат.

Удалился и совершенно зря. Проверив у подозрительных служивых документы, он смог бы убедиться, что в Богашёво им сходить, совсем не предусматривалось, их же, командировочными предписаниями. Рядовые Степан Сгибнев, Иван Ананьев и Василий Михалёв должны были следовать до Томска для дальнейшего продолжения службы в своём 46-ом полку, куда им надлежало вернуться после сопровождения военных грузов на фронт.

Однако все трое единодушно решили в Томск, и, следовательно, в армию Верховного правителя больше не возвращаться. Лучше двинуть по домам. Тем более что от Богашёва до их родных мест, считай, рукой подать. Степан Сгибнев и Иван Ананьев призывались из пригородного села Заврзино, а Василий Михалёв – из Самусьского затона.

Приняли они такое рискованное решение, вдоволь намытарившись за многодневную поездку в прифронтовой район, где много чего насмотрелись, и убедились в начавшемся разложении колчаковской армии.

Красные наступали, и транссибирская магистраль была забита беженцами из бывших господ, аферистами всех мастей, какими-то полу - одичавшими тыловыми частями, очень торопившимися в противоположную от фронта сторону и мародёрничающими на попутных станциях.

Администрацию дороги задёргали сеющие неразбериху командиры и начальники, атаманы и прочие, облечённые и не облечённые полномочиями господ, имеющие одинаково дурные манеры. Всех их объединяло ярое стремление получить проездные документы. И все они одинаково яро размахивали перед носами железнодорожных чиновников руками. Руками, кулаками разных размеров. Многие, для убедительности в кулаках сжимали маузеры, наганы и даже важные государственные бумаги. Головной боли добавляли чешские эшелоны. Весомость аргументам белочехов, враждовавшим теперь, по пути на восток, не только с красными, но и с белыми, придавали пулемёты.

«*Спасайся, кто может!*» – носилось в воздухе. С разной степенью успешности, каждый и спасал собственную шкуру. Так что, солдат, высадившихся на станции Богашёво, изрядно помотало в мутном водовороте отступающей армии, прежде чем они добрались до родных мест. Не обошлось и без изрядной доли везения. Дело в том, что из Томска они выехали в составе команды из 10 человек, а возвращались втроём. Приключения начались после сдачи вагонов с военными грузами, где-то за Тюменью. На обратный проезд, не смотря на все усилия, получить денежное или натуральное довольствие не удалось.

Перепуганному наступлением красных, прифронтовому интендантству было явно не до них. Тогда, шесть человек их команды во главе с унтером Устиновым остались в Тюмени, устроившись правдами и неправдами на довольствие при гарнизонной комендатуре, а четверо решили добираться обратно, на свой страх и риск. Где ехали, а где и добирались пешим порядком, обгоняя... эшелоны, ползущие с черепашьей скоростью, подолгу простаивавшие на станциях и полустанках. Перед Омском, например, отмахали километров сорок по шпалам, а Омь форсировали на лодке.

Ехали же, конечно, в товарняках. Однажды ночью забрались в вагон, гружённый свежеспросмоленными бричками. Эвакуировались, оказывается, и такие *ценности*. Не разобравшись, что к чему, легли спать. А утром еле оторвали себя от прилипчивых бричек.

При первом удобном случае перебрались в другой вагон, забитый соломенными тюками. Рачительная хозяйственность колчаковских интендантов продолжала удивлять. Собираются, видно, предчувствуя весьма болезненное падение, подстелить соломки, дабы не зашибить мягкие места. Спать на тюках, безусловно, гораздо удобнее и мягче, чем на бричках, но за ночь так облепились соломенной трухой, что при дневном свете, едва узнали друг друга.

Но езда ездой, а надо было думать и о хлебе насущном. Выручала солдатская находчивость. Когда живот совсем подводило к спине, высаживались на более или менее крупной станции и на базаре или привокзальной площади устраивали балаган и развлекали публику силой искусства – песнями, плясками, шутками-прибаутками.

Особенно, мастерство, в смысле, попеть, поплясать демонстрировал небольшой, ловкий из себя и симпатичный, редко унывающий Степан Сгибнев. Заглядываясь в его синие, бедовые глаза молодайки, зазывали испить кваску, а то и самогонки, приглашали в гости передохнуть с дороги. Справедливости ради необходимо отметить – не всегда безуспешно. Горячая, мимолётная любовь позволяла командированным плотно поужинать, помыться в баньке, на время отвлечься от тягостных раздумий, словом – сеансы психотерапии.

Сами же выступления необычных артистов принимались разношёрстной, неприхотливой публикой на «бис». Но сборы, а вернее сказать, подаяния, не оправдывали ожиданий. На хлеб, однако, хватало, а кипяток на станциях во все времена – бесплатный.

Вчетвером служивые добрались до Новониколаевска, дальше поехали втроем. Их четвёртый товарищ – Александр Сгибнев, двоюродный брат Степана Сгибнева, отстал от поезда, не в меру увлечшись прелестями молоденькой вдовушки.

И вот в Богашёво их компания распалась окончательно. Покурив на прощанье, пожелали друг другу удачи и разошлись: Степан Сгибнев с Иваном Ананьевым в одну сторону, Василий Михалёв – в другую.

Станционные пути кончились, Степан остановился и, обернувшись назад, повёл окрест хмурым, задумчивым взглядом. На лицо его набежала тень. Светлые глаза потемнели. В ушах загрохотали звуки скоротечного боя – торопливая скороговорка «Максима», треск трёхлинеек, взрывы гранат, стоны раненых.... Потом вспышка, в глазах – ослепительная молния, полный мрак и тишина....

Драматичные моменты недавнего прошлого всколыхнули в памяти Степана богашёвские станционные пути, на которых едва не оборвалась его молодая жизнь. Не догадывающийся о переживаниях товарища, Ананьев истолковал оцепенение попутчика по-своему.

-Ты что, забыл что-нибудь? – забеспокоился он.

-Нет, наоборот, вспомнил... - невесело усмехнулся Сгибнев.

-Зазнобу, поди, какую? – нарочито серьёзно поинтересовался Иван.

-Нет, не зазнобу....

-Ну, тогда я не знаю, - развёл руками Ананьев.

-Ладно, пошли!

И, круто повернувшись, Степан решительно зашагал в сторону Заварзина, не проронив больше ни слова. Ананьев, в недоумении пожав плечами, затопал следом, гадая про себя, отчего, вдруг, закручинился его, никогда не унывающий, земляк. Скорее, наоборот, надобно бы радоваться предстоящей встрече с домашними. В конце концов, пришёл к выводу, что Степан просто заколебался: а не повернуть ли, мол, на Томск, пока не поздно? О чём и сам Ананьев в глубине души подумывал.

Занимали Степана мысли и о Томске, только совсем иного направления. Вспомнилась вся, по большому счёту, такая ещё недолгая жизнь, в которой, однако, в очередной раз, намечался крутой поворот.

Родился он в многодетной крестьянской семье двенадцатым по счёту. Замыкающим. Отец, Михаил Павлович, умер от скоротечной чахотки, когда Стёпе исполнилось четыре года. Здоровье главы семьи подорвала каменоломня, где подрабатывала и вся семья Сгибневых, дабы свести концы с концами. Благодаря стараниям матери, Степану удалось окончить трёхклассную церковно-приходскую школу, программу начального образования он осилил за два года. С десятилетнего возраста самостоятельно стал зарабатывать на хлеб. Сначала мама определила его мальчиком в магазин одного из томских купцов, а как подрос немного, пошёл работать на скотобойню и, от судьбы не уйдёшь, оказался на каменоломне, сведшей в могилу его отца.

Детства, в общепринятом смысле этого слова, у Степана Сгибнева, практически не было. Типичная судьба типичного крестьянского ребёнка. Grimасы нарождающегося капитализма. Бурно развивающаяся промышленность нещадно пожирала труд, в том числе и детский, взамен выплёвывая на обочину жизни инвалидов, резко увеличивая смертность, в том числе и детскую. Дикий капитализм, по-русски, порождал и социальную базу для последующих революций. Предупреждения 1905 года не услышали....

В январе 1917 - го Степана призвали в царскую армию, направив в Томск, в учебную команду. Там и застала его Февральская революция. С её поводом митингов и красивыми байками о свободе, равенстве, братстве, народовластии и о войне до победного конца. Истинная ценность лозунгов временных буржуазных правителей революционной России, наглядно проявилась довольно скоро. Сытый голодному – не товарищ....

Равенство и братство между его семьёй, по-прежнему, перебивающейся с хлеба на квас, и ранее упомянутым купцом, продолжающим трескаться с жиру, оказалось не достижимо, в силу природы человеческой. Устройство жизни, при котором одни, вкалывая с младых ногтей, влчат жалкое существование, не имея перспектив, другие – в силу социального, либо материального положения, наслаждаются прелестями цивилизации, стало видеться Степану, и далеко не ему одному – несправедливым.

Поэтому речи ораторов из числа большевиков, требующих немедленного мира, национализации заводов и фабрик, справедливого решения земельного вопроса, воспринимались подготовленной аудиторией с воодушевлением. Зёрна давали дружные всходы. Пороховая бочка бессмысленного и беспощадного русского бунта, вот-вот, громынёт в очередной раз.

Искрила у фитиля пороховой бочки газета «Правда», после свержения самодержца, появившаяся в Томске. Запретный плод сладок, справедливость древнего афоризма подтверждали солдаты, зачитывающие до дыр печатный орган большевиков. Простой, доходчивый язык изложения, что называется – беседа на равных, постоянное апеллирование к извечным народным устремлениям, злой сарказм в отношении Временного правительства, помещиков и капиталистов, снискали огромную популярность газете. Предстоящая экспроприация экспроприаторов грела душу благодарных читателей...

Четыре брата из семьи Сгибневых одновременно служили в армии. Летом Степана, являвшегося младшим из них, по решению гарнизонного комитета, в числе ему подобных солдат, отпустили домой на период сенокоса. Обратного в полк, он уже не вернулся. *Самодемобилизовался* и его старший брат, приехавший домой на побывку после ранения.

Ссылный большевик из рабочих, проживавший в то время в Заварзине, Мефодий Пиротинский, организовал кружок из бывших солдат, куда вошли и братья Сгибневы. У него водилась разнообразная литература. Подпольная. Сладость запретного плода? Пожалуй, да. Но и талант рассказчика. Всё – таки идеологический работник – товар штучный. Подтвердить? Легко. Дипломированные политработники времён развитого социализма, почище Кашпировского, вгоняли гражданские, а в особенности солдатские аудитории, в ступор сладких сновидений. Догмы в стиле - *Учение имярек современно, потому что оно верно*, интерес убивают. Напрочь.

Ну, это будет позже. В эпоху развитого социализма. А вот для членов кружка, в количестве 12 человек, речи нелегала догмами не казались, слышались откровениями. В соответствии с модой, организовались в красногвардейскую дружину, командиром боевой единицы избрали Василия Сгибнева. Оружие для дружинников – американские винчестеры, раздобыл Пиротинский.

Боевое крещение Степан Сгибнев получил в Томске, в мае 1918 года, при защите Дома Свободы от белогвардейских мятежников. Мятежников удалось разбить, однако радость победителей оказалась недолгой.

Поступило сообщение, что со стороны станции Тайга на Томск движется эшелон белочехов. Навстречу ему выслали спешно сформированный красногвардейский отряд в составе двух взводов – пулемётного и артиллерийского. Молодого красногвардейца Степана Сгибнева, показавшего себя молодцом при защите Дома Свободы, включили в сводный отряд, в качестве командира пулемётного взвода.

Готовились встретить белочехов на станции Богашёво. Первый блин, сиречь первый самостоятельный бой, как водится, вышел изрядным комом. События, по прибытии на станцию, стали развиваться совершенно непредвиденным образом. Началось с предательства. Артиллеристы отряда, выгрузив из вагона лошадей, не сказав никому ни слова, с истинно английской учтивостью, с места в карьер, ускакали в неизвестном направлении. Бегство канониров, набравшихся повадок джентльменов, произвело тягостное впечатление на оставшихся красногвардейцев.

Молодой взводный Степан Сгибнев стойко перенёс удар в спину. С присущей ему задорной энергией, попытался вернуть управляемость и пошатнувшийся боевой дух. Первым делом, вместе с остатками отряда развернул брошенные орудия в сторону ожидавшегося неприятеля. Уверенность командира, его шуточки и внушительный вид пушек приободрили бойцов. С белочехами вышла незадача, информация оказалась ложной, эшелон их не появился. Зато появился другой – со стороны Томска. С белогвардейскими мятежниками. Завязался неравный бой. Степан залёг за пулемёт и успел, нажав на гашетку, дать несколько очередей и тут его чем-то долбануло по голове. Он потерял сознание....

Очнулся он уже в Томске, в здании бывшего Дома Советов, занятый белыми мятежниками под штаб. Из разбитой головы и носа сочилась кровь. Рядом лежали другие раненые красногвардейцы. Жестокая плата за безрассудство. Революционный азарт – штука хорошая, но без знания азов военного дела – бесполезная, а иногда и вредная. Урок в дополнение к урокам политграмоты. Да, Наполеон мог, ввязавшись в драку, уже в процессе сражения вырабатывать тактику, но то - Наполеон. Хотя, без поражений не бывает побед....

Вечером всех пленных отконвоировали в Центральную тюрьму, ставшую Степану родным домом на долгие семь месяцев. В одной камере с ним оказались и старший брат Василий, и трое двоюродных братьев – Василий, Константин и Николай. Редчайший случай: сразу пятеро Сгибневых в одной партии арестантов! Где Вы, господин Гинесс?

К несчастью, тюремная камера – не курорт. Томские большевики: Шергов, Газухин, Могун, Нипелин, Толмачёв, Васильев были расстреляны белогвардейцами. Непродолжительное соседство в камере с профессиональными революционерами не могло пройти бесследно. Ещё урок. Урок мужества. О людях, предпочитающих смерть стоя, жизни на коленях, много лет спустя написал Поэт:

*-Как все мы веселы бываем и угрюмы,
Но если надо выбирать и выбор труден –
Мы выбираем деревянные костюмы, -
Люди! Люди!*

Русские продолжали убивать русских. И Степан постепенно свыкся с мыслью, что мир, сейчас зарешёченный, скоро перестанет для него существовать вовсе. Первоначальное отчаяние сменилось апатией. Осталось достойно встретить смерть, пример несгибаемости погибших сокамерников не остался бесполезным.

Затем – неожиданный кульбит судьбы. Всех арестантов призывного возраста отделили от остальных, стали водить в церковь, проповедями батюшки, наставляя на путь истинный заблудших божьих овец. Засуетились офицеры из гарнизона, с помощью, несколько другой, уже не божьей, матери, стремившиеся вывести арестантские морды, на ту же, собственно, дорогу к истине – служению Верховному

правителю. При своеобразном многообразии рекламной кампании по набору рекрутов среди арестантов в колчаковскую армию, единственная альтернатива службе дожидалась за порогом камеры в белых одеждах и с косою на перевес. Да, выбор, не позавидуешь...

В ночь, под наступающий 1919 год тюремных рекрутов отконвоировали в гарнизон, где Степана Сгибнева зачислили рядовым в 46-ой полк. Так, по воле судьбы, он снова оказался в белой армии. Но теперь он уже твёрдо знал себе цену и цену, происходящему на просторах Сибири действу. Согласитесь, мало, кто в его годы смотрел смерти в лицо и через прорезь «Максима» и через тюремную решётку. Наивный крестьянский паренёк остался в далёком прошлом. А прагматичный, умудрённый своеобразным опытом, немного циничный молодой человек затаился и ждал okazji для перехода к красным.

Превратности судьбы, вспоминаемые Степаном, и привели его на дорогу к родному Заварзино, по которой он спешил домой к старушке-матери, Анастасии Сергеевне. Весточек, в силу сложившихся обстоятельств, из дома ему давненько получать не приходилось. Сам писать не любил, казнил себя за это, но ничего поделать не мог. Поэтому, беспокойство за здоровье матери, смешанное с раскаянием, не отпускало, заставляя прибавлять шагу.

Степан полагает, что окончательно завязал с колчаковской армией. Ну и пусть полагает. А мы пока поразмышляем о процессах. Объективных и субъективных. А пицу для размышлений снова поищем в документах.

27 марта 1918 года Томский военно-революционный штаб выпустил разъяснение по поводу обложения контрибуцией местных капиталистов. Первый пункт коего скрупулёзно констатирует: *«...Местными капиталистами за последнее время забрано из местных банков под различными предложениями свыше ста миллионов рублей. Требуемые с них пять миллионов являются лишь одной двадцатой частью суммы и отлив их в кассу Совета вредно отразиться на состоянии промышленности и торговли не может...»*. Ничего не скажешь, учёт и контроль просто образцовый.

Третий пункт документа разъясняет общественности цели экспроприации:

«...1 миллион – на нужды просвещения: на увеличение жалования учащим низших и средних учебных заведений, до сего времени получающим нищенские оклады.

1 миллион – на устройство дел городского хозяйства, расшатанного войной, затеянной капиталистами, и расстроенного многолетним хозяйничаньем капиталистов при царском и буржуазном правительствах.

1 миллион на нужды совета народного хозяйства, организованного для улучшения состояния нашей промышленности.

1 миллион – на устройство и нужды перешедшего к Совету земского хозяйства.

1 миллион – на дело организации Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Красной Армии, призванной защищать власть трудового и эксплуатируемого народа...».

В заключение, ультиматум буднично предлагает упорствующим отправиться на работы в рудники.

Не напоминает шариковское: *Отобрать и поделить?* Принялись сеять идеи, а хлеб кто сеять будет? Пушкин? Легко прогнозируется и результат. Александр Сергеевич надежд не оправдал. Вскорости, 24 мая 1918 года тот же орган власти в городе вводит военное положение и доносит до сведения всех граждан:

«...1. Никакие собрания на улицах не допускаются и будут рассеиваться с применением вооружённой силы.

2. *К лицам, оказывающим сопротивление и не подчиняющимся приказанием воинских частей и патрулей, будут применены самые решительные меры, вплоть до расстрела на месте...».*

Всё, дальше ехать некуда. Последовала неуклюжая попытка оправдать собственную беспомощность продовольственным кризисом. Вспомнили про умирающих без молока и хлеба детей. Про увечных воинов. Вряд ли искренне. Ведь, распределяя контрибуцию, о детях и увечных воинах даже и не заикнулись. Вспомнили, вдруг, и про посевную. Зачем? Подвели базу под очередную экспроприацию и приступили делить монастырские запасы. Совет 25 мая 1918 года постановляет, что **«...решил взять излишки продовольствия, четыре коровы, три лошади для работ в огородах приютов и для больных воинов, возвратившихся с фронта, взять две коровы и часть капусты, крупы и муки...».**

Попутно Губернский исполнительный комитет преподал служителям культа урок политкорректности: **«...Монахи и священнослужители обязаны водворять мир и спокойствие в исстрадавшейся стране, а они, наоборот, руководясь корыстью и злобой, стали мутить бедноту, женщин, неразумных подростков. Они ударили в колокол, предназначенный церковью для возвещения только благих вестей, они ударили, чтобы поднять на ноги народ, чтобы пролилась человеческая кровь. Они пустили слухи, что Совет рабочих хочет отобрать драгоценности и даже иконы. Это обман, ложь, гнусная клевета...».**

Народ, что клевета не поверил. Несколько попозже убедился, что правильно не верил. Первое в мире государство рабочих и крестьян отделило церковь, в том числе и от большей части, принадлежащего патриархии имущества. Правда, не в этот раз, а несколько попозже.

Напоследок, постановление предупреждает, **«...что военным силам отданы строгие распоряжения, вплоть до применения оружия, а потому он (Совет) слагает с себя всякую ответственность за все те мероприятия, которые будут применены в случае неисполнения настоящего постановления...».**

Будто в воду смотрели. Сложили всякую ответственность, хотя и не по своей воле. Власть перешла к Временному сибирскому правительству. Вооружённые силы этого самого правительства и захватили Стёпу Сгибнева со товарищи. Объективно? Субъективно? В краткосрочной исторической перспективе, похоже, субъективно. В долгосрочной, выходит по всему – объективно. Это по поводу власти.

Судить историю? Боже нас упаси! Мы же понимаем, что сослагательных наклонений сия дама не признаёт. Хотя... Хотя Россия является одним из основных претендентов на попадание в книгу рекордов Гинесса (дался нам этот Гинесс) по непредсказуемости прошлого. Меняется политическая мода, меняются и оценки. Примеры? Пруд пруди. Но ограничимся несколькими наиболее яркими. Николай Второй и Столыпин проследовали из разряда людей, мягко говоря, нехороших в разряд, опять же, мягко говоря, хороших. Ленин же и Сталин проследовали в обратном направлении.

Набившие оскомину штампы? А в какую категорию прикажете отнести командира томского восстания подполковника Пепеляева Анатолия Николаевича?

Февральская революция застала Пепеляева на фронте.

Несмотря на постепенное разложение армии, он держал свой отряд в постоянной боевой готовности и при этом не впадал в немилость у солдат.

При Керенском Анатолий Николаевич был произведён в подполковники.

После Октябрьской революции совет солдатских депутатов батальона, которым командовал Пепеляев, избрал его командиром батальона. Но случился Брест – Литовский мир. Осознав бессмысленность дальнейшего пребывания на фронте, Анатолий Николаевич отбыл в Томск.

В губернской столице подполковник встретил своего давнего друга, капитана Достовалова, который ввёл Пепеляева в тайную офицерскую организацию.

Пепеляев А.Н., год 1918.
Шашка та самая, которую потом
Коржаков неудачно подарил М.Джексону.

И..., и не угадаем. Это ноу хау Пепеляева. Безумие? Или смелость и бесстрашие? А ультиматум Колчаку после сдачи Омска, с требованием самого тщательного расследования бегства белых частей из города?

В случае невыполнения Анатолий Николаевич грозился арестовать адмирала. Тоже безумие? Или всё – таки смелость и бесстрашие?

Идеализировать Пепеляева мы не собираемся. Тем более, что дальше удача покинула генерала. Навсегда. Военные успехи белых закончились, началось неорганизованное бегство. Тиф и эмиграция – злодейка судьба виновата? А работа извозчиком в Харбине, после столь блистательного взлёта? Даже подумать страшно, что пришлось пережить бывшему командующему. *Куда или чего изволите?* - и угодливая улыбочка, и пьяные куражи тамошней *элиты*. Многие ведь вывезли большие средства, эмигранты открывали рестораны, покупали яхты, покупали дома.... А ломовому извозчику Пепеляеву лицезреть крупные планы лошадиных ягодич до конца жизни? Упасть ниже плинтуса и смириться?

В конце концов генерал сломался, поддался на уговоры бывшего якутского губернатора эсера П.А.Куликовского и занял пост главнокомандующего *якутских повстанческих отрядов*. На вербовку, формирование *ограниченного контингента*, его вооружение понадобились деньги. Наши нувориши раскошались? А то. А то мы не знаем отечественных патриотов!? Деньги дали американцы и англичане в надежде получить доступ к сказочным богатствам крайнего Севера.

27 мая 1918 года началось вооружённое восстание против большевиков. 31 мая в Томске была установлена власть «Сибирского правительства» Петра Вологодского. Пепеляев эту власть признал и создал по её поручению первый Средне – Сибирский стрелковый корпус, во главе которого и встал.

Карьерный рост, даже для тех бурных лет, впечатляющий. В двадцать семь лет он становится самым молодым генералом Сибири. Солдаты называют его «Сибирским Суворовым». Не велика ли честь? А вот и не знаем. Было взятие Красноярска, Верхнеудинска, Читы. Уже при Колчаке занял Пермь, взяв в плен около двадцати тысяч красноармейцев.

Расстрелял? Перепорол? Угадали, как же! Распустил по домам. Вот вам и ярый белогвардеец.

Ну, а в штыковые в полный рост – то, кто хаживал?

-Каппелевцы!

Конечно, каппелевцы, кому ж ещё? – усмехнёмся слегка снисходительно, вспомним попутно про Анку с Петькой.

В добровольческую дружину, было завербовано 750 человек. Наш знакомец полковник Суров Владимир Александрович стал командиром партизанских отрядов. Эка, где всплыл. И ведь настолько разные два этих человека, что у нас нет ответа на вопрос, что же их связывало на протяжении стольких лет? Загадка.

Посмотрите, что писал генерал в своём дневнике 27 ноября 1922 года: *Я ненавижу рутину, бюрократизм, крепостничество, помещиков и людей, примазавшихся к революции, либералов. Ненавижу штабы, генштабы, ревкомы и проч. Не люблю веселье, легкомысленность, соединение служения делу с угодничеством лицам и с личными стремлениями. Не люблю буржуев вообще. Какого полит – устройства хочу? Не знаю. Всё равно пусть будет монархия, но без помещиков, рутины примазавшихся выскочек и с народом. Республика мне нравится, но не выношу господство буржуазии. Меня гнетёт неправда, ложь, неравенство. Хочется встать на защиту слабых, угнетённых Противна месть, жестокость. Хочется принести прощение обид, мир, богатство. Господи, научи меня делать побольше добра....*

Методы же Сурова нам хорошо известны и они нисколько не изменились. Ему – то, месть и жестокость вовсе не противны, скорее наоборот. Прибыв в Усть – Миль, организовал себе штаб, принялся писать приказы начальникам партизанских отрядов. Догадались, чем чревато было послушание? Да ладно бы только партизан *строил*. Так нет, взялся рулить и гражданскими организациями. Добрые и незлобивые якуты, впечатлённые педагогическими новациями полковника, помаленьку стали перебегать к красным. Пепеляев устроил Сунову нагоняй и отстранил того от должности.

Конец карьеры? Не повезло? Отнюдь, ещё как повезло. Ведь благодаря изгнанию из дружины, полковник избежал общей участи. Оказался в Харбине, где только в начале тридцатых годов и был застрелен. Не Троцкий, небось, обошлись без экзотики с ледорубом. Но орден за первого номера (в светлой шинели) с фотографии 1919 года, приведённой нами на следующей странице, кто – то из людей с *чистыми руками* получил наверняка.

Во Владивостоке Пепеляеву отмеряли смертную казнь. Заслужил? Не заслужил? По справедливости, наконец? Вот ведь, какая штука – армия, причём любая армия, это организация, где за всё отвечает командир. А зверства одного Сурова в глазах людей делают любой приговор, в отношении его подельников, справедливым.

Но генерала не расстреляли. Спасибо *всесоюзному старосте*. Михаилу Ивановичу Калинин, думаем, было чего предъявить на смотринах у Святого Петра. Помог он и Пепеляеву. В январе 1924 года в Чите состоялся ещё один суд, приговоривший генерала к десяти годам тюрьмы. Не бог весть, какая альтернатива? Снова не знаем. А чтобы узнать, нужно побывать в шкуре арестанта, обречённого на смерть.

Мы же полагаем, что речь идёт о благородстве. Это даже не милость к падшим, это дух революционной романтики ещё витал на просторах первого в мире рабоче – крестьянского государства. А враги вели себя иногда просто по – рыцарски. Вот скажем, красный командир Строд Иван Яковлевич, вставший с двумя сотнями бойцов на пути добровольческой дружины в Якутск, впоследствии, вдруг берётся на суде защищать генерала Пепеляева. Один Георгиевский кавалер поручился за другого.

Просто? А у нас отчего – то мурашки по коже!

Общая же участь остальных дружинников – приговор военного суда. Первые два года Пепеляев провёл в одиночной камере, в 1926 году ему разрешили работать. В 1933 году закончился срок заключения, но решением коллегии ОГПУ Пепеляеву добавили ещё три года. Наконец, 4 июня 1936 года генерала освободили и направили на поселение в Воронеж. Терпение и труд всё перетёрли? И можно попробовать всё сначала? Пепеляев даже поступил на заочное отделение истфака Воронежского пединститута. Однако, он уже стал пешкой в чужой игре, пешкой, коей надлежало выглядеть полноценным ферзём. В чьих руках? Покопаемся в архивах.

Карательный или экспедиционный отряд капитана Суорова В.А..

Вручая постановление ЦИК СССР об освобождении генералу Пепеляеву, комиссар госбезопасности Гай Марк Исаевич произнёс:

Вас советская власть слишком жестоко наказала, но теперь вы свой срок отбыли и снова вступаете в жизнь.... Мы ценим боевых людей. Конечно, вас можно было бы использовать в армии, но вы, наверное, технически отстали и многое забыли.... Ну хорошо мы подумаем, как вам помочь....

В Воронеже Анатолию Николаевичу действительно помогли, предоставили жильё и оформили краснодеревщиком на местную мебельную фабрику. Познакомили с начальником УНКВД по Воронежской области Дукельским С.С., его заместителем Андреевым М.Л., руководителем третьего отдела Лапиным А.Н.. Встречи на конспиративных квартирах с чекистами стали регулярными. Пепеляева, якобы, готовили к созданию в Воронеже подпольного подставного военного общества, с помощью которого можно было бы выманить из-за рубежа одиозных антисоветчиков. Ну, да, операция «Трест» - дубль два. Только это была ширма, а за ширму генерала не пустили.

За ширмой же из лиц недовольных советской властью создавались боевые дружины. Чекисты и армейская верхушка с полной серьёзностью и основательностью готовились к захвату власти в стране и устранению Сталина. Планировали акцию на начало 1937 года. Без дураков и без авось, всё солидно. Но переворот не случился. Дукельский испугался. Вот вам и без дураков и без авось.

Семён Семёнович поехал в Москву, добился встречи с Иосифом Виссарионовичем и заложил соратников с потрохами. Тот 29 сентября 1936 года отправил Ягуду в двухмесячный отпуск, якобы для поправки здоровья. А 28 марта 1937 года на квартире в Кремле наркома арестовали. Так Ягода из заговорщика, готовившего государственный переворот, в чём самолично и признался, превратился в арестанта.

13 марта 1938 года Ягоде, Бухарину, Рыкову и ещё пятнадцати подсудимым вынесли смертный приговор. Лапина, в числе других чекистов, расстреляли в Воронеже.

Строд Иван Яковлевич.

*Пепеляев Анатолий Николаевич
город Воронеж
30 октября 1936 г.*

Дукельского наградили орденом Ленина и назначили председателем комитета по кинематографии. Мучили ли его угрызения совести? Уверены, что нет. Совесть, бесспорно, и при отсутствии зубов может загрызть человека. Да вот беда, при отсутствии человека клыки совести бессильны и напрочь бесполезны.

Пепеляеву же пришёл черёд превращаться в ферзя. Его арестовали в августе 1937 года и отправили в Новосибирск, где и завершилась комбинация.

В докладной записке начальника Управления НКВД Новосибирской области тов. Горбача Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину от 10 декабря 1937 года, Пепеляев уже предстаёт **руководителем повстанческой к.-р. организации, которая планировала вооружённое свержение Советской власти в Сибири в момент войны Японии против СССР**. При этом, новосибирский чекист всерьёз полагает (если уж совсем всерьёз, то, наверняка не полагает, но делает вид) что, сидя в Ярославском изоляторе генерал вполне успешно руководил сибирскими повстанцами. И нынче – то, при современных средствах связи и передвижения, задачка мало перспективная. А восемьдесят лет назад и вовсе не решаемая.

Далее в записке говорится о 15203 человеках, что уже арестовано и осуждено. Все они общим чёхом записываются в РОВС («Русский общевоинский союз»). И, на всякий случай, делаются туманные намёки **на широко разветвлённую повстанческую организацию, охватывающую 17 лагпунктов**. Есть, есть ещё над чем работать. И в конце бодренько: **Продолжаем дальнейшую ликвидацию....**

Иосиф Виссарионович наложил резолюцию: **Ежову. Всех бывших офицеров и генералов по записке Горбача нужно расстрелять».**

Ага, вот вам и очередное доказательство сталинской кровожадности! Что, неужели, и теперь у кого –нибудь поднимется рука и повернется язык в защиту вождя всех народов?

В защиту вождя, пожалуй, нет, а в защиту справедливости – отчего бы и не сказать несколько слов. Резолюция датируется 13 - ым декабря 1937 года.

Лампсаков Н.А. среди учеников.

Но, ведь для приговора Сухачёву Пётру Александровичу и Лампсакову Николаю Александровичу (мы еще на этом подробно останавимся), по прихоти тов. Горбача и следователей оказавшихся в рядах оной контрреволюционной *банды*, резолюция вождя не запонадобилась. Расстреляли их до появления сталинской резолюции. Тут подсуетились чины, рангом помельче.

...После окончания Гражданской войны Николай Александрович Лампсаков, по – прежнему весьма ревностно исполняет свой долг, памятуя о факультетском обещании *не помрачать чести сословия*. Сельский доктор следит за всеми новейшими достижениями медицины не только у нас, но и за рубежом. Он переписывается с немецкими учёными – медиками. Те - то и прислали ему две кварцевые лампы. Даже в Томских больницах их тогда не было. Из Германии пришли и два электрических движка. В больнице раньше, чем в селе зажётся электрический свет.

Ежемесячно в больницу Ново – Кускова обращается от 900 до 1200, а иногда и до 1700 жителей района и около 500 из соседних районов.

Лампсаков становится одним из самых уважаемых и заметных людей Причулымья. Его избирают делегатом на Всероссийский съезд Советов в честь 10 – ой годовщины Октябрьской революции.

Томская секция врачей направляет приветственный адрес: *Все врачи Томского округа гордятся Вами, дорогой Николай Александрович. Вы один из тех немногих, кто отдал все свои лучшие годы и силы на служение деревне. Вы бескорыстно ушли работать туда, где имеется в Вас наибольшая нужда. Всем известно, насколько трудна работа сельского врача, но Ваше бескорыстие и любовь к делу сумели всё победить.*

Нет, бескорыстием и любовью к делу всё победить оказалось невозможно. В ведомстве Ежова сказкам про бескорыстие принципиально не верили. Парадокс же явный:

-Ну, сами – то, сами, посудите! С одной стороны, человеку шестьдесят три года, огромный авторитет, уважение населения и коллег, заслуги, опыт....

А с другой стороны, в начальство, чего – то, не рвётся, командовать коллегами не стремится. В Томск перебираться просто отказывается. Ну и главное – в партии большевиков до сих пор не состоит. Уклоняется, а может, затаился? Надо присмотреться. Поискать фигу в кармане.

Присмотрелись. Поискали. Тут – то и всплыло *сообщение заведующего Ново – Кусковским переселенческим пунктом от 27 мая 1919 года*. Текст сообщения изобиловал *клеветническими измышлениями о действиях партизан*. А автором, если помните, был Лампсаков Н.А..

Копнули глубже. Вот – те – на! Родители – то, кто!? Священники! Да и сам семинарию закончил. Пел. И где!? В церковном хоре! Час от часу не легче. Ещё и офицер царской армии! В Германию письма пишет. Зачем? По всему видать, филиал *кадетско – монархической организации, готовившей вооружённое восстание и свержение советской власти в момент нападения империалистических стран на СССР* вскрыли.

Помните, как Миронов (Король) Сергей Наумович – начальник УНКВД ЗСК породил «Союз спасения России». Так вот, Николай Александрович идеально вписался в схему в роли главаря Ново – Кусковского филиала ССР.

Всё строго по шаблону – чекисты находят бывшего царского или белого офицера и «назначают» его руководителем организации, состоящей из небольших ячеек и подчиняющейся заговорщицкому центру.

Главаря арестовали. И принялись *жарить факты*. Масла на сковородку не скупясь, и густым чёрным слоем нанёс Никита Кузьмич Левин. Его партизанским прошлым времён Гражданской войны в романе «Строговы» писатель Георгий Мокеевич Марков наделил деда Фишку. Изрядно преувеличив. Самая яркая страница в биографии Никиты – собственный расстрел. Расстрел, после которого ему удалось чудом выжить. Казнили его каратели Сурова в Казанке. А вот излечила в Ново – Кусковской больнице чета Лампсаковых, Елена Дмитриевна и Николай Александрович.

Про огонь, воду и медные трубы с детства слышали наверняка все. Так вот, испытание огнём Никита Кузьмич выдержал. Мало на планете найдётся людей, которым удалось прожить восемьдесят два года, будучи расстрелянными в тридцать четыре. Оправился от ран наш герой, но появилась привычка глушить боль алкоголем, огненной, то бишь, водой. Но всякое лекарственное снадобье, пока ведь панацея не обнаружена, обладает побочными эффектами. Настойки на спирту имеют способность завышать самооценку употребляющего *во внутрь*. Может и море лужей предстать, той самой, которая по колено.

Закончилась Гражданская война, и Левина накрыла слава. Слава геройского партизана. Пресловутую правду жизни слегка отодвинули. Иначе как? Иначе - никак не возможно! Ведь, уже классики писали посвящения: *Деду Фишке – Никите Кузьмичу Левину с глубочайшим уважением автор Г. Марков*. Вон как громыхнули медные трубы! Родилась легенда, ни дать, ни взять. Литературный герой, герой без страха и упрёка, нестигаемый борец за правду материализовался. В пример одним и в назидание другим.

И кому как не Никите Кузьмичу доверить колхоз «Рассвет», созданный в деревне Казанка Ново-Кусковского района? Четыре года терпели колхозники художества бывшего партизана. Это и был пик его карьеры.

Ну, а в 1931 году судьба, сообразуясь с направлением райкома партии, ещё раз свела его с четой Лампсаковых. Николай Александрович принял Левина завхозом в Ново – Кусковскую больницу. Не председатель, однако, должностишка не пыльная, опять же спирт медицинский.

А дальше ответим на вопрос – *Почему?* Почему из всех сельчан нашёлся лишь один *потерпевший*, и этот один – Левин Н.К.. Его имя всплыло в характеристике обвиняемого Лампсакова Н.А.. Председатель сельсовета Петров и секретарь Попов характеризуют:

Лампсаков имел большую популярность среди населения. Особенно среди зажиточного населения. В то же время к лечению партизан относился самым скверным образом (Левин Н.К.).

Ну, что ж, ответ прост и банален. Никита не простил доктору своё увольнение в 1933 году.

-Как, его!? Заслуженнейшего и авторитетнейшего борца за власть Советов, какой-то докторишка посмел уволить!

В больнице Никита продержался два года. И совсем неплохо себя чувствовал. Но вот сил у главного врача терпеть вконец разболтавшегося экс - партизана попросту не осталось.

Асиновское бюро РК ВКП(б) на внеочередном заседании - 8 июля 1933 года отреагировало на увольнение своего протеже жёстко: *Со стороны заведования врача допускаются безобразия: сознательное засорение обслуживающего коллектива чуждым элементом, гонение и вытеснение с работы партийно – комсомольского состава..., преступное пренебрежение в лечении партийно – комсомольского актива.*

Николая Александровича уволили.

Реванш состоялся. Николая Александровича уволили. Год больницей руководил некто Параскун. Так всегда на Руси – созидать некому, а *реформы реформировать* от желающих отбоя нет. Причём результаты деятельности языкастых перестройщиков и реформаторов разного пошиба вполне предсказуемы и одинаковы. Развал. Некто Параскун с блеском и всего – то за год успешно достиг развала. Пришлось партийным товарищам возвращать Николая Александровича. Но конфуз свой запомнили и не простили...

Вот так Николай Александрович оказался главарём заговорщиков.

Но главарь, козе понятно, один быть не должен. Тут – то, наряду с другими селянами, подвернулся и Сухачёв Пётр Александрович. В церковном хоре пел? Пел. Дьяконом служил? Служил. Подпрапорщик царской армии? Или унтер – офицер? А не один ли хрен! Кулак? Бывший! Шалишь, брат, бывших кулаков не бывает! Вишь, как в имущество вцепился чуждый элемент, самому Калинину настучал! В кутузку его!

А вот для придания должного веса мифической организации и следовательно должному весу (не мифическому) заслуг товарища Горбача в глазах вождя потребовались фигуранты покрупнее. Калибра генерала Пепеляева и (вот злая усмешка судьбы) полного Георгиевского кавалера, кавалера трёх орденов Красного Знамени - Строда.

В записке, а с сопроводительной резолюцией Ежова обернувшейся меморандумом утверждается, что Пепеляев связался с японскими военными кругами, сибирскими областниками с целью создания на территории Сибири *буферного государства*. Свержение Советской власти намечалось, *в момент военного нападения Японии на СССР*. Ну и конечно, *после свержения Советской власти, Японии обещано предоставление сибирского рынка, концессий, леса, угля....*

Дальше знай переписывай материалы из решения трибунала 5-й армии 1923 года по делу «Сибирской добровольческой дружины» и выше крыши оснований для применения расстрельной – пятьдесят восьмой статьи УК РСФСР. Пепеляеву А.Н. и Строду И.Я., как раньше Лампсакову Н.А. и Сухачёву П.А., её и вменили. С конторой разговор короткий.

Только вот контра – то эта откуда взялась?

Вопрос, понятно, уместный. А чтобы на него ответить, уместно повнимательнее приглядеться к РОВС. В 1924 году барон Врангель создал в Париже «Русский общевоинский союз», объединивший белых офицеров – эмигрантов. Известно, что РОВС имел на территории СССР свою агентуру. Известно также, что на территории Сибири подразделений этой организации создать не удалось. А при отсутствии врагов и саботажников, как звания и ордена работникам органов получить? Правильно, злоумышленников надо выдумать!

И выдумали. Начальник УНКВД ЗСК Миронов С.Н. (его сменил Горбач) 17 июня 1937 года направляет в крайком ВКП(б) справку, из которой следовало, что в Запсибкрае раскрыта совместная кадетско – монархическая и эсеровская организация, состоящая из *эсеров, бывших белых офицеров, священников и «кулаков»*. Так «Союз спасения России», организация, подчинённая РОВС, появилась на свет.

В июле 1937 года Миронов велел начальникам оперсекторов все «повстанческие» организации с участием бывших белых офицеров и «кулаков» оформлять как ячейки РОВСа. Начальники оперсекторов взяли под козырёк, и за дело принялись бригады следователей. Тысячи участников Союза - фантома были арестованы, опрошены, избиты взаимными показаниями, почти все признали свою вину, почти все были расстреляны. Ну да, первые два – три дня арестованные отказывались подписывать протоколы, как правило. И, как правило, лишившись еды и сна, подвергнувшись внутрикамерной обработке, подписывали, даже не читая. Хотя читать им и не предлагали, как правило.

Нельзя не отметить, что организация РОВСа, в свою очередь, была скалькирована с канонов 1920 – 1921 годов. Тогдашний полпред ВЧК по Сибири Павлуновский И.П. сфабриковал версию об общесибирской повстанческой «бело – эсеровской» организации Сибирского крестьянского союза, состоявшей из *эсеров, бывших белых офицеров и «кулаков»*. Успех того дела вдохновлял местных чекистов много лет. К уму даже апеллировать не стоило, просто добавляй нужную «прослойку» и тачай дела....

Ну, и где здесь справедливость? Или она, эта самая справедливость в том, что и комиссар ГБ 3 ранга Миронов (Король) Сергей Наумович, и старший майор госбезопасности Горбач Григорий Фёдорович, и капитан госбезопасности Овчинников Иван Васильевич получили Ордена Ленина «за образцовое выполнение важнейших заданий правительства». Овчинников в то время – начальник Томского ГО НКВД. Именно он утвердил своей резолюцией обвинительные заключения Сухачёву П.А., Лампсакову Н.А., Строд И.Я. (вот когда аукнулись латышскому стрелку и Георгиевские кресты, и защита белых генералов), как, собственно и тысячам других. Получается, кривда торжествует, а правда вместе с нормальными людьми в земле гниёт? И, *аз воздам* - на этом свете явить нельзя, выходит?

Выходит, можно. Воздалось всем. Миронов арестован в январе 1939 года, расстрелян. Горбач расстрелян 7 марта 1939 года. Овчинников подвергнут к ВМН

(высшей мере наказания) 19 мая 1941 года. Все трое, в отличие от их жертв, реабилитированы не были. Это Лаврентий Павлович, как умел, взялся в наркомате бороться с приписками и очковтирательством. А Иосиф Виссарионович восстановил справедливость. Тоже по - своему и тоже, как умел: *...нужно расстрелять.*

Перед расстрелом у бывшего начальника Томского ГО НКВД И.В.Овчинникова было время подумать. Он подумал и написал следователям: *«Да, безумная обстановка 1937 года, безумное проклятое время, тот психоз, которым были охвачены все мы, лишили разума и обрекли с неизбежностью рока на действия, которые возведены сейчас в преступление.... Я был поражён установками на размеры операции, на упрощённый порядок следствия..., переживал тогда жуткие минуты страшной внутренней борьбы, примерял свою совесть и рассудок, не согласные с этой операцией, с необходимостью выполнения долга службы, диктуемого сверху, со ссылкой на Москву, но бороться с этой линией УНКВД не смел, т. к. думал, что раз Москва требует, значит так надо, значит, я оперативно и политически отстал, не вижу того, что видно с московской колокольни, на которой сидел Ежов. А ведь Ежов не только нарком НКВД, это для меня был прежде всего секретарь ЦК и председатель комиссии партконтроля. Это, как говорится, не фунт изюму. Все ссылки на него (со стороны УНКВД) я понимал прежде всего как ссылки на указания ЦК ВКПб».*

Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. 5621. Т. 8. Л. 25–26, 43.

Наивняк? Кому хотел лапшу по ушам развесить. Бывшим коллегам? Перед которыми кичился количеством арестов и жертв? Или будущим поколениям попробовал на нос розовые очёчки нахлобучить? Тогда жалко, жалко, что пока Сталина виноватить нельзя. Ничего и Ежов, авось, сгодится! Точно уже не узнаем – на что надеялся? Точно знаем одно – Ежов в громоотводы не сгодился.

Салов А.С.

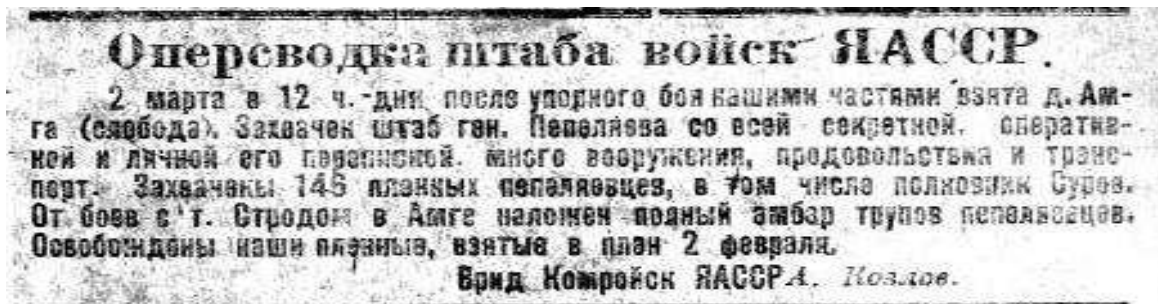

Овчинников И.В.

Осталось добавить, что и ВрИД начальника Асиновского РО НКВД сержант Госбезопасности Салов А.С., автор обвинительных заключений Лампсакову Н.А. и Сухачёву П.А., общей участи не избежал тоже. Ему репрессии аукнулись в 1940 году. Пупышеву М.Я., автору протокола допроса от 10 сентября 1937 года обвиняемого Сухачёва П.А., так виртуозно превратившему ответы: *не участвовал, не состоял, не подвергался* в антонимы: *участвовал, состоял, привлекался* тоже пришлось испытать действие репрессивной машины на собственной шкуре. В качестве обвиняемого. И его ответы, тут уж не приходится сомневаться, частенько следователями толковались, как бы это помягче сказать, несколько вольно, что ли.

Ну, ещё попробуем утомить читателей, помяная полковника Сурова всеу.

Вот перед нами оперсводка штаба войск ЯАССР:

Приписками и очковтирательством в нашем Отечестве удивить, даже ребёнка, уже давно трудно. А, зададимся вопросом, где у нас, по мнению классиков, врут более всего? Правильно – на войне. Эх, а где громыхали последние бои Гражданской? Вот, то – то и оно, в Якутии! Вполне к месту пришёлся в сводке и «полный амбар трупов», в ЯАССР цифирь, знать, совсем не в почёте, вполне к тому же месту, и приснопамятный Суров, да и с фамилиями, знать, полная заморочка. Нет, как бы не хотелось этого А.Козлову, полковник ушёл, ушёл вместе с отрядом генерала Вишневого Евгения Кондратьевича.

22 июня 1923 года истощённая группа военных вышла на Охотское побережье, где была подобрана японской шхуной. Через Японию Суров В.А. перебрался в Харбин, автором мемуаров, по понятным причинам, не стал. Вишневский же описал скитания дружины в книжке «Аргонавты белой мечты»...

-Сынок, не за тобой ли? – всполошилась мать, глянув в окно.

Степан посмотрел вслед за нею, и сердце ёкнуло – к их дому подворачивал верхом на лошади ротный фельдфебель Сухинов. За чрезвычайное служебное рвение, прозванный солдатами Рашпилем. Кулацкий доброволец. Ярый поклонник Колчака Александра Васильевича, даже носивший бобрик в подражание Верховному правителю. И уж, будьте спокойны, поблажек ждать от Рашпиля солдатам не приходилось, как не приходилось ждать ничего хорошего и Сгибневу от визита фельдфебеля.

Мелькнула трусливая мыслишка – бежать или спрятаться. Но, осмотревшись в избе, понял – поздно. И бежать, и прятаться. Его амуниция, выстиранная матерью вчера, была развешена во дворе для просушки, красноречиво свидетельствуя о наличии хозяина в доме. Сам он сидел в одной исподней рубашке, шароварах (заплата на заплате) одного из братьев и босиком. К тому же, мать собрала пообедать. А стол, не менее красноречиво засвидетельствует о количестве едоков. Значит, и нечего суетиться.

Быстрота, с коей родная часть вспомнила о нём, да и об остальных, удивила и озадачила. Ведь, они с Ананьевым, только позавчера заявили в Заварзино. Успели отоспаться, помыться в бане – и все дела. А Рашпиль уже тут, как тут. Нарисовался, – не сотрёшь. Называется, – отмотался от колчаковцев.

С появлением Рашпиля рушились все планы и замыслы Степана. Он рассчитывал, по прибытии домой, повидаться со старыми приятелями, Мефодием Пиротинским, пообщаться за стаканом первача, повспоминать дореволюционную жизнь, между делом, поинтересоваться партизанами. Однако его постигло разочарование – Пиротинский перебрался в Томск, говорят, на нелегальное положение. Друзей-приятелей в Заварзино тоже не оказалось. Иных уж нет, а те далече....

Степан решил немного пожить дома, помочь матери по хозяйству. Оглядевшись, попытаться самостоятельно найти подходы к партизанам. Да, заминочка вышла, радужные планы близкого партизанского будущего, услужливо рисуемые воображением по дороге домой, оказались, хотелось бы думать на время, трудно

осуществимыми. Теперь, похоже, на них и вовсе приходилось ставить крест. Называется, и матери помог, и партизан отыскал....

А Сухинов уже входил в избу.

-Здесь живут Сгибневы? – осведомился он, переступая порог.

-Вы не ошиблись, господин фельдфебель, Сгибневы здесь проживают, - полуобернувшись к нему, подтвердил Степан.

-Так вот ты, значит, где, субчик-голубчик! – узнав его, обрадовался Рашпиль и ехидно уточнил: Стало быть, дома посиживаем?

-Бывает, и полёживаем, - весело парировал Степан.

Наглая развязность ответа не слишком-то и удивила фельдфебеля, настоящая армейская дисциплина осталась в благословенном прошлом. Добавив едкости в тоне, он продолжил:

-Так, так... Посиживаем, полёживаем, а службу тащат, прости господи, пушай чёрти в аду? Плевать хотели, господа военнослужащие, на службу-то, с высокой колокольни?

-Ну, зачем же чёрта вспоминать всеу, господин фельдфебель? – с укоризной возразил Степан, - Садитесь, лучше, отобедайте с нами, подкрепитесь с дороги.

-Я не за тем сюда приехал! – строго отрезал Сухинов.

-Догадываюсь.

-Раз догадываешься, прекращай растабаривать, собирайся, и поехали! – уже без всяких околичностей потребовал Рашпиль.

-Но ши-то, поди, дохлебать можно?

-Дохлёбывай, дохлёбывай, желательно поживей.

-А чего это ты, мил-человек, раскыркался-то в чужом доме? – неожиданно вмешалась в разговор мать Степана – Анастасия Сергеевна. – Ворвался в избу, словно басурманин какой, прости господи. Даже не поздоровкался и лба перед святыми ликами не перекрестил. И стоишь, как статуя, в картузе. Ни стыда, ни совести!

-Ладно, бабка, ты сиди и не в свои дела не вступай, - отмахнулся, было от неё Сухинов, снимая, однако, фуражку.

-Ты мне, рот-то не затыкай, шибко-то не заносись. Я, пока ещё, в своём доме хозяйка. Может, моему сыну ты и начальник какой, а мне ты не указ! – сурово оборвала его Анастасия Сергеевна, следом приказала: Приглашают за стол, так садись, и не рыпайся. Потом будете разговоры разговаривать. На сытый-то желудок любое дело ловчей получается, не нами подмечено.

Степан смотрел на мать широко раскрытыми глазами и диву давался её дерзким речам, едва сдерживаясь, чтоб не расхохотаться. Природный ли инстинкт защиты потомства, либо безошибочное чутьё много жившего человека, подсказали ей воинственную манеру поведения, изрядно смутившую фельдфебеля и удивившую сына.

Покраснев, будто хорошо проваренный рак, Рашпиль стоял, явно растерянный, не зная, как реагировать на хозяйкину отповедь, и на её своеобразное приглашение. Тем временем, на столе появилась ещё одна чашка со щами, а рядом – запотевшая бутылка с самогоном.

-Чем богаты, тем и рады, - указывая место под образами, вежливо пригласила, прекращая препирательства, Анастасия Сергеевна.

Фельдфебель, застигнутый врасплох переменой в настроении хозяйки, замялся, но не устоял перед искушением. Бросив церемонии, есть то хотелось, полез за стол.

Степан набулькал по полному стакану себе и гостю, немного налил и матери. Выпив, Рашпиль принялся костерёжить судьбу:

-Не плохо вы, робята, устроились. По домам прохлаждаетесь, а скажи на милость, с кого за это спрос? С фельдфебеля! Вот так и крутисси, промеж двух огней – начальство требует своё, а зачнёшь с солдата построжей службу спрашивать, он на тебя волком смотрит....

Да, жизнь – не позавидуешь! – не удержался от улыбки Степан, - Я-то, дурень, грешным делом думал, самую увесистую ляжку в армии тянут рядовые. Солдату и приказ отдать построжей некому, разе – себе, и самому же бежать выполнять. Может, я чего путаю, но мне кажется, ещё ни один фельдфебель, добровольно солдатские погоны не надевал.

-Э, брось! – погрозил ему заскорюзлым пальцем Рашпиль, - Я ведь, вас всех субчиков-голубчиков, наскрозь вижу. Кажный себе на уме. Ты вот, к примеру, вообще субчик-голубчик, ухо с глазом. Тебе палец в рот не клади. Но меня, тоже, на мякине не проведёшь. Ты думаешь, мне не известно, что, если бы я за вами с Ананьевым не приехал, то вертаться в роту вы, сроду и не подумали бы? Скажешь, не так? Так!

-Ваши домыслы, гражданин фельдфебель, обидно слушать.

-Не домыслы, а истинная правда. И ешо неизвестно, как для вас, субчиков-голубчиков, обернулась бы эта самоволочка, кабы не я. Понимать надоть! А он мне ишо - «гражданин»....

-Между прочим, откуда вы узнали, что мы дома? – ввернул Степан, наливая по второму стакану. – Ведь, старший нашей команды в Тюмени остался.

-Сорока на хвосте принесла, - самодовольно напустил туману Рашпиль.

-Сорока? Сдаётся мне – дятел пестрозадый.

-Ладно, не обижай пернатых. Вчерась в полку, твой сродственник, Лександра Сгибнев объявился, и как он сказал, что вы трое субчиков-голубчиков, поперёд его из Новониколаевска уехали, так я сразу сообразил, игде вас искать следует. Тут же на коня и, дуй не стой, в Заварзино.

Ларчик-то просто открывался. Вот кто, хоть и невольно, их выдал! Видно, от судьбы не убежишь.

-Ну, а что за беда, ежли б они, хоть несколько денёчков дома побыли, по хозяйству помогли бы? – опять встряла в разговор Анастасия Сергеевна.

-Никак нельзя, - с серьёзностью изрёк фельдфебель. – И так они от роты отстали, и я вместе с имя. Теперь догонять придётся.

-А где же теперь, наша рота? – удивился Степан.

-У чёрта на куличках. На охране земской больницы в волостном селе Ново-Кускове. Больше, чем в ста верстах от Томска. Так что, давай, собирайся, забираем Ананьева и – аллюра три хреста...

-Сколько человек ты привёз? – выслушав рапорт фельдфебеля Сухинова о прибытии, уточнил поручик Баранов.

-Десять, господин поручик.

-Что за публика?

-Да так себе, господин поручик. Один даже в тюрьме сидел.

-В тюрьме?... За какие, интересно, дела?

-Как бывший красногвардеец.

-Что?! Ты соображаешь, что говоришь? Охренел от первача в дороге?!

-Извольте сами убедиться, господин поручик – там, в гумагах, всё прописано. – С видом оскорблённой невинности произнёс Рашпиль.

-Ну что ж, посмотрим... - хмуро пообещал Баранов, пододвигая к себе документы на новоприбывших. Да, кстати, нельзя ли узнать фамилию красного, с позволения сказать, гвардейца?

-Рядовой Сгибнев, господин поручик.

-Так-с, так-с... Занимательно... Мобилизован прямо из тюрьмы, ещё первого января. Любопытно, где же наш гвардеец, болтался до сих пор?

-В составе специальной команды сопровождал военные грузы на фронт.

-Да, да, припоминаю. Отчего же не сбежал, вернулся? Странно.

-Не совсем так, господин поручик, - пролил свет Рашпиль, - На обратном пути, Сгибнев и его земляк Иван Ананьев умотали домой, в Заварзино. Так что, мне этих субчиков-голубчиков, пришлось по домам собирать. А рядового Михалёва из Самуськов добыл, через посредство волостной милиции.

-Выходит, они дезертировали?

-Все самовольщики в один голос уверяют, что завернули домой на обратном пути, с исключительной целью, повидаться с родными, постираться, да помыться в бане. Вроде, и не придерёшься....

-Тэк-с, тэк-с... - в некотором замешательстве, забарабанил пальцами по столу командир роты. – Регулярная армия, а дисциплина хуже, чем у опричников. Хотят, служат, хотят по домам сидят. Расстрелять их, что ли? – увидев вытянувшееся лицо фельдфебеля, поручик смехнулся, довольный произведённым эффектом, - Ладно, чёрт с ними, пусть служат пока, а там посмотрим.

-Куда прикажете их определить, господин поручик? – вздохнул с облегчением Сухинов.

-Определяй сам, куда знаешь, на полное твоё усмотрение, - обласкал ротный. – Единственная просьба, гражданина красного гвардейца здесь не оставляй, а отправь в Сергеево. Плохая примета, знаешь ли, да и особого желания ежедневно наблюдать в расположении роты арестантские рожи, в себе не ощущаю. Скорее, наоборот. Определённо, наоборот.

-Разрешите выполнять.

-Действуйте, мой друг, шевелитесь.

-Вот жизнь пошла – не привязанный, а визжишь...

-Интересно, о чём ты?

-Да всё о том же, – о нашем собачьем положении.

-Почему – собачьем?

-Ну, не собачьем, так волчьем. – С жаром уточнил Фёдор.

-А чем тебе, эта жизнь не нравится? – с деланным удивлением поинтересовался Хабаров. – Одеты, обуты, кормят, словно на убой, службу, считай, не спрашивают.

-Ты что, сурьёзно?

-Я говорю, что есть.

-Осип, ты говори, да не заговаривайся! Не знаю, как тебе, а мне эта наша жисть, хуже горькой редьки. Запихали дурные башки волку в пасть, теперь хоть в петлю. Близок локоть, да не укусишь.

-Кто ж, по-твоему, виноват?

-Дед Пихто! Ты же сам говорил: подождём, да посмотрим. Подождали, посмотрели....

-Выходит, я во всё виноват?

-Да нет, хозяин неба.

-Дед Пихто, хозяин неба.... Ишь, раскипятился! А оно тебе надо?

-Пойми, друг сердечный, обрыдло до тошноты. Душит неопределённость. Так и хочется, плюнуть на господ офицеров и бежать.

-Додумался, называется. А бежать-то куда?

-Куда глаза глядят. Авось, кривая и вынесет на партизан.

-Ловко придумал. Авось.... На авось и с кондачка такие дела не делаются. Подготовочка требуется. Если, скажем, бежать, то надо точно знать – куда. К нашим же разлюбезным партизанам, кстати, пути, боюсь, нам отрезаны.

-Объясни недоумку, почему?

-Объясняю, – шлёпнут нас товарищи партизаны за здорово живёшь, как карателей. Без суда и даже следствия. Оно конечно, смерть никого не минует, но лично мне с ней повстречаться охота попозже. Сдаётся мне, и любому в нашей роте свидания

с бабами помоложе нравятся куда больше. Одно дело – в окружении детей и внуков в подходящем, желательном, преклонном возрасте завершить жизненный путь. И, согласишься, совсем другое – от руки, даже самого геройского из геройских красных партизан, сдохнуть, аки псы шелудивые. – явно дурачась, Осип затянул, - И никто не узнает, где могилка моя....

-Чепуху ты городишь, Осип. Красные, за здорово живёшь, не расстреливают, а разбираются сперва, кто каким миром мазанный. А какие мы с тобой, к чёрту каратели? Шлёпнут, - задетый за живое, повторил Фёдор, - обязательно шлёпнут, если мы будем здесь сидеть, и ждать с моря погоды.

-Дурная голова ногам покоя не даёт, погоняет. Ну, не убежишь от себя, Федюня.

-А ты, я смотрю, через чур, даже умный стал. Прямо из ума сшитый. Перековался на колчаковский лад!

-Да тише ты, чёрт заполошный! – одёрнул загорячившегося приятеля Хабаров, кинув быстрый взгляд по сторонам.

Они шли посередине главной улицы Ново-Кускова. Довольно широкой, прямой и длинной, напоминавшей унтерам их Индёрь. Лишь стайки уток, гусей, да поросята, радовавшиеся недавно прошедшему дождю, оживляли пустынную улицу.

-Мы, вроде, испугались? – не без ехидства поинтересовался Фёдор. – Ведь, пужаться за свои слова и отвечать мне, в случае чего. Ты-то, другие песни поёшь, композитора А.В. Колчака.

-Ну ладно, хватит артачиться, - неожиданно улыбнулся Хабаров, - Неужели, Федя, не догадываешься, что я специально тебя подзуживаю.

-Стоило огород городить, я и без того подзуженный.

-Не ты один. Теперь, давай поговорим серьёзно. Разговор, строго между нами. Понял.

-Почти.

-Дай слово, никому о сути дела не болтать, неважно, согласишься ты со мной или нет.

-Ну, что ты меня, словно девку обихаживаешь? Вокруг да около. Сказано: никому, значит, никому. Ты же знаешь, я не из болтливых.

-Знаю. А слово, всё же дай.

-Какая муха тебя сегодня укусила, Осип? Только и знаешь, тень на плетень наводить. Ладно, даю твёрдое слово - никому ничего не разболтаю. Может, на библии поклясться, али на крови.

-Это лишнее, - не обратил внимания на подковырки друга, Хабаров, - слушай сюда....

И он, понизив голос, принялся излагать свои затаённые помыслы. По мере изложения, лицо Фёдора принимало всё более заинтересованное выражение.

-Вот это, я понимаю, разговор! – восхитился он, когда Хабаров кончил. Ну и башковитый же ты мужик, Осип. Мне до такого, сроду бы не додуматься.

-Надо понимать, одобряешь?

-Он ещё спрашивает! Конечно! Со всей душой.

-Тогда будем действовать. Главное – подобрать надёжных ребят. И заруби на носу – осторожность, прежде всего, осторожность. Любая оплошность чревата.... Впрочем, сам знаешь.

-Знаю – шлёпнут.

-Заладил: шлёпнут, шлёпнут. Накаркаешь, не приведи господь. Будем робить с умом и дружно – прорвёмся! Пойдём сообща и до конца, чем бы наша задумка ни обернулась. Не передумаешь? Не пожалеешь? Назад не повернёшь? – глаза Хабарова внимательно и цепко смотрели в глаза Фёдора.

-Можешь не сомневаться, не подведу, - не отвёл взгляда тот, и вдруг, разулыбался: Допекли вы меня, господин унтер-офицер; я тебе, дура, чуть было по морде не съездил.

-Это за что же? – изумился Осип.

-За твои хитрые речи, насчёт нашего распрекрасного житья-бытья.

-За правду – в морду. Набрались, некоторые унтера старорежимных замашек. Пришлось бы отвесить сдачу.

-И получилась бы ха-арошая драка!

Друзья весело расхохотались, представив двух унтер-офицеров, наглядно демонстрирующих искусство рукопашного боя, в центре села. Нагнали бы страху на сельчан по принципу: Бей своих, чтоб чужие боялись.

Ротный фельдшер Башкатов, именуемый личным составом отряда Баранова, не иначе, как доктор, являлся, пожалуй, одним из самых лихих медиков в частях Верховного правителя. Пациентов он лечил простыми, но весьма эффективными способами. Приходит, например, на приём к вышеозначенному эскулапу, нижний чин. Без диагноза очевидно: бедолага мается с зубом. Башкатов заглядывает ему в рот и кричит за перегородку санитару:

-Иван!

-Чего изволите, господин дохтур? – немедля отзывается дисциплинированный Иван.

-Готовь клизму!

-А которую?

-Ту самую.

-Ясно. Сей момент.

Длительный и трудоёмкий процесс излечения пошёл. Следует команда слегка струхнувшему пациенту: - Марш за ширму, на процедуру. Спускай штаны и ложись на кушетку. Да разуйся сперва. А то своими бахилами ты мне простынь угваздаешь.

-Простите, господин дохтур, зачем штаны-то сымать? – начинает по-настоящему беспокоиться неискушённый в вопросах передовых медицинских методов, боец, - У меня ж, зуб, язвы его, а не другое што.

-Ты сюда лечиться пришёл, или глупые вопросы задавать? – строго цыкает на него последователь Авиценны, - Мне видней, как твой дурацкий зуб излечить. Сперва необходимо требуху прочистить, чтоб ты мне тут, каких сюрпризов не натворил. Ясно?

-Ясно... - покорно соглашается солдатик, хотя окончательно перестает понимать смысл происходящего. Предстоящая процедура внушает ему всё более серьёзные опасения и, завалившись на кушетку, он начинает сильно переживать и нервничать. Забывая при этом, про зубную боль, стремительно отступающую под действием страха, заглушённую ужасной неотвратимостью надвигающейся пытки.

После постановки клизмы, Башкатов, строго-настроено приказывает больному лежать с переполненным водой животом, как можно дольше. Лишь видя, что тому становится вовсе уж неважно, милостиво разрешает освободить *потроха*. Наказав санитару, чтоб тот не промазал мимо ведра. Клизма оказывает благотворное действие – у больного пропадает всякая охота продолжать курс лечения, и он спешит ретироваться, христом - богом заверяя, что зуб его совершенно не беспокоит. Общее же самочувствие организма давненько не было столь хорошим, ажур полный. И это, между прочим, соответствует действительности. Парацельс лопнул бы от зависти, что ни говори, психотерапия – страшная вещь в умелых руках.

Справедливости ради надо сказать, что психологические изыски изредка давали сбои. Если, отмеченный печатью истинной отваги, воин решал пройти адовы круги до конца, начиналась подготовка операции по удалению зуба. Основательность подготовки производила должное впечатление на храбреца. Первым делом, его

усаживали в кресло, укутывали в простынь и вручали плевательницу. Сей необходимый в зубодроблении предмет, он, неизвестно зачем, должен был держать обеими руками под самым подбородком. Приготовительные манипуляции проводил дюжий, довольно эрудированный санитар, попутно успокаивая удручённого пациента:

-Главное, ты не бойсь, - наставлял он, - Наш дохтур дело своё знает, не хуже кого другого. У него редко бывают промашки. Но случается иногда – рванёт здоровый зуб, заместо больного. А кто безгрешен? Иисус Христос? Ему, поди, легче – он души врачует, а не зубы.

-Неужли, может и здоровый выдернуть?

-Очень даже запросто, особливо еслив под турахом. Но это, я тебе говорю, не часто случается. Да и чего тут такого страшного-то? Подумаешь, одним зубом больше, одним меньше – нашёл об чём тужить и горевать. Намного хуже, когда гнилой зуб в щипцах сломается. Тогда дёсны приходится кромсать вон той штуковиной, - указывал санитар на внушительных размеров скальпель, - В таком разе больновато получается. Ну, а, в общем, ничего страшного. Говорят, бог терпел и нам велел...

От подобного «утешения» пациента бросало в пот и начинало бить мелкой дрожью. Голова кружилась, ноги в коленях, предательски слабели. Многие из смельчаков мечтали оказаться подальше от кресла, проклиная больные зубы, санитаров, докторов. Некоторые, искренне себя жалея, на всякий случай, прощались с жизнью.

Башкатов, меж тем, мало обращая на переживания очередного бедолаги внимания, раскладывал на столике, перед его носом щипцы и прочие зубодёрные инструменты, способных одним своим видом окончательно успокоить даже самую дикую зубную боль. По окончании подготовительных процедур, санитар занимал исходную позицию за спинкой кресла и брал голову пациента в железные руки, сразу давая понять, что брыкаться и дёргаться бесполезно.

После этого, доктор требовал открыть рот. Желательно пошире. Обезболивающих средств он не признавал, презрительно именуя их блажью гнилой интеллигенции. Потому сразу приступал к делу – захватывал щипцами больной зуб и выдирает его одним махом. Да так лихо, что редкий мытарь успевал даже заорать.

Доктор от Бога, скажете вы, и мы согласимся. В наше время, походы к стоматологу, по-прежнему, у основной части населения, или большей, или бедной, как будет угодно, вызывают животный ужас. Многим пришлось познакомиться и с зубилом, и с забытыми осколками зубов, и глубокими воспалениями дёсен. Зависимость благополучия исхода походов в стоматологический кабинет от квалификации врача прямо пропорциональна. Но мы отвлеклись....

Лекарский арсенал доктора Башкатова не отличался разнообразием, однако, если нам придёт в голову обвинить его в примитивном универсализме, мы поспешим выдать видимое за действительное. Казалось бы, случается ужасная промашка, конфузный случай – вместо больного зуба выдран здоровый. Бравый эскулап, не мешкая, исправляет ошибку. Следом за здоровым выдирается и больной зуб. Болящий, после расставания с зубами, как правило, впадает в прострацию, надолго теряя интерес к окружающему миру. Жертвами *промашек* становились, вот вам и наглядное посрамление теории вероятности, только кулацкие добровольцы. Тонкая штучка, этот доктор. А вы говорите, - примитивизм....

Подобным способом, начиная с клизмы, наш доктор лечил и все другие болезни. Безусловно, гладкость протекания процедур излечения иногда нарушалась скандальными возмущениями некоторых, особо дотошных и грамотных пациентов. Но в стихийно возникающих диспутах на медицинские темы, фельдшер не имел равных, одерживал сокрушительные победы, убедительно доказывая неопределимую полезность для больных, применяемых им прогрессивных методов.

Во-первых, клизма напрочь исключает щекотливую неприятность, в виде произвольного делания в штаны, во время действия по удалению зуба, а во-вторых,

клизма является полезным средством против дизентерийных и прочих заболеваний желудка и кишечника, ибо с её помощью удаляются из внутренностей все зловредные микробы, кои кишмя кишат в любой требухе. Попробуй, опровергни незыблемость постулатов. То-то же.

По прибытии роты в Ново-Кусково, один из взводов усиленного состава под командованием прапорщика Волежанина был направлен в причулымское село Сергеево. С взводом командировали и фельдшера Башкатова, поскольку в Сергеево ни больницы, ни фельдшерского пункта не существовало. Людей лечили в сих диких краях бабки-знахарки, да деды-колдуны.

Само Сергеево – село неплохое. И стоит на весёлом месте – на высоком чулымском берегу. Но для неугомонной, деятельной натуры ротного эскулапа, несколько тесноватое. Под разными предлогами – то медикаменты получить (новые клизмы, не иначе), то занедужившего солдатика в больницу доставить, да мало ли причин в подобных случаях являет человеческая изворотливость, он то и дело отправлялся в Ново-Кусково. Спроворив все дела, обязательно заходил к Хабарову, приятельские отношения с которым завязал ещё в Томске. Бражка, картишки, разговоры на разные темы, дружеское расположение, скажите, что в этой жизни может быть лучше?

Башкатов родился в Славгороде, и как-то ненароком, а может, и, прощупывая собеседника, проговорился, - дескать, хорошо бы красные освободили его родные места. Глядишь, его руки и развязались бы: *Слобода, брат, слобода...* А уж свободой-то, предприимчивый фельдшер распорядится с пользой. Откровенность за откровенность, Хабаров, без обиняков, предложил тому вступить в число заговорщиков.

-Стоящее предприятие, - загорелся Башкатов, деловито осведомившись, - Скоро выступаем?

-Скоро только у кроликов получается, да и то, потому что дело их уж больно нехитрое.

-Есть трудности?

-Трудности имеются и при постановке клизмы. Разве, не правда?

-Сушая, сушая правда, господин унтер-офицер! Так меня, так, мордой и об стол, пардон, об клизму! – взыграло ретивое врачевателя.

-Ну-ну, дружище, не кипятись! - поднимая обе руки вверх, рассмеялся Хабаров, - Сдаюсь. Клянусь, про клизму больше ни слова. – И, посерьёзнев, продолжил, - Надо людей сперва подобрать понадёжнее. Таких, чтоб не схлюндил, как до дела дойдёт.

-Люди найдутся.

-Вот это радует. Тогда, как говорится, тебе и карты в руки. – поймал на слове фельдшера Иосиф. - Займёшься в Сергеево поиском верных людей.

-Спасибо, Осип, за доверие, - неожиданно растрогался Башкатов, - Можешь не сомневаться, всё сделаю в лучшем виде. Ох, и наведём же мы тут шороху! – азартно возликовал он. - Побей меня бог лаптями!

В тесной горнице, тускло освещаемой висячей, пяти-линейной лампой, густым слоем плавал сизый табачный дым. За столом, уставленным бутылками с мутноватым самогоном и деревянными чашками, с немудрящими деревенскими закусками, допоздна засиделась небольшая холостяцкая компания. Унтер-офицеры: Иосиф Хабаров, Фёдор Романцев, Николай Серебряков, Николай Силко, Николай Новиков, ротный фельдшер Александр Башкатов и рядовой Степан Сгибнев живописно располагались вокруг накрытого стола.

Компания, как компания. Ничем, для тех лет, не примечательная. Странновато, пожалуй, выглядел, самогон, ещё по первому разу разлитый по стаканам, и

остававшийся стоять не тронутым. Согласитесь, грубейшее нарушение гармонии русского застолья.

Сотрапезники смолели самокрутки, не жалея самосада, и оживлённо переговаривались негромкими голосами (и снова грубое отклонение от *канонов* широкой русской пьянки), поглядывая на хозяйскую половину избы. Участники *тайной вечера* явно опасались быть подслушанными. Хотя, на той половине, подслушивать-то было, собственно, некому. Хозяин дома – дед Александр Сухачёв со старшими сыновьями находились неотлучно на полях. Страдная пора. Дома с хозяйством управлялась бабка Арина со снохами, присматривая, заодно, за дочерьми, внучатами и малолетним пасынком Ванюшкой (обоюдное вдовство – причина их второго брака с дедом Александром). Намаявшись за день, слабая половина многочисленного семейства, давно спала крепким крестьянским сном.

Повышенная осторожность собравшихся объяснялась исключительной секретностью обсуждаемой темы. Цена ошибки – жизнь. Бережёного, известно, бог бережёт.

-Ну, вроде бы, всё обговорили, - заключил, наконец, Хабаров, окидывая собравшихся пытливым взглядом. – И уж, коли, вы меня поставили верховодить нашим подпольным военно-революционным комитетом, ещё раз напомню: дисциплина должна быть железной. Отсебятина напрочь исключается! Конспирация полная! Согласны?

-Согласны.

-Конечно, об чём разговор.

-Не сумлевайся, Осип, тут все ребята надёжные, - одобрительно загалдели заговорщики.

-Хорошее дело обмывки требует, - под шумок ввернул ротный фельдшер.

Возражений не последовало. На столе воцарилась гармония, стаканы дружно поднимались: сперва, выпили за победу красных над колчаковцами, потом – за мировую революцию, следом – за успех задуманного восстания. После каждого тоста за столом становилось оживлённее и оживлённее. Лишь Хабарову не пилоь и не елось.

Он сидел именинником. Это был его день, его праздник. Он организовал сослуживцев, сделал их побратимами на жизнь и на смерть, взвалив нешуточную ответственность на свои плечи. Хотя на вопросы: Ради чего? Стоит ли овчинка выделки? Ему, что, больше всех надо? – однозначных ответов у унтера Хабарова не имелось. Вовлекая товарищей в затею, вполне могущую обернуться авантюрой, он одновременно проверял себя, тщась внутренне ощутить справедливую праведность заговора.

Вовлекать каждого пришлось по-разному. Быстро и просто договорился со старым однокашником Федей Романцевым, да с «доктором» Сашкой Башкатовым. Не встретилось затруднений в поисках общего языка с командиром отделения его взвода Николаем Новиковым. Бывший красногвардеец, оказавшийся в колчаковской армии по мобилизации, после того, как их отряд рассеяли белочехи; не заставил себя долго уговаривать. После зачисления в роту особого назначения, Новиков места себе не находил, в свободное от службы время, угнетаемый неестественностью собственного положения, частенько прикладывался к бутылке. Получив предложение войти в число заговорщиков, сразу преобразился, с энтузиазмом откликнулся на приглашение Хабарова. Степана Сгибнева обратил, не прилагая особых усилий, в их «веру», ротный врачеватель – Александр Башкатов. Вскоре, после прибытия Сгибнева в Сергеево, у них состоялся следующий разговор:

-Правду говорят, что ты, прямо из тюрьмы попал в нашу роту?

-Правду.

-Если не тайна, за что нынче сажают?

-Да мало ли, за что. Сейчас загреметь в тюрьму, дело не хитрое.

-Мы в курсе. Касательно ваших прегрешений, нельзя ли уточнить?

-Ну, допустим, с Колчаком, по кой-каким вопросам не поладил.

-С самим Александром Васильевичем?! – притворно ужаснулся фельдшер. – Чудны дела твои господи! Упекли человека за сущую безделицу – разногласия. Спасибо, открыл глаза невинный сиделец. Поеду в Ново-Кусково, набью морду Рашпилю. Клевещет на хорошего человека, распространяется, будто Сгибнев семь месяцев находился в Томской Центральной тюрьме за красное гвардейство.

-Ладно, хорош издеваться, не врёт Рашпиль.

-В таком случае, предлагаю вместе уладить наши разногласия с Колчаком.

-Не понял, с кем вместе?

-Есть у нас в роте люди, с Колчаком, вроде тебя, расходящиеся во мнениях. Не по пути нам с Верховным правителем.

-Вот, вот, воротит рыло чинодрал от наших, русских. Не хочет знаться с ясашными мордами. Назвал япошек с чехами золотишко расейское делить! Делопут.

-Значит, дальше вместе?

-Так получается.

-Давай пядь, значит, договорились. Только, чур, никому ни гу-гу. Смекаешь?

-Чай, не ребёнок. Умею держать язык за зубами.

Без особых затруднений круг заговорщиков пополнили: рядовые Николай Бубнов, Александр Сгибнев (брат Степана Сгибнева), Фирс Кирсанов, Яков Янгель, Константин Кошкин и некоторые другие. Лишь с командиром третьего взвода, младшим унтер-офицером Николаем Силко, общий язык удалось найти не сразу. Первым, с ним разговаривал Федя Романцев. Практически безрезультатно. Силко, будучи человеком осторожным и с хитрецей, предпочитал семь раз отмерить и один раз отрезать. А, отнюдь, не наоборот. Чтоб не прогадать.

Хабаров же избрал единственно верный путь вербовки. Откровенно поделился планами. Потом внимательно выслушал собеседника. Развеивать сомнения не стал, признался, что готовых рецептов нет и у него. Следовательно, не плохо было бы воспользоваться опытом и рассудительностью людей, обладающих и первым и вторым. Тут же ненавязчиво дал понять, кого, собственно, он имеет ввиду. Убедившись в солидности заговорщиков и дела, затеваемого ими, Силко дал своё согласие.

Из общего числа заговорщиков образовался военно-революционный комитет, руководителем комитета единодушно избрали Иосифа Хабарова.

-Осип, мы – организовались, - вывел его из задумчивости голос Башкатова, - А дальше что?

-А дальше, - твёрдо глянул на него Хабаров, - Всем быть готовыми к действию. В любой момент.

Сомнения и колебания остались в прошлом? Думаем, знак вопроса в данном случае закономерно венчает предложение. Легко сказать. А кому из нас приходилось участвовать в переворотах, либо заговорах? То – то и оно. Вопросец.

4 . ВО ВРЕМЕННОМ ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

*Не живи в стране, которой никто не правит,
правят многие, правит женщина или правит дитя.
Древний Восток. Индия.*

**Из оперативной сводки штаба 2 Сибирской дивизии белогвардейских войск.
25 августа 1919 года.**

Ново-Кусковский район. Наблюдается увеличение численности скрывающихся по лесам шаяк. Отдельные шайки объединяются в более

значительные банды. По полученным сведениям около 21 августа банда численностью до 150 человек тремя отрядами, старательно избегая селений и дорог, проследовала на юг в район с.Зыряновского на соединение с находящейся там шайкой, по слухам Лубкова, численностью до 50 человек.

Анжеро-Судженский район. По имеющимся сведениям, в д.Марьевке (соседней с с.Арышевой) Судженской волости живёт шайка, численностью до 70 человек, состоящая из жителей этой деревни. Шайка занимается грабежом и расправами с представителями сельской и земской власти, собирающими подати и рекрутов.

Тюхтетский район. Разведкой установлено наличие в районе Тюхтета – Поварёнкино банды, численностью до 600 человек.

Мариинский район. В южную часть Мариинского уезда частью из Кузнецкого уезда (по средней Терси), частью из Шегловского уезда (проходя через д.Змеинку по р.Томи) переходят шайки красных, направляясь в приисковый район.

Шегловский район. Через Шегловский уезд проходят из Кузнецкого уезда банды, направляясь в Мариинский уезд...

Кузнецкий район. В ночь с 23 на 24 августа отряд поручика Шалобанова (60 штыков, 2 пулемёта), расположенный в Салаирском руднике, подвергся нападению банды красных, численность которой неизвестна. Солдаты разбежались, пулемёты захвачены бандой. Прибывший на помощь отряд в 36 штыков из Гурьевского завода вынужден был отступить в направлении на Бочаты. Телеграфная связь с Кузнецком прервана.

Поручик Креминский.

-Не понимаю, Владимир Александрович, чем вы, собственно, занимаетесь в Причудлымье? Вместе с вверенными вам карательными отрядами. Красные шайки плодятся, словно грибы после хорошего дождя, а вы не соблаговолите и ухом повести.

Начальник Томского гарнизона, генерал-майор Сергеев говорил, не повышая голоса, прохаживаясь взад-вперёд по просторному, устланному узорчатыми коврами, кабинету. В колючих взглядах, бросаемых на вытянувшегося перед ним в струнку капитана Сурова, явственно читалось раздражение.

-Признаться, я ожидал от вас большего. Победные реляции о разгроме красных банд, спору нет, приятно ласкают слух губернских чиновников, в том числе и вашего покорного слуги. Однако, письменные свидетельства многочисленных триумфов и викторий, регулярно одерживаемых доблестными правительственными частями, столь же регулярно входят в вопиющее противоречие со сводками и донесениями чинов охраны и земских властей, свидетельствующих о разгуле красных шаек и банд во всём Причудлымском районе. Как прикажете это понимать?

-Ваше превосходительство, позвольте доложить. - Задетый за живое обидной тирадой начальника гарнизона, горячо заговорил Суров. - Информация в отправленных мной донесениях соответствует, до запятой, истинному положению дел. Слово русского офицера!

-Охотно допускаю. Тогда попробуйте объяснить, что же происходит на самом деле? Если ваши донесения содержат голые факты, а земские чины констатируют не менее голые реалии, получается: Красные, разбитые вами в одном месте, птицей Феникс, восстают из праха и пепла в другом месте. Да ладно бы птицей Феникс, но ведь они буквально стаями этих самых Фениксов, сиречь, целыми шайками и бандами реинкорнируют. Согласитесь, – версия грешит натяжками! – повысил голос генерал. - Может у вас есть менее мистическое и более логическое толкование, готов незамедлительно выслушать.

Суров замялся, собираясь с мыслями, ибо происходящее в Причулымье, было непостижимо и для него самого. Он сделал, кажется, всё возможное и даже более того, чтобы под корень уничтожить химеру. Огнём и мечом прошёлся по обширной округе, разбросанной вдоль берегов Чулыма. Перепорол шомполами практически всё взрослое население, вышибая большевистскую дурь.

При малейшем подозрении в сочувствии к красным, беспощадно наказывал и казнил, устрашая остальных сельчан. Дома ушедших в партизаны, предавал огню, а семьи безжалостно расстреливал. Однако энергичные карательные меры производили совершенно обратный эффект, залитая кровью округа не покорялась, не слагала оружия. Упёртость, граничащая с фанатизмом сбивала с толку, выводила из себя, вконец издёрганного Сурова и, стыдно подумать, пугала....

-Владимир Александрович, - сухо напомнил о себе генерал Сергеев, - Не во всех случаях – молчание золото.

-Поскольку я лишился доверия командования, прошу направить меня на фронт, - хмуро отчеканил капитан.

-Шутить изволите? – подобрел генерал, - Ну, ну, не ершитесь, голубчик, - Губерния высоко ценит ваше служебное усердие. Но, поймите, мы вправе ждать от вас и более эффективных действий. Кому много дано..., хотя дальше вы знаете.

-У меня маловато солдат, ваше превосходительство, для полного и окончательного уничтожения партизан, - поспешил пожаловаться Суров, пользуясь благоприятной переменой в настроении начальника гарнизона.

-Побойтесь бога, капитан! – с досадой укорил Сергеев, - Не зарывайтесь. Для уничтожения бродячих шаек, сил у вас более чем достаточно.

-Осмелюсь доложить, ваше превосходительство, - термины: «шайка», «банда», с моей точки зрения, несколько устарели. В последнее время нам приходится иметь дело с вполне организованными боевыми единицами.

-Боюсь, для ваших ребусов, милейший, я слегка староват. Попробуйте выражаться яснее. Может, прикажете именовать разбойное мужичьё солдатами? Но, насколько я сведущ в вопросах финансирования, жалованье им в солдод не платят. А ведь, именно от этой звонкой монетки, да будет сие вам известно, произошло слово «солдат». Может – идейными борцами, бойцами революции? Но, опять же, насколько я в курсе, даже их вождь – господин, то ли Ульянов, то ли Ленин, носится с лозунгом *грабь награбленное!* Определённо, бандитская философия. Или я не прав?

-Будьте добры, ваше превосходительство, взглянуть на сей любопытный документ.

-Что за документ?

-Устав партизанского отряда.

-Вот как? Ну, что ж, отчего бы и не взглянуть. – Заинтересовался генерал и ворчливо заметил: - Могли бы и начинать с манускриптов, а то толчём воду в ступе, - «на фронт», «на фронт». По моим скромным оценкам, фронт в недалёком будущем пожалуйет в нашу губернию самостоятельно, вне зависимости от наших пожеланий. Устав, будьте любезны, – он взял, протянутые ему листки, исписанные довольно грамотным почерком и, мельком взглянув на них, положил на стол. – Ладно, потом просмотрю. Пока же, давай-ка, разберёмся с вашими подразделениями. Начнём с роты поручика Баранова. Охрана забытой Богом земской больницы, задача, понятно, благородная, но сие благородство изрядно сужает боевые возможности отряда.

-Поручик Баранов имеет надлежащие инструкции по искоренению большевизма в прилегающем районе. Включая Зачулымье. – чётко отрапортовал Суров.

-Судя по сводкам, он спустя рукава исполняет ваши инструкции, - заметил начальник гарнизона. – Подобное возможно в двух случаях: либо никудышные инструкции, либо никчёмные исполнители.

-Ваше превосходительство, уверяю вас, Баранов не сидит, сложа руки....

-Давайте, господин капитан, прекратим бессмысленные препирательства, - отмахнулся генерал, - А поезжайте-ка, прямо сейчас по своим отрядам, и хорошенько проинспектируйте состояние дел в подчинённых вам подразделениях. Не тяните с предоставлением обстоятельного рапорта в канцелярию начальника гарнизона. Надеюсь, в ходе поездки развеется заблуждение о малочисленности, приданных вам сил. Дальнейшее вмешательство в оперативное руководство полагаю излишним. Вопросы есть?

-Никак нет.

-Не смею более задерживать.

-Честь имею, ваше превосходительство

У С Т А В

Партизанского отряда Шевелёва – Лубкова

1.Каждый партизан должен иметь бодрый и молодцеватый вид, он должен помнить и гордиться, что он защитник дорогой свободы и угнетённых трудящихся масс.

Партизану надлежит быть непоколебимому, храброму, в особенности в бою, не покидать своих товарищей и выручать их из опасности, не щадя своей жизни.

2.Каждый партизан должен со своими товарищами, а так же и с посторонними быть вежливым и относиться к ним с уважением.

3.Каждый партизан не должен отлучаться из своей команды без разрешения командира отряда.

Устав гарнизонной службы

При остановках на бивуаках или при занятии какой-либо местности назначается дежурный и по числу постов часовые: первый из них должен следить за правильным несением караульной службы. Часовой не должен отвлекаться от неослабного своего надзора и строго следить за каждым движением по сторонам, не выпускать из рук своего оружия и без разрешения дежурного по караулам или командира отряда не выпускать никого из занятой местности.

Устав дисциплинарный

1.За самовольную отлучку из отряда без ведома своего командира назначается на службу или на работу от 7 до 8 нарядов.

2.За невежливое обращение с командирами, а так же со своими товарищами и с посторонними лицами назначается на службу или на работу от 1 до 8 нарядов.

3.За неисполнение внутренних приказаний своих командиров назначается на службу или на работу от 1 до 8 нарядов.

4.За поднятие руки на командира и нанесение удара наказывается увольнением из отряда без оружия и предаётся товарищескому суду, избранному отрядом.

5.За утерю оружия и порчу его умышленно, за бегство из боя, что может повлечь своим примером к тому других товарищей в бою – смертная казнь.

6.За ведение агитации против командира, за раскол в отряде подвергается товарищескому суду – вплоть до расстрела.

7.За отвлечение часового от своего надзора и за сон на посту, за самовольную отлучку с поста – смертная казнь.

8.За неисполнение приказа часовым дежурного по караулу – обезоружить, не исключая из отряда.

9.За оскорбление часового партизанами назначается на службу от 1 до 8 нарядов, частное лицо – смертной казни.

10. За изнасилование женщин – смертная казнь.

11. За употребление вина и спиртных напитков без разрешения командира отряда обезоружить и пройти пешему 30 вёрст за отрядом.

12. За самовольную экспроприацию обезоружить и уволить из отряда.

13. За неявку из отпуска в назначенное время подвергается товарищескому суду.

14. Командный состав должен служить примером сему уставу, и за малейшее нарушение настоящего каждый член командного состава подвергается в строгих рамках сему наказанию.

15. Каждый находящийся в отряде, безусловно, подчиняется всем пунктам сего устава.

16. За явное или тайное убийство без суда виновные подвергаются смертной казни через товарищеский суд.

**Командир партизанского отряда
Адъютант отряда**

**Шевелёв – Лубков.
Буинцев.**

Генерал-майор Сергеев читал партизанский устав с возрастающим вниманием. Дойдя до конца, принялся читать сначала. По старой штабной привычке взялся тщательно анализировать документ. Затем, погрузился в глубокую задумчивость, легонько потирая седые виски длинными белыми пальцами. Подумать старому служаке было о чём.

Признаться, получая бумаги из рук капитана Сурова, Сергеев не придавал особого значения данному обстоятельству. Ну, не может быть, по определению, устава у мужицкого воинства. Филькина грамота, не более, и это в лучшем случае. Но вот знакомство с содержанием документа, породило у генерала сильные сомнения в верности легковесных подходов к оценке партизан. Поди ж ты, оказалось, устав, далеко не филькина грамота, а самый, что ни на есть, настоящий воинский устав, довольно чётко очерчивающий принципы взаимоотношений внутри отряда. Очевидно, к разработке документа приложили руки люди грамотные, в военном деле сведущие.

Противник умнеет на глазах. Ведь, если ему не изменяет память, именно отряд Лубкова, преследуемый поручиком Тарасовым, беззаботно расположился в лесу, горланя пьяные песни под гармошку. Глубоко наплевав на караул, часовых, боевое охранение, прочие предрассудки буржуазной армии. Плачевный конец разбитным воякам легко предсказал бы и ребенок. Аксиома - *Без поражений не бывает побед*, за долгие годы, проведённые в армии, неоднократно являла генералу свою универсальность.

Лучше многих понимал он и то, что только поражения, из которых делаются выводы, обращаются в победы. Судя по уставу, партизаны извлекли уроки. Следовательно, их победы не за горами.

Удивило начальника гарнизона в «Уставе партизанского отряда Шевелёва – Лубкова» и то, что в нём, в числе прочих мер наказания за нарушение воинской дисциплины фигурировало увольнение из отряда. Весьма странное, на первый взгляд, наказание. С другой стороны, красноречиво свидетельствующее о том, что партизаны дорожат пребыванием в отряде. Мужички, видимо, искренне гордились миссией защитников *дорогой свободы и угнетённых трудящихся масс*.

По мнению генерала, любая армия начинается с дисциплины, обязательно сознательной. А аналитический ум начальника гарнизона, чаще и чаще фиксировал признаки нездоровых процессов, происходящих в правительственных войсках. Некоторая часть нижних чинов и даже младших офицеров служили не за совесть, но за страх, при первой возможности дезертировала, пополняя ряды, в том числе и красных партизан. Для одних, с оговоркой, не всех, но подавляющего большинства, увольнение из отряда – наказание. Для других, опять же не всех, но не подавляющего меньшинства,

служба в армии – наказание. *Две большие разницы* - вспомнилось Сергееву, слышанное в Одессе.

Серьёзно настораживало генерала и, не до конца понятое им явление: сибирские челдоны, исторически считавшиеся опорой трона его императорского величества, вдруг валом повалили за большевиками, с оружием в руках подались воевать за народную власть. Нет вопросов к пролетариям, фабричной голытьбе европейской части России. Но здешние-то крестьяне, в подавляющем большинстве жили несравненно лучше крестьян западных губерний. Земли в Сибири хватало на всех, земли завидной плодородности; знай, – не ленись. И не ленились. Сибиряки лаптей не знали, факт, говорящий сам за себя.

По всем статьям, сравнительно зажиточная крестьянская Сибирь должна была держать руку Верховного правителя, а она противилась. При этом число сторонников белого движения, по сводкам, поступающим еженедельно из всех уездов Губернии, неуклонно сокращалось. Процессы в армии, уменьшение социальной базы, поддерживающей режим Верховного правителя, беспокоили начальника гарнизона. Опыт военного подсказывал, что бездействие в подобных обстоятельствах, гораздо хуже любого, пусть даже ошибочного, но действия. Цепь размышлений, вызванная прочтением партизанского устава, замкнулась.

Принятое генералом Сергеевым решение, не таило в себе неожиданностей. Требовалось, издревле проверенное на Руси, средство – закручивание гаек, нужны крутые меры для обуздания мятежников. Шаблонность мышления, даже высокопоставленных военных, неспособность режима вообще, сбалансировано применять кнут и пряник, уповая, в основном, на кнут, продолжали приносить результаты, прямо противоположные ожидаемым. Но, уgomонимся: - Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны....

Генерал же, не откладывая дела в долгий ящик, вызвал адъютанта, велел взять перо и бумагу, принялся диктовать:

«Его превосходительству, командующему войсками Омского военного округа генерал-лейтенанту Матковскому.

По нижеследующим причинам, о коих имею честь донести Вашему превосходительству, прошу Томский и Мариинский уезды Томской губернии объявить на осадном положении с применением всех законов, имеющих быть в районе театра военных действий...»

Донесение получилось довольно пространное и весьма аргументированное. Закончив диктовать, генерал-майор Сергеев протёр платком пенсне и распорядился:

-Отправить немедленно с грифом «Особо секретно» и присовокупить копию сих, с позволения сказать, документов, - ткнул он пальцем в рукописный «Устав партизанского отряда Шевелёва – Лубкова».

-Будет исполнено, ваше превосходительство, - прищёлкнул каблуками щеголеватый адъютант.

Коротенькое отступление. Видит Бог, не водится в Сибири экзотических птиц. Объяснялось мистическая вездесущность партизанского отряда Лубкова довольно просто. В Томской губернии оперировало несколько вооружённых группировок разного толка, подававших себя «отрядом Лубкова».

В частности В.И.Шевелёв, взявший себе ещё и фамилию Лубков, вскоре стал командиром 1 Томской партизанской дивизией. Упёртый большевик, из идейных. С задатками военачальника. Лидер. Сила любой армии мира определяется наличием именно таких людей, стойких, не сомневающих в победе, готовых умереть за неё. И умер, но не за победу, а после. 22 июня 1937 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к расстрелу.

Хотя, на заседании коллегии заявил, что оговорил себя и других людей, ему это не помогло. Ведь его *кололи мастера* (мы уже убедились в их *профессионализме*) - начальник Новосибирского УНКВД майор Миронов и секретарь крайкома Эйхе.

Реабилитировали Шевелёва В.И. в 1958 году.

Сам же символ партизанского движения в Томской губернии П.К. Лубков, крестьянин села Святославки Мариинского уезда, обладал харизмой, а ля Стенька Разин. Посему сомневался в справедливости власти, причём, сомневался до ненависти.

**Лубков П.К. –
сибирский Робин Гуд.**

Однако, Гражданская война, априори, несправедлива. Немало поспособствовало установлению Советской власти, Лубков быстренько разочаровался в диктатуре пролетариата, хлебнув с селянами лиха prodразвёрсток. Он снова засомневался до ненависти.

В 1920 году попробовал войти в одну и ту же реку дважды, подняв антисоветский мятеж. Что интересно, начальником штаба у повстанцев оказался бывший капитан колчаковской армии Орлов. Военные действия начались 22 сентября. Лубковцы атаковали станцию Ижморка.

Против народоармейцев выступили красноармейские части с бронепоездом, а также части ЧОН (300 человек, командир А.С. Емельянов). Плюс Ишимский отряд ЧОН сельских партизан (150 человек). Шансов у партизан в решающем бою, который состоялся близ деревни Михайловка, не существовало в принципе.

Около 500 крестьян – народоармейцев полегло на поле боя, 200 было захвачено в плен. Сам Лубков с небольшой группой сподвижников прорвался в тайгу.

23 июня 1921 года он был застрелен в результате операции, проведённой Мариинским политпостом ВЧК близ его родной деревни Святославки.

Вот так потерял силу и занял место в архиве *мандат* от 3 февраля 1919 года, доставленный Гончаровым по назначению:

Окружной штаб, рассмотрев вопрос об отряде т. Петра Лубкова и принимая во внимание, что отряд этот, являясь партизанским и действующим против установившейся в Сибири власти колчаковцев, в интересах рабочих и крестьянской бедноты, решил: поскольку отряд т. Петра Лубкова будет преследовать вышеуказанные цели, не связанные с корыстолюбием или какими-либо иными, личного свойства, целями, будет способствовать восстановлению в Сибири власти Советов, - оказывать отряду всемерную поддержку, призывая к тому же и население.

Секретарь партийного комитета Кеши.

Это у Дюма подобный документ, подписанный Ришелье послужил молодому гасконцу охранной грамотой. В нашем отечестве к *мандатам почтения нету*. До сих пор.

Ну вот, - снова вздохнём с досадой, - очередная жизнь без пользы, окончившаяся безвременной смертью? А чего? Раззудим как следует плечо, да и мазнём чёрной краской слоем потолще, попробуй тут отмыться. Вот только отмываться – то и не от чего. У нас революции и восстания заменяют забугорные выборы и референдумы. Демократия такая. Некоторые её суверенной обзывают.

**Участники ликвидации Лубкова. Слева направо-
1 ряд: Первышев С.П. (застрелил Лубкова), Кирсанов, Гаврилов;
2 ряд: Ковалев, Пашков, Лопарев.
Томск, 1924 год.**

На общенациональных *выборах* 1917 года и местных сибирских *референдумах* 1920 – 1922 годов Пётр Лубков был с народом. В обоих случаях с народом и победил. Только последнее волеизъявление выиграл посмертно. Напомним, продразвёрстку в нашей стране отменили в 1922 году.

Владимир Кухта проснулся оттого, что его трясли за плечи, приговаривая:

-Вставай, паря! Вишь, разоспался.

Открыв глаза, прямо перед собой увидел улыбающееся, белобрысое лицо молоденького солдата Мишки Егорова, безотлучно находившегося при штабе поручика Баранова, вроде мальчика на побегушках.

На дворе стоял тёплый день бабьего лета. Шмелиным гулом звенела тишина, рядом лязгала удилами, хрумкая сено, Карюха. Природная, осенняя благодать действовала убаюкивающе, - не захочешь, а поклонит в сон.

-Чего тебе? – недовольно пробурчал Кухта, не поднимая головы.

-Велено разбудить, - понизив голос, пояснил Егоров, - К нам начальство нагрнуло, а ты развалился на самом видном месте, да ещё храпишь, как конь, на весь двор. Аж, на улице слышать.

-Кто у нас сегодня начальство?

-Капитан Суров. Поди, личность тебе известная? Не успел забыть? Шомпола, слышал, пользительно на памяти сказываются. Смотри-ка, лупят по мягкому месту, а улучшение в твёрдых намечается. Привыкли на Руси, всё через жопу делать.

-Ишь ты, молодой, да ранний. Попроси ешо маненько, я тебе память лучшую в губернии смастерю!

-Вижу, проснулся. - Солдатик, беззлобно хохотнул, - Не серчай, шутки у меня такие.

-Я добрый, пользуйся, шутник. Вот, у их благородиев, шутки, так шутки! – Кухта сел, свесив ноги с дормеза, на котором прикорнул после обеда.

Чувствовал он себя прескверно, - тело ныло, шея едва ворочалась, ибо матрацем ему служила потрёпанная дорожка, а вместо подушки он приспособил пропахший едким конским потом, Карюхин хомут. Владимир маялся в дормезе уже вторые сутки, по наряду ксеньевского старосты, дежуря на подводе при штабе Баранова. Первые сутки он отвёл очередь за себя, на вторые остался за своего тестя – Егора Вроневского.

Лучше бы не оставаться на вторые сутки! Не искушать судьбу. Характеру и без того взрывному, дополнительного пороха подсыпало мягкое место, не полностью зарубцевавшееся после шомполов суровских головорезов. С его нравом и сутки, проведённые подле штаба Баранова, приравниваются к подвигу.

Ночь коротал он на дормезе, укрывшись неизменным зипуном. И не смог сомкнуть глаз почти до самого утра, не смотря на прилагаемые усилия. Непотребные мысли лезли в голову, не давая покоя, лишали сна. Переживания, связанные с поркой шомполами, докучали более всего. Яркие картины перенесённого позора, заставляли скрипеть зубы, в бессильном гневе сжимались кулаки, слёзы обиды наворачивались на глаза. Ночные бдения не приносили ответа на вопрос: - За что, его, защитника веры, царя и Отечества, дослужившегося на фронте до старшего унтер-офицера, отодрали шомполами колчаковские ублюдки, не нюхавшие настоящего пороха.

Оставалось клясть себя и проклинать за малодушие. Крепость заднего ума русского мужика поражает – гранит! Ему, остолопу, следовало уйти в партизаны, вместе с Василием Вроневским, Фёдором Макаренко, Семёном Кровельщиковым с сыновьями Иваном и Романом, братьями Сергеем, Василием и Иваном Цветковыми, Иваном Кохановым, Григорием Чекуровым, Семёном и Степаном Анопами, Виталием и Ильёй Авдеевыми, Афанасом и Василием Горенковыми, Михаилом Лукьянёнок, Костей Толкачёвым, Александром Мишечкиным, Фёдором Катueвым, Василием Шабуниним и многими другими, воевавшими в отрядах Петра Гончарова и Петра Лубкова, с белогвардейцами. Вот где, фронтовой опыт Владимира Кухты должен был приносить пользу!

Ан, нет, на словах за власть трудящихся, когда же дошло до дела, он, выходит, в кусты. Подленькая мыслишка: – Отсидись, пусть, мол, дураки подставляют башку под пули винтовок системы Мосина и пулемёты бельгийского конструктора по фамилии Максим; умным же, главное, успеть к дележу общего пирога, - не отпустила в лес, правда, и не толкнула в ряды колчаковцев. Ловкач! Вот и воздалось ему, за дела его, вернее, за бездействие. Докатился, прислужничает колчаковцам, хотя и не по доброй воле, по наряду старосты, в качестве дежурного. Едрит твою мать! Колчаковцам, принародно унизившим его шомполами. Поворот судьбы! И этот поворот никак не устраивал вконец расстроенного, очень не довольного собой, Владимира Кухту.

-Ты пойдёшь, умойся, да лошадей, на всякий случай, запряги, - посоветовал Егоров и, ободряюще улыбнувшись на послед, направился к штабу.

-Дождался и от балабола, умных речей. Помоемся, сей секунд, помоемся, - вздохнул Кухта, соскочив с дормеза, не спеша, направился к пожарной бочке, стоявшей неподалёку от штабного крыльца.

Хочется крикнуть – Стоп! Но, течение реки жизни вспять не повернуть. Знай он о последствиях, не мылся бы вообще, либо отправился умываться в место, отстоящее от штаба, вёрст за сто.

Именно в это время (чёрт бы побрал эти стечения обстоятельств) из штаба вышли капитан Суров и поручик Баранов. Остановившись на крыльце, они продолжали оживлённо разговаривать. Михаил Егоров вытянулся перед ними в струнку и сделал «под козырёк». Кухта лишь покосился в их сторону, продолжая следовать к пожарной бочке, тем же неторопливым шагом.

-Кто таков? – неожиданно обратил на него внимание капитан, обращаясь к Баранову.

-Вы кого имеете в виду? – не понял тот, увлечённый разговором.

-Вон того охламона.

-А..., это дежурный подводчик, с вашего позволения. – небрежно пояснил поручик, недоумевая по поводу скоропалительного интереса капитана к незнакомому мужику.

-Эй ты, дубина! – рявкнул Суров, - Подь сюда!

До Кухты не сразу дошло, что «дубина» относится к нему, а когда дошло, горячая кровь ударила в голову, и он с превеликим трудом удержался от подобающего ответа. Потемневшие от гнева, глаза зло сверкнули. Тяжело ступая, он приблизился к крыльцу и остановился, положив на Сурова прямой немигающий взгляд, до боли прикусив губу. По-прежнему, храня молчание. Накрученный ночными переживаниями, злой на себя, на капитанишку, в данное время являвшегося средоточием зла и бед, свалившихся на его головушку, Кухта понял, – отступит сейчас, сознётся, не простит себе ни в жизнь лизоблюдства. Истинно, у каждого своя Голгофа!

Откровенно непокорный вид деревенщины, подействовал на Сурова, словно красная тряпка на быка.

-Чего уставился, остолоп? – взревел он, - Забыл, что надо делать в присутствии господ офицеров?

-Картуз сыми. - шёпотом подсказал Миша Егоров.

-Однако, набычившийся Кухта, не спешил следовать благому совету, не шевельнул и пальцем, продолжая стоять в прежней, независимой позе, давя взглядом раскипятившегося капитана.

-Посмотрите на эту рожу. Вылитый бандит, - наиграв спокойствие, продолжил издеваться капитан, - Захотел, вижу по глазам, захотел отведать шомполов, а сказать стесняется.

-Шомпола – дело нам известное! - неожиданно резко толкнувшись, Кухта взлетел на крыльцо. - А, отведай-ка, гнида, вот этого! - Увесистый удар в челюсть отбросил капитана обратно в штаб.

Столь стремительный взрыв, стоявшего вызывающе, но, казалось, абсолютно спокойно, дежурного подводчика, застал врасплох Баранова, к счастью для него, выскочившие из штаба дюжие добровольцы из охраны Сурова, повисли на плечах мужика, умело поддавая тому под рёбра.

-Отставить! – вмешался, оклемавшийся капитан Суров, - Мы для этого краснозадого раздолбая придумаем чего-нибудь похлеще.

Кухте крепко-накрепко стянули руки за спиной его же верёвкой, отвели в каталажку, располагавшуюся через дом от штаба, и там посадили в одиночную камеру. Сырую и холодную. Часовому наказали стеречь его, как зеницу ока...

Капитан думал недолго, но продуктивно. В заплочных делах ему не было равных. Во главе штурмовых, в просторечии, карательных отрядов, действовавших в Причулымье, случайного человека не поставят. Молва о его жестокости распространялась по Томской губернии, фамилия стала нарицательной.

Вскоре, дюжие добровольцы из охраны капитана вывели Владимира Кухту из каталажки и куда-то повели. В противоположную от штаба сторону. Полное безразличие овладело им, он автоматически передвигал ноги, понимая, идёт по земле последний раз. Конечный пункт скорбного маршрута мало интересовал его. Обращаясь к небесам, молил бога и всех святых о лёгкой, без мучений, смерти.

Жалел ли он о случившемся. А кто в подобных обстоятельствах, не жалел бы? Рыцари без страха и упрёка? Так в русских деревнях с рыцарями напряжёнка. Жалел, жалел о непоправимой глупости своего поведения. Закусил удила, съездил Сурова по морде, себе же на погибель. Сорвал зло без всякой пользы. Дурак - дураком. Хотя, в глубине подсознания шевелилось и удовлетворение и, даже, гордость за дерзкий

поступок. Не спасовал перед всеильным карателем, отбрил по полной программе. Пусть не думает, что запугал здесь всех до смерти....

День перевалил за полдень. Погода начинала портиться. И без того неяркое сентябрьское солнце, скрылось за низкими рваными тучами. Заметно похолодало. Кухта не чувствовал перемен, вокруг происходящих. Он шёл, мысленно прощаясь с Ново-Кусковскими улицами и переулками, по которым не раз хаживал, с хмурым небом, с полями и долами, видневшимися вдаль, всем тем, что зовётся белым светом, пожить на котором ему выпало так недолго. Всего 26 лет. Не жил ещё, считай, а только, только начинал. Душа обнажалась, готовясь к встрече с Богом. Извечные вопросы: - Зачем топтал эту прекрасную землю? Не напрасно ли? Правильно ли жил? – заставили с пристрастием взглянуть в прошлое. Успел жениться, обзавёлся сыном. Добра, в материальном плане, не скопил. Да и не мог. Едва оперился, угодил на фронт. Геройствовал осмотрительно, вперёд без надобности не лез, но и подгонять его не приходилось. Там остался целым, зато здесь, дома, со смертью приходилось венчаться.

Останется после него четырёхлетний сынишка Митя. Молодая его жена Анна, станет столь же молодой вдовухой. Но её беда вполне поправима. Поплачет, погорюет, а потом, глядишь, отопрёт другому дверь, найдёт себе новую судьбу. Глупо одной век вековать. К несчастью, Мите-то уж никто не заменит родного отца. Неизвестно, что за отчим попадётся, вполне возможно, будет шпынять безответное дитя, а заступиться за него некому. Горький комок подкатил к горлу Владимира Кухты, он глухо застонал сквозь крепко сжатые зубы, от жгучей тоски и бессильной ярости, невольно замедлив шаг.

-А ну, шагай, давай! – грубо прикрикнул один из конвоиров, ткнув его штыком в спину.

-Мне торопиться некуда. - Огрызнулся Кухта.

-Зато, нам есть куда.

-Шли бы вы, в пим дырявый, сволочи!

-Давай шагай сам в свой пим, не рассосоливай! Ужо, насволочил на свою башку!

-Свои башки поберегите, выродки! Думаете, вечно ваш верх будет? Хрен вам, в сумку! И в горло!

Сильный удар в спину заставил его замолчать. Дальше он шёл, уже не раскрывая рта, с тоской посматривая по сторонам. И где же вы, лихие красные партизаны? Налетели бы, сейчас, ясными соколами, да разметали в пух и прах колчаковское вороньё. Мечты, увы, несбыточные. Остатки партизан, после недавних неудач, позарывались подалее в лес, рассеялись по глухим заимкам, зализывать раны и накапливать силы. Их пути-дороги пролегли совершенно в другой стороне. Лишь небо хмурилось больше и больше, предвещая неминуемую беду.

Занятый беспорядочными мыслями и переживаниями Владимир Кухта и не заметил, как дошли до места назначения. Конвоиры привели обречённого арестанта к чьему-то овину. К самому обыкновенному крестьянскому овину, в коих зимой домолачивают и сушат рожь, пшеницу и другие злаки. Ну, а его-то, смертника притащили сюда зачем? Расправиться с ним легко можно было и в любом другом месте. Более подходящем. Стоит ли осквернять крестьянские постройки пролитием крови. Слабая надежда затеплилась в его омрачённом сознании. Вспыхнувший в душе огонёк сразу и погас, при виде стоявших в распахнутых настежь воротах капитана Сурова, поручика Баранова, офицера по прозвищу Кониная голова, толпившихся за ними карателей, Да, разные случаются Голгофы. Не гора, крест не давит на плечи, однако, для Владимира Кухты немудрящий овин, именно Голгофой и предстал.

Суров стоял, подбоченившись, недобрая усмешка блуждала по лицу, с привычно надвинутым на глаза козырьком фуражки.

-Вот и наш дорогой мордобоец, - объявил он, - Милости прошу к нашему шалашу.

Кухта молчал, ожидая продолжения представления, главная роль, в котором, вне сомнений, уготована ему.

-Небось, затекли ручонки-то, шаловливые? – юродствовал добровольный конферансье. – Не страшно, мы их тебе сейчас разомнём. Развязать! – скомандовал он конвоирам.

Руки арестанта, крепко стянутые верёвкой, действительно затёкшие, после высвобождения от пут, пронзило множеством иголок. Сжав и разжав несколько раз кулаки, Кухта почувствовал облегчение от восстановившегося тока крови. По знаку Сурова, каратели прошли в овин, освободив проход. Вслед за ними, конвоиры ввели арестанта.

-Исповедоваться не предлагаю, последних желаний не спрашиваю, догадываюсь, пожелаешь нам поскорее сдохнуть. Не выполним – озлишься. Бог же любит смиренных. Засим – приступайте. – Распорядился Суров, раскуривая папироску.

Конвоиры подтолкнули Кухту к конной льномялке, стоявшей в овине, до поры до времени, не привлекавшей его внимания. Чудо сельскохозяйственной техники тех времён состояло из двух деревянных валков, почти вплотную прилегающих друг к другу, системы приводных шестерёнок, различной конфигурации и специального дышла, именуемого водилом. В это водило впрягалась лошадь. Двигаясь по кругу, она приводила в движение весь агрегат, с помощью которого и производилась мялка жёстких льняных стеблей.

Кухту поставили рядом с валками и сразу, по знаку постановщика кровавого спектакля, несколько дюжих карателей взялись за водило. Только теперь до обречённого дошёл зловещий смысл слов капитана о разминке для рук. Мороз продрал по коже, он отчаянно рванулся от валков. Легко предсказуемую, потому безуспешную попытку вырваться, пресекли бдительные сторожа, навалившись на него целой кучей. В затёкшие, плохо слушавшиеся его руки вцепилась дюжина крепких, словно клещи, лап белогвардейцев.

-С богом, - скомандовал Суров.

Исполнявшие роль лошадей, налегли на водило, залязгали ржавые шестерёнки, с шумом завращались валки. Последующую картину без содрогания представить невозможно. Руки жертвы оказались между вращающимися валками. Сердце бедняги зашлось от невыносимой, адской боли. Он закричал диким звериным криком. Животный крик заглушил хруст костей рук, перемалываемых орудием прогресса, превращённым новаторами заплечных дел в изошрённое орудие пыток. Руки пропустили меж валков до самых плеч.

Потом водило, принялись поворачивать в обратном направлении, и из агрегата стало выкручиваться месиво, бывшее перед тем руками Владимира Кухты – плоские, обтянутые рукавами рубахи жуткие ленты, покрытые пузырящейся ало-вишнёвой кровью. Кровь обильно смачивала пол, злополучную льномялку, штаны и рубаху самого изувеченного. Кости и при обратном вращении продолжали звучно похрустывать. Но Кухта ничего этого уже не видел, не слышал и даже не чувствовал, провалившись в спасительное беспамятство. И, конечно, рухнул бы наземь, но неотлучные каратели продолжали удерживать его.

Суров велел вылить ведро воды на страшное подобие человека, висевшее бесформенной массой в руках истязателей, дабы привести того в чувство. Да, Понтий Пилат, просто ребёнок несмышлёный, в сравнении с отечественными «прокураторами».

Холодный душ вывел несчастного из беспамятства, вернул к кошмарной действительности с её безумной болью и мучителями. Конвоиры, почувствовавшие, что он самостоятельно стоит на ногах, несколько отстранились, боясь окончательно перепачкаться в крови, обильно хлеставшей из изуродованных рук жертвы, болтавшихся безжизненными тряпками. Лицо, превратилось в кровавую маску, разбитое валками, когда руки затянуло до плеч и тоже кровоточило. Кухта стоял,

пошатываясь, словно пьяный. Голова сильно кружилась, глаза застилал кровавый туман. Окружавшие белогвардейцы двоились и троились, сливаясь в одну безликую массу.

-Ну что, краснопузый, размял ручки? Хочешь, ещё разок помассируем? – донёсся до мутного сознания Кухты голос Сурова. – Долго кулаками-то махать не сможешь. Да нет, пожалуй, совсем не сможешь.

-Сука! – из последних сил выкрикнул он, - Убью, сволочь!

И яростно рванулся вперёд, на голос. Каратели невольно расступились перед ним, – уж больно дик и ужасен, был его вид.

-Свят, свят! – закрестились слабовольные.

-Левиафан! - некстати повсплывали в мозгу, далеко не впечатлительного Баранова обломки классического образования, - «Чудище обло, огромно, стозевно...», - оказывается, и В.К. Третьяковский прочно засел в черепушке.

Стремительный бросок прервал сухо треснувший выстрел. Кухта ткнулся прямо лицом в утрамбованный земляной пол овина, беспомощно раскинув окровавленные бесформенные руки. И затих. Навечно. Измученная душа покинула брэнное, изуродованное тело...

-С-собаке – собачья смерть, - процедил, сквозь зубы капитан Суров, засовывая наган в кобуру. И ни на кого не глядя, направился из овина.

За ним двинулись и остальные. В гробовом молчании. Вояк, привыкших к виду смерти во всех проявлениях, нельзя заподозрить в мягкосердечии, но и их потрясла кровавая сцена, разыгравшаяся в овине.

Снова зададим вопросы вместе со следственной комиссией Колчаку:

-Ваши каратели расстреливали рабочих, партизан, красногвардейцев без следствия и суда. Что вы знаете об этом?

-Это не правда. Работали военно – полевые суды, - возражает адмирал.

Александр Васильевич снова витает, либо делает вид, что витает в облаках. Собственно, он изложил теорию. Три офицера за столом исследуют обстоятельства дела и выносят вердикт. Только вот, что делать с практикой? С той самой практикой, которая в нашей стране на каждом шагу опровергает теорию. Да, адмирал подписал устав военно – полевых судов. А дальше? Дальше суды взялись вершить *правосудие*. То есть, по законам военного времени расстреливать врагов диктатуры. А уж потом, и это в лучшем случае, оформлялся протокол с приговором.

Классический пример подобного отправления *судопроизводства* мы привели чуть выше.

Один строй у нас сменяет другой. Одни *тройки* меняют другие *тройки*. Только вот отношение к закону, как к дышлу, почему – то, от этого только крепнет.

-Ну что ж, поручик, пора, пожалуй, прощаться. Благодарю за гостеприимство, - капитан Суров обтёр салфеткой чёрные острые усики и поднялся из-за стола.

Его примеру последовал и поручик Баранов.

-Я, в свою очередь, благодарю вас, господин капитан, за дружеские советы и наставления по части борьбы с большевистской заразой.

-Не стоит благодарностей. Насколько я понял, вы действуете в правильном направлении. Единственное попрошу учесть, что в губернии ждут от нас ещё более энергичных усилий по искоренению красного бандитизма.

-Приму к сведению, господин капитан.

-И почаще устраивайте променады с экзекуциями. Практический урок я вам преподал. Греет, поди, переломанные косточки сейчас в аду, тот мужик из Ксеньевки. Власть должна быть неприкосновенной и внушать страх. Пусть неумытые челдоны знают, что мы не собираемся с ними миндальничать. Нагнать побольше страху – вот наша главная задача.

-Согласен, - дипломатично подтвердил поручик, поколебавшись, заметил: Однако, у меня свои методы.

-Вот как? – вскинул брови Суров. – Интересно, познакомьте вашего покорного слугу с неизвестными ему доселе, методами.

-Я предпочитаю не устраивать публичных экзекуций.

-Любопытная новация, - холодно определил капитан, внимательно глянув на собеседника. Он не любил, когда подчинённые начинали умничать. Кредо, заложенное в уставе: Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак, при очевидном примитивизме, казалось ему наиболее подходящим при выстраивании взаимоотношений в армии. Подчинённые, по его твёрдому убеждению, должны были строго следовать советам и указаниям, исходящим от него. И не более. А тут сквозило явным несогласием. – Огласите ваши предпочтения, поручик. Не держите философский камень за пазухой. Поделитесь, наконец, опытом достижения счастья при жизни.

Вежливо-едкий тон дал понять Баранову, что его заявление не понравилось своенравному капитану. Впрочем, поручик предвидел подобную реакцию заранее. Тем не менее, решил высказаться, руководствуясь собственными резонами и соображениями. Анализируя дикую расправу, учинённую над злосчастным ксеньевским мужичком, он пришёл к выводу, что акция, совершенно бесспорно, имела очевидной целью устрашение местного населения. Но это, выражаясь фигурально, аверс медали или внешняя сторона дела. Вместе с тем, демонстрация бесчеловечной жестокости имела и реверс или внутренний подтекст, дающий понять барановцам заодно с командиром их профессиональную несостоятельность. Мужичков распустили. Высокое начальство, приезжает из Томска, ему, вместо «здрасьте» – в зубы. Приходится руководству, самолично руки марать, вытирать подчинённым сопли.

Менторские замашки и пренебрежительные манеры поведения капитана, считающего себя истиной в последней инстанции, хозяином, раздражали поручика. К тому же, кровавый спектакль, устроенный Суровым в овине, он считал сплошным головоутиятием. И дело тут не в жалости к зверски замученному Кухте. Будь ксеньевец партизаном или их явным пособником, поручик безоговорочно одобрил бы изощрённый садизм акции. Да, Кухта виноват, нельзя бить по морде господ офицеров. С давних времён русское офицерство подобные оскорбления смывает кровью. Застрели Суров Кухту на месте, или отправь последнего в Томскую центральную тюрьму и у Баранова не возникало бы вопросов.

Не пройдёшь мимо и факта, факты вещь упрямая, что спровоцировало инцидент хамское поведение капитана. Не привыкли местные челдоны к скотскому обращению. Народ свободолюбивый, цену себе знает. Но не истреблять же население поголовно, за недружелюбное отношение к карателям. Должна быть, хотя бы, видимость законности и справедливости. Ведь каждая зверская расправа, поручик имел возможность не раз убедиться в справедливости своих суждений, вызывает среди сельчан не столько страх, сколько новый прилив ненависти к колчаковцам с их «правопорядком». Соответственно, играя на руку красным.

Озвучивать своё видение ситуации поручик счёл преждевременным, бесполезным, да и не безопасным. Суров слыл человеком мнительным и мог усмотреть в рассуждениях поручика посягательство на собственный авторитет крупного специалиста по подавлению мятежей и волнений. Поэтому, не вдаваясь в дискуссию, поручик ограничился кратким изложением сути своих методов, заключавшихся в следующем.

Баранов, по возможности в каждом населённом пункте, старался занять свои глаза и уши, подбирая из людей, лояльных режиму (кулаков, купчиков, кабатчиков, церковнослужителей) собственных осведомителей. Получая от доносчиков информацию о появлении в той или иной деревне крамольников большевистского толка, он незамедлительно высылал туда бравых молодцов из команды унтера Бахмеева. И brave ребята разбирались на месте, исходя из обстоятельств, смотря по

обстановке. Иногда забирали красных прихвостней в открытую, уводили с собой и, где-нибудь в глухом месте, без лишнего шума расстреливали. Иногда, переодевшись под партизан, врывались ночью, в указанные лазутчиками дома и учиняли кровавую баню, не оставляя в живых никого – ни мужиков, ни баб, ни старых, ни малых. А потом, теми же осведомителями распускались слухи о бесчеловечности красных бандитов, бессмысленно жестоко расправлявшимися с мирными жителями. Благодаря, в общем-то, нехитрым методам, оказывалась успешной погоня за двумя зайцами одновременно.

-Да, есть резон в ваших методах, есть, - внимательно выслушав до конца, одобрил Суров. – Думаю, ваш опыт достоин самого широкого применения.

-Буду рад, если мои скромные усилия помогут приблизить наш окончательный успех. – фраза получилась несколько пафосной и напыщенной. Виной тому – неожиданная похвала Сурова.

-Простите, поручик, чуть не забыл, - спохватился капитан, - Вы выполнили мою просьбу, относительно того казанского мужичка? Дай бог памяти, кажется, Левин его фамилия.

-Вы имеете в виду недострелённого, спасшегося после расстрела и оказавшегося в местной больнице на излечении? – без особого энтузиазма уточнил Баранов.

-Именно его я и имею в виду.

-Увы, Владимир Александрович. Просьбу вашу мне не удалось выполнить. Вы вольны в выборе наказания, - смиренно склонил голову поручик.

-Ладно, повинную голову меч не сечёт. – Смиловистился Суров. - Однако, что же вам помешало?

-Красный непонятным образом исчез из больницы. Подозреваю, не без содействия Елены Дмитриевны Лампсаковой, супруги и соратницы нашего многоуважаемого начальника переселенческого пункта - Лампсакова Николая Александровича.

-Интересно, право слово, интересно. Кстати, в каких вы с ним отношениях?

-Отношения у нас немного натянутые. Дружбы не случилось.

-По причине?

-Шерше ля фам, в основном, из-за его супруженции. После загадочного исчезновения недобитого казанского мужика, мы повздорили. Я справедливо, с моей точки зрения, заподозрив персонал больницы в организации бегства Левина, приступил к оперативным мероприятиям по розыску беглеца. Но наткнулся на яростное сопротивление вышешоименованной мадам, запретившей прикасаться, к кристально чистым работникам больницы, моими, надо полагать, не очень чистыми руками. Затем мне же, был сделан выговор Николаем Александровичем. Он же, в последнее время, проявляет склонность к критике наших действий. Упрекает в недостатке гуманности.

-Да, доктор – великий гуманист. – Усмехнулся Суров.- Толстой и Иисус Христос в одном лице. Тебя, значит, по морде справа – не вздумай ответить, а поинтересуйся, удобно будет бить по твоей же роже слева, в случае возникших затруднений, разрешите их, постаравшись поудобнее подставить кумпол под следующий удар. Утомятся вас лупить, предложите передохнуть.... Слышали, слышали, и про слезу ребёнка проходили. Дай им волю, – погубят Россию гуманисты! Что касемо жены, она, вообще, мне кажется, сочувствует красным. Надо будет об этой семейке доложить в губернии. А вы, поручик, повнимательней к ним присмотритесь.

-Постараюсь.

-Засим, прощайте. Мне, однако, пора. Держите меня в курсе ваших действий. Помогай вам бог!..

-Осип, ты видел, что сделала наша братва с мужиком из Ксеньевки?

-Нет, не видел. Но ребята рассказали.

-А я специально ходил посмотреть. Зрелище жуткое!

Федор Романцев был до крайности возбуждён. Жадно курил, то садился, то вскакивал и принимался бегать взад-вперёд по горнице Волковых, где квартировал Хабаров.

-До каких пор мы будем сидеть, сложа руки? – горячился он, - Мне кусковцам в глаза смотреть совестно. Ведь, они же нас всех в рот на одну колодку меряют. Для них мы все одним миром мазаны. Кошки на душе скребут.

-Ты думаешь, мне легче?

-Так давай поднимать людей!

-Не всё ещё готово, Федя.

-Твое спокойствие меня скоро окончательно с ума сведёт. Надо, в конце концов, что-то делать!

-Согласен. Нельзя сидеть, сложа руки, когда вокруг такое деется. У меня есть одно соображение.

-Поделись.

-Треба уточнить кое-что. Потом и скажу.

-У - у, конспиратор! И долго будешь уточнять?

-Не думаю.

Из приказа № 537

командующего белогвардейскими войсками Омского военного округа.

21 сентября 1919 г.

Для окончательной ликвидации большевистских банд территория, заключающая уезды: Татарский, Каинский, Новониколаевский, Томский, Мариинский, Омский, Кузнецкий, Барнаульский, Каменский, Славгородский, Бийский, Каракорумский, Змеиногорский, часть Павлодарского к востоку от реки Иртыша и Семипалатинского – северу от участка посад Чёрный, а г.Семипалатинск включительно объявлена временным театром военных действий.

...Объявляю всему населению, что задача моя – установить в кратчайший срок порядок и спокойствие на территории района. Большевистские вооружённые банды призываю уничтожать беспощадно.

...Участники вооружённых шайек и банд, им помогающие и укрывающие их, будут подвергаться суровым мерам, до смерти включительно.

Командующий войсками Омского военного округа
Генерал-лейтенант

Матковский.

5. К О Н Е Ц Л Ы К О В А - М Л А Д Ш Е Г О

Щадя преступников, вредят честным людям.

Сенека.

-Здравствуйте, здравствуйте, мой юный друг! Весьма рад вас видеть. - Поручик Баранов светился радушием, даже из-за стола вышел навстречу желанному гостю.

Горячий приём оказывался совсем молодому – кровь с молоком – сыну купца Лыкова, из соседней Пышкино-Троицкой волости. С отцом парубка поручика связывали особые, коммерческие интересы. Гость смущённо топтался у порога и рдел от удовольствия, надо же, сам поручик Баранов именует его своим другом. Почтительно, с полупоклоном пожал протянутую руку и даже шаркнул ножкой (вылитый батюшка), пробормотал:

-Желаю здравствовать...

-Милости прошу, - благодумствовал, меж тем, Баранов, усаживая стеснительного гостя в кожаное кресло, стоявшее у стола. – Может, рюмочку с дороги?

-А знаете, не откажусь. - Осмелел, обласканный радушным приёмом хозяина Лыков-младший, напуская на себя вид вполне бывалого человека.

-Егоров! – гаркнул поручик в сторону двери.

Тотчас, в дверном проёме возник расторопный посыльный.

-Сообрази-ка нам закусочки. Желательно, поживей.

-Сей секунд.

Вскоре на столе появились тарелки с малосольными огурчиками, с нарезанным крупными ломтями душистым пшеничным хлебом и копчёным, с прослойками салом. Закончив сервировку стола, Егоров застыл по стойке «смирно», ожидая дальнейших приказаний. При этом, по-уставному ел глазами начальство, являя собой вид придурковатого усердия. Однако, успевая зыркать быстрым, смышленным взглядом и в сторону барановского гостя, которого видел здесь далеко не в первый раз.

-Свободен. - Придирчиво оценив качество натюрморта, в отличие от живописных, имеющего и практическую для желудка ценность, одарил сладким словом поручик.

-Слушаюсь! – попробовал бы послушаться, люди веками бьются за обретение свободы, а здесь с неба упала. Да, могуч русский язык....

-И чтоб, ни одна душа ко мне. Понял?

-Так точно! – оказывается, поспешили радоваться, погодить придётся со свободой.

Михаил Егоров бесшумно исчез за дверями. Словно испарился. Поручик не любил, и его чрезвычайно раздражало громкое буханье сапогами в кабинете, производимое нижними чинами.

Лыков-младший смотрел на хозяина кабинета с восхищением. Ладно подогнанная, красивая форма, кажущаяся безграничной, власть над людьми! Ему бы золотые погоны, и барановские полномочия. Он бы показал, на что способен. Особенно, своим деревенским. Первым делом, отвадил бы Федьку Трофимова от Насти Киреевой. Ввалил бы тому шомполов, штук полсотни. Небось, перестал бы шастать, куда не следует. Хотя, чёрт его знает... Настырный уж больно. Да и сама Настя к нему льнёт, бесстыжая. Ничего не скажешь, завидный жених - гол, как сокол. С малых лет в батраках обретаётся.

Привыкшему с младенчества мерить людей и поступки с точки зрения извлечения выгоды, ему, казалось не понятным и противоестественным влечение людей друг к другу, без видимой коммерческой причины. Неплохо бы этого Федьку заарестовать и спровадить в места, не столь отдалённые. Куда Макар телят не гонял. А то, и ухайдакать втихаря. Оно будет верней. Освободившуюся Настю определил бы к себе кухаркой. И катался бы сыром в масле. Показал бы вертихвостке, кто в жизни хозяин, живо перестала бы нос заирать перед купеческим сословием.

Разгулявшаяся фантазия несла купчишку дальше. Пора, давно пора кое-кого на селе в бараний рог свернуть. Оглоедов, кои людей с толку сбивают и против власти настраивают, приструнить. Иных шомполами следует погладить, а иных, не обессудьте, к стеночке поставить. Без сантиментов. И настанет на селе тишь, да гладь, да божья благодать. Предавшись мечтаниям, купчик мысленно уже отдавал приказы налево и направо, миловал и карал. Величавая улыбка блуждала по челу отрока...

-О чём задумались, мой друг? – вернул его к реальности голос поручика Баранова.

-Да так, пустяки.... - встрепенулся Лыков – младший, его нежно-розовое лицо порозовело ещё больше от смущения.

Баранов набулькал в рюмки «Смирновской» и гостеприимно пригласил:

-Прошу, мой юный друг.

Розовощёкий отрок торопливо принял у него из рук рюмку и махом опрокинул её в рот.

-Ай, молодца! – одобрил поручик. – Может, вторую под запал?

-Если вы настаиваете...

Вторая рюмка последовала следом за первой. Хмель незамедлительно ударил в голову.

-Ха, да я же совсем забыл! – вдруг пьяно засуетился он, - Вот, ведь, башка еловая!

С этими словами, наследник купеческой славы Лыковых извлёк из баула объёмистый бумажный свёрток, перехваченный крест-накрест голубой шёлковой ленточкой.

-Вам небольшой презент от моего батюшки.

-Мне? Презент? – приятно удивился Баранов. - Кес ке се?

-Не вздумайте возразить! – с самодовольной улыбочкой, развязно погрозил пальчиком купчик, - Велено передать в собственные руки.

-Мне, право, неловко, - слабо упирался офицер, принимая, однако, свёрток.

-Уж вы, не побрезгуйте. Батюшка от чистого сердца, с глубоким уважением-с.

-Благодарю покорнейше.

В свёртке оказались две бутылки французского коньяка, шоколад, несколько пачек папирос «Пушка» и швейцарские часы. Баранов просиял от удовольствия. Повертел часики в руках, откровенно любуясь ими, затем приложил к уху – идут!

-Передайте вашему высокочтимому батюшке моё искреннее мерси. Тронут, до глубины души тронут. Нет слов. Ваш папа (поручик сделал ударение на последнем слоге, на французский манер), настоящий волшебник, наделённый способностью угадывать и выполнять желания. – дальнейшее он продолжил с налётом патетики: Будем надеяться, что эти, безусловно, волшебные часики скоро отсчитают последние минуты большевизма. Правопорядок окончательно восторжествует над анархией! (Эка загнул, превратил обыкновенную взятку в агитационное мероприятие)

Воспользовавшись наступившей паузой, Лыков – младший извлёк из внутреннего кармана жилетки небольшой конвертик и подал его Баранову.

-Вам ещё и письмо от батюшки.

Поручик отодвинул в сторону презенты и занялся письмом. Внимательно прочитав его, он, не поворачивая головы, кликнул в пространство:

-Егоров!

-Я тута, господин поручик! – немедля вырос на пороге исполнительный посыльный.

-Унтер-офицера Бахмеева ко мне!

-Слушаюсь!

-Простите, мон ами, дела, - вернулся к роли гостеприимного хозяина поручик.

-А я знаю, о чём пишет вам батюшка. Вернее сказать, о ком, - хвастанул шустрый представитель купеческой династии.

-Ваш достопочтимый родитель вносит достойный вклад в благородное дело борьбы с большевизмом. - Не перегибаю ли палку, отметил про себя, не менее достойный ритор. Нет, пожалуй, можно ещё загнуть. - Благодарное Отечество не забудет его заслуг.

-Я так и передам ваши слова батюшке, - умилился до слёз захмелевший купчик, - Вот обрадуется-то. Хотелось бы и мне свою лепту внести, если не возражаете.

-Подобные движения души можно только приветствовать! – оживился поручик. – Излагайте, мой юный друг, не стесняйтесь.

-Нашего деревенского оглоёда Федьку Трофимова следует занести в списочек.

-В чём он замечен?

-Да прохиндей он, вообще сукин сын.... - замялся купеческий отпрыск, досадуя, что заранее не припас веских обвинений против счастливого соперника.

-Для справедливого возмездия маловато. Не хватает конкретики, - раздумчиво глядя на купчика, произнёс Баранов.

-Он спит и во сне видит совдепию. – вывалил последний аргумент тот.

-Вот как? Он молодой, старый?

-Молодой....

-Тем хуже для него, - усмехнулся поручик, догадываясь об истинных причинах поклёпа *юного друга*.

Он всё более укреплялся во мнении, что из этого розовощёкого поросёночка со временем получится препорядочная свинья. Однако свинья, полезная для власти Верховного правителя. Потому, отчего бы и не помочь ему избавиться от неугодного Феды Трофимова. Одним Федькой больше, одним меньше.... В принципе, не имеет значения.

Помнится, не самый глупый из российских самодержцев – Борис Годунов, вообще, жаловал стукачам дворянские звания и даровал поместья. С одной стороны, вроде бы, налицо явный перегиб. С другой – некто Гришка Отрепьев, упредил Бориса Первого о заговоре Романовых. Хотя, опять же, кто знает, был ли заговор на самом деле, либо воспалённое Гришкино воображение, как нельзя более кстати, подкинуло царю прекрасный повод для расправы над конкурирующей фамилией?

-Так вы, с Федькой-то разберётесь, али как? – прервал исторические экскурсы мыслей Баранова, не поверивший в лёгкую удачу, Лыков.

-Самым серьёзным образом. Наряду с теми, о ком сообщил ваш прекраснородитель. – Заверил всемогущий командир роты. – Попрошу, мой друг, об услышанном здесь, пока не распространяться. Информация строго конфиденциальная, служебная, и, если хотите, военная тайна.

-Буду нем, как рыба! Об чём разговор. – обрадовано заверещал новообращённый осведомитель, - Но, мне, однако, пора.

-Погостить на денёчек не останетесь?

-Я бы с удовольствием, но батюшка наказывал вертаться немедленно.

-Воля ваша, как вам будет угодно, мой друг, - развёл руками Баранов, - Не смею удерживать, дабы не огорчать вашего папаню. Кланяйтесь от меня ему и всему почтенному семейству. Не забудьте передать глубочайшую благодарность за презент.

-Обязательно передам.

-Может выделить вам сопровождение? Неровен час, на бандитов нарвётесь по дороге.

-Вы имеете в виду красных.

-Разумеется.

При упоминании о красных у Лыкова-младшего неприятно засосало под ложечкой. Ему доводилось встречаться, к счастью один лишь раз, на перепутье, с вооружёнными людьми в косматых папахах, перехваченных алыми ленточками. Те проверили у него документы, переворочили товар, поинтересовались, откуда и куда следует. К его вящему удивлению, ровным счётом ничего не взяли и ему ничего не сделали. Напоследок, по окончании процедуры досмотра, один из них, по виду старший, крепкий, черноусый мужик строго предупредил:

-Торгуй, купчик, на здоровье, да только не людьми. Понял? Смотри, о нашей встрече не раззвони. Меньше болтаешь, дольше проживёшь. Лады?

Достойный отпрыск клана Лыковых, заикаясь от страха, пролепетал клятвенные заверения, должные уверить партизан в его искренней лояльности и исключительной не болтливости. И, удивительно, слово сдержал, не проговорившись о встрече в лесу даже своим домочадцам, надолго перестав, правда, высовывать нос из родной деревни. Вскоре, однако, прошёл слух, что красных крепко побили под Михайловкой Зырянской волости, будто, один их командир, Гончаров убит, другой – Лубков тяжело ранен. Затем, в Ново-Кусково обосновалась рота поручика Баранова, взявшая под суровый контроль прилегающую округу.

Лыков-младший осмелел, уверовав в полную и окончательную победу регулярных правительственных отрядов над красными мятежниками. Да и оснований для сомнений в твёрдости, установившегося порядка, казалось, не существовало в

природе, ибо, трудно представить себе силу, способную сокрушить прекрасно вооружённых, добротнo обмундированных, великолепно обученных солдат Верховного правителя. Лыков-младший снова заколесил по окрестным деревьям, занимаясь мелкой торговлишкой. Впрочем, торговля заинтересовала его, постольку поскольку. Коммерческая деятельность служила лишь благовидным предлогом для отлучек из дома, возможностью, вырвавшись из-под строгого родительского надзора, пожуировать на стороне в своё удовольствие. Попутно, он доставлял и сведения фискального характера поручику Баранову от батюшки. За всеми хлопотами, делами и заботами он и думать забыл о встрече на лесном просёлке с бородатыми вооружёнными людьми с красными ленточками на папах. Оказывается, напрасно. Встреча, вполне вероятно, может и повториться. Ведь сам поручик не исключает подобной возможности. В памяти услужливо всплыл наказ предводителя бородачей: торгуй, да только не людьми!

-Вы всерьёз полагаете, что красные ещё не перевелись в наших краях? – поблeднeв, уточнил купчик.

-Не пугайтесь, мой юный храбрец, - поспешил успокоить поручик, - С вероятностью, близкой к ста процентам, я берусь утверждать, что во вверенной мне округе и красных, и блeдно-красных, и розовых давно простыл след. Ситуация полностью находится под контролем. Окрестности патрулируются моими солдатами, по дорогам расставлены секреты. Неожиданное появление любых враждебных сил, исключена. Смею думать, наоборот, для красных, если допустить умозрительно возможность их фантастического появления в округе, встреча с нами будет неприятным и последним в жизни, сюрпризом.... Но бережёного, не забывают, бог бережёт.

Уверенность Баранова пролилась бальзамом на душу, не на шутку встревоженного, купеческого сына. Лицо его приняло прежний, розовый оттенок.

В таком случае, сопровождения мне не нужно! – воспрянув духом, отважно заявил он.

-Видите ли, мон ами, я никогда не смогу простить себе, если, не приведи господь, с вами что-нибудь случится, - Возьмите, на всякий случай, хотя бы это, - поручик протянул гостю «Смит-Вессон».

-Вот спасибо! Не ожидал. Называется, – уважили. – Обрадовался тот, - Подарок, так подарок! По гроб жизни обязан.

Расстались они чрезвычайно довольные друг другом.

Вызванный унтер Бахмеев, успел застать церемонию троекратного лобзания, венчающую визит чрезвычайного и полномочного посланца семейства Лыковых. Здоровенный, краснорожий детина из добровольцев, деликатно кашлянул, напоминая о своём присутствии. Он командовал отделением численностью в десять человек, являющимся, как бы, личной гвардией поручика Баранова. О зловещих функциях «гвардии», сослуживцы могли только догадываться. Вот и на сей раз, Бахмеев был вызван для получения особого задания. Поручик лишь назвал деревню и передал список, полученный способом, описанным выше. Для порядка поинтересовался:

-Вопросы будут?

-Никак нет!

-Что ж, не скрою, приятно иметь дело с сообразительными подчинёнными. Тогда – вперёд!

-Есть, вперёд!

Завидное понимание между вышестоящим и нижестоящим партнёрами по служебной лестнице. Идиллия...

Вскоре несколько верховых, возглавляемых здоровенным унтером, покинули Ново-Кусково и поскакали в сторону злополучной деревни...

-Слушай, Егоров, сейчас у нашего ротного сидел купеческий сынок Лыков. Знаешь такого?

-Так точно, знаю, господин унтер-офицер!

-Да не ори ты, ради бога, - недовольно поморщился Хабаров, - Я с тобой по человечески хочу поговорить.

Юное лицо Михаила Егорова вытянулось от удивления. Придурковатое усердие не сработало. С ним хотят поговорить на равных, несмотря на разницу в возрасте и в званиях. Ей - ей, что-то новенькое.

Рядовой Егоров числился посыльным при ротной канцелярии, громко именуемой штабом. В действительности же, он был вроде мальчика на побегушках у господ офицеров и кулацких добровольцев, квартировавших тут же, при штабе. Чистил им сапоги и амуницию, бегал в кабак за водкой, брил и стриг их по мере надобности. В благодарность, при малейшей оплошности, щедро получал оскорбления, нередко и зуботычины. В общем, жизнь не завидная. А ему, при такой собачьей службе, и в жилетку поплакаться некому было, душу отвести не с кем. С кулацкими добровольцами он и сам не рвался дружбу водить, много чести, остальные же солдаты сторонились его, принимая за офицерского холуя.

И вдруг, ему предлагают поговорить по человечески. Причём предлагает унтер Хабаров, пользующийся авторитетом среди солдат, за уравновешенный характер, отсутствие гонора, не лебезящий перед начальством. Надёжный, вызывающий уважение и у самого Егорова, человек.

-Скажи мне, Михаил, что за субъект? – продолжал допытываться унтер, - И что за дела у него с нашим ротным?

-Это глаза и уши господина поручика, - понизив голос, скороговоркой сообщил Егоров.

Хабаров посмотрел на него внимательно. Подозрения подтверждались. А посыльный, оказывается, наблюдательный парень. И соображает, что к чему.

-Откуда известно про глаза и уши?

-Он каждый раз привозит господину поручику какие-то списки. Потом, господин поручик посылает меня за унтер-офицером Бахмеевым и отдаёт эти списки ему. И тот со своими... мордоротами сразу скачет куда-то.

-Понятно...- протянул Хабаров, помолчав, добавил: Сделай одолжение, не в службу, а в дружбу, Михаил, – как только купчик опять появится, сообщи мне. Кой-какие покупки хочу сделать, - с усмешкой пояснил он.

-Будет исполнено, господин унтер-офицер! – взял под козырёк Егоров.

-Да не гаркай ты так громко. У нас же не служебный разговор, - снова поморщился Хабаров, оглядываясь по сторонам. Они стояли во дворе волостного правления, в просторном доме которого размещался штаб роты. Место бойкое, для секретных переговоров приспособленное менее всего. Так что, их запросто могли и услышать и подслушать.

-Виноват. Это я нечаянно, - смутился Егоров.

-Затуркали тебя, я смотрю, до крайности, - сочувственно покачав головой, Иосиф опять вернулся к главной теме беседы: В крайнем случае, если меня не найдёшь, сообщишь унтеру Романцеву. Договорились?

-Так точ... Тоись, договорились, конечно.

-Ну, то-то же. И последнее, - совсем понизил голос унтер, - Разговор должен остаться строго между нами.

-В этом можете не сумлеваться, - заверил, польщённый оказанным доверием, Михаил Егоров.

-Тогда давай пядь.

-Давай!

Обменявшись крепкими рукопожатиями, они разошлись в разные стороны.

-Я собрал вас зачем? – Хабаров говорил, не торопясь, несколько торжественно, внимательно оглядывая членов подпольного комитета, - Нам надо решить один важный вопрос....

-Поди, наконец, зачнём?! – реплика, конечно, принадлежала Башкатову.

Иосиф оставил его реплику без ответа.

-Хотелось бы узнать ваше мнение....

Он принялся излагать задуманное.

-Целиком и полностью согласен! – энтузиазм доктора хлынул через край, когда Хабаров замолчал, - Давно пора с этим шибздиком разобраться. Он и у нас, в Сергеево, частенько ошивается. Тоже, видать, что-то вынюхивает.

-Ну, а что думают остальные граждане комитетчики? – переводя взгляд с одного собравшегося на другого, поинтересовался Иосиф.

-А тут другого мнения и быть не может. - Подал голос Степан Сгибнев. - Только, почему об одном Лыкове речь? Пора бы и ещё кое-кого прикнокать. Тех же кулацких добровольцев, например, которые по наводке осведомителей Баранова шуруют.

-Вполне согласен с тобой, Степан, но для начала давайте решим насчёт купчика.

-Вроде, решили уже.

-Нет, попробуем так: кто «за», подымите руки.

-Но зачем, Осип, ведь и без того ясно, что у всех одно мнение. - Удивился явной волоките Романцев.

-Затем, чтоб было, как положено. И приговор напишем. Иначе, это будет, вроде, как самосуд. Такой порядок установим и на дальнейшее. – Строго предупредил Хабаров. - Нам со всевозможными анархистами не по пути. Не должны мы иметь ничего общего и с бандитами. В общем, ставлю на голосование.

Проголосовали члены подпольного комитета единогласно. Лыкову-младшему вынесли смертный приговор.

Унтер-офицер Хабаров, будучи в наряде со своим взводом по патрулированию окрестностей села Ново-Кускова, никогда не сидел на месте. Оставив за себя одного из отделённых, он, в сопровождении рядового Николая Бубнова, отправлялся на дальние рекогносцировки, колеся по заимкам без всякого, вроде бы, дела. Завидев работающих в полях мужиков и баб, Хабаров подъезжал к ним и, в ходе неспешной беседы интересовался: куда ведёт эта дорога, а куда та тропа? Благодаря словоохотливости, радующихся любой возможности, отвлекшись от нудной работы, поболтать с новым человеком, крестьян, он, вскоре, как свои пять пальцев, знал все полевые просёлки и тропинки.

Однажды, Иосиф добрался и до пасеки старого знакомца деда Иона Маркова. Тот встретил его довольно гостеприимно – заварил полевого чая, нарезал полную чашку сотового мёда. Угостил и медовухой. После нехитрой трапезы, они долго толковали о чём-то с глаза на глаз, сидя на колодине, близ избушки.

-Не сумлевайся, всё исделаю, как надо быть, - заверил под конец, дед Ион, крепко пожимая руку Хабарова, тем самым, по старому крестьянскому обычаю, скрепляя свои слова надёжней любой печати.

Потом, он долго смотрел вслед неожиданным гостям, задумчиво теребя густую, сивую бороду. Поводов для раздумий было более чем достаточно. И, если бы поручик Баранов пронюхал о содержании состоявшейся беседы и условиях устной договорённости, то не сносить бы участникам сделки головы. Деду Иону, не в последнюю очередь....

В этот раз, вопреки обыкновению, Хабаров неотлучно находился при взводе. Впрочем, взвод он рассредоточил по полевым дорогам, а сам с отделением унтера

Серебрякова оседлал тракт, ведущий на Томск. При нём находились все свои, из числа посвящённых – Николай Бубнов, Фирс Кирсанов, Яков Янгель, Николай Горшков, Михаил Чернов. Ротный фельдшер Башкатов, под предлогом собирания целебных трав, необходимых в его многотрудном лекарском деле, оказался здесь же. Не мог же, в самом деле, командир роты воспрепятствовать столь благородному порыву души, направленному, исключительно, на укрепление здоровья его подопечного воинства.

Люди лежали в придорожных кустах, не спуская глаз с дороги. Лошадей укрыли от посторонних глаз неподалёку, в лесочке.

Природа являла золотую пору бабьего лета. День стоял ясный, солнечный. В сиреневом небе плавали лёгкие перистые облачка, тянулись к югу косяки неприкаянных журавлей. Печальное курлыканье, стоном разносилось над притихшей землёй. Хабаров лежал на спине, провожая их задумчивым взглядом. Доведётся ли ему увидеть возвращение величавых птиц в родные края, снова услышать, берущий за душу, протяжный крик? Печально, но не в человеческих силах заглянуть в будущее. А иногда просто невольно хочется узнать ответ на простой вопрос: сколько времени тебе отпущено судьбой для жизни на грешной земле.

-Кто-то едет в нашем направлении со стороны Ново-Кускова! – прервал размышления Хабарова голос Якова Янгеля, с похвальной бдительностью наблюдающего за трактом.

-На подводе, или конный? – вскинул голову взводный.

-Похоже, на тарантасе.

-По местам! – вставая на ноги, приказал Иосиф.

Лыков-младший ехал, действительно, в тарантасе, с кислым видом поглядывая по сторонам. Чувствовал он себя прескверно, после вчерашней попойки с офицерами в Ново-Кусково. Пили, практически, ночь на пролёт. А пьют бравые вояки, словно ломовые лошади. В стельку. Только знай, подавай. С утра принялись искать вчерашнюю стельку, то бишь, опохмеляться, предложили и ему; при виде протянутой рюмки его молодой организм воспротивился традиционным способом, едва удалось зелёные рвотные массы, под давлением извергаемые желудком, донести до клозета. Хреновое состояние, значительно усугубляла скорая необходимость держать ответ перед Лыковым - старшим, за пропитыё денежки. У папани характер – не дай Бог никому. Вздрючит за милую душу. Особенно, ежели под горячую руку попадёшь.

Игренька, помахивая хвостом, лениво трусил по укатанной дороге, очевидно чувствуя, что его молодому хозяину не до него.

День для сентября был довольно тёплым, но ветерок подувал прохладный, приятно освежая разгорячённое лицо. С поднебесья доносилось протяжное курлыканье пролетающих журавлей. Тоскливые голоса их нагоняли на чувствительного отпрыска строгого отца, необоримую печаль. Возжелалось ему, глядя на свободных птиц (почему Бог не дал крыльев), улететь в дальние страны, тёплые края. Чтоб не держать ответ за растратённые деньги перед грозным батюшкой. Слабо утешало удручённого отрока обещание поручика Баранова вознаградить за ценную информацию, в очередной раз, доставленную им.

В настоящее же время, исполнивший гражданский долг, осведомитель направлялся к деду Иону Маркову, который обещал приготовить к сегодняшнему дню бочонок целебного таёжного мёда. А ещё, и логушок медовухи. По особому заказу. Дед умел варить ядрёную медовуху – и пить приятно, и в мозги бьёт, не хуже хвалёной «Смирновской».

По правде, не только, вернее, не столько мёд и медовуха влекли Лыкова-младшего к деду Иону, сколько, не то племянница, не то дальняя родственница деда, кою он застал в прошлый раз на пасеке. Прекрасная незнакомка, с первого взгляда полонила неустойчивое сердце любвеобильного купеческого парубка. Писаная красавица – чернбровая, черноокая, стройная, определённо строгая и целомудренная,

сразу затмила в его глазах, ранее грезившиеся ему симпатии. Настя Киреева, в сравнении с неземной красотой, предстала обыкновенной деревенской замухрышкой. О смятении чувств он откровенно поделился с Марковым.

-А у нас в роду все девки приглядные, - смеиваясь, сообщил тот.

-Нельзя ли, с ней познакомиться поближе? – деловито тряхнув туго набитым бумажником, загорелся наследник купеческой славы.

-В таких делах я не потатчик, - насутился дед, - И вообще, господин хороший, она тебе не пара. Ты купецкого звания, а мы – крестьянского. Греховодничать же, я не позволю. Уж не обессудь. Лучше выбрось мою сродственницу из головы. А то, не приведи господь, какого худа, промеж нас не случилось бы.

Категоричность последних слов остудила охоту продолжать щекотливый разговор, поубавила романтических желаний Лыкову-младшему. Однако надежды он не потерял, полагая, в силу полученного воспитания, что перед его кошельком любая красавица не устоит. Дело в цене, а всевозможные фигли-мигли, вздохи при луне, любовь до поноса – выдумки досужих дураков. Почти по Марксу: - Деньги – товар – (вместо денег обратно) удовольствие....

Живо, в красках, представив себе симпатичную родственницу деда Иона, циничный Ромео, взбодрился, задёргал вожжами, запонукал неторопливого Игреньку. И окружающий мир, по мановению волшебной палочки, преобразился, заиграв весёлыми, радужными цветами. В крике журавлей стали чудиться не только печальные, но и торжествующие нотки.

Завидев солдата, с винтовкой наперевес, преградившего ему дорогу, надежда купеческого сословия обрадовался, ещё более воспрянув духом. Стало быть, Баранов правду говорил, что абсолютно все окрестные дороги надёжно охраняются. Всё складывается, как нельзя лучше. Глупо опасаться красных партизан, при столь солидной организации и надёжности охраны. Значит, на пасеке он может со спокойной душой поправлять здоровье, жуировать с удовольствием, забыв на время о предстоящем неприятном возвращении домой.

-Тпр-ру! – натянул он вожжи, осаживая, набравшего ход и разогнавшегося, не ко времени, Игреньку.

Остановившись, первым, в щедроте душевной, поприветствовал солдата:

-Здорово, служивый!

Служивый в ответ строго потребовал:

-Ваши документы!

-А, это мы, сейчас.... С полным нашим удовольствием... - засуетился, очень, между прочим, удивлённый и обескураженный суровым видом солдата, его недружелюбием, купчик.

Нижний чин внимательно просмотрел, протянутые ему паспорт и специальный пропуск, выданный ротной канцелярией, и, подчёркнуто громко, уточнил:

-Значит, Лыков будете? Купецкий сынок?

-Он самый, - с предупредительной улыбкой подтвердил Лыков-младший, начиная чувствовать непонятную тревогу.

По его разумению, солдат, удостоверив личность, должен был, тотчас, вернуть документы, позволив продолжить ему следовать дальше. Но произошло непредвиденное. Придирчивый служивый спрятал документы в карман, взял Игреньку под уздцы.

-Позвольте, милейший!.. В чём дело?.. – испуганно пролепетал Лыков.

Однако солдат не удостоил его ответом. На дорогу, меж тем, вывернули двое верховых – унтер и рядовой. Лицо унтера показалось младшему Лыкову знакомым. Где же он его видел? Кажется, в Сергеево. Ну, точно. Его ещё там доктором называли. Появление знакомого лица несколько поуспокоило. Первоначальный испуг отпустил. Да, и унтер-офицер всё-таки, не чета бестолковым рядовым. Быстро разберётся с

возникшим недоразумением, глядишь, и приструнит, не в меру бдительного, служивого, чтоб знал впредь, кого и как останавливать.

-Господин унтер-офицер, - взмолился горемычный путешественник, - Почему меня задерживают? Ведь, документы у меня в порядке и пропуск, самим господином поручиком Барановым подписанный, имеется.

-Хорошо, хорошо, сейчас разберёмся, - пообещал унтер с непроницаемым видом и кивнул солдату, державшему Игреньку под уздцы: Давай.

Тот повернул за повод, и тарантас заколыхался на колдобинах, сворачивая с дороги. Лыков-младший, переставая понимать происходящее, недоумённо озирался по сторонам. Тарантас углублялся в заросли молодого березняка, полу оголённые сучья которого больно хлестали по лицу седоков. Наконец, остановились на небольшой лужайке, вспугнув стайку рябчиков.

-Вот мы и прибыли, господин купец, - с деланной учтивостью объявил унтер и соскочил с коня.

Второй конник молча последовал его примеру. Солдат, ведший Игреньку под уздцы, принялся привязывать его к берёзке.

-Что всё это значит, господин унтер-офицер? – запетушился, было, Лыков-младший, - Что вы такое себе позволяете? Я буду жаловаться самому Баранову.

-Ладно, заткнись, засранец! – невежливо оборвал его унтер, - Вытряхивайся из тарантаса!

-Но позвольте, господа!.. – почуяв неладное, заскулил розовощёкий купчик. – Неужели вы сомневаетесь в подлинности моих документов? Может, с кем-то перепутали?

-Ни с кем мы тебя не путаем, сексот паршивый!

-Чего же вы хотите?.. А хотите денег?.. – ухватился он, уподобившись утопающему, вцепившемуся в соломинку, за спасительную догадку, зная по опыту, что каратели не слишком щепетильны и, при случае, не упускают возможности без лишних церемоний, сделать гешефт, воспользовавшись своим положением. – Думаете, мне жалко? Наоборот, я с полным удовольствием, - лепетал, заплетающимся от животного ужаса языком, он, - Сколь есть, столь и отдам.... Без слова.... Ни одна живая душа об том не прознает.... Святыми клянусь! Тяньке скажу, будто красные ограбили. Только отпустите, за - ради Христа, подбру-поздорову...

-Да заткнёшься ты, наконец! – прикрикнул солдат, проверявший у него документы, - Исполни, что сказано – вытряхивайся! Вишь, распустил сопли! Не надоть было пакостями заниматься. Откупиться захотел! Деньжат не хватит.

Когда Лыков-младший, дрожа всем телом от ужасного предчувствия, выбрался, наконец, из тарантаса, солдат быстро огладив его по бокам, извлёк из брючного кармана «Смит-Вессон».

-Господин купец, оказывается, при пушке, - усмехнулся Башкатов. – Я-то, наивный, полагал, что торговые людишки орудуют весами, да безменом. Отстал от жизни, отстал. У современных купчиков карманы набиты исключительно «Смитами» и «Вессонами». Ох, времена, ох, нравы! – переврал, где-то слышанное. Кончив юродствовать, распорядился: Поставь-ка неуважаемого господина коммерсанта вон к той берёзе. Пришло время слушать, купецкий сынок. Внимательно слушать.

С этими словами, он извлёк из-за пазухи, сложенный вчетверо, лист бумаги и торжественно изрёк: - Объявляется приговор...

Стоявший, на подгибающихся ногах у берёзы, несчастный купчик не поверил своим ушам. Разве, может быть приговор у мародёров? Шевельнулась слабая надежда, авось пронесёт, авось, ребята пошутковать решили. Мысль о смерти в погожий, сентябрьский денёк, представлялась нелепой и чудовищной. Неужели, допустит Бог?.. Однако, служивые не шутовали. Едва унтер дочитал приговор, заканчивающийся словами: **«... за доносы, погубившие многих невинных людей, за активное пособничество карателям, кулацкий сынок Лыков приговаривается к смертной**

казни. Приговор обжалованию не подлежит», как на него уставились три чёрных винтовочных зрочка.

Наступила ясность, надежды покинули приговорённого. Ребята не мародёры (уж лучше они были бы трижды мародёрами), а самые настоящие красные, переодетые в белогвардейскую форму. Пришёл час расплаты. Довели папанины списочки сыночка до могилы. Вспомнился и тот, в папaxe, перевстревший его на лесной дороге и суровое предупреждение: «торгуй, да только не людьми». Лыков-младший задрожал осиновым листом, пал на колени и не своим голосом завопил:

-Пощади-ите-е!..

В ответ сухо треснули три винтовочных выстрела...

-Где вы его обнаружили? – хмуро поинтересовался поручик Баранов, выслушав сбивчивый рапорт унтера Бахмеева.

-Верстах в восьми отседова, в березнячке, неподалёку от тракту, - доложил тот, преданно тараща мутноватые глаза.

-Расскажи поподробнее, как это случилось.

-Мы, значит, ехали на Чесноки, согласно вашей диспозиции. И вдруг, слышим, сороки в лесочке стрекочут, будто заполошные. Вороньё тоже кружится и каркает. Я сразу смекнул, что тут дело нечистое. Спешил хлопцев и говорю: айда проверим, что за суматоха в березнячке. Взяли винтовки наизготовку и пошли.

Выходим на поляночку и видим антиресную картину: у берёзки конь в упряжке из стороны в сторону шарахается, игогокает и храпит на привязи, даже обеими задними ногами из-за оглобель выступил, а в сторонке человек лежит, дождевиком прикрытый. Я - к нему. Сдёргиваю дождевик, глядь, мать честная, а это наш знакомец, купецкий сынок. Мёртвый. С первого взгляда определил, к бабке не ходить. Лик-то уже синеть начал, изо рта, по щеке струйка запёкшейся крови протянулась. И пинжачок в крови, в трёх местах простреленный. На груди гумажечка булавкой приколотая...

-Где бумажка? – перебил сказителя печали, поручик.

-Пожалте, - извлёк из кармана небольшой клочок унтер, - Несуразность какая-то.

Баранов брезгливо принял листок из рук Бахмеева, развернул и прочитал послание, написанное печатными буквами: «Привет от Лубкова!».

Выходит, партизаны прознали о характере взаимоотношений купчика с командованием штурмового отряда. В таком случае, «привет» предназначается ему, Баранову. Привет, надо признать, несколько мрачноватый. Но бояться мужицких угроз поручик не привык. Поразмыслив над обстоятельствами убийства «юного друга», он обнаружил, по крайней мере, две, удивившие его, нестыковки.

Нестыковка первая: Почему Лубков столь откровенно себя афишировал? Запросто, ведь, мог ликвидировать Лыкова-младшего под маркой грабежа, не привлекая лишнего внимания. Он же предпочёл действовать в открытую. Странно, по меньшей мере, странно.

Нестыковка вторая: Лошадь и тарантас остались на месте преступления. Ценные трофеи для партизан, вдруг, полностью игнорируются. Что это? Проявление благородства, граничащего с глупостью? Но даже благороднейший из самых благородных лесных разбойников – Робин Гуд в подобных глупостях замечен не был. Следовательно, Лыков пал жертвой не партизан. Но если не партизаны, то кто балует в лесах?

Баранов ходил из угла в угол, пытаясь докопаться до истинной подоплёки загадочного происшествия, но подобрать логическое объяснение, разложить известные факты на предназначенные им полочки, не смотря на прилагаемые усилия, не сумел. Пришлось признать, действительно несуразность.

Унтер Бахмеев, видя, что о нём забыли, напомнил о своём присутствии деликатным покашливанием.

-А, ты ещё здесь? – спохватился поручик и уже обычным деловым тоном распорядился: Значит, так. Бери своих архаровцев и немедля вези тело покойного его родителям. Передай им мои глубокие соболезнования. Заверь от моего имени, что бандиты будут отысканы и сурово наказаны. Всё понял?

-Так точно!

-Ну, так жми, не теряй времени.

-Слушаюсь!

Унтер Бахмеев, взяв под козырёк, развернулся по уставному, через левое плечо и вышел, чётко печатая шаг.

Поручик Баранов ещё долго сидел за столом, задумчиво рассматривая замусоленную бумажку с *приветом от Лубкова*....

6. К А П И Т А Н Б А Р А Н О В И Д Р У Г И Е

Нельзя посеять одно, а получить другое.

Какое семя посеяно, то и даст всходы.

Древний Восток. Индия.

Баранов проснулся весь в липком поту. Опять ему привиделся кошмарный сон, повторяющийся с незначительными вариациями уже несколько ночей подряд. Будто на него напали партизаны. Он убегал от них, но, как это бывает только во сне, ноги его не слушались. Страшные бородачи настигали его и, лишь в самый последний момент, наступило спасительное пробуждение...

На сей раз и пробуждение, избавившее от ночных ужасов, не отличалось приятностью. Голова разламывалась на мелкие части с великого похмелья. Аравийская пустыня поменяла адрес и переселилась в полость его рта, распухший язык плохо слушался, задевая за нёбо, неприятно щекотал. Первым побуждением Баранова было кликнуть Мишку Егорова и велеть подать квасу.

Однако, оглядевшись, он с удивлением обнаружил собственную персону, лежащей на незнакомой широкой двуспальной кровати в незнакомом месте. Неизвестно где. В небольшой полутёмной комнате. В единственное окно, узкое и высокое, сочилась мгlistая синева. Не то вечерняя, не то предрассветная. Сам он утопал в жаркой перине. Рядом, у стенки сладко посапывала во сне молодая женщина. Её длинные, тёмные волосы рассыпались по подушке, касаясь и его щеки. В темноте волнующе белела, обнажённая, почти до талии, стройная спина незнакомки. В нос шибал терпкий аромат молодого здорового женского тела, дешёвых духов и перегара....

Баранов понятия не имел о личности женщины, мозг не сохранил воспоминаний об обстоятельствах, приведших его в пуховую постель томной красотки. Превозмогая страшную головную боль, он начал собирать обрывки памяти, стараясь уяснить своё, по меньшей мере, нелепое положение. Постепенно, перебирая события предыдущего дня, вспомнил, что находится не в Ново-Кусково, а в Томске, куда прибыл по неожиданному вызову штаба дивизии.

Надо сказать, вызов поверг поручика в довольно сильное уныние. Он, не без оснований, полагал, что в штабе с него потребуют подробный отчёт о боевых действиях против красных партизан и расходовании казённых сумм, отпущенных на содержание роты. Обе позиции, у привыкшего к вольной жизни на отшибе командира роты, являлись в настоящее время, мягко говоря, уязвимыми. Наметилось стойкое расхождение концов с концами, дебетов с кредитами. В смысле финансовом,

расположение роты по домам в селе, позволяло, легко экономя часть денежного довольствия по статьям расквартирования и питания, прикапливать Баранову, что нечто, про чёрный день. Но, если в финансовом отчёте, многоопытному поручику не составляло больших трудов накрутить правдопохожую липу, то по борьбе с красными дела обстояли сложнее, он вообще не знал, что и докладывать. Вроде, партизан из вверенной ему округи давненько выдавили, в то же время, с некоторых пор, окрест, стали твориться непонятные дела, встревожившие поручика. И не одного его.

Почин положила смерть Лыкова-младшего. Когда Бахмеев привёз его окоченевший труп, обнаруженный всего в нескольких километрах от Ново-Кускова с запиской «Привет от Лубкова!», Баранов, поразмыслив, пришёл к выводу, что это дело рук обыкновенных грабителей. Записку же, они, по его разумению, подбросили для отвода глаз. Но потом, «приветы» пошли один за другим. Сначала находили убитыми осведомителей, вроде купеческого сынка. Затем бесследно исчезли сразу пятеро бахмеевцев. Через неделю, их трупы обнаружили в рыбацкой избушке на берегу Чулыма, близ пышкино-троицкой дороги, по которой оные направились в Зачулымье по заданию командира роты. Страшная участь постигла и двух егерских унтер-офицеров на полпути в Ксеньевку. Версию с грабителями пришлось отбросить. За чередой убийств крылось, что-то гораздо более серьёзное.

Баранов не мог не обратить внимания, что во всех случаях жертвами пресловутого Лубкова становились только добровольцы, выполняющие карательные функции. Среди погибших не обнаружилось ни одного солдата или унтера, призванного в армию по мобилизации. А ведь, казалось бы, те и другие одеты в единую форму и на лбу отметин нет – добровольно, либо по мобилизации облачился в белогвардейское обмундирование.

Загадочные происшествия наводили поручика на мрачные размышления. Уж не завёлся ли в роте красный лазутчик? А может, и не один? Докомандовался, под носом орудуют убийцы и шпионы, а он и усом не ведёт. Холодный пот прошибал командира роты. Ужасные мысли не позволяли спать по ночам. Когда удавалось забыться, вездесущие бородатые партизаны, страшно скалясь, тянулись скрюченными пальцами к его кадыку. Размеренная, поначалу, сельская жизнь медленно превращалась в кошмар.

Издёрганный подозрениями и ночными глюками, в Томск Баранов ехал с превеликими опасениями. В берёзовых околках и за дорожными поворотами ему мерещились партизанские засады. Некое успокоение в мятущуюся душу поручика, вносило конное сопровождение, состоявшее из верных бахмеевцев. Но страхи страхами, а отчёт отчётом. Здраво, на сколько это было возможным в его нынешнем положении, поразмыслив, он решил не докладывать начальству о потерях, дабы не накликать лишних неприятностей и не травмировать впечатлительное командование, могущее, запросто сместить с должности ротного за служебное несоответствие.

Снимут и будут правы, лично он, так бы и поступил. Дальше – конец благополучной тыловой карьере и, вероятнее всего, немедленная посылка на фронт, место, кто бы спорил, тоже перспективное, в смысле карьеры, правда, с одним огромным минусом - сильно укорачивает жизнь. Потребности же, хоть бы и в трижды геройской смерти на полях сражений, поручик, не смотря на передрыги последних дней, по-прежнему, совершенно не испытывал.

Однако опасения Баранова оказались напрасны. В штабе дивизии у него, даже из вежливости, не поинтересовались скучными отчётами. Он был вызван (о, неожиданная радость!) по случаю досрочного присвоения звания капитана, коим командование округом удостоило его за самоотверженную борьбу с большевизмом. Наверняка, Суров походатайствовал, замолвил доброе словечко.

Бессмертные слова графа Суворова: «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом», занозой сидели в честолюбивом сердце поручика Баранова, он спал и видел себя в генеральских эполетах. Каждое повышающее производство в звании,

новая звёздочка на погонах, его просто окрыляли, ибо являлись очередной ступенькой в карьерном росте на пути к заветной цели. Правда, справедливости ради отметим, на этот раз он не испытал особой радости от повышения в чине. Причиной тому послужили те же злополучные *приветы Лубкова*. Ведь, в свете последних событий, вполне может последовать и его очередь. А, согласитесь, сомнительная честь быть укокошенным в чине капитана, мало отличается от столь же сомнительной чести быть убитым в чине поручика. Подобные размышления вгоняли новоиспечённого капитана в чёрную меланхолию.

Впрочем, и среди штабных офицеров тоже царили не самые бодрые настроения. В губернии разгорался пожар партизанской войны. В Томске активизировалось большевистское подполье. Не радовали и вести с фронта. Красные опять наступали. Они овладели Челябинском, форсировали Tobол и неудержимой лавиной накатывались на столицу Верховного правителя – Омск. Поводов для раздумий больше, чем достаточно. Вдобавок, недавние союзнички, чехословаки, в самый критический момент вышли из игры и гнали свои эшелоны на восток, планируя окольными путями, через моря и океаны вернуться на родину.

Баранов не являлся заядлым приверженцем Бахуса, но теперь, после стольких неутешительных и совсем неутешительных новостей, ему захотелось выпить, на время, заглушив *зелёным змием* мрачное настроение. Тем более, новые капитанские звёздочки, нуждались, согласно традициям русского офицерства, в основательной обмывке. Пусть нет былой радости, а всё-таки приятно щекочет самолюбие словосочетание «господин капитан». За поддержкой бражной идеи, глупо было бы сомневаться, дело не стало. Старый однокашник Баранова, поручик Креминский живо организовал подходящую кампанию из сослуживцев.

Ловкий поручик неплохо устроился в оперативном отделе штаба дивизии, и умело использовал высокое служебное положение, вращаясь в различных кругах губернского общества, включая и несколько сомнительные. С большой для себя пользой. Он и тут обстригал всё в один момент. И в наилучшем виде. Потребовался лишь один телефонный звонок, после которого было объявлено, что дело в шляпе. Когда офицерская кампания заявила в ресторан у Каменного моста, их уже ждали сервированные столы и полуобнажённые девицы.

Лишь начало кутежа отложилось в голове новоявленного капитана. Дальнейшее покрылось мраком неизвестности. Обрывки разговоров, тостов, пьяные брудершафты, сдобренные смачными поцелуями, пожалуй, то небольшое, что осталось в памяти. Остальное вышибло напрочь. Да и немудрено, пили, уподобившись выючным животным, причём, девицы надирались наравне с прославленным русским офицерством.

Судя по паршивому состоянию, отметил про себя виновник торжества, банкет накануне явно удался. Дышать было нечем. Захотелось побыстрее оказаться на свежем воздухе. Осмотревшись, обнаружил стоявший близ кровати стул, на стуле, в полном беспорядке, сваленное его и женское одеяние. Он осторожно слез с постели и принялся одеваться. Натягивая сапоги, опрокинул пустую бутылку, с грохотом покотившуюся по полу. Шум разбудил соседку по ложу. Она испуганно привскочила на кровати, но затем, увидев кавалера полуодетым, незамедлительно вошла в роль:

-Мой генерал, куда это мы собрались? На войну? Так ещё ночь на дворе.

-Ладно, спите, команды подъём ещё не было - не слишком вежливо буркнул офицер, - Мне, к сожалению, пора. Кстати, найдётся в доме, чего-нибудь попить?

-Уточняю, попить или выпить? – резвилась молодая особа, - Шампанского не желаете?

-Предпочёл бы квасу.

-Вульгарность не есть хорошо. Придётся, придётся поработать над воспитанием вкуса у наших геройских офицеров.

С этими словами она выскользнула из-под одеяла и, не стесняясь весьма соблазнительной наготы, подбежала к шкафчику, откуда извлекла початую бутылку шампанского. Наполнила два бокала.

-Может, на брудершафт? За сбычу мечт?

Видимо, женщина хотела задержать его у себя подольше. По крайней мере, ещё на ночь. Лицо её, поручик, не смотря на полумрак, смог убедиться, было красиво, с правильными чертами. Однако под глазами проглядывали тёмные круги. Не зря говорят, что интересная книга всегда потрёпана – припомнил чьи-то слова Баранов, разглядывая распутную незнакомку. Всё продаётся и всё покупается. Красота превратилась в ходкий товар.

Платил по счёту вчера он и данное обстоятельство, видимо, не укрылось от её внимания. Совершенно естественно, женщину интересуют в первую очередь деньги, с его личностью же приходится мириться, не более, постольку, поскольку он является владельцем кошелька. Нет смысла притворяться, не им заведённый порядок не ему и отменять. Куртизанки сопровождали солдат на протяжении длинной истории человечества, адекватной истории войн, предоставляя любовные утехы, отнюдь, не за спасибо. Самый распространённый симбиоз – солдат и проститутка. Удивившее Баранова желание обыкновенного, не купленного за деньги, женского участия, вдруг, шевельнулось, где-то в глубине подсознания.

-Нет, к чёрту! – вспылал он, отгоняя сентиментальные слюни, - Адью, мадам.

-Вы, мой милый друг, продолжаете шокировать даму вульгарностью.

-Пардон, мон амур. Аревуар, - сгладив, с помощью французского, пробелы в воспитании, капитан, уже капитан, залпом осушил бокал, закончил одевание и направился к двери.

-Э-э, господин фельдмаршал, мы куда?! Не рассчитавшись - то? – в голосе девицы не осталось и тени недавней игривости. Голос базарной торговки, не желающей остаться с носом, окончательно разрушил романтическую ауру похмельного утра. – Или, вы, простите, из гусар? – Уколола молоденькая язва. - Но для гусара, чегой – то, вяловато давеча скакали, можно сказать, совсем не скакали. Мне пришлось наездницу изображать. Да и тут, норовистый скакун подо мной дал маху, в самый ответственный момент разразился, просто – таки богатырским, храпом. Во, в рифму получилось.... Пожалуй, подамся лучше в поэтессы, денег меньше, но зато почёт повсеместно и уважение, а главное, с забывчивыми клиентами собачиться не надо.

«Забывчивый клиент» пошарил по карманам, нащупал несколько купюр и, не считая, бросил их на кровать.

-Надеюсь, дорогуша, ваши трудовые подвиги на амурной стезе заслуженно вознаграждены. Кстати, радость моя пучеглазая, букет венерических заболеваний не входит в аксессуар современной, воспитанной и похвальной скромности девушки.

-Фи, бедную девушку обидеть может каждый. Ну, как бы вам помягче объяснить, что это не комильфо. А, ладно, замнём для ясности. И всё равно, будете в наших краях, знайте, мы всегда готовы соответствовать. – прыснула, обретая вновь прекрасное расположение духа, жрица любви. Следом томно закатила глаза (ни дать, ни взять – гейша), пропела: – *Обними меня за талию, обними меня за грудь, обними пока я голая, ну, обними за что -нибудь!* (М – да, с гейшей, мы, похоже, погорячились).

-Вот, поди ж ты, - кидануло капитана в философские обобщения, - Если спать - то, хоть и иногда, хоть и с горем пополам, но есть с кем, то почему же просыпаться – то, чёрт возьми, всегда не с кем?

-Не мы такие, - шаблонная фраза слетела с уст красотки без запинки, - Жизнь такая.... -И красивы вы не к месту, и некстати вы умны.

Привычно оставив за собой последнее слово, Баранов покинул пристанище, чуть не сказали, ристалище, адаптированной к невзыскательным вкусам военного времени волоокой фемини.

День выдался пасмурным и холодным. Посвистывал жёсткий колючий сиверок. Мрачные низкие тучи заволокли небо и сеяли по мёрзлой земле, пока ещё редкие снежные хлопья. Похоже, вступала в законные права сердитая сибирская зима. Да и пора снежной хозяйке приходить – Покров миновал несколько дней назад.

С наступлением холодов значительно прибавилось хлопот и Михаилу Егорову. Теперь он, с утра до вечера, кроме привычных забот, топил печи. Господа офицеры и бахмеевцы, жившие при штабе, обожали тепло. Сухие берёзовые дрова, заготовленные с весны, горели жарко, с шумным весёлым гулом. Война войной, а дровишки волостные управленцы запасли добрые. Сбросив у печки очередную охапку дров, Мишка сел передохнуть, но тут же из офицерской комнаты донёлся сердитый голос Кониной головы. Столь одиозно величали солдаты, промеж себя, одного из офицеров – прапорщика Гунькова. Давно известно, прозвища даваемые народом, обычно точно выхватывают суть, тонко подмечают схожесть попавших на язык, предметов, явлений, либо человеческих персонажей, со сравниваемыми представителями флоры или фауны. И действительно, длинная узкая физиономия Гунькова, с широким горбатым носом и толстыми губами очень смахивала на конскую.

-Егоров, мать твою растак, где тебя черти носят?!

-Я здесь, господин прапорщик! – бодро отозвался Михаил, не двигаясь с места.

-А ну, подь сюда, дубина стоеросовая!

Мишка зло сплюнул и поспешил на зов. Гуньков лежал на постели, поверх одеяла в нижней, несвежей рубашке и мятых бриджах, из которых торчали жёлтые мосластые ноги, источавшие вонючий аромат. Вдобавок, от обладателя звучного имени нарицательного, сильно отдавало винным перегаром. Пол густо усеяли окурки. Эту комнату занимали двое офицеров – Кониная голова и подпоручик Ухтомский, заместитель Баранова. Жизнелюбивый подпоручик почитал Бахуса наравне с Гуньковым, однако, надоевшую банальность пьянок, предпочитал разнообразить романтическими приключениями с сельскими бабами. Поэтому отсутствие кобелирующего подпоручика со вчерашнего вечера на отведённой жилплощади являлось вполне обоснованным. Прапорщик, похоже, не вынеся пыток одиночеством, успел изрядно похмелиться. Наглядными свидетельствами слабости человеческой природы являлись полупустая бутылка вкупе с грязным стаканом, стоявшие на столе и побагровевшее лицо, приподнявшееся над подушкой.

-Ты что, подлая душа, голодом меня заморить задумал? – загремело лицо при виде Егорова. - Время сколько? А я ещё не жрамши!

Время, факт неоспоримый, перевалило действительно далеко за полдень.

-Но вы изволили отдохнуть, господин прапорщик. - Изобразив почтительность, возразил Михаил. - Я не посмел вас тревожить.

-У тебя всегда сто причин! – не принял раскаяния голодный прапорщик.

Егоров стоял навтыжку, молча, по привычке, ел глазами разгневанное начальство. Доказывать и дальше, своё несходство с одногорбыми, а равно и двугорбыми выючными животными, не имело смысла.

-Ты чего стоишь, как истукан? – вне себя заорал Кониная голова, - Марш на кухню! И чтоб, счас же, мне был обед!

-Слушаюсь!

Мишка поспешил ретироваться с полупьяных глаз придурковатого начальства, с усердием хлопнув дверью. Оказавшись вне поля зрения прапорщика, он сделал в его адрес непристойный жест, затем, прихватив два котелка, с самым беззаботным видом отправился на кухню, располагавшуюся в соседнем доме. Обед закончился, и солдаты из наряда по кухне, под присмотром ротного кашевара ефрейтора Зубкова, собирали со столов объедки и грязную посуду.

-У вас там отпели? А тут всё поели. - осклабился Зубков, при виде Егорова.

Зубков был из той лакейской породы, которая лебезит перед вышестоящими, и задирает нос перед всеми, кто, хоть на ступенечку стоит ниже. Михаила же, надо сказать, он почитал за равного. В чём - то, даже признавал его некоторое превосходство над собой, не смотря на зелёный возраст и отсутствие чинов и регалий. Подумать только, Егоров брил самого Баранова! Персону в глазах угодливого кашевара, приравненную к особам голубых кровей. Одно появление ротного вызывало трепет кухонного распорядителя.

Зубков всячески выказывал Мишке своё благорасположение, явно набиваясь на дружбу. В свою очередь, Егоров не спешил с ответным выражением дружеских чувств. Хотя и тяготился одиночеством, на которое обрекало его малопочтенное положение посыльного при штабе и офицерского брাদобрёя, проще сказать, штатного холуя. Кашевара он не жаловал, не столько за малосимпатичную внешность и угодливость перед начальством, сколько, и главным образом, за его непонятную дружбу с бахмеевцами. Поварских дел мастер, несколько раз, манкируя профессиональными обязанностями, принимал участие в их поездках по деревням. А зловещее назначение рейдов пресловутого отделения по окрестным населённым пунктам, уже ни для кого в роте не являлось секретом.

Вот и на сей раз, Мишка пропустил неуклюжую шутку кашевара мимо ушей, в ответ, строго официально потребовав:

-Обед для господина прапорщика!

-Сей секунд! – засутился обескураженный кулинар, вооружаясь поварёшкой. – Сейчас подогреем. А то, борщ маленько, вроде, остывши. Ты бы сам малёхо перекусил. Для друзей у меня тут, кое-что имеется...

-Не откажусь. - Кивнул, соглашаясь, Михаил.

Ефрейтор Зубков и в поварском деле соблюдал строгую субординацию. Для нижних чинов и господ офицеров, он готовил в разных котлах. Естественно, применялись и различные рецепты. К нормам закладки в солдатский котёл, повар относился со значительной долей творчества. Недостаток калорийных ингредиентов с лихвой компенсировал излишек воды, реже – соли. В офицерском котле подобные шалости исключались напрочь. Блюда, следующие в желудки офицеров, приправленные специями, соответствовали лучшим образцам армейского поварского искусства. И не мудрено, господа кашевары питались из офицерского котла. Друзья беззаветных тружеников кухни – тоже. Поэтому Мишка, с удовольствием приобщился к сонму посвящённых. Покончив с едой, он попросил наполнить один из котелков борщом для изголодавшегося прапорщика.

-А в этот налей объедков первого для Шарика. - Подставил он другой котелок.

-Может, туда же и каши навалить? – расщедрился Зубков.

-Нет, не надо. Он густого не любит. - Отказался Мишка.

Не имея друзей среди двуногих, Егоров, с некоторых пор, обзавёлся верным четвероногим другом. Приблудился пёс неизвестной породы. Не мудрствуя лукаво, Михаил нарёк кобеля Шариком. Дружба человека с собакой, явление, не выходящее из ряда вон, а скорее обыденный, давно заведённый порядок вещей. До банальности просто состоялось и знакомство двух одиночеств. Однажды Михаил возвращался в штаб с обедом для злосчастного Гунькова. Оглянувшись, обнаружил, что за ним плетётся тощий, до крайности, незнакомый пёс неопределённой породы. Мишка остановился, пёс тоже присел, глядя на него печальными голодными глазами. При этом, он трогательно потягивал носом воздух, ловя аппетитные ароматы содержимого котелка, своим несчастным видом красноречиво показывая тяжесть жизненных невзгод, свалившихся на беспородного представителя многочисленного племени преданных, до самопожертвования, друзей человека. Однако не уподобился попрошайкам, позорящим гордое собачье сословие, не скулил, не повизгивал, ползая на брюхе, а достойно принимал удары судьбы. В умных глазах читалось: - «Возьми меня с собой молодой хозяин. Не пожалеешь. Отслужу».

Собаки хорошо чувствуют добрых людей. И чутьё не подвело пса, он не ошибся в выборе знакомства. Мишкину, отзывчивую душу полоснула острая жалость к неприкаянному бедолаге, выброшенному за обочину жизни, могущими быть чрезвычайно жестокими к братьям меньшим, людьми. Он поманил пса за собой. Войдя во двор штаба, отыскал немудрящую черепушку и вывалил в неё обед, первоначально предназначавшийся для Кониной головы. С того дня и началась их дружба.

Шарик оказался на редкость смышлёным псом. Если Мишка говорил ему: «Замри!», он замирал, если командовал: «Ко мне!», он с радостным визгом бросался ему на грудь. Шарику доставляло неописуемое удовольствие лететь, сломя голову, за брошенным Мишкиной рукой предметом, затем, с победоносным видом преподносить палку, ветку и т.п. и т.д., обратно Хозяину. Озорные глазёнки явственно укоряли последнего за проявление столь вопиющей расточительности, светились осознанием собственной незаменимости: - «Пробросаетесь, уважаемый. Бережливее надо быть, бережливее. Взяли моду, пример брать с глупых куриц. Не из дома, а в дом тащить требуется. Беда, прямо, с вами. Глаз, да глаз нужен».

Иногда Михаилу казалось, что его четвероногий друг соображает лучше Кониной головы, об умственных способностях которого, у него успело сложиться довольно невысокое мнение.

Михаилу постоянно приходилось опасаться за судьбу Шарика – штабные поселенцы занимали, совершенно безобидную, с их точки зрения, привычку, по пьяной лавочке, баловаться во дворе стрельбой по бутылкам. От греха подальше, в самом дальнем углу двора, Михаил соорудил ему конуру. Вдобавок, на всякий случай, привязал его на верёвочку. Да и сам, то и дело к нему наведывался. И, разумеется, не забывал покормить четвероногого любимца вовремя.

Вот и сейчас, вернувшись с кухни с двумя котелками, не заходя в штаб, сначала отправился к Шарику и опростал в его черепушку котелок, первоначально назначенный для удовлетворения похмельного аппетита Кониной головы. Тому же понёс солдатские объедки. Михаил сознательно поменял котелки, решив отплатить за оскорбительные выходки пьяному прапорщику. Сожрёт, поди, не подавится. Ну, а если... О последствиях «если» предпочёл не задумываться, поставив перед Гуньковым обед, вернулся в прихожую, со спокойной совестью принялся подкидывать дровишки в печи. Вдруг, с треском распахнулась дверь офицерской комнаты и на пороге возник, донельзя разгневанный, прапорщик.

-Ты чего принёс, чёrtов ублюдок?! – завопил он, потрясая котелком.

-Так что, борщ, господин прапорщик! – смиренно сообщил Михаил, вытягиваясь.

-Идиота из меня делаешь?! С каких это пор, помои стали называться борщом?! На попробуй, скотина!

И Кониная голова с размаху запустил в Мишку котелком, Михаил увернулся, котелок с объедками врезался в печь, угваздав последнюю живописными узорами (натуральный Пикассо). Брызги разлетелись по стенам и потолку. Пол оказался улит объедками, очень смахивающими на блевотину.

-Да я вас обоих, с поваром на губе сгною! На фронт спроважу! Дерьмо заставлю жрать! Дегенераты безмозглые!... - орал Гуньков, вне себя от праведного негодования.

Сцена достойная пера Ярослава Гашека. Не секрет, что великий чешский писатель, много поколесил по Сибири в составе 5-ой армии Восточного фронта. Набравшись неизгладимых впечатлений от общения с русскими Швейками, задумывал юмористическую эпопею о гражданской войне. Заслуженный деятель искусств РСФСР художник Ярослав Сергеевич Николаев, работавший вместе с Гашеком летом и осенью 1920 года в Иркутске и живший с ним в смежных комнатах домика пастора, свидетельствует даже, что читал, написанные по-русски, главы эпопеи «Швейк в стране большевиков». К сожалению, русский вариант «Швейка» считается утерянным...

Сложно сказать, чем бы закончилась баталия в прихожей, но тут, во дворе возникло явственное оживление – проскрипели ворота, застучали копыта лошадей, послышались громкие людские голоса. Конная команда спешила к штабу.

Гуньков взглянул в окно и, ни слова больше не говоря, поспешно ретировался в свою комнату, плотно захлопнув за собою дверь. Михаил, заинтересовавшись происходящим во дворе, потянулся, было к окну, но в это время, порывисто вошёл Баранов. И стал, будто вкопанный. Поражённый тарарамом, творившимся в прихожей.

-Эт-то, что такое? – строго воззрился он на вытянувшегося в струнку Егорова.

-Осмелюсь доложить, (чувствуется, чувствуется родственность душ с бессмертным Йозефом) господину прапорщику обед не понравился.

Баранов нахмурился и, старательно обходя заляпанные объедками места, проследовал к офицерской комнате, рывком распахнув дверь. Застигнутый врасплох прапорщик сподобился только натянуть френч. Обуться и застегнуться не успел. Багровая, небритая физиономия и растрёпанная шевелюра, выдававшие беднягу с головой, дополняли портрет (сюрреализм полнейший), представший перед командиром роты.

-Потрудитесь, прапорщик, привести себя в порядок. - Сквозь зубы процедил Баранов. - А потом, зайдите ко мне.

И резко повернувшись, прошёл в свой кабинет.

Хабаров нервничал. Просто не находил себе места. То принимался ходить взад-вперёд по горнице, то порывался бежать, не осознавая куда, то садился к окну и не спускал глаз с улицы. Время шло, он же продолжал пребывать в состоянии нервного возбуждения и полной неопределённости. На последнем заседании подпольного комитета постановили начинать восстание в день возвращения командира роты из Томска. По сигналу Хабарова, ибо на него было возложено общее руководство всеми боевыми действиями заговорщиков.

И вот Баранов прибыл. Следовательно, наступило время восстания. «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги», именно теперь и возникли непредвиденные затруднения. С конвоем, сопровождавшим ротного в Томск, отправился рядовой Белецкий – человек заговорщиков. Ему надлежало в столице губернии встретиться с представителями большевистского подполья, с которыми у Хабарова наметилась связь через Иона Маркова, рассказать им о положении в роте, о создании подпольного комитета, по возможности, заручиться поддержкой и получить рекомендации на дальнейшие действия.

Конвой вернулся, а связной, по неизвестным причинам, не появлялся. Неужели задержали в Томске? Может, не дай бог, конечно, что случилось по дороге? Воображение Иосифа рисовало картины всевозможных бед, свалившихся на голову несчастного посланца...

По замыслу подпольного комитета, восстание должно было начаться с ликвидации больничного караула. Для этой цели создали специальную ударную группу, под началом Фёдора Романцева. Однако, к бдительным часовым запросто, на кривой кобыле не подкатишь. Необходимо знание пароля. Иначе, будь ты трижды специальная группа, мечтать близко подойти к караульному помещению не приходилось. Лезть на пролом же – значило обрекать себя на лишние потери, ставить под сомнение успех восстания в целом. А ведь, именно начало, во многом, определяет успех или неудачу осуществления любых, не обязательно военных, операций и дел.

Пароль обещал узнать и сообщить Михаил Егоров, проникшийся искренним доверием к Хабарову. Проявленное Иосифом простое человеческое участие, сторицей отозвалось в, тяготившейся одиночеством, Мишкиной душе. Почувствовав свою нужность в важном и секретном предприятии, он готов был из кожи вон выпрыгнуть, лишь бы оправдать ожидания новых товарищей.

Но и Егоров не появлялся. Хотя, должен быть, сразу после возвращения командира роты. Неужели, провал? Неужели Баранов, пронюхал о замыслах заговорщиков и в данный момент готовит кровавую баню заговорщикам? А он сидит, сложа руки....

Ещё свежи были у Хабарова в памяти воспоминания о кровавых уроках неудачного восстания в Камне, в котором ему довелось поучаствовать. Теперь-то он понимал, то восстание потерпело жестокую неудачу из-за слабой подготовки. Приложили подлую руку к конфузии и провокаторы.

Организаторы неудавшегося восстания рассчитывали, в первый же момент, овладеть цейхгаузом (складом оружия), затем, вооружив доселе безоружных призывников, легко и просто разгромить колчаковскую охрану. Но, далеко не всегда, примеров тому пруд пруди, простота планов сродни гениальности. Арсенал восставшим захватить не удалось. Цейхгауз оказался под усиленной охраной часовых и под надёжными запорами. Поднятый по тревоге караул, открыл стрельбу по растерявшейся толпе безоружных призывников, среди восставших сразу же появились раненые и убитые, раздались стоны и предсмертные крики, посеявшие замешательство и панику в их рядах. Руководители мятежа, понадеявшиеся на благоприятное течение событий (волшебное русское «авось»), не предусмотрели резервных вариантов, а, столкнувшись с организованным отпором, растерялись, выпустили ситуацию из-под контроля. В результате несерьёзного подхода к серьёзному делу, бунтовщикам, в конце концов, пришлось сдаться, уповая, совершенно напрасно, на милость победителей.

Наутро, после подавления, бездарно проведённого и безобразно подготовленного, выступления, мятежных призывников построили в одну шеренгу, и белогвардейцы принялись чинить кровавую расправу. Палец провокатора превратился в карающий перст судьбы, отмеченных, неотвратимым движением роковой длани, выхватывали из строя, ставили к стенке и тут же расстреливали, полагая, проведение следствия и суда лишними, мешающими свершению правосудия процедурами. Лишь по счастливой случайности Хабарову и Романцеву удалось избежать, казавшейся неминуемой, смерти.

Трагический опыт восстания в Камне подсказывал – нельзя бесконечно испытывать судьбу, полагаясь на случай, сказочное везение долго продолжаться не может. Поэтому при подготовке, руководимого им восстания, Хабаров постарался учесть малейшие детали. Тем более что расклад сил до последнего времени, по-прежнему, оставался не в пользу заговорщиков. Их насчитывалось всего тридцать восемь человек. Тогда как, кулацкие добровольцы с офицерами, включая егерских, обладали практически тройным превосходством.

Всего же в барановской и егерской ротах насчитывалось более двухсот человек. Среди личного состава насчитывалось и немало насильно мобилизованных солдат и унтеров, которые, как справедливо полагали члены подпольного комитета, должны примкнуть к восставшим. Но здесь, велика опасность уткнуться в пресловутое «авось», бабка скажет надвое и пиши - пропало. Желание поддержать, либо не поддержать заговорщиков среди служивых, не обременённых белой идеей, будет зависеть от того, в чью пользу станут развиваться события. Потому-то и намечалось, в первую очередь, ликвидировать больничный караул, представлявшийся мятежникам наиболее организованной боевой единицей. По логике, именно Феде Романцеву с его группой предстояло сыграть определяющую роль в готовившемся перевороте. Но прежде, полагалось обеспечить их паролем.

По плану восстания, разработанному подпольным комитетом, для остальных заговорщиков, тоже разбитых по группам, сигналом к вступлению в действие должны послужить первые выстрелы в районе больницы. Причём, каждая из групп имела своё, чётко определённое задание. Например, группа Николая Новикова должна была нейтрализовать четвёртый взвод унтера Каличкина, состоявшего сплошь, за редким исключением, из кулацких добровольцев. Группы Николая Силко и Григория Конева

блокировали егерей. Поднять восстание в Сергеево поручили ротному «доктору» Александру Башкату, с первых дней энергично и плодотворно работавшему на ниве подготовки общего выступления, не забывавшего, однако, готовить почву для волнений и по месту постоянного пребывания. Хабарову, кроме общего руководства восстанием, вменялось, вместе с приданной группой, захват штаба и уничтожение квартировавших там офицеров и бахмеевцев.

Предусматривались планом и, кой-какие, военные хитрости, обманные меры. К примеру, дабы сбить с толку офицеров и кулацких добровольцев, заговорщики, с началом стрельбы принимаются кричать: «Тревога! Партизаны наступают!» Выскочившие на улицу идейные борцы за белое дело, тут же и уничтожаются. Причём, желательно, холодным оружием, во избежание случайных жертв среди мирных жителей.

Тщательно обмозгованную идею оставалось грамотно претворить в жизнь. Решающее значение в успехе восстания, по мысли Хабарова, должен был иметь фактор внезапности. Но странные осечки случайного или не случайного характера, прямо накануне выступления, ставили под угрозу задуманное.

Неужели Михаил Егоров подвёл? Его не посвятили во все замыслы заговорщиков, приоткрыв лишь суть. Смышлёному посыльному не составило труда догадаться об остальном. Он с энтузиазмом вошёл в роль, посланного в логово врага разведчика, снабжая Хабарова, интересующими его сведениями. Твёрдо обещал сообщить пароль и на этот раз. Но вот, поди ж ты...

Куда запропастился Белецкий? Умудрился выдать себя и попал в лапы контрразведки? А славные мастера заплечных дел, представляющих почтенную организацию, умеют развязывать языки. Традиции обязывают. Может и дед Ион подрабатывает провокаторм у них?

Голова Иосифа шла кругом. Но, опять же, если провал, то почему Баранов до сих пор бездействует? Не хватает заговорщиков? Или готовит западню? Есть, есть, над чем пораскинуть мозгами.

Увлечённый беспокойными раздумьями, Хабаров, вздрогнул от неожиданности, когда с треском распахнулась лёгкая двухстворчатая дверь горницы, и на пороге возник, улыбающийся во весь рот Михаил Егоров.

-Наконец-то! – воскликнул Иосиф, вскакивая с места. - Ну, чёрт непутёвый! Я уж, не знал, что и думать. Где ты пропал?

-Выполнял распоряжение господина капитана. - с напускной важностью пояснил Мишка, присаживаясь к столу, продолжая улыбаться неизвестно чему.

-Какого ещё капитана? – насторожился Хабаров.

-Такой чин теперь у нашего ротного!

-Вон оно что.... Поди, сияет новым гривенником?

-Наоборот, смурной какой-то.

-Смурной? С чего бы?

-Леший его разберёт? Заявился туча тучей. Вдобавок, Гуньков ему настроение подпортил.

-Их конеподобие, по обыкновению, изволили буйствовать?

-А то. - Улыбнулся Михаил и принялся рассказывать об инциденте с прицельным метанием котелка, прерванном неожиданным появлением новоиспечённого капитана.

-Ну, учудил! – расхохотался Хабаров, дослушав повествование собеседника до конца. - Это ж, додуматься надо – обедками прапора кормить!..

-По идее, он ничего лучшего и не заслуживает. Не в коня овёс.

-Повезло тебе, Мишка, что Баранов вовремя вернулся, - отсмеявшись, заметил Иосиф, - Досталось бы тебе, пожалуй, на орехи.

-Легко сказать, да трудно сделать. Я, ведь, тоже не лыком шит, - несколько самонадеянно возразил Егоров, - Пока что, не мне, а Кониной голове ротный вломил по

первое число, за угвазданную прихожую. Правда, наводить чистоту в ней меня заставили. Но я в долгу не останусь. Накормлю вонючего мосла ещё и помоями. Пусть только надрызгается.

-Брось, Мишка, не ровён час, доиграешься.

-Не беспокойся, меня голыми руками не возьмёшь. Если что, я и свинцовыми орешками могу угостить. - С угрозой произнёс Михаил, похлопав себя по оттопыренному брючному карману, где, судя по всему, хранился револьвер.

-Ладно тебе, не пори горячку, не лезь поперёк батьки в пекло. - Уже строго осадил Хабаров. – Лучше скажи, чем занимается, единственный в нашем богоугодном селе, капитан.

-Баранов, что ли? В баню собирается.

-Точно?

-Точнее не бывает. Я только что от Лампсаковых. Меня их благородие посылали узнать, насчёт баньки.

-Узнал?

-Обижаете господин унтер-офицер. Уже затопили.

-Значит, Баранов весь вечер проведёт у Лампсакова?

-Как пить дать.

-Надеюсь, капитан не в одиночестве будет париться?

-Главный доктор просил меня передать его приглашение егерским офицерам и местному причиндалу Чернышёву.

-Офицеры нашей роты, выходит, не удостоились?

-Наши мордой не вышли, чтобы в лампсаковской бане мыться. Там своя компания, а у наших другая. Те в карты дуются, – преферанс называется, а наши, прости господи, водку жрут, матом ругаются, бросаются котелками, да с бабами шурымуры разводят.

-Так, так... - протянул Иосиф, удовлетворённый полученными сведениями. Однако оставалась не прояснённой судьба Белецкого. – Ещё вопрос, - как бы, между прочим, поинтересовался он, - Ты не заметил, все ли конвойные вернулись из Томска?

-Я краем уха слышал разговор, якобы, кто-то из сопровождающих остался в городе, - сообщил Егоров, - А что?

-Да так... Не знаешь, кто именно?

-Не знаю. Но могу узнать, если надо.

-Думаю, не надо. - Быстро ответил Хабаров.

Лишние расспросы, резонно полагал Иосиф, могут навлечь подозрения на спрашивающего. Ежу понятно, что в Томске остался Белецкий. Если бы он вернулся, то давно бы уже прибежал с докладом о результатах поездки. Подставляться самому, либо подставлять Егорова, попытками выяснения судьбы связника, Хабаров счёл неразумным, оставив на потом поиск причин, не позволивших тому выполнить задание.

-Помнится, некоторые, пароль обещали разузнать. Поди, по молодости лет, успел позабыть просьбу старшего товарища?

-Постыдились бы, господин унтер - офицер. И язык поворачивается, поклёпы возводить. Вот тебе пароль. – Егоров подал Хабарову бумажку, на которой было начертано печатными буквами несколько слов.

-Извини старик, запамятовал, с кем дело имею. Спасибо, Михаил! – порывисто приобнял посылного Иосиф.

-Не стоит благодарностей, - заскромничал тот и неожиданно спросил: На кой ляд, пароль-то тебе?

-В Старо-Кусково хочу по делам сбегать. – Раздумчиво произнёс Иосиф, заранее заготовленную фразу. Подмигнул для убедительности, намекая на амурный характер предстоящих походов. Однако ложь получилась неуклюжей, слишком наигранной, ибо Иосиф не умел и не любил говорить неправду. А тут приходилось, грубо говоря, врать славному парню, безотказно снабжавшему заговорщиков ценной

информацией. Чувство, похожее на брезгливость к себе, за беспардонное втирание очков собеседнику, неприятно царапнуло Хабарова. Теперь он досадовал, что в своё время, из конспиративных соображений не ввёл его в число заговорщиков. Парень-то вполне надёжный и сметливый и мог бы принести немалую пользу подпольщикам не только в качестве информатора. Но переиначивать уже поздно. Осталось ненавязчиво предупредить парня о грядущих событиях, чтобы они не застали его врасплох.

-Послушай, Миш, - в тоне незадачливого конспиратора явственно слышалась досада на собственную сверхбдительность, - Сегодня, ближе к вечеру, может возникнуть на селе серьёзная заварушка. Со стрельбой и прочей музыкой. Есть слух, что партизаны напасть собираются. Я тебя очень попрошу: будь осторожен. В случае чего, спрячься от греха подальше. Не подставляй голову под пули. Ясно? (Ненавязчиво называется, снова посетовал на себя Иосиф, не умеешь врать, не берись).

-Партизаны, говоришь? – с невинным видом заинтересовался Егоров. - Странно, почему в штабе об такой сурьёзной опасности не ведают? Надо, поди, ротного предупредить, пока он в баню не ушёл?

-Не вздумай! – не на шутку всполошился дебютирующий провозвестник. – Замкни язык на замок, никому ни слова об услышанном. А то, подведёшь под монастырь...

-Не ёрзай, Осип, я ж пошутил, - рассмеялся Мишка и, глянув в глаза Хабарову, упрекнул: Только зря ты передо мной комедию ломаешь, секреты секретничаешь, – я умею держать язык за зубами.

Смышлёный посыльной давно догадался об истинной сути предстоящих событий.

-Ладно, замнём для ясности. Потерпи до завтра. Обещаю, больше врать тебе не буду, - после неловкой паузы, извинился Хабаров. – А пока, не забудь мой наказ.

-Насчёт чего?

-Насчёт осторожности.

Неожиданно Мишка спросил: - А, правда, что Ленина нам германцы завезли?

Конечно, в роте ходили разговоры среди офицеров и не только, что Ильич немецкий шпион. Будто бы кайзер самолично заслал его России на погибель. Но Иосиф не верил, считал это наговорами. Что бы вождь мировой революции с немчурой якшался?! Да не в жизнь! Последняя фраза и прозвучала ответом.

-Вот и я думаю – враки. Брешут наши командиры. – Егоров, насвистывая, отправился к штабу.

После ухода Мишки, Хабаров некоторое время посидел ещё за столом в горнице, напряжённо раздумывая, затем встал, быстро оделся и вышел из дома.

Мы же снова чуть – чуть порассуждаем. 3 апреля 1917 года в Россию из эмиграции возвратился Ленин. Возвратился не один. Вместе с ним, в отдельном вагоне с удобствами и хорошим поваром прибыли 32 человека. С организацией проезда через Германию им помог Александр Парвус. Кто такой Парвус? Социал-демократ, пользующийся доверием самого кайзера. Издатель журнала «Колокол». Вагон благополучно проследовал через Германию и Австрию. Тот факт, что эти страны находятся в состоянии войны с Россией, Ильича не смутил. Интернационалисты выше предрассудков.

Бюргеры, в свою очередь, быстро въехали, как можно срубить денегат по лёгкому. Тоже оказались людьми без предрассудков. И, ведь, срубили, и, ведь, не только денегат. Брестский мир сулил потомкам тевтонцев не хилое увеличение *жизненного пространства*. Эффективность грошовых инвестиций просто запредельная! Оказалось, правда, что в странах Антанты (уже без России) финансисты покуче будут.

Помните, как легко заплутал Василий Иванович в трёх, нет, не соснах, интернационалах? Затруднения разрешил мудрый комиссар. Некоторые до сих пор числят вождя мирового пролетариата за шпионским ведомством одного из рейхов. Плутают. Масштабец мелковат. Это был чистой воды бизнес, только политический бизнес, и тоже ничего личного.

Государство – это я! На кону власть, власть над одной шестой частью суши. А случаи асфиксии от стыда, при *глотании* суверенитета, истории не известны. Ну не сподобился ещё никто властью подавиться. Вот поэтому миром правят прагматики, они, да, хоть, с чёртом, если по пути. Ленин – исключение? Увы. Ну, а романтики? Романтики пусть разгадывают тайны интернационалов.

*Я ищу государство,
где человек может
дешёво получить
отечество.*

Парвус А.Л.

А Парвус Александр Львович - персонаж, который даёт нам прекрасный повод порассуждать о роли личности в истории. Что ж, Гельфанд Израиль Лазаревич (настоящее имя Парвуса), тоже не был романтиком, по крайней мере, ему так казалось. Делец. Отсюда и умение ставить цели и добиваться желаемого. И дар предвидения – чутьё, если хотите.

Вот смотрите, поражение России в войне с Японией предсказал. Ну да, здесь особого полёта мысли не требовалось. А что война перерастёт в революцию? Тут уж поискать надо прогнозистов. Ну, а кто в начале века ставил на нефть? На рынке энергоносителей безраздельно властвовал уголь. Сбылось пророчество Александра Львовича и по поводу объединённой Европы с Германией – локомотивом. Троцкий озвучил его идею *перманентной революции*. Много чего, в общем, напрогночил. Просто Жюль Верн, право слово. Ну, кто ещё мог додуматься бороться с полицией с помощью *фукалок* – пульверизаторов с едкой жидкостью. Пшик в глаза – и твори добро, можно и кулаками!

Угадал и с Лениным. Хотя друг друга, два этих ярких человека, мягко говоря, не уважали. Ленин Парвуса считал грязным типом, немецким агентом, переговоры вёл через посредников. Далёкий от жизни догматик – это уже Парвус об Ильиче. Стоит ли удивляться, что после Октября Ленин и имени Парвуса слышать не хотел. Последний, в отместку, развернул антибольшевистскую пропаганду, вот откуда ноги растут у *немецкого шпиона*. Но, но прагматик недооценил догматика. Романтикам позволительно витать в облаках, прагматикам – боже упаси! Нет, с Лениным, скорее не угадал. Попутал ферзя с пешкой. Ладно, простим ему, мало кто из выдающихся гроссмейстеров, в дебюте партии может увидеть эндшпиль с проходной пешкой. Хотя комбинация с plombированным вагоном, сама по себе, достойна аплодисментов.

Умер Парвус в 1924 году. Лично благополучный и богатый. Да, ему уже давно было, что терять, кроме цепей, вот пути с мировым пролетариатом и разошлись.

7. ВОССТАНИЕ

*Великая общая ненависть создаёт крепкую дружбу.
Корнелий Тацит.*

Группа Степана Сгибнева выступила последней, но действовать ей предстояло первой. Время выдвижения выбрали, рассчитывая к наступлению сумерек занять исходные позиции. Шли молча. Студёный порывистый ветер пронизывал насквозь лёгкие форменные тужурки из шинельного сукна, слепил глаза колючей снежной крупкой. Широкая деревенская улица была тиха и пустынна. Нигде ни души. Село

будто вымерло. Собаки взирали в отдалении с, нагоняющим тоску, подвывом, с роковой безошибочностью предвещая появление покойника, или покойников.

Степан шёл, не замечая ничего вокруг. Даже пронзительного, по-зимнему сурового, холода. Волнение, охватившее его, изливалось изнутри лихорадочным жаром. Он вспотел. Слишком большая ответственность свалилась на него перед самым выступлением.

По предварительному плану восстания, намеченному подпольным комитетом, действиями заговорщиков в районе больницы должен был руководить Фёдор Романцев. Но, в последний момент, получив информацию о намерении Баранова с егерскими офицерами провести наступающий вечер у Лампсакова, Хабаров внёс коррективы в первоначальные намётки. Феде он поручил уничтожение гостей Николая Александровича, а командовать нападением заговорщиков на больничный караул попросил Степана. В состав его группы вошли: двоюродный брат – Александр Сгибнев, Яков Янгель, Константин Кошкин, Николай Чернов, Илья Горшков и некоторые другие заговорщики.

Задача перед ними стояла, на первый взгляд, чёткая и ясная – ликвидация караула в районе больницы. Дополнительными инструкциями, регламентирующими тактические ходы группы в той или иной конкретной ситуации, их не снабдили. Предоставив разрешать проблемы, по мере их возникновения, самим, сообразуясь с собственным боевым опытом и разумом. Безоговорочное доверие, с одной стороны, радовало Степана, с другой – давило непомерной тяжестью ответственности. В случае неудачи делить вину будет не с кем, спрос за неправильные решения с одного человека, с него, Степана Сгибнева. Неоднозначность ситуации порождала вопросы у личного состава группы. Николай Чернова, например, волновало следующее:

-Как мы поступим с часовыми?

-Будем снимать! – категорически рассудил командир группы.

-Тоись, иначе говоря, мы должны их уничтожить?

-Пойми, у нас нет другого выхода.

-Предположим, они из мобилизованных, тогда как?

-А чёрт его знает, как... Только, ведь, и агитировать их нам теперь ситуация не позволяет. Не в бирюльки играть идём.

-И то, правда... – тяжело вздохнул Николай и замолк, не имея больше вопросов.

Сильно смущала жестокая необходимость ликвидации часовых и Степана. К сожалению, физическое уничтожение часовых, в данных обстоятельствах, единственно приемлемый вариант. Любым способом. Рассусоливать и жевать сопли времени не будет. Если на посту окажутся кулацкие добровольцы, задача значительно облегчалась – прикладом по балде и делу конец. Если насильно мобилизованные... Сгибнев не хотел проливать невинной крови. Но нет у него права и рисковать судьбой восстания. А, вдруг, тот же насильно мобилизованный солдатик, сдуру, возьмёт и поднимет тревогу? Переполошится караул, начнётся стрельба, шансы, как минимум, выровняются, значит, смело ставь крест на успехе всего восстания. Ведь, по-прежнему, заговорщики находятся в значительном численном меньшинстве.

И не надо обладать богатой фантазией, чтобы представить себе участь, которая ждёт участников переворота, в случае их поражения. Наглядный пример, – расправа над молодым ксеньевским мужиком, которому, по приказу Сурова, пропустили обе руки через льномялку, раздробив кости на мелкие кусочки. Жуткие муки, перенесённые несчастным, нормальному человеку просто невозможно вообразить.

Впрочем, это муки, всё-таки чужие. Степан Сгибнев и на собственной шкуре испытал прелести колчаковского плена, угодив в лапы белогвардейцев после неудачного боя на станции Богашёво. Контузило, потерял сознание – нелепый бой, нелепое пленение.

Первоначально всех пленных красногвардейцев белогвардейские мятежники собрали в Доме Советов, с наступлением сумерек повели в Центральную тюрьму. Под усиленным конвоем. За сплошным кольцом солдат, шедших с винтовками наперевес, сразу образовалась чрезвычайно агрессивная толпа, состоявшая из купчиков, лавочников, владельцев доходных домов, чиновников, желторотых гимназистов из состоятельных семей и прочей «благородной» публики. Находилось в разношёрстной, пёстрой толпе и немало приличных с виду господ и шикарно одетых дамочек.

Нелепый бой, нелепое пленение.

Черносотенная свора алкала крови и зрелищ. Проблемы хлеба и даже хлеба, густо намазанного икорочкой и маслом, у бомондствующих агрессивных зевак не существовало. Толпа орала, улюлюкала, сквернословила, напирала на угрюмый конвой, требуя немедленной расправы над пленными красными. Конвоируемые передвигались с трудом, поддерживая друг друга. Многие ослабели от полученных ран, некоторые успели познакомиться с прелестями допросов с пристрастием, знакомство оставило значительные отметины на теле и в душе. В общем, неизвестно, кому было хуже. Раны, перевязанные грязными тряпками, кровоточили одинаково у всех.

Степан Сгибнев тоже ещё не оправился от контузии и шёл, опираясь на чью-то руку. У него зверски болела голова, перед глазами плавали огненные круги. Тем не менее, он адекватно воспринимал дьявольские пляски, буйствующей оравы, отчётливо сознавая, нависшую над ним и его товарищами по несчастью, опасность. Чаше и чаще, то камень попадал в одного из конвоируемых, то трость или зонтик доставали беззащитную спину красногвардейца. Слабые стонали, злые и сильные забористо и отчаянно матерились, более и более распаляя низменные страсти, кровожадные инстинкты стаи, потерявших человеческий облик, гомо сапиенсов.

Сгибневу поневоле вспомнилась подобная сцена из книжки «Гибель Парижской коммуны», прочитанной им уже после Февральской революции. Фантазмагорическое сходство с описываемым в романе трагическим эпизодом самосуда, устроенного великосветскими дамами и господами, над истекающими кровью коммунарами, заставило Степана поёжиться. Французские аристократы и аристократки, именующие себя сливками общества, отбросив великосветские манеры, безжалостно кололи зонтиками, стеками, прочим колющими и режущими предметами беззащитных, окровавленных революционеров, стараясь попасть в самые чувствительные места, причинить побольше страданий перед смертью. Благородство и милость к побеждённым, остались в прошлом, в романах Дюма. Угроза потери власти и

капиталов превратила изысканных дворян в отвратительных хищных зверей, готовых вцепиться в глотку быдлу, посягавшему на святые ценности, отнюдь не духовные. Наглядный образчик классово-борьбы.

Шабаш ведьм из «Гибели Парижской коммуны» материализовался на улицах Томска. Урок политграмоты из теоретического, умозрительного занятия, превратился в страшный практический урок.

Меж тем, положение пленных красногвардейцев становилось, с каждой минутой, всё более угрожающим. Судя по поведению «добропорядочных» граждан, их ждала печальная участь парижских коммунаров. Распоясавшиеся, опьянённые безнаказанностью, нелюди, сгораемые изуверским огнём, с готовностью собирались исполнить роль палачей, учинить кровавую оргию. А начальник конвоя, поручик Стрижов, ограничивался лишь вялыми увещеваниями:

-Господа, попрошу без эксцессов! Образумьтесь, господа....

Но вошедшие в раж «господа» не обращали на его слова ни малейшего внимания. Дело, наверняка, кончилось бы самосудом, если бы не одно обстоятельство. Благодаря счастливой случайности, среди пленных оказался бывший подпоручик Кузьмин, учившийся, в своё время, в коммерческом училище вместе с поручиком Стрижовым. Определив, что наступает критический момент, Кузьмин протолкался к начальнику конвоя, бесцеремонно ухватил того за ремень со словами:

-Слушай, Стрижов, если собираешься допустить самосуд, попрошу заранее учесть: первым сдохнешь, именно ты. Задавлю, как последнюю падлу. Понял? Мне, как ты, наверное, догадываешься, терять особо нечего.

-Володька? – удивился Стрижов, без радости узнав в рослом пленном своего старого однокашника, - Но ты-то, как очутился в этой компании?

-Не твоего ума дело! – отрезал Кузьмин, - Заруби себе на носу мои слова. Если, конечно, жить хочешь.

Стрижов хорошо знал по коммерческому училищу, что Кузьмин слов на ветер не бросает. При редкой физической силе, он обладал и весьма решительным характером. Поэтому сомневаться в реальности опасности, в том, что он, не задумываясь, приведёт свою угрозу в исполнение, не приходилось. Начальник конвоя заозирался по сторонам, ища место поспокойней. Однако ретироваться подальше от опасного соседства не удалось, – толпа прижала его вплотную к пленным. Пришлось «вспомнить» обязанности, прописанные в «Уставе караульной службы», касающиеся сопровождения в пути следования колонны пленных.

-Господа! А ну, прекратить безобразничать! – срывающимся голосом потребовал он. - Не вынуждайте к крайним мерам!

Для остротки пальнул вверх из нагана. Конвойные, видя разительную перемену в настроении начальника, тоже принялись напирать на толпу. Энергичные меры сопровождающих подействовали на представителей «почтенной публики» отрезвляюще. Они резко ослабили напор на колонну, после второго предупредительного выстрела Стрижова, начали с глухим ропотом расступаться в стороны и понемногу рассеиваться. Кровавая трагедия, неминуемо должна разыграться на сумеречных улицах Томска, не состоялась.

Пережитые страхи, испытанный ужас от осознания собственной беспомощности перед лицом разъярённой толпы, по пути из Дома Советов в Центральную тюрьму, запомнились Степану на всю оставшуюся жизнь. Навсегда в душе остался и горький осадок от чувства унижения, ассоциирующегося с белогвардейским пленом.

Теперь пришло время реванша, пора вернуть должок колчаковцам. Для себя он твёрдо решил: или, или. Или победить, или погибнуть. Третьего не дано. Ещё раз оказаться в шкуре пленного, нет уж, увольте, лучше сдохнуть.

Больница стояла на довольно высоком взгорье. В окружении белоствольных берёз. Её бревенчатые, крашенные яркой охрой и крытые железом корпуса выглядели

опрятно и даже чопорно на фоне печального, предзимнего запустения. Левее, по тому же взгорку возвышался добротный особняк доктора Ламисакова, под высокой железной крышей, не уступавшей больничным. Он высокомерно довлел над почерневшими кособокими избёнками деревенской улицы, притулившейся внизу у самых Соколов. Её именовали на селе, почему-то, Матершинной.

Особняк Лампсакова обложили заговорщики из группы Феди Романцева. Впрочем, и у больницы затаилась засада, высланная заранее. Лишь Степан Сгибнев со своей, сравнительно малочисленной группой шёл в открытую. Прямо на часовых. Так было предусмотрено планом восстания. Когда дорога, проходившая прямо у самых ворот больницы, вывела их на взгорок, раздался резкий окрик:

-Стой! Кто идёт?

-Свои! – как можно спокойнее отозвался Степан.

Слева возвышалась больница, справа уходил вниз крутой склон Чулымского поймища, под которым чернел густой ельник. В ельнике и находилась засада, ей вменялась задача боевой поддержки группы Сгибнева, при атаке на караульное помещение. Конечно, и в любой другой момент, если того потребуют обстоятельства. Подстраховка в военном деле лишней не бывает. Заранее трудно угадать, как будут развиваться события. Появление резерва, неожиданное для противника, в истории войн решило судьбу многих сражений.

-Пароль? – потребовал часовой, отделяясь от ворот, под защитой которых он спасался от непогоды. Штык его винтовки холодно блеснул в сторону заговорщиков.

-Шомпол, - сообщил Сгибнев, в свою очередь потребовав: А отзыв?

-Боёк.

Часовой, видно, успокоился. Повесив винтовку на плечо, безбоязненно пошёл навстречу заговорщикам. Сгибнев смотрел на него с большим облегчением, довольный, что в самом начале не придётся губить невинных, брать грех на душу. Он сразу узнал часового, к ним направлялся кулацкий доброволец Губанов.

-Ух, озяб совсем, - посетовал он, подходя. Деловито осведомился: И куда это, вы такой компанией наладились? На ночь-то, глядя.

-На кудыкину гору. - С усмешкой сообщил Яков Янгель.

-А я сурьёзно спрашиваю, - осерчал Губанов, спуская с плеча винтовку, - Для вашего сведения, нам приказано никого из села не выпускать без особых пропусков. Понятно?

-Даже своих?

-Всех без разбору. Своих тожеть. Откуда кому знать, что у кого в башке? Может, вы в бега наладились?

-Ладно, Губанов, не строжись, - поспешил успокоить бдительного часового Степан, - В секрет нас направили. Вам в подмогу. Иначе, как бы нам стал пароль известен? Говорят, партизаны на село напасть собираются.

-Партизаны?.. – осевшим голосом переспросил Губанов. - Ты что, сурьёзно? Врёшь, поди?

-Спроси у Баранова, если нам не веришь.

-Ах, мать честная! Надоть начальника караула предупредить. Эй, Иван! – кликнул он подчаска, фигура которого маячила у забора больничного кладбища, начинавшегося сразу за больничными строениями.

-Чего тебе? – отозвался простуженный голос с той стороны.

-Ходи сюда!

Вскоре подошёл и подчасок. Этот тоже оказался из кулацких добровольцев. Сгибнев облегчённо вздохнул. Наступила ясность. Гора упала с плеч. Мучиться угрызениями совести, по крайней мере, на первом этапе операции, явно не придётся. Украдкой оглядев подчинённых, понял, напряжение и их отпустило, ждут сигнала к действию.

-Зачем звал-то? – недовольно поинтересовался подчасок у часового. – И что за базар, ты тут устроил? Устава не знаешь?

-Засунь устав себе в одно место! Ты вот послухай лучше, что ребята сказывают....

Однако договорить Губанов не успел, а его подчасок так никогда и не узнал, что «Ребята сказывают». По знаку Сгибнева на их головы обрушились приклады заговорщиков, и они мешками рухнули на мёрзлую землю. Не издав ни звука.

-Ну а теперь – в караульное! – скомандовал Сгибнев и коротко свистнул, давая знать засаде.

Начальник больничного караула младший унтер-офицер Мотов «воспитывал» дневального. Любимым занятием, надо сказать, высокого воинского начальника (высокого, в смысле роста), являлось вправление мозгов подчинённым на место, известное ограниченному кругу высоких воинских начальников. Унтер рьяно старался соответствовать поговорке: «В армии, как в дубовой роще – все дубы и все шумят». Особенно в подпитии. В данное время, он уже успел навеститься к сестре-хозяйке больницы, с которой у него налаживались амурные дела, угостившись почти целым стаканом чистейшего, словно слеза, крепчайшего, словно первач, медицинского спирта. Покладистая дебелая сестра обещала ждать его с наступлением темноты в приёмном покое. Многообещающая ночь в жарких объятьях пышногрудой нимфы добавляла энтузиазма начальнику караула. Коротая время, в ожидании предстоящих любовных ласк и безумных утех, строгий службист, с удвоенной энергией бросился на поиски и искоренение упущений, во вверенном ему неусыпным заботам караульном помещении, решив для начала подзаняться воспитанием дневального, к которому имел основательные претензии.

-Я тебе что, хрен твоей морде, балалайка, что ли? – допытывался он у молодого худощавого солдата, стоявшего у выходной двери с независимым видом. - Отвечай, когда тебя спрашивают!

-Никак нет!

-Что значит, «никак нет»?

-Не балалайка.

-Так почему ж ты, хрен твоей морде, мне сёдни, опять сапоги не почистил?

-А такого, даже в царском уставе не было записано, чтоб дневальный сапоги кому-то чистил.

-Что?! Ты смотри, какой грамотный выискался! В уставе ему не записано! – До глубины души оскорблённый в лучших чувствах, возмутился унтер. – Ну, погоди, хрен твоей морде, я из тебя эту дурь вышибу. Ты у меня пообрёхиваешься, хрен твоей морде!

-Никак нет!

-Что опять, «никак нет»?

-Не отбрёхиваюсь.

Молчать, хрен твоей морде!

Караульные свободной смены коротали время, всяк по своему. Одни задавали храпака на деревянных нарах, укрывшись форменными тужурками, другие резались в подкидного дурака, третьи чинили обмундирование. Но звуки громкого воспитательного процесса заставили свободную смену оставить нехитрые занятия и полностью сосредоточиться на прослушивании бесплатного концерта. Даже храп прекратился.

-Ты из каковских будешь-то? – пытал, между тем, перегародышащий унтер дневального. - Поди, из фабричных? Только среди них, ить, такие грамотеи водятся.

-Деревенский я.... - Хмуро пояснил дневальный.

-Небось, богато жил, что мои сапоги почистить брегуешь? – с едкой иронией подметил Мотов.

-На чужого дядю всю жизнь монтулил. - сдержанно возразил «воспитуемый», зло скосив зеленоватые глаза на привередливого «воспитателя».

-Я б такого работничка и дня не держал!

-А я к тебе и не подумал бы наниматься. Если бы, не приведи господь, судьба свела, так красного петуха пустил бы!

-Что?! Да как ты смеешь так со мной разговаривать, хрен твоей морде?! – взорвался Мотов. - Я тебе покажу красного петуха! Ты сам, видать, красный, хрен твоей морде! Затесался тут!..

Судя по накалу страстей, бурный разговор грозил обернуться крупными неприятностями для дневального, но в это время с треском распахнулась дверь, и в караульное помещение ворвались заговорщики, моментально взяв под прицел винтовок, опешивших караульных. Незадачливый дневальный едва успел отскочить в сторону, давая им дорогу.

-Всем оставаться на местах! Руки вверх! – сурово приказал Сгибнев, занимая, меж тем, позицию с наганом наготове у ружейной пирамиды.

Запоздало, по вполне понятным причинам, среагировав, унтер Мотов метнулся к двери, но дорогу ему преградил более расторопный дневальный.

-Куда, сволочь?!

Рука, по-прежнему, высокого воинского начальника, скользнула к кобуре, однако, снова бдительный дневальный оказался быстрее, перехватив запястье одной рукой, с помощью другой ловко заломил верхнюю конечность унтера за спину.

-Молодец, парень. - Одобрил Николай Чернов, обезоруживая сникшего начальника караула.

-Вот ты и ты, - ткнул наганом Сгибнев в сторону ещё двух кулацких добровольцев, - Выходь сюда, в одну компанию с Мотовым.

Покорно повиновавшись, ни на кого не глядя, двое встали рядом с унтером.

-Слухай, Сгибнев, ну а нас-то остальных, чего на мушке держите? – вдруг вознегодовал один из караульных, степенный рыжеватый солдат. - Мы ж такие ж, как и вы, так принимайте в свою компанию. Нам ить, тоже не по нутру, власть колчаков, мать её, разъети-го. Вместе и будем крушить христопродавцев. Верно, ребята?

-Верна!..

-Правильна!.. – дружно загалдели остальные караульные.

-Ну, раз такое дело, разбирайте оружие! – просиял Сгибнев.

-А с этими троими, что делать будем?

-В распыл их!

-К стенке!

-Вот и распыляйте!

-Да как же так, братцы?! За что?! Ить, мы ж вам ничего худого не сделали, - запричитал один из обречённых, - Да я, ить, тоже за вас, за обчее дело... Жена ж, дети малые... Помилосердствуйте!..

-Молчи, сука! – Зло оборвал его Илья Горшков. – Лучше вспомни, как изгалялся над людьми, когда ездил с бахмеевцами. Сам же рассказывал.

-Да врал же я всё! Вот, ей-богу!

-Не божись! Знаем мы тебя, как облупленного.

-Вы за нас кровью умоетесь, хрен вашей морде! – подал голос и младший унтер-офицер. - Изменники! Иуды проклятые!..

-Кончай баззать! – оборвал его Степан. - Марш на выход!

Троих изгоев вывели во двор и поставили у бревенчатой стенки караульного помещения. Больше никто не причитал, не взывал к милосердию, осознав очевидную бесполезность унижений. Лишь унтер напоследок выкинул фортель, завопив: «Измена». Но грохнувший выстрел оборвал крик на полуноте. Вслед первому,

торопливо бабахнули ещё несколько выстрелов, и трое быстро приговорённых свалились замертво один на одного...

-Вот тебе и хрен твоей морде! – ткнул прикладом безжизненное тело уже невысокого воинского начальника, недавний дневальный, - Доорался, гад! – и, вскинув винтовку на плечо, потребовал: Давай, Сгибнев, команду дальше. Кто там, у нас на очереди?

-Айда, к штабу! – коротко распорядился Степан.

Жестокость порождает жестокость, кровавое колесо Гражданской войны продолжало неумолимо утюжить Россию, оставляя за собой страшный след человеческих страданий и смертей, причём, с той и другой стороны. Разум покинул сражающихся, оставив первобытное животное стремление, чтобы не быть съеденным, съесть первым, то бишь – не ты убьёшь, так тебя. Судопроизводство упростилось донельзя. Согласитесь, военно – полевые суды и трибуналы, причём, опять же, с той и другой стороны, только при серьёзном умопомутнении можно рассматривать в качестве органов, отправляющих правосудие. Посему и естественно, политическая целесообразность, а, по сути, та же месть, правда, в красивой идеологической обёртке заменила правосудие. Итог – интеллектуальную и трудящуюся элиту нации красного и белого цвета нещадно косила женщина, в развевающихся белых одеждах, по имени Смерть.

Подданные Российской империи забыли Бога, перестали бояться Страшного суда. Мудрый патриарх Тихон предал анафеме враждующих. Однако отлучение от церкви одинаково не впечатлило, что не удивительно, красных и, что удивительно, белых. Но ведь, общеизвестно, в окопах атеистов нет. В чём же причина массового грехопадения? Массового духовного пьянства, причём буйного духовного пьянства?

Возможно, Бог приболел, взял отпуск, обиделся на православных, наконец. А тень доктора Фауста, вовремя подсутилась, закрепив позор Брестского мира заветной фразой «Остановись, мгновенье. Ты прекрасно!», узурпировала место Спасителя в душах русских и с упоением матёрой мазохистки без устали подвигала тех к братоубийству. Возможно, мы и ошибаемся. Вот только рационального объяснения бессмысленной жестокости и беспощадности русского бунта до сих пор не существует. Лепет же елизаветинского вельможи про сбережение народа благополучно растворился во тьме веков. А ведь Иван Петрович Шувалов был, как раз не из тех, кто у нас на каждом шагу.

-Я пас, господа. - Хмуро объявил Баранов, сбрасывая карты на стол.

-Вы, я смотрю, нынче всё пасуете, капитан, - с вежливой улыбкой заметил доктор Лампсаков, - Смотрите, проиграетесь.

-Что-то, я себя неважно чувствую. - Пожаловался Баранов, поморщившись.

Чувствовал он себя, действительно, прескверно. Подавленное настроение, причём без всяких видимых причин, владело им. Азарт и кураж, обычные при игре в карты, сегодня напрочь отсутствовали.

-Надо полагать, вы после дороги ещё не пришли в себя, - посочувствовал Николай Александрович, - Я, вот тоже, как вернусь из губернии, так несколько дней хожу сам не свой. Душу растрясёшь, да, кабы одну душу, пока до дому доберёшься. Эти ужасные дороги полжизни отнимут. Выпейте коньячку, – он хорошо способствует восстановлению тонуса, пробуждает интерес к жизни. По себе знаю. Пожалуй, и мы, за компанию с вами, тяпнем по рюмашечке. За ваши новые погоны. Надо их хорошенько взбрызнуть, чтоб не потускнели. Прошу, господа.

Кроме капитана Баранова, в гостях у доктора Лампсакова присутствовали: два егерских офицера и милицейский чин, из местных, Михаил Чернышёв, замещавший начальника волостной милиции. Светский раут по Ново-кусковски начался с похода в баню, продолжился обязательным чаепитием с малиновым вареньем. Не забыли отдать

дань уважения и более крепким напиткам. Затем засели в уютной, жарко натопленной гостиной, за преферанс. Впрочем, участие в игре, наряду с радушным хозяином, принимали только офицеры, а Чернышёв сидел за свидетеля. Сельские жители издавна предпочитали умственным господским забавам игры попроще: дурак, муха, пьяница, ведьма, реже – покер.

-Я предпочёл бы выпить водки, если позволите. - Устало ответил Баранов.

-Как вам будет угодно, - охотно согласился Николай Александрович, - Можно и водочки. Великий Ломоносов изобрёл прекрасную штуку, чрезвычайно полезную для здоровья – расширяет сосуды, снижает давление, поднимает настроение. Целые тома можно писать о целебном воздействии русского национального напитка. Правда, при условии соблюдения чувства меры. Последнее замечание касается и подавляющего большинства лекарственных препаратов. К сожалению....

Игра потихонечку прекратилась.

-Отчего не видно вашей супруги, Николай Александрович? – неожиданно заинтересовался егерский офицер с лицом монгольского склада и погонами поручика. - Неужели манкирует столь изысканным обществом? – Улыбнулся рано поседевший повеса.

-Ей нездоровится. - Уклончиво ответил хозяин дома и тут же предложил: Давайте ещё по одной, господа!

По поводу мнимого нездоровья жены он говорил неправду. Неприятная необходимость выкручиваться отозвалась досадой на самого себя внутри правдолюбивого доктора. Его дражайшая половина просто не пожелала выйти к гостям. Вдоволь налюбовавшись на поведение Сурова и Баранова, искренне возмущённая творимыми на селе безобразиями, она разочаровалась в русском офицерстве вообще, в широком смысле этого понятия. Некогда, в студенческие годы, офицерский мундир вызывал у неё душевный трепет, обладатели эполет представлялись недостижимыми эталонами мужской чести и благородства. Женщины живут эмоциями, девическое восхищение сменилось стойкой, по медицински, аллергической реакцией на военных чинов. История с казанским мужиком Никитой Левиным, зверская расправа над Владимиром Кухтой убедили её в окончательном вырождении славного русского офицерства. Мнение скоропалительное и не во всём, по мнению доктора, справедливое.

-Похоже, зима, господа, - заметил егерский поручик, задумчиво глядя в окно, открывавшее широкий вид на заснеженное поле.

-Оно и пора, - осмелился поддержать разговор милиционер Чернышёв, - Покров-то, уже прошёл.

-Господа, незаметно минуло два года с момента захвата власти в Петербурге большевиками. Грустная дата. Им пророчили, поправьте меня, если я ошибаюсь, крах в течение нескольких недель, максимум – нескольких месяцев, после октябрьского переворота. Недооценили господ большевичков. Действительно: «Умом Россию не понять».... Что хоть слышно в губернии? – повернулся поручик к Баранову, - Когда наш Верховный намеревается взять белокаменную?

-Боюсь, не скоро, - покачал головой капитан. – Пока он наступает в прямо противоположном направлении.

-Вы хотите сказать, правильно ли я понял, наши отступают?

-К сожалению. Фронт трещит по всем направлениям. К несчастью, России, по всей видимости, суждено разделить участь «Титаника», «Британика» и иже с ними. Адмиралам, похоже, виртуозно наловчившимся топить океанские лайнеры, удалось овладеть и искусством топить державы. Увы и ах.

-Но тогда, какого чёрта мы торчим здесь, в этой забытой богом, дыре? Судьбу Отечества решаем?

-Не беспокойтесь, поручик, навоеваться успеете.

Охладив воинственный пыл молодого егеря, капитан налил себе ещё водки и залпом выпил, не закусывая. Обещанное медицинским светилом облегчение не спешило гнать тоску-печаль. Апатия крепко окопалась в глубинах подсознания.

-Господин капитан, не могли бы вы просветить, некомпетентного в военных вопросах, начальника переселенческого пункта, о ситуации с партизанами? – нарушил тягостное молчание, вызванное сообщением Баранова, доктор Лампсаков.- Надеюсь, вы не собираетесь и здесь отступить?

-По моим сведениям никаких, так называемых партизан, в здешней округе не водится, - флегматично пожал плечами капитан.

-А Лубков?

-Лубков орудовал в Мариинском уезде, но, в настоящее время, Суров повис у него на хвосте, таким образом, с большой долей вероятности, можно предсказать песенку Лубкова спетой.

-Ответ исчерпывающий и звучит оптимистично, - оценил Николай Александрович, - Полагаю, спать округа может спокойно? Предлагаю выпить...

Он уже поднял рюмку с коньком, собираясь произнести подобающий спич, как вдруг, неподалёку гулко громыхнул винтовочный выстрел. За ним последовал второй, третий... Впрочем, стрельба, едва начавшись, тут же и прекратилась. В комнате воцарилась тревожная тишина.

-Что это, господа офицеры? Стреляли, похоже, на территории больницы, - первый вышел из оцепенения Николай Александрович. Глянув на рюмку, зажатую в руке, поднёс ко рту и выпил, - Нельзя ставить обратно на стол полной, примета, знаете ли, нехорошая, - пояснил он. – Испортили тост...

-Хотел бы и я знать, что происходит, - процедил побледневший Баранов.

-Не стоило поминать чёрта всуе. Лубков, поди, припожаловал.

-Чёрт ли, дьявол ли, следует побыстрее взглянуть на него! – решительно поднимаясь с места, объявил капитан, пристукнув кулаком по столу. - Господа офицеры!

Но господа офицеры продолжали сидеть в немом оцепенении, с опаской поглядывая на окна, за которыми густели ранние сумерки. Снаружи послышались голоса, закрипел снег. Достигшие ушей Николая Александровича и гостей звуки, вызвали у сидящих в гостиной замешательство, близкое к панике. Страх зримо сочился сквозь плотно закрытые на зиму окна. Нарушив томительную тишину внутри дома, в одну из наружных рам громко забарабанили кулаком, чей-то, вроде знакомый, голос прокричал:

-Эй, господа офицеры! Тревога! Партизаны наступают!..

Гостей Лампсакова, будто ветром сдуло из-за стола. С грохотом опрокидывая стулья, они бросились в прихожую, где, мешая друг другу, принялись торопливо облачаться в амуницию.

-Спокойно, господа офицеры, без паники! – на правах старшего урезонивал их капитан Баранов, пытаясь безуспешно попасть в рукав шинели (мешало нервное возбуждение). «Вот оно начинается, - лихорадочно соображал он. – Выходит, проклятый сон про бородачей, в руку?».

С трудом, покончив с одеванием, офицеры, подталкивая друг друга, вывали на крыльцо. Навстречу им, почти в упор, полоснули выстрелы...

Баранов, выходящий последним, при виде зловещих вспышек, резво перемахнул через перила и бросился наутёк в сторону огорода. Однако пуля, выпущенная из винтовки системы капитана Мосина со скоростью 865 метров в секунду, оказалась гораздо быстрее. Страшный удар в затылок положил конец ротному, ткнув его носом в неудобную мёрзлую землю, едва припудренную первым зимним снежком.

-Готов, - определил Федя Романцев, пошевелив его носком сапога. Осмотрев остальных убитых, в недоумении почесал затылок, - Непорядок, братцы. Где

четвёртый? Ведь с ними был ещё и милицейский пристебай Чернышёв. Из местных. Я своими глазами его видел – он сидел за столом вместе с господами офицерами. Не иначе, в доме спрятался. А ну, за мной! – скомандовал он и, взбежав на крыльцо, пинком распахнул дверь в сени.

...Лампсаков стоял в опустевшей гостиной, нервно потирая руки, ровным счётом ничего не понимая в происходящем. Если на больницу действительно напали партизаны, то почему так быстро прекратилась стрельба? Неужели больничный караул сдался (или разбежался?) при первых же выстрелах нападающих? И что за стрельба, вдруг открылась во дворе его дома, когда там оказались господа офицеры? Догадки одна страшнее другой опалили его сознание.

Повеяло сквознячком. Оглядевшись, Николай Александрович неожиданно обнаружил одно из окон гостиной полуоткрытым, через него в комнату задувало снежок. Час от часу не легче, это что ещё за новости? Николай Александрович в суматохе и не заметил, кто распахнул окно. Подойдя к нему и вознамерившись закрыть, увидел на фоне сумеречного белого поля чёрный силуэт, быстро удаляющейся человеческой фигуры. Выходит, кто-то из его гостей драпанул через окно, спасая собственную шкуру. Зрелище вдохновенно улепётывающего защитника правопорядка подбросило пищу для новых грустных размышлений доктора. Ну и вояки у Верховного правителя! Пахнуло жареным, - они и наутёк.

Прерывая цепь безрадостных мыслей, наружная дверь с шумом распахнулась, и в гостиную ввалилась целая ватага вооружённых солдат с белобрысым унтер-офицером во главе. Лица ворвавшихся покраснелись на морозе, возбуждение, владевшее ими и вызванное, совершёнными минутой назад убийствами, пугало. Николай Александрович взирал на них с недоумением и, что скрывать, страхом. До сих пор ни один нижний чин, не смел переступить порог его дома, не испросив на то позволения хозяев, а эти бесцеремонно вломились шумной гурьбой, будто к себе в казарму.

-Что сиё значит, господа?.. – вздёрнул он бородку, пытаясь сохранить достоинство.

Вопрос повис в воздухе. Унтер, ни слова не говоря, подбежал к окну, у которого стоял Лампсаков, легонько оттолкнув Николая Александровича, принялся торопливо палить из нагана по убегающему человеку. Но того было уже не достать из оружия ближнего боя. Фигура беглеца растворилась в спасительной черноте кромки леса.

-Ушёл, гад! – в сердцах воскликнул Романцев, опуская бесполезный наган.

Затем повернулся к перепуганному хозяину дома и поспешил его успокоить:

-Извините, доктор, за беспокойство. К вам у нас претензий не имеется, и ничего худого в отношении вас делать не собираемся. – Блеснул обходительностью Фёдор, - Вот с гостёчками вашими у нас были серьёзные разногласия. Но теперь, мы на них свою точку поставили....

-Простите, уважаемый... - замялся, подбирая слова, главврач, - выходит, - стараясь не задеть обидными терминами непрошенных визитёров, произнёс он, - решили низложить законную власть? А не боитесь? Нарушение присяги, убийство командиров, насколько мне известно, подобные вещи расстрелом пахивают?

-Власть низложили, командиров, ваша правда, положили. – Широко улыбнулся Романцев, - А насчет, «боитесь»... Мы своё, вроде, отбоялись. Другие пусть немножко побоятся. Да и в законности власти заморских прихлебателей я, к примеру, давненько сомневаюсь.

-Ну что ж, прошу прощения за банальность, жизнь - сложная штука, сложная и исключительно вредная, особенно, в последнее время, частенько от неё умирать стали. Вы уж постарайтесь не губить невинных душ. - Резко поменяв скользкую тему, Николай Александрович предложил: Может, угоститесь за успех вашего предприятия? – смятение, вызванное появлением небезопасных гостей, привело к сумбуру в голове.

Предложение, сопровождаемое картинным жестом в сторону стола, уставленного разнокалиберными бутылками и всевозможными закусками, выглядело на редкость нелепо. Трупы его недавних гостей остыть не успели, а он собирается продолжить трапезу с их убийцами.

-Объедками не угощаемся. - Отрезал Фёдор, мельком глянув на остатки званого ужина.

-Пардон, я не собирался вас обидеть, - ещё больше смутился Лампсаков, но инерция хлебосольства продолжала давить на него, - Я и не думал угощать вас объедками! Стол мы сейчас накроем заново.

-Благодарствуем за угощение, но не стоит беспокоиться, - отрицательно покачал головой несговорчивый Романцев, - Некогда нам рассиживаться. К тому же, нам трезвые головы сейчас нужны...

После ухода неожиданных гостей в комнате появилась Елена Дмитриевна. Внимательно посмотрев на мужа, спросила:

-Что происходит?

-Очередная революция. Мода на восстания и до нашего села докатилась. К сожалению, это так неожиданно.... И страшно!.. Взбунтовавшиеся солдаты офицеров постреляли.

-Доигрались господа офицеры. Наказал господь!

-Не знаю, не знаю, Ляля. Голова идёт кругом....

Наступившую было тишину, снова расколола беспорядочная стрельба. Стреляли уже в самом селе.

-Боже мой! – схватился за голову Николай Александрович. – С ума сошла Россия! Превратить добрых незлобивых славян в кровожадных зверей, это, знаете ли, сильно постараться надо. Неужели, кошмары, ниспосланные нам богом за грехи наши, никогда не кончатся?..

-Главное – не пороть горячку, - наставлял командира пулемётной команды унтера Ананьева, Хабаров, - Держи улицу под прицелом, но открывать огонь не торопись. Дрова ломать не надо. Твоя машинка потребуется в том случае, если на нас егеря полезут.

-Неужели, полезут? – забеспокоился Ананьев.

-Думаю, что не осмелятся. Но, быть готовыми к каверзам судьбы, меня ещё на курсах учили.

-Ежли егеря попрут, то нам туго придётся. Ведь, их же целая рота! – вставил один из пулемётчиков, молодой чернявый солдат.

-Ладно, раньше времени не помирай, - прицекнул на него Иосиф, - Егеря вряд ли сунутся, не разобравшись. Да и служат у них, в основном, такие же, как и мы, по мобилизации призванные. Это я вас так, на всякий случай, настораживаю. Вообще-то, мне кажется, с пулемётом и сам чёрт не страшен. Не то, что от роты – от целого полка спокойно отбиться можно. Были бы патроны.

-Патроны есть.

-Ну вот. А ты: «Туго придётся»!

-Да это я так, для разговору...

-То-то же. Давайте, ещё разок лучше прикинем хрен к носу, как половчее нам с офицерём, да бахмеевцами разделаться.

-Но ты же сам сказал, Осип, что наша машинка потребуется, если егеря полезут, - напомнил обстоятельный Ананьев.

-Правильно. Как сказано, так и действуйте. Кстати, я и про каверзы судьбы, вроде, высказывался. Не запамятовали? А с офицерами и кулацкими добровольцами ухо остро держать всегда нужно, ребята заковыристые, не одним лыком шитые.

-Тогда для верности, Осип, давай сначала врежем по штабу, а уж потом и улицу возьмём под прицел, - не долго думая, предложил Ананьев, - Так, по-моему, будет верней.

-Верней-то, верней, но... - покачал головой Хабаров, подыскивая не обидные слова для оценки столь блестящего тактического плана. После некоторого колебания, твёрдо заявил: Открывать огонь по штабу нельзя!

Пулемётная команда унтера Ананьева занимала дом рядом со штабом Баранова в центре села. Поэтому пулемётчики легко могли держать почти всю главную улицу в оба конца под прицелом. Кроме того, ещё и переулок, по которому уходила дорога на Томск. При выборе местоположения пулемётной команды, предусмотрительный Баранов преследовал несколько целей, но приоритетными являлись интересы защиты штаба. Переход пулемётчиков на сторону заговорщиков именно штаб-то и сделал легко уязвимой мишенью для расположенных по соседству «Максимов». Искушение воспользоваться выгодами позиции было слишком велико. Однако, к удивлению Ананьева, Хабаров категорически воспротивился.

-Почему, Осип? – домогался командир пулемётной команды.

-В штабе есть наш человек.

Хабаров имел в виду Михаила Егорова, судьба которого серьёзно начинала беспокоить его. Почему не ввёл парня официально в число подпольщиков? Смышлёный Мишка, во время последней встречи, кажется, окончательно обо всём догадался? Даже обиделся немного, пристыдив Иосифа за недомолвки. Осталось, мысленно проклинал себя Хабаров, погубить честного паренька собственными руками посредством пулемётного огня заговорщиков, для коих он столько много постарался. И эта невинная кровь будет на совести его, перестраховавшегося во имя конспирации...

-Можно и предупредить человека. - Подсказал Ананьев.

-Поздно уже....

-Тогда почему не начинаем? По-моему, давно пора. Вечереет ведь.

Действительно, Хабаров и сам отчётливо осознавал, начинать было пора. Но сигналом к восстанию должна послужить стрельба у больницы. Прописали в плане, извольте следовать, однако, томительное ожидание становилось невыносимым. Нехорошие мысли полезли в голову. Сорвалось? Осечка? Баранов перехитрил? Оставаясь внешне спокойным, постарался, отвечая Ананьеву, и голосу придать уверенные интонации: - Не спеши поперёд батьки в пекло. Будет белка, будет и свисток.

В это время отдалённо треснул долгожданный винтовочный выстрел...

-Ну вот, и наш черёд наступил! – воскликнул Хабаров, хлопнув Ананьева по плечу. Свалилась гора с плеч, кончилась опостылевшая неопределённость, пришла пора осуществлять намеченные планы. – В общем, действуйте, как договорились! – напомнил он и поспешил во двор, к ожидавшей его команде ликвидаторов штабного персонала.

-Нет, хамство нашего свежеиспечённого капитана переходит всякие границы! – кипятился Кониная голова, в миру прапорщик Гуньков, - Я все ж таки офицер, а он меня шпыняет будто желторотого юнкера!

-Интересно, что же вы намереваетесь предпринять в отношении распоясавшегося ротного? – насмешливо полубопытствовал подпоручик Ухтомский, пустив аккуратное колечко дыма, лениво продолжил, - Изобличите рапортом на имя Верховного? Мне лично больше по душе дуэль. Возьмите, да и потребуйте сатисфакцию.

-Шутковать изволите? – сверкнул воспалёнными глазами прапорщик, - Приберегите свои дурацкие шуточки для других. А мне не до шуток.

-Помилуйте, милейший. Я вполне серьёзно. Швырните ему перчатку в морду, если возникнут трудности с выбором оружия, предложите сражаться на котелках с

борщом. Сия смертоносная, в умелых руках, дуэльная принадлежность вам хорошо знакома. Чёрт возьми, он не посмеет отказаться, обязательно примет ваш вызов. В противном случае ему придётся подать в отставку.

-Прекратите издеваться! Неровён час, вам в морду, кой чего потяжелее перчатки, прилетит! – не на шутку разобиделся Гуньков. – Я вам слова матерного не сказал, а вы в душу норовите наплевать.

-Слаба, выходит, гаечка-то? – не обращая внимания на угрозу унтера, протянул Ухтомский. – Так и скажите. А ведь, секунду назад, сами изволили выразиться в том смысле, что вы офицер, и что не желаете уподобляться желторотым юнкерам, - продолжал он подзуживать собеседника, - я уж, признаться, хотел предложить вам свои скромные услуги в качестве секунданта. Жаль, презабавное вышло бы зрелище. В лучших цирковых традициях...

Капитана Баранова подпоручик Ухтомский недолюбливал за крутость нрава, своего же соседа по комнате прапорщика Гунькова, просто-напросто презирал. И старался пореже бывать в его обществе, днюя и ночуя у одной аппетитной молодухи, хотя вовсе избежать изысканной компании, по понятным причинам, не удавалось. Вот и на этот раз он собирался отправиться по заветному адресу, но подзадержался, увлечьшись душеспасительной беседой с удручённым прапорщиком. Подпоручик сидел у стола, картинно закинув ногу на ногу, элегантно покуривая душистую папироску. Новенькая венгерка, ярко начищенные сапоги и тщательно отутюженные бриджи придавали ему весьма щеголеватый вид. Гладко выбритые ланиты, аккуратные чёрные усики, тонкий армат французского одеколona завершали облик истого Дон Жуана.

Кониная голова являл полную противоположность своему блестящему собеседнику. Непричёсанный, небритый он валялся на неприбранной койке прямо в сапогах. Привычно нетрезвое состояние подтверждалось сивушными, с примесью портяночных, ароматами, источаемыми невымытым телом. Неопрятность соседа вызывала у чистоплотного подпоручика почти физическое отвращение.

-Мой вам совет, попробуйте пить чуть-чуть поменьше, - заметил Ухтомский неприязненно, - Не в хлам. Пьянство в неумеренных количествах само по себе изрядно вредит здоровью, вы ж, как дерябнете, так начинаете ещё и вытворять, чёрт знает что.

-Вы на что это намекаете? – мрачно поинтересовался прапорщик.

-Согласитесь, сегодняшнее клоунское антраше со швырянием в солдата котелком со щами выглядело немного экстравагантно. Прямо, Чарльз Спенсер Чаплин. В вас ковёрный пропадает, кстати, и пьют они не слабее. А для офицера у вас слишком вульгарные замашки. Так что разнос, хоть я и недолюбливаю нашего капитана, вами вполне заслужен.

-И вы туда же! – возмутился Гуньков, привскочив с кровати. - Спасибо, вовремя напомнили, пойду-ка я морду начищу посыльному. Отучу фокусничать! Покажу ему Чарльза с песней.

-Категорически не советую! – резко оборвал его Ухтомский.

-Это пошто так? – опешил прапорщик, считавший рукоприкладство одним из главных слагаемых офицерского авторитета.

-Мы и без того сидим на пороховой бочке.

-В каких смыслах?

-Сдаётся мне, с вами бессмысленно говорить о смыслах, простите за тавтологию. Хотя попробовать можно...

-Ну, конечно, где уж, нам уж выйти замуж! – снова обиделся Гуньков, его голова опять свалилась на подушку. – Вы же у нас один на всю роту, свет в окошке! Аристократ духа! Соль земли! Ухо с глазом! Много об себе понимать стали. Вот и мерещатся разные бочки с порохом, али, ещё, с чем пострашней....

-Мерещатся?! – воскликнул Ухтомский, явно задетый словами собеседника, - Голову даю на отсечение – в нашей роте неспокойно, назревает что-то. И дай нам бог, подобру-поздорову поскорее убраться отсюда. Желательно живыми.

-Да бросьте вы меня разыгрывать!.. – пьяно отмахнулся Кониная голова.

-Хорошо, допустим, я вас разыгрываю, - внутренне посетовав на несдержанность, вернулся к обычной ироничной невозмутимости, Ухтомский, - Попробуйте объяснить уху с глазом, откуда берутся известные, причём не только уху с глазом, «приветы от Лубкова»? Неужели и они мне мерещатся? А загадочное исчезновение наших шестерых добровольцев с двумя егерскими унтер-офицерами? Тоже мои фантазии?

-Ну и что? – не сдавался упрямый сосед. - Может, и в самом деле, Лубковская шайка у нас повадилась разбойничать?

-Довожу до вашего сведения, я специально запрашивал штаб Сурова по этому поводу и мне ответили, что по их, заметьте, достоверным сведениям Лубков орудует в Мариинском уезде, в, нашем же, Томском, не появлялся с весны. Повторяю – с весны! Если напряжёте свою могучую память, то обязательно вспомните – «приветы» у нас стали появляться в конце лета.

-Мало ли других банд по лесам ошивается? – уверенность прапорщика заметно шла на убыль, сменяясь непониманием.

-Для особо... одарённых, поясняю: После гибели Гончарова, основная часть его отряда присоединилась к Лубкову, остальные разбрелись в разные стороны, забившись в глухомань и под юбки, - легко отнёс последний аргумент прапорщика, Ухтомский, - Восславим бога за отсутствие в нашей округе отрядов красных, иначе давно бы мы обрели вечный покой в райских куцах. – Бросив внимательный взгляд на растрёпанную фигуру, распостёртую на кровати, добавил, - Последнее касается не всех, некоторые, не будем называть имён, конечно, предпочитают игрища с чертями и забавы в кипящих котелках.

-Норовите обидеть? А по мне ад ли, рай ли, решать всё одно не нам, а святому Петру. Другой вопрос, с какой - такой радости нам туда собираться?

-Что ж, повторяю, пока нам везёт. Везёт, как утопленникам, как в дурдоме дуракам! Я просто уверен, что случись серьёзная заварушка, наши доблестные воины, за редким исключением, переметнутся к красным.

-Чёрт знает, что! – воскликнул Кониная голова, в очередной раз вскакивая с постели, - Пожаловался на ротного, называется. Поделился горем. Теперь мозги набекрень от того, что вы мне тут наговорили. Архангелы, выходит, по-вашему, «приветы от Лубкова» подбрасывают?

-Архангелов в нашей роте поискать надо.

-С ума сбрендили?

-Ничуть. Нахожусь в трезвом уме и ясной памяти. А вот вам, милейший, не помешало бы, наконец, протрезветь.

-Оксните! После ваших речей, у меня давно уже ни в одном глазу.

-Видите, польза от разговоров с умными людьми ощущается громадная. Глядишь, тяга к пьянству и поутихнет.

-Но ведь, надо что-то делать, что-то предпринимать, - засуетился Гуньков, не обращая более внимания на шпильки подпоручика, - А то нас сонных перережут, как курей. Чёрт знает, что! Вы Баранову-то доложили о своих подозрениях?

-Пока нет. Не успел. Но меры превентивного характера принял, кое-кому из особо доверенных нижних чинов поручил присмотреть тут за некоторыми.

-Ну и как?

-Да никак, - нахмурился подпоручик и, кивнув в сторону соседней комнаты, откуда доносились пьяные голоса бахмеевцев, пояснил: Господа вольноопределяющиеся самосидку уважают поболее вашего.

Издали донёсся звук выстрела. Затем треснул второй. Потом ещё и ещё...

-Что это? – испуганно замер, покрываясь холодным потом, прапорщик.

-Похоже, то самое, о чём мы только что разглагольствовали. - процедил подпоручик, расстёгивая кобуру.

В соседней комнате, меж тем, гулянка продолжалась своим чередом. Добровольцы орали похабные частушки, о чём-то спорили, поминая и бога, и мать, и всех крестителей в придачу, громко хохотали, будто оглашенные. Стрельбы они, судя по безмятежно продолжавшейся пьянке, не слышали. Долгое, не омрачённое наскоками красных, безопасное сиденье в селе, сделало своё дело. Боеготовность личной барановской гвардии стремительно приблизилась к нулю. Орудийные залпы, прогреми они сейчас, вряд ли бы нарушили, идиллическую гармонию, царящую за стенкой.

-Повесить негодяев мало! – презрительно скривился Ухтомский, - Одна водка на уме, да бабы.

Отдалённая стрельба не успела закончиться, как в прихожей штаба с треском распахнулась наружная дверь, и кто-то зычно объявил: - Тревога! Партизаны наступают! Партизаны!..

Ухтомский подскочил, словно ужаленный. Выхватив наган, он длинно выругался и бросился вон из комнаты.

-Меня-то, хоть погодите! – завопил Гуньков, хватая портупею с кобурой.

Но подпоручик даже не обернулся.

Михаил Егоров подкинул дров в обе, и без того раскалённые печки, затем, на досуге, занялся пяти-линейной лампой, поскольку на дворе начинало смеркаться. Баранов всегда требовал, чтобы лампа горела, как можно ярче. Боялся темноты. Михаил обобрал нагар с фитиля, тщательно протёр суконкой стекло, долил керосину, потом засветил и, подвернув язычок пламени так, чтобы он давал побольше света и не коптил, повесил лампу на место. При неверном жёлтом свете в прихожей не стало уютней, причудливые колеблющиеся тени на обшарпанных, давно не беленых стенах таили немую угрозу. Полумрак углов усиливал ощущение угрюмости. Казалось, силуэты, любопытных домовых выглядывают из недоступных для лампы мест.

Прихожая представляла собой довольно просторную комнату, куда выходили двери всех остальных помещений штаба. Здесь, не слишком давно, восседал за массивным столом волостной писарь, самоуправно решавший судьбы жалоб и прошений безответных деревенских просителей. Он являлся для них главным лицом в волости, всесильным вершителем мирского правосудия, ибо сам волостной начальник никого не допускал пред светлы очи. За исключением купцов, лавочников, сельских богатеев, да лиц духовного звания. Но представители сельской знати не били челом, если и закахивали, отрывая от многотрудных дел, то щедро одаривали небескорыстного начальника за принятое участие в их делах.

Само собой разумелось, к писарю с пустыми руками соваться было бесполезно, ибо и здесь главенствовало железное правило российских бюрократов (успешно кочующее из века в век): «Не подмажешь, не поедешь». Торжество законной справедливости определялось, не менее железной, формулой (к сожалению, также успешно дошедшей до наших дней): Закон, что дышло, куда повернёшь, туда и вышло». Естественно, «дышло» поворачивалось в пользу более толстой мошны (в случае с Фемидой – более толстая, а, значит, тяжёлая мошна всегда перевешивала). Формула универсальная, читай – объективная и верная.

Много интересного и поучительного могла бы порассказать прихожая, насквозь провонявшая овчиной и дёгтем. Тени прошлого и выплясывали на стенах, стараясь поведать назидательные истории, предостеречь от сегодняшних опасностей и напастей. Мишка кожей ощущал приближение грозных событий, поэтому и чудилось ему мрачноватое сочувствие стен. На душе скребли кошки, из головы не выходили слова Хабарова о возможной стрельбе. Партизаны, видишь ли, могут напасть. Знаем мы этих партизан. Серьёзное дело затеяли, а от него скрывают, не доверяют. Обидно. Спасибо, хоть предупредили о времени восстания, да спрятаться понадежнее посоветовали. Конспираторы, мать их. Михаил уже прикинул, что спрячется в

подполье, благо творило расположено рядом с его лежанкой. Однако время шло, а ничего не происходило. Лишь ветер тоскливо подвывал в трубе, да снег беззвучно роился за оконными стёклами.

Своим размеренным чередом всё шло и в штабе. Бахмеевцы шумно отмечали благополучное возвращение из столицы губернии. Не слушая друг друга, наперебой хвастали достижениями на любовных фронтах, единственно, сходясь во мнении, что овчинка стоила выделки. Деньги на красоток потрачены не зря. Знают толк в нелёгком своём ремесле девчонки! С сальным хихиканьем смаковались подробности, дивились заковыристости вывертов профессионалок. Оказывается, вот она какая бывает – любовь!

В офицерской комнате подпоручик Ухтомский раздражённо втолковывал прапорщику Гунькову, попросту, Кониной голове, прописные истины о вреде пьянства.

Вечер катился по наезженной колее, осточертевшей Михаилу до отвращения. Сегодня ещё везёт, увлечённые важностью серьёзных разговоров, обитатели штаба пока не вспомнили о нём. А вызовут и начнут выкаблучиваться. То подай, другое – поднеси. Срочно, чтоб одна нога здесь, другая – там. Иначе матюгов не оберёшься, обзовут последними словами. Ты знай, молчи, слова пикнуть не смей. Век бы не видеть их поганые хари!..

Почему же не начинают? Чего выжидают? Ведь, уже смеркается на дворе. Неужели Хабаров херню сморозил, насчёт возможной стрельбы? Да нет, не должен. Не тот человек. Не треповатый.

Михаил не находил себе места от беспокойных мыслей и беспричинного, вроде, тревожного предчувствия. Попытавшись отогнать тяжёлые думы, пошуровал в обеих печах, решил выйти развеяться и попроведать преданного друга Шарика. Надел фуражку, но, вдруг, так и замер на месте. Где-то, в направлении больницы, бабахнул выстрел. Затем, словно эхо прогремели ещё несколько. Потом ещё...

Егоров отступил в тень, к своей лавке, сунул руку в карман, крепко сжав прохладную рукоять нагана. Сердце бешено застучало в груди. Началось! Значит, Хабаров не напрасно предостерегал. Теперь, надо быть начеку. Смотреть в оба. В самом деле, не подставить бы зря голову. Мишка с нетерпением ожидал продолжения, разворачивающейся на селе заварухи. События не заставили себя долго ждать. У больницы ещё продолжалась стрельба, когда распахнулась наружная дверь, и в прихожую ворвался, запыхавшийся от возбуждения Николай Серебряков.

-Тревога! Партизаны наступают! Партизаны!.. – закричал он, перекрывая галдёж бахмеевцев.

В следующий момент, в прихожей оказался подпоручик Ухтомский.

-Врёшь, скотина! – взвизгнул он, направляя на Серебрякова наган. - Ведь, врешь же?! Врешь?!

Подпоручик яростно наседал на побледневшего глашатая, а тот пятился назад и, почему-то, молчал, словно в рот набрал воды. Неожиданная и стремительная выходка Ухтомского, не предусмотренная планами заговорщиков, застала бедного Серебрякова врасплох, лишила способности говорить.

Никем не замечаемый Егоров, оцепенев, наблюдал за сценой разоблачения незадачливого шпиона повстанцев, из тёмного угла, широко раскрытыми глазами. Он ещё мог незаметно юркнуть в подпол и спрятаться там, но и думать забыл о наказе Хабарова, увлечённый неожиданным оборотом событий. Почувствовав неотвратимость непоправимой развязки, Мишка, более не колеблясь, выхватил наган и выстрелил в расствившего подпоручика. Ухтомский дёрнулся и, судорожно хватаясь за воздух руками, начал заваливаться набок. Но сказала войсковая выучка, сработал годами выработанный рефлекс, успел-таки он нажать на спусковой крючок. И не промазал умирающий подпоручик. Серебрякова качнуло, однако он сумел удержаться на ногах, вырвав из кармана наган, несколько раз выстрелил в падающего. Затем повернулся и тяжело, словно пьяный, опираясь на стенку, вывалился в сени.

Пришло время Михаилу вспомнить о собственной безопасности. Пора, пора, от греха подальше, укрыться в подполье. Он метнулся к творилу, рванул за кольцо, приподнял крышку, намереваясь юркнуть в открывшийся лаз. Счастье было так близко, так возможно.... Злобный окрик Кониной головы, высунувшегося из офицерской комнаты с наганом в руке, остановил его:

-Стой, гадёныш! Назад! Пристрелю, как собаку!..

Раздумывать времени не осталось. Михаил, не целясь, сделал несколько выстрелов в ненавистного прапорщика. И зло обрадовался, когда тот рухнул в дверях, поперёк порога, смачно бухнувшись головой об пол. На звук частых выстрелов, в прихожую повалила гурьба пьяных бахмеевцев. Их нетрезвым глазам предстала картина: Посыльной убивает прапорщика.

-Измена!.. – завопил один из них. - Хватай змеёныша, братцы!

Спрятаться в подпол снова не удалось, пришлось принимать неравный бой. Подвигаясь поближе к выходу, Михаил палил в сторону пьяной оравы. Ругаясь и страшно матерясь, те открыли беспорядочный огонь. Вокруг Егорова густо зароились пули. Посыпалась штукатурка со стен, зазвенели оконные стёкла. Прихожая заполнилась кислым пороховым дымом. До поры до времени, Мишке удавалось уворачиваться от смертельных поцелуев патронов, изобретённых полковником Роговцевым. Ему же удалось зацепить парочку кучковавшихся добровольцев. Стоны раненых сладкой музыкой отозвались в Мишкином сердце. Похмелились, «братцы»!

Рано радовался Михаил. Нажав, в очередной раз, на спусковой крючок, привычного грохота выстрела не услышал. Патроны в барабане кончились. А бахмеевцы палили из нескольких стволов и подступали всё ближе, перекрывая ему путь к спасительному выходу. Близились закономерная развязка дерзкого противоборства. Однако непредвиденное обстоятельство на время отсрочило трагический исход. Верный четвероногий Мишкин друг Шарик, заслышав стрельбу в штабе, в ту же секунду выказал сильное беспокойство, и принялся рваться с ременного поводка, на который был привязан под сараем. Видно почуял преданным собачьим сердцем, что его юный хозяин оказался в беде. Он злобно рвал клыками прочный ремешок и, наконец, рванувшись из всех сил, оборвал его и пулей кинулся в штаб. Ворвавшись в прихожую, Шарик отважно бросился на неприятелей, ощерившихся стволами винтовок в сторону его покровителя, первым делом сбив одного из них с ног, следом вонзил острые зубы в ляжку второму....

Послышались испуганные вопли и проклятия. Не ожидавшие яростного нападения, неведь откуда взявшегося пса, отягчённые недавними солидными возлияниями, добровольцы его высокопревосходительства Верховного правителя, резко опешили. А Шарик, пользуясь их замешательством, продолжал наносить немалый урон врагам, стремительно кидаясь, то на одного, то на другого.

В поднявшейся суматохе, Михаил вполне мог незаметно выскользнуть из прихожей, превратившейся в арену кровавой битвы, в спасительный двор. Но, ободренный подмогой беззаветного четвероногого бойца, вошёл в азарт и принялся его науськивать:

-Ату их, Шарик! Ату!..

Проявление задорной безрассудности стоило Егорову жизни. Замешательство в стане, пусть и изрядно накачаных бахмеевцев, вечно продолжаться не могло. Придя в себя, они вспомнили про оружие. Прозвучал выстрел, и Шарик, жалобно взвизгнув, распростёрся на полу. Следующая пуля настигла Мишку. У самой наружной двери....

Стрельба в штабе для Хабарова явилась полной неожиданностью. Он растерялся. По замыслу повстанцев, Серебряков должен был вызвать панику среди офицеров и других обитателей волостной управы, возвестив о нападении партизан и, не теряя времени, выскочить обратно. А уж выбегающих во двор штабных постояльцев, заговорщики бы и встретили надлежащим образом. Здание окружили со всех сторон,

приготовившись к горячему приёму. Но планы, даже самые, казалось бы, блестящие, часто входят в вопиющее противоречие с реальной действительностью. Особенно в боевых условиях. Уверовав в конспиративную непогрешимость заговора, члены подпольного комитета недооценили аналитические способности офицеров, в частности, подпоручика Ухтомского, практически догадавшегося о подготовке восстания в роте. Последнее обстоятельство и привело к непредвиденному развитию ситуации.

После первых выстрелов, из штаба выбрался еле державшийся на ногах, окровавленный Серебряков. Первоначальный план затрещал по швам. Растерявшийся Хабаров лихорадочно пытался найти верное решение, теряя драгоценное время. Одно дело, пользуясь фактором внезапности, уничтожать, в панике выбегающих из штаба, и совсем другое – атаковать, неизвестного числом противника, занявшего организованную оборону в здании. Откуда мог знать Иосиф, сказалось пренебрежение элементарной разведкой, что противник совершенно не организован и в стельку пьян? В здании волостной управы снова раздалась беспорядочная пальба. Мишка Егоров попал в переплёт, дошло до Хабарова. Ведь, наказывал человеку схватиться куда-нибудь, в случае возникновения заварушки! Эх, молодость, молодость....

Группа ждала приказа, а командир продолжал сетовать и медлить. Показывая пример взаимовыручки, в штаб, мимо замаявших повстанцев, метнулся Шарик. Вздыбленная шерсть и оскаленная морда пса говорили о решимости порвать в ливер врагов его друга. В здании поднялся невообразимый переполох. Стрельба прекратилась, сменившись матерными воплями. Считанные секунды промедлив ещё (вот они роковые секунды для Мишки), Хабаров, наконец, приказал атаковать:

-Эй, Фирс! – окликнул он Кирсанова. - Отведи Серебрякова к пулемётчикам. Остальные – за мной!

И первым, к сожалению, слишком поздно для Михаила Егорова, кинулся в штаб. Рванул наружную дверь; сражённый пулей Мишка, буквально свалился ему в руки.

Завидев ворвавшихся с криками «Ура!» мятежников, кучка, совсем недавно, отчаянных головорезов и не пыталась оказать сопротивления, дружно сыпанув наружу через окна. Штыки и пули поджидавшей засады, теперь уже в точном соответствии с замыслом подпольного комитета, заботливо настигали удиравших храбрецов. Каптенармус Вторушин попытался спрятаться в подполье, но штык Николая Бубнова пригвоздил его к полу.

Завершив кровавую работу, восставшие собрались в прихожей. Хабаров попросил положить тело Михаила на его лежанку. На юном бескровном лице парня навечно застыло выражение азарта и удивления.

-Эх, Миша, Миша, не уберётся. - Горько, с осознанием немалой доли собственной вины в гибели молоденького солдата, вздохнул Иосиф, снимая фуражку, - Жить бы, тебе, да жить.... Прости, не успели....

Остальные стояли в скорбном молчании, отдавая дань мужеству посыльного, во многом, предопределившего исход борьбы за штаб. Его выстрелы обезглавили и дезорганизовали потенциальных защитников здания волостной управы, уложив подпоручика и прапорщика.

Воцарившуюся тишину нарушил тревожные крики во дворе.

-Братцы, где Хабаров?

-На кой он тебе ляд?

-Егеря полезли!..

§. НЕПРОШЕННЫЕ ГОСТИ

*Умеренность на войне – непростительная глупость.
Т.Б. Маколей.*

На случай враждебных действий со стороны егерей, по решению подпольного комитета, взвод Николая Силко, сразу же после начала восстания, скрытно занял позицию, расположившись неподалёку от штаба, в палисадниках по обеим сторонам главной улицы в направлении возможного движения оных. Перед взводом стояла задача – никого не пропустить, ни под каким видом и ни под каким предлогом со стороны улицы, занимаемой егерской ротой. Огонь открывать лишь в исключительных случаях и только по команде.

Стрельба, возникшая в различных сторонах села, вызвала естественную суматоху в расположении, не подозревавших о вероломных замыслах соседей, егерей. Поднятые по тревоге, они зашевелились, затем команда, в составе тридцати-сорока человек направилась к центру села. Силко, внимательно наблюдавший за суетой и перемещениями «подопечных», велел своим приготовиться к бою, лишней раз, обратив внимание на необходимость действовать строго по его приказу.

Егеря приблизились. Они были в полном боевом снаряжении. Впереди выступал рослый, бравый с виду фельдфебель, вооружённый шашкой и наганом. Визит хорошо оснащённых, примерно вдвое превосходящих взвод Силко по численности, горных вояк не предвещал ничего хорошего. Однако, скрытное расположение взвода, в значительной мере, уравнивало шансы. Открыто передвигающиеся солдаты, попавшие под внезапный перекрёстный огонь, неминуемо растеряют превосходство в живой силе. Но пока оставались неясными намерения приближавшейся команды. Вдруг, решат присоединиться к восставшим? Не выяснив целей, открывать стрельбу, по меньшей мере, глупо. К тому же, перекрёстный огонь и ответная пальба приведут к немалым жертвам среди местных жителей. Да, над непростой задачей приходилось ломать голову Силко. Восстание в роте, похоже, шло к успешному завершению. Скоротечная перестрелка в штабе прекратилась, в районе больницы – тоже. Лишь изредка хлопали отдельные выстрелы. Значит, в случае осложнений с егерями, рассчитывать на подмогу всё-таки можно. Следовательно, вопрос заключался только во времени.

Глянув вдоль улицы, взводный приободрился, со стороны больницы приближалась к штабу довольно внушительная толпа солдат. Безусловно, двигались свои, орудовавшие ранее в том конце села. Соотношение сил кардинально менялось не в пользу визитёров. Тем не менее, Силко, на всякий случай, послал одного из своих солдат предупредить Хабарова о появлении непрошенных гостей, а сам решил вступить с ними в переговоры, чтобы прояснить их намерения.

-Эй, егеря! – окликнул он, выходя из укрытия. - Куда это вы разогнались, на ночь глядя?

-Бегаете, про партизан орёте, стреляете, а нас на помощь не зовёте. Вот мы и решили узнать, чего вы колготитесь? – в ответ строго поинтересовался фельдфебель, сделав знак своим остановиться.

-Наша стрельба вас не касается, так что советую не лезть, куда не просят. – тактично предостерег пластунов Силко.

-Слых есть, что в вашей роте какое-то восстание. Вы чего, на самом деле взбунтовались, чё ли?

-Слухи правильные, - взбунтовались. – Не смутился переговорщик и тут же озвучил ультиматум. – Граждане егеря! Мы предлагаем вам по добру, по здорову, присоединиться к нам, или сложить оружие.

-Да ты чё мне предлагаешь, сукин ты сын?! Морда яшашная! – праведно вознегодовал фельдфебель, - Я тебе покажу «сложить оружие»! Взять его!

Фельдфебель и его команда не совсем справедливо полагали, что Силко один и потому полностью находится в их власти. Несколько солдат, приняв винтовки наизготовку, двинулись в его сторону. Но тут затрещал палисадник, и засада, не дожидаясь на то особой команды, бросилась на выручку командиру. В это же время из ворот штаба вывалилась группа Хабарова. Не ожидавшие подобного оборота дела, егеря дрогнули и попятились.

-А ну не дрейфь, орлы! – попытался взбодрить их воинственный пыл фельдфебель, - Вперёд, на бунтовщиков! В штыки!

Однако лишь небольшая часть команды последовала за ним навстречу атакующим. Без труда, оказавшись смятой. Остальные «орлы» поспешно ретировались, побросав оружие. Дольше всех, как и положено командиру, держался фельдфебель. Он сноровисто орудовал шашкой, никого не подпуская к себе. Наконец, двое солдат пришили его штыками к заплоту, к которому он сам же и подпятился. Но, даже оказавшись в безнадёжном положении, он яростно размахивал клинком, иногда доставая то одного, то другого противника.

-Чего ж вы не стреляете?! – закричал Степан Сгибнев, подбегая.

Один за другим грянули два выстрела. Потом ещё. С геройским фельдфебелем было покончено.

Наступившая передышка оказалась недолгой. Со стороны егерей снова показалась довольно густая толпа.

-Не иначе, подкрепление фельдфебелю шурует, - хмуро предположил Силко, - Вот навязались на нашу голову! Не отвадишь.

-На подкрепление не похоже, - усомнился Хабаров, - Очень уж кучно идут. В общем, Николай, надо выяснить, ты у нас в переговорах парень тёртый, намерения наших беспокойных соседей. А мы тут приготовимся, на всякий пожарный.

Силко пошёл навстречу. Вскоре вернулся, бегом покрыв расстояние, отделявшее приближающихся егерей от повстанцев.

-К нам в отряд проситься идут! – радостно объявил он, - Говорят, кабы знали про восстание, поддержали бы.

-Ну вот, а ты говоришь – «подкрепление». - облегчённо улыбнулся Иосиф.

-Подкрепление и есть, - сдохмил Силко, - Доброе нам подкрепление!

В самый разгар братания заговорщиков с егерями появились сергеевцы, прискакавшие на конях. Впереди красовался в лихо заломленной папахе «доктор» Башкатов. Нарочный от Хабарова, накануне, передал ему сигнал к выступлению. И он, с присущим ему энтузиазмом, совершил переворот в два счёта. По его команде хлопнули несколько кулацких добровольцев, а вот командира отряда, прапорщика Сметанникова, не тронули. Башкатов заблаговременно довёл до сведения Хабарова, что прапорщик свой человек, хотя и офицер, напомнив Иосифу недавний факт, когда Сметанников снабдил заговорщиков револьверами. Ведь, прапорщик далеко не мальчонка, он прекрасно понимал, что явно, не для рьяного служения Верховному правителю нижним чинам понадобилось, не положенное им по штату, оружие. Интеллигентный прапорщик, учительствовавший в мирное время, откровенно сторонился всевозможных карательных акций. Будучи образованным человеком, справедливо полагал, что насилие порождает только ещё большее насилие, жестокость – большую жестокость. Штыки, вещь опасная, усидеть на них долго невозможно. Подпольный комитет решил использовать опыт и знания прапорщика в дальнейшем с обоюдно пользой, исходя из складывающихся обстоятельств.

Появление сергеевцев вызвало новый прилив ликования среди повстанцев и примкнувших к ним егерей. Восстание завершилось полным и безоговорочным успехом, решительной победой. И почти без потерь. Мятежники потеряли одного

Михаила Егорова, да несколько человек оказались с лёгкими ранениями. Разве что, Серебряков пострадал посерьёзнее. По распоряжению Хабарова, его, сразу после захвата штаба, отправили в земскую больницу. Зато, ни один каратель не ушёл от возмездия. Солдаты обнимались на радостях, шумно, не без хвастовства вспоминали о своих геройских деяниях во время восстания.

-...Объявил я, значит, ему, что партизаны, мол, наступают, в ружьё команда была, - рассказывал степенный, грудастый солдат, - А он мне: «Как, мол, так? Пошто, я ничего не знаю?» «Ну, это, мол, господин фельдфебель, ты у ротного спроси, что почём. А мне, что велено, то я и передал». – Нагло поясняю я. Шибко не по носу Рашпилю моя новостина пришлась. Но собрался он в один момент. Выходим, значит, мы за ворота, тут Аким нас дожидается. Рашпиль, как увидел его, так по своему обнаковению сразу орать начал: А ты чего, дескать, тут околачиваешься? Я вижу такое дело, поворачиваюсь к нему и говорю: Будя, откомандовался! И хрясь ему по мусалам, он – кувырк и копыта кверху. Ну и Антип не растерялся, штык ему прямо в башку всадил. Вроде, как пешнёй вдарил. Рашпиль даже и не пикнул. Вобщем, в один момент мы с этим горлохватом управились. За все изгаятства над людьми полный расчёт ему выписали. Ни дна б ему, ни покрышки...

-А у нас так было....

Эй, Хабаров! Где ты есть? Речь давай!

И следует торопливый рассказ об очередном эпизоде. Жестокость продолжала рождать жестокость....

-Братцы, может, хватит в погонах щеголять? – громко спохватился Фёдор Романцев, - Долой их к чёртовой матери!

-Долой! – немедля подхватили окружающие.

-Кокарды – тоже долой! Наземь дружно полетели колчаковские знаки различия. -Красные ленты цеплять надо!

-На штаб треба красный флаг водрузить!

Ажиотаж толпы нарастал с каждой минутой. Некоторые горячие головы принялись палить в воздух. Хабарову пришлось окриком одёрнуть, не на шутку разошедшихся бузотёров: Прекратите с ума сходить! Патроны для других дел ещё понадобятся.

По традиции тех горячих денёчков, круто менявших устои государства, толпе срочно требовался митинг.

-Эй, Хабаров! Где ты есть? Речь давай!

Иосиф и сам чувствовал, что ему требуется выступить. Спасибо сказать товарищам, поздравить с общей победой. Но, никогда не ораторствовавший на публике, искренне сомневался в собственных риторских возможностях. Боялся опростоволоситься, потерять авторитет, сморозив какую-нибудь несурезицу.

-Главное, не тушуйся. Говори громко, уверенно, а правильные слова сами найдутся, - преподавал ему урок по искусству красноречия верный друг Федя Романцев.

-Насчёт свободы и мировой революции ввернуть не забудь. - Подсказал эрудированный ротный фельдшер.

-Не забудь сказать про нашу большевистскую платформу, - вступил в разговор, поднаторевший в беседах со ссыльным каторжанином, Степан Сгибнев, - Пусть всем с самого начала будет ясно – мы за рабоче-крестьянскую власть, и, если она кому-то не по нутру, то пусть сразу мотают, куда хотят. На все четыре стороны. Нам с такими не по пути.

-Голова, - оценил Хабаров, - Правильно толкуешь. В самом деле, если размежеваться, то сразу. Чтоб потом разногласиев не было. Вот только боюсь, не сумею я наши умные мысли перед народом гладко изложить. Не обучен краснобайничать.

-Чего ты испугался? – недоумённо пожал плечами бесстрашный Башкатов. - Ребята свои, поймут правильно.

-Раз такой отчаянный, возьми и выступи, - попытался поймать его на слове Иосиф.

-Легко, - не стусевался тот, - Только после тебя. В конце концов, кто у нас главный, ты или я?

Толпа начала выказывать признаки нетерпения. Насмотревшись в губернском городе демонстраций и митингов, солдаты, со знанием дела, настаивали на соблюдении заведённых порядков. Неужли, мы хуже других?

-Хабаров, ты чего потерялся?

-Аль, сказать нечего?

-Давай, не томи душу!

Однако греющие душу народа ожидания не оправдались, мероприятие не состоялось....

Преодолевшего колебания и настроившегося на выступление, Иосифа, мысленно произносившего уже заготовленные первые фразы, остановил солдатик, неожиданно протолкавшийся к нему:

-Осип, там какая-то бабёнка Баранова спрашивает.

-Давай её сюда. - Обрадовался возможности отсрочить, чреватое конфузом, выступление Хабаров.

Перед ним предстала молодая, прилично одетая женщина, с осёдланной лошастью на поводу. Несмотря на сумерки, с первого взгляда стало ясно, бабе, причём, совсем недавно, довелось перенести серьёзные удары судьбы. Нос несколько припух, правда, на красоте её румяного, голубоглазого лица, данное неприятное обстоятельство отразилось мало. Светлые волосы выбились из-под небрежно повязанного шерстяного полушалка. Вырванная с мясом пуговица на нарядной суконной кацавейке и порванная сатиновая юбка, довершали портрет, потрёпанной жизнью (жизнью ли?) амазонки. Явственный запах сивушного перегара, казалось бы, с потрохами, выдавая искательницу приключений на собственное мягкое место, тем не менее, резко контрастировал с миловидным обликом.

-Зачем тебе Баранов, красавица? – холодно поинтересовался Иосиф, заподозривший в разбитной незнакомке, представительницу одной из древнейших в мире профессий, возможно, совмещавшую постельные утехи с доносительством.

-Счас скажу, держи карман шире! Нашёл дурочку с переулочка. Не больно-то ты на Баранова похож. – Подбоченившись, отрезала женщина.

-Баранова нет, и не будет. Заместо него пока я.

-Побожись.

-Прекрати придуркиваться, говори, что у тебя за дела с Барановым?

-Один хрен, дознаемся. - Со значением, выразительно поводя глазами, заметил многоопытный ротный эскулап.

-Ой, без соплей склизко! - живо отпарировала незнакомка, не удостоив взглядом советчика.

Но, то ли скрытая угроза Башкатова подействовала, то ли она о чём-то догадалась, видя скопление вооружённых солдат при полном отсутствии офицеров, да и стрельбу, наверняка, слышала, но горячка всё же поведала, зачем ей понадобился Баранов.

Оказывается, молодая женщина хотела пожаловаться на милицейских, по образному её выражению, кобелей, обидевших её по пьяной лавочке, в соседней Корнеевке. Дело обстояло следующим образом; возвращаясь из гостей от сестры, проживающей в Новиковке, она проезжала, по пути домой в Пышкино-Троицкое, через Корнеевку. В этой деревне её остановили милицейские чины. Обычные дела, кто такая, дескать, откуда и куда следуешь, есть ли документ, удостоверяющий личность? Достала справку с печатью, выданную волостным писарем. Бдительные стражи порядка, мотивируя необходимостью показать справку начальнику, на предмет выяснения правильности предъявленного документа, потребовали пройти в дом. В избе дым коромыслом. Милиция гуляет. С бабьём.

Но, видно, бабёнок на всех не хватает. Начальник ихний (здоровенный бугай), сидит тут же. Говорит, с тобой после разберёмся, а пока, дескать, садись выпей. Усадили за стол, как ни упиралась. Налили самогону полный стакан. Пришлось выпить. Потом гуляки, дело молодое, давай её лапать. Потацили в горницу. Да не на таковскую напали. Боевая молодуха соврала им, что срочно во двор нужно. Наизнанку, мол, выворачивает с самогонки. Брезгливые забулдыги поверили. Оказавшись во дворе, схватила свою каурку, вывела через задние ворота со двора, вскочила в седло и ищи ветра в поле... Жалко новую сатиновую юбку порвали и кацавейку испортили, пуговицу с мясом выдрали. Это, когда в горнице раздевать начали, а она не давалась.

В заключение печальной повести (бывают повести и попечальней) лихая сельчанка сообщила, будто её обидчики направляются сюда, в Ново-Кусково. Вот она и хотела, чтобы Баранов хорошенько вздрючил охальных милиционеров за их кобелиные выходы.

-И много их? – насторожился Хабаров.

-До чёрта. В соседнем доме тоже ихняя шатия-братия гулевонила.

-Откуда известно, что они сюда собираются? Сведения точные? – строго ввернул ротный фельдшер.

-Вот те хрест! Я слышала, пока за столом сидела, как они промеж себя толковали, что, мол, сейчас самогоночку допьём и в Ново-Кусково двинем. Несудом, им сюда запонадобилось.

-Спасибо, родная, - усмешливо поблагодарил Хабаров, - Я-то, грешным делом, тебя за полубовницу барановскую принял, видок тот ещё у тебя. Ну, а засим, поезжай в своё Пышкино-Троицкое со спокойной душой. Обидчики твои получат по заслугам.

Врождённая сдержанность не позволила расцеловать подпитую ершистую бабёнку за услугу, ненароком оказанную повстанцам, да и просто, чего уж скрывать, приглянувшуюся ему.

-И тебе спасибо, служивый, на добром слове, - не осталась в долгу бойкая незнакомка, усаживаясь в седло. – Будешь в наших краях, заходи. Желанным гостем будешь. Попотчую, чем Бог пошлёт. Спросишь Наталью Пангину. Тебе любой мой домишко покажет.

-Муж-то, поди, возражать будет?

-Не будет. Далековато муженька мово черти-то носят. Не навоюется никак.

-За кого, хоть, воюет-то?

-Кто его знает. За красных, вроде. А может, за белых. Или ещё за каких. Я в таких делах плохо разбираюсь. Одно знаю, добром эта катавасия не кончится. Поперебьёте, да поизувечите вы, мужики, друг дружку, а нам, бабам, вся ваша работа достанется – и пахать, и сеять, и убирать, ещё и детей растить. Вобщем, знай чертомель, а помилиться не с кем.

-Ну, ты-то одна не останешься. - подмигнул Хабаров.

-Смотря, какая судьба выпадет, служивый, - нарочито скромно потупив бедовые глаза, притворно вздохнула Наталья. – Ладно, пора мне, а то уж ночь на дворе. А мне ещё десять вёрст до дому добираться. Прощевай, служивый. Храни тебя Бог! Но пошла, холера ленивая.

-Слышали про дорогих гостей? – обратился Хабаров к стоявшим подле знатокам ораторского ремесла, провожая симпатичную амазонку задумчивым взглядом.

-Слышали. – Отозвался Романцев.

-Тогда понимать должны, что не время сейчас митинги митинговать. Самое время приготовить «хлеб – соль» милиционерам.

Дорога была ни к чёрту. Коноплёва безжалостно мотало на ухабах из стороны в сторону. Иногда, он едва не вываливался из плетёного коробка.

-Эй, дядя, аккуратней! – рычал он в таких случаях на возницу, тыча кулаком, а то и сапогом ему в спину. – Не дрова, небось, везёшь! Смотри, бородёнку выщипаю!

Возница, пожилой бородатый мужик, угрюмо молчал и только глубже втягивал голову в плечи, отлично понимая, что шутки шутить с привередливым пассажиром не стоит. Начнёт с бороды, не заметишь, как и головы лишишься. Коноплёв и трезвый-то не отличался особой сдержанностью, а пьяный, вообще, давал полную волю своему необузданному нраву. Сегодня, он и пребывал в состоянии изрядного подпития, тем не менее, продолжал прикладываться к фляжке, теперь уже больше «для сугреву». Погода круто поворачивала на зиму. Жёсткий ветерок прохватывал насквозь. Форменная, хоть и на ватной подкладке, шинель согревала плохо.

Густо валил снег, покрывая стылую землю плотным саваном. Голые берёзовые и осиновые околки, меж которых петляла дорога, стояли, словно неприкаемые. При виде их сиротливой пустоты на душе становилось тоскливо и неудобно. Впереди и сзади тархтели дормезы, на коих тряслись по гремучим колдобинам вдрызг пьяные коноплёвские подчинённые. Замёрзшие милиционеры, на чём свет материли собачий холод, возниц и этот дурацкий вояж в Ново-Кусково. Ведь прекрасно проводили время, бражничая в Корнеевке. Самогону, хоть залейся. Жратвы тоже, хоть в три горла ешь. Да и бабёнки нашлись покладистые. Так ведь нет, начальнику, вдруг, моча в голову ударила переться, чёрт знает, куда и неизвестно, зачем. По такой-то погоде, да на ночь глядя....

Начальник Александровской волостной милиции, Коноплев верой и правдой служил Верховному правителю, яро карая нарушителей правопорядка. Словно гончий пёс рыскал с преданными помощниками от села к селу в поисках красных смутьянов, не ограничиваясь пределами своей волости. Неосторожно обронённое слово или фраза, не понравившаяся бдительным служителям закона, обходились селянам дорого. Правопорядок и закон, в понимании начальника волостной милиции, должен опираться

исключительно на публичные порки шомполами и правых, и виноватых. Для острастки полосовать задницы, внушая уважение к закону, следовало, не считаясь ни с полом, ни возрастом. Приходилось и расстреливать, уж совсем, отъявленных бузотёров; в целях скорейшего торжества правосудия, пренебрегая скучными формальностями. Слёзы и кровь лились по неправым путям-дорогам бравого служителя Фемиды. Страшные кары Господни призывали люди в молитвах на его голову. Видимо, молитвы достигли ушей Всевышнего....

В этот раз, пройдясь по Вороно-Пашинской волости, Коноплёв решил дать передохнуть милиционерам, устроив гулянку в Корнеевке. Праздник удался на славу, но в самый разгар веселья, шуряк или свояк (кто его разберёт) старосты, желая выслужиться, доверительно сообщил, что, где-то, в районе Филимоновки появились красные партизаны, которым не сидится на месте. Недавно, подозрительных вооружённых людей видели и в их деревне. Новости оказались из разряда неприятных. Согласитесь, одно дело, творить суд и расправу над безоружными людьми и совершенно другое, оказаться в одной деревне с красными партизанами. Перспектива радужностью не отличалась.

Вдобавок, во время застолья, случилось происшествие, расстроившее мнительного Коноплёва. Его молодцы задержали шустрюю смазливую бабёнку, проезжавшую по Корнеевке верхом на лошади. По обыкновению, затащили её в дом, где гуляли, желая потешиться. Но для блезиру доложили ему, что, дескать, сумлеваются в подлинности, предъявленного им документа. Коноплёв же, бдительность которого возрастала прямо пропорционально количеству выпитого, к тому же, не на шутку обеспокоенный сообщением родственника старосты, пошёл дальше подчинённых, заподозрив в ней партизанскую лазутчицу. Однако форсировать события не стал, решив провести самоличный допрос с пристрастием попозже, предоставив подозрительную девицу в распоряжение молодых и рьяных сослуживцев. Пусть, мол, сорвут охотку, пока он трапезничает. А уж потом и он примется за неё, как положено, возьмёт в оборот. Подозрительная особа, разъезжающая по деревням верхом на лошади, заслуживала самого пристального внимания начальника милиции.

К сожалению, допросить её не пришлось. Сумев обмануть его доверчивых разинь, она сбежала в неизвестном направлении. Бегство сомнительной селянки ещё более укрепило Коноплёва в его подозрениях. Теперь он был уже уверен, баба – красная лазутчица. Попадись она ему на глаза снова, уж он не станет легкомысленно откладывать допрос на потом, а вытрясет из неё все тайны, всю подноготную немедленно. А пока, стоило подумать о собственной шкуре. Ведь, партизанская шпионка, к бабке не ходить, помчалась за подмогой. Значит, с минуты на минуту могут нагреть красные....

Конечно, Коноплёв постарался сохранить лицо, не показать сильной озабоченности, владевшей им, но тут же приказал своим разгулявшимся архаровцам закругляться и собираться в дорогу. Следовало поторопиться в Ново-Кусково, чтобы поставить в известность Баранова о появлении красных в его округе. О действительных мотивах, заставивших начальника милиции побыстрее уматывать подальше от опасного соседства под защиту штыков барановской роты, он благоразумно не стал распространяться даже перед милицейской братией.

Правда, проветрившись на свежем воздухе, обретя способность более или менее здраво рассуждать, Коноплёв начал склоняться к мысли, что, пожалуй, зря затеял поездку в Ново-Кусково. Если и надо было спешить во весь опор, то совсем в другую сторону, к себе в Александровку. Туда-то уж, красные вряд ли посмеют сунуться, они предпочитают держаться подальше от Томска и его окрестностей. В Ново-Кусково же было достаточно послать нарочного. И пусть у Баранова болела бы голова об этих партизанах. В конце концов, его территория, ему и расхлёбывать. В данной ситуации же, он может запросто предложить ему, Коноплёву, поучаствовать в ликвидации филимоновских партизан.

Предположим, нет там никаких партизан. Ведь, своячок корнеевского старосты, вполне мог и нафантазировать по пьяной лавочке. Солидный конфуз случится. И уж, ново-кусковский ротный постарается раздуть его до планетарного масштаба, положим, не до планетарного, но на всю губернию ославит точно. Будут склонять потом, к месту и не очень, в различных инстанциях.

Второй и последний вариант – партизаны действительно есть в районе Филимоновки. Подобное развитие событий ставит его, Коноплёва, и вовсе в незавидное положение. Отвертеться не удастся, придётся помогать Баранову. Сиё означает, подставить голову под пули красных смутьянов. Правда, говорят, что пули у партизан самодельные и далеко не летают. Утешение, особенно покойнику, слабое. Какая разница, разнесёт башку пуля заводского изготовления, либо самодельный жакан. А уж стрелять-то, местные жители умеют знатно, в тайге иначе нельзя, не проживёшь. Продырявить черепок для них – раз плюнуть! Причём расстояние в тайге большой роли не играет. Белке в глаз не будешь же с километра лупить. Есть возможность подобраться поближе.

Начальник милиции расстроился от бередивших душу мыслей до такой степени, что собрался поворачивать свою команду обратно. Но поворачивать было уже поздно, до Ново-Кусково оставалось рукой подать. Да и прилюдно менять решения, значит, терять авторитет. Глотнув из заветной фляжки, Коноплёв доверился судьбе: - Чему быть, того не миновать....

И тут в селе разразилась беспорядочная стрельба.

«Неужели партизаны атаквали барановцев?» – похолодел Коноплёв, вжимаясь в глубь возка. Вот дёрнул чёрт его, переться за сто вёрст щи хлебать! Действительно, послал бы нарочного с пакетом, а сам сидел бы у гостеприимного корнеевского старосты, да гулял бы в своё удовольствие. Хозяин обещал ещё самогону достать. И девок для разнообразия. Теперь же, волен-с, неволен-с, придётся совать дурную головушку в пекло.

Или, наплевав на приличия, повернуть всё же, обратно?

В самый бы раз. Но, опять же, если про эту ретираду прознает начальство, то есть хорошие шансы под военно-полевой суд угодить. В отряде обязательно найдётся дятел пестрожопый, отстучит (не обязательно морзянкой) телегу на любимого начальника.

Стрельбу услышали и остальные коноплёвцы. Очевидное замешательство посетило практически всех, мизерное, но счастливое исключение составляли, спавшие мертвецким сном двое наиболее усердных поклонника Бахуса. Передние подводы начали останавливаться, милиционеры – соскакивать с дормезов. Желание продолжать езду в село, также пропало практически у всех одновременно.

-Чего стали?! – нервно заорал начальник милиции, - Что, уже в штаны наложили?! А ну, погоняй, мать вашу!

Окрик подействовал, обоз с карателями снова загрохотал по стылым дорожным ширишам. На сей раз, Коноплёв выехал вперёд, являя подчинённым пример командирского бесстрашия. Вскоре стрельба на селе прекратилась. Скоротечность перестрелки озадачила встревоженного милицейского предводителя. Если предположить нападение на село партизан, то даже отборным барановским воякам пришлось бы с ними долго возиться, бой скоро не кончился бы. Следовательно, стрельба в селе означала нечто иное. Но что?

«Может, с перепою палить взялись? – несколько успокоившись, предположил он. Ведь, и его архаровцы, иной раз, по пьяне устраивают игрища со стрельбой.

Ранний зимний вечер опустился на землю, тёмной пеленой укутав окрестности, когда отряд Александровских милиционеров добрался, наконец-то, до Ново-Кусково. Село встречало неурочных гостей откровенно неприветливо. Ни единого огонька не светилось в избах, хотя поздним время не назовёшь. Над селом висела гробовая тишина, изредка нарушаемая, жутким собачьим воем. Тягостный финал безрадостной

поездки. У Коноплёва тоскливо сжалось сердце от неясного, но нехорошего предчувствия. Гоня плохие мысли прочь, достал фляжку и высосал до доньшка. Привычного благотворного влияния на самочувствие, алкоголь уже не оказывал....

-Кажись, едут. - Приглядевшись к утонувшей в сумерках томской дороге, заметил Башкатов.

-Похоже, наши заклятые друзья. - Поддакнул Романцев, пристально глядевший в ту же сторону.

Отчётливо доносился стук колёс целого обоза.

-По местам! – негромко скомандовал Хабаров. - Действовать, как условились

Когда последняя подвода обоза въехала в ворота поскотины, дорогу милиционерам загородили вооружённые люди, неожиданно появившиеся со стороны кладбища, расположенного на окраине села, справа от дороги.

-Стой! Кто такие?! – громко окликнул чернявый унтер-офицер, остальные угрожающе заклацали затворами.

-Милиция! – недовольно отозвался Коноплёв, теряясь в догадках по поводу многочисленности и суровости встречающих солдат.

Унтер, вооружённый винтовкой с примкнутым штыком, приблизился к его коляске.

-Кто старший?

-Допустим, я!

-А кто ты такой? Что за причиндал?

-Не причиндал, а начальник Александровской волостной милиции Коноплёв! Надеюсь понятно? Наглец! Прочь с дороги! Мне надо срочно к Баранову.

-Погодь, не торопись начальник. Документики сперва предъяви.

-Какие документы? Зачем? Протри глаза-то. Форму не узнаёшь?

-Ладно, хватит болтать! – прекратил дебаты унтер и, обернувшись к своим, приказал: Проверить у всех документы!

Условная фраза прозвучала.

-Но, учти, унтер! Даром это тебе не пройдёт! – продолжал хорохориться Коноплёв, начиная, однако, соображать пьяными мозгами, что что-то тут не так.

Дальнейший ход мыслей начальника Александровской волостной милиции прервал страшный удар штыком в грудь. Он беззвучно зазевал, словно, выброшенная на берег рыба, и завалился на спинку коробка. Безжалостные удары штыков повстанцев с беспощадностью карающей десницы настигли и остальных милиционеров, с пьяным безразличием встретивших смерть. Стрелять не потребовалось. Ни один возница не пострадал, хотя всех их бросило в пот, согласитесь, ведь было от чего. Зрелище кровавой массовой резни, происходящей вокруг, на неподготовленную аудиторию производит жуткое впечатление.

-Ну вот, и всех делов.... - облегчённо вздохнул Хабаров, вытирая окровавленный штык полой коноплёвской шинели.

Подтягивались участники кровавой акции и молча закуривали, даже повидавший люд чувствовал себя не в своей тарелке. Пугливо всхрапывали, не стояли на месте, почуяв мертвецов, ездовые лошадки. Снова, где-то на окраинной улице, тоскливо завыла собака. Ей отозвалась другая....

На душе Иосифа было муторно. Убивать людей, даже испроклятых извергов, занятие гадкое для нормального человека. Рвота подкатывала к горлу, организму требовалось очищение.

-Ну, а нам-то, что прикажете делать, господа служивые, али как вас теперь навеличивать? – робко напомнил о себе один из возниц, пожилой седобородый мужик.

-Вам? – повернулся к нему Хабаров, возвращаясь к реальным заботам. – Раз вы уж привезли к нам незваных гостей, то в наказание придётся поработать.

-Так ить, мы ж не сами... Нас силком заставили...- по старой крестьянской привычке заскулил, прикидываясь казанской сиротой, мужичок.

-Знаю. Пошутил я, насчёт наказания. Просто нам надо помочь подводами. Чтоб местных мужичков, на ночь глядя, не беспокоить.

-Да мы, что ж... Завсегда, раз надоть, какой может быть разговор. Сделаем в лучшем виде. Дак, кого, куда везти-то?

-Сперва, своих седоков отвезите вон туда, к кладбищу. Там, где-нибудь, в кучу их и свалите. Только с наружной стороны, чтоб погоста не поганить. А потом, надо собрать всех убитых на селе и свезти сюда же.

-Так ить, мы ж не знаем, где они там, у вас убитые-то лежат.

-Мы покажем. А заодно, поможем грузить – разгружать. Правильно говорю, братва? – обернулся Иосиф к своим.

-Правильно, чего там. – хотя и неохотно, но одобрили повстанцы.

-Осип, может, до завтра покойники бы подождали? – шепнул ему в ухо Романцев, - ночью с мертвяками возиться, честно говоря, жутковато.

-Вот уж не думал, Федя, что ты у нас такой чувствительный, - усмехнулся Хабаров, - Думаешь, я железный. И у меня с души воротит при виде мертвецов. Но нельзя же оставлять их до утра валяться по селу. Надо всех подобрать. Завтра, сами же и закопаем их в общей яме. Только тело Михаила Егорова оставим пока в штабе. Тоже похороним его завтра. Как положено. С воинскими почестями.

-Это ты правильно решил, Осип.

-Раз правильно, тогда пошли. Ещё запалку сделаем. Всякое дело следует до конца доводить.

-Пошли....

9. В П О Х О Д!

*Дружиной бодрою, отважной молодёжью
Мы рано вышли все в поход, на волю божью.
Вяземский П.А.*

Остаток ночи, Хабаров провёл, ворочаясь с боку на бок, уснуть, по настоящему так и не смог. Лишь временами впадал в чуткое полузабытьё. Несколько минут дремоты снова сменялись тревожным бодрствованием. Перед ним вновь и вновь вставали картины вчерашнего боя, оскаленные лики мертвецов, которых они допоздна возили на кладбище, в ушах стоял пугливый храп лошадей и жуткий собачий вой. Постоянно возникал, не давая покоя, вопрос: Что делать дальше?

Помочь в разрешении извечного русского вопроса должен был их связной Белецкий, направленный к руководству большевистского подполья в Томск. Но Белецкий, по неизвестным причинам, из губернского центра не вернулся. Вполне вероятно, попал в руки колчаковской контрразведки. И, как знать, исключать подобную возможность нельзя, не выдержав пыток, во всю даёт показания. Неясность со связным давала серьёзную пищу для размышлений, но неоднозначность ситуация оставляла надежду и на благополучное разрешение. Мало ли причин, кроме контрразведки, могло задержать молодого человека в Томске: женщины, болезнь, элементарная пьянка, наконец, и т.д., и т.п.. А вот в том, что сбежавший милиционер Чернышёв, не замедлит сообщить о восстании, кому следует, сомневаться не приходилось. Командование Томского гарнизона, со своей стороны, надо полагать, примет надлежащие меры, чтобы сурово покарать мятежников.

Безусловно, повстанцев голыми руками не возьмёшь, но неизвестно, как поведут себя, не прошедшие проверкой серьёзным боем, егеря, да и солдаты их роты, примкнувшие к заговорщикам лишь во время восстания. Сложно загадывать, однако,

возможна обратная рокировка, повернут ружья против своих, в критический момент. Или поднимут руки вверх. И тогда, пиши, пропало.

Принимать бой с карателями в селе бесперспективно. Обороняющиеся заведомо лишались свободы манёвра. Не говоря уж, о легко прогнозируемых и значительных жертвах среди мирного населения. Отсюда вывод, сидеть на месте и пассивно ждать у моря погоды, резона нет. Следует уходить, не дожидаясь прибытия штурмовых отрядов. Медлить не стоит. Следующий вопрос, куда уходить? В сторону Томска – храбро, но глупо. Окрестности губернской столицы кишат колчаковцами. Искать контакты с партизанами, затея рискованная. Подозрительная инициатива со стороны бывших колчаковцев, с большой долей вероятности, может быть истолкована ими, как провокация. Реакцию предсказать не трудно, стрельба с потерями с обеих сторон. Отмыться от, с позволения сказать, контакта перед красными не удастся, вину, наверняка, возложат на Ново-кусковских повстанцев.

Нет, сперва надо зарекомендовать себя самостоятельными боевыми действиями против колчаковского «правопорядка», а потом уж нащупывать связи с партизанами или большевистским подпольем. Для выбора подходящего района, по возможности, неохваченного партизанским движением, в качестве места постоянной дислокации, следует внимательно изучить карты, оставшиеся от Баранова.

Естественно, прежде чем задумываться о ведении боевых действий, необходимо из неорганизованной массы участников восстания и примкнувших к ним егерей, сформировать мобильный партизанский отряд. С чёткой структурой управления. Дело непростое и канительное. А коли, речь идёт о красном партизанском отряде, надо бы позаботиться и о Красном знамени для него. Отряд без знамени – скопище вооружённых людей, неизвестно, за что воюющих. Конечно, знамя соорудить недолго. Но, где взять для изготовления полотнища красную материю? Ведь, деревенские лавочники, за исключением кабатчика, давно посмывались из села вместе с товарами. Местные же жители, кроме холста, другой материи позволить себе, вряд ли, могли.

Красное знамя должен был привезти из Томска Белецкий, ему наказывалось любыми путями приобрести его у местных большевиков. Но Белецкий бесследно исчез вместе со своими заданиями. Снова мысли вернулись к связному. Вольно или невольно, в затруднительное положение он поставил повстанцев, лишив связи и поддержки томских подпольщиков.

Придётся, уповая на коллективный разум, прямо с утра собирать военно-революционный комитет и решать намеченный круг проблем сообща. Дела, не терпящие отлагательства, следует взять на себя. Организовать похороны Михаила Егорова. Геройского посыльного необходимо предать земле со всеми возможными почестями. Офицеров, добровольцев и милиционеров, убитых вчера, так же закопать, но уже без всяких почестей.

Кроме того, надо заняться скучной бухгалтерией, оприходовать ценности и делопроизводство штаба Баранова, взять на карандаш наличие оружия, боеприпасов, лошадей, провианта, фуража и другого ротного имущества. Подобную ревизию следовало произвести и в бывшей егерской роте.

В общем, дел накопилось за глаза. Хабарову хотелось, чтобы утро наступало поскорей. Но желанный рассвет не занимался. За окнами, правда, брезжило, но это разливался чахлый свет печальной багровой луны, низко повисшей над горизонтом. Радостное облегчение принёс петух, загорланивший на хозяйской половине, возвещая конец ночным бдениям Иосифа. Петух неплохо устроился с куриным гаремом на зиму под русской печкой, в благодарность, не давая залёживаться хозяевам. Вслед за петушиным криком зашевелились и сами хозяева. На их половине зажгётся свет, и начались обычные утренние хлопоты. Хозяйка загремела поленьями, растопляя печку, а хозяин, прокашлявшись и надымив крепчайшим самосадом, отправился во двор управляться со скотиной.

Хабаров решил, что и ему пора вставать и браться за дела. Не зажигая огня, он натянул шаровары и сапоги, пошёл умываться.

-А ты, куда это собрался в такую рань? – удивился хозяин, появляясь со двора с охапкой дров.

-Я ещё и позавтракать ничего не приготовила, - засуетилась хозяйка.

-Некогда вылёживаться. - пояснил Хабаров.

-Да какие могут быть теперь у тебя дела? – недоумевал хозяин. - Ни свет, ни заря!

-Делов по горло. У нас, например, даже красного знамени до сих пор нет. - Поделился проблемой Иосиф.

-Ну, а долго его сшить?

-Сшить-то, конечно, не долго, если есть из чего. Красного материала тью-тью.

-Так что ж, ты до сих пор молчал, садовая твоя голова? – с досадой воскликнул хозяин.

-У вас что, красная материя есть? – просиял Хабаров.

-У меня-то нет, а вот у брательника мово, Данилы, я знаю, была.

-Ну, так пошли к нему! Сойдёмся, поди, в цене-то с ним.

-Ещё чего выдумал! Видал ты, купец выискался! Про цены и не заикайся. Не обижай нас с братом. Для обчего дела, не то, что материю, последнюю рубаху отдать не жалко. Вобщем ладно, ты в это дело не суйся, я без тебя всё, что надо, сделаю.

-Извини, коли так, обидеть не хотел,... смутился Иосиф, обрадованный неожиданной простотой решения проблемы со знаменем.

-А теперь, давай садись за стол, - непререкаемым тоном распорядился хозяин, - Аксинья, сообрази нам на скорую руку, чего полагается. Да остальных ребят кликни, будя им ночевать.

Вскоре, все они сидели за столом – сам хозяин, Сергей Волков, и его квартиранты, Иосиф Хабаров, Николай Бубнов, Фирс Кирсанов. Перед ними дымились подогретые мясные щи, стояли чашки с капустой, салом и огурцами и вместительные рюмки с мутноватым самогоном.

-Ну, служивые, первую я хочу выпить за вас, дай бог вам здоровья! – поднял рюмку Волков. - И, чтоб вам сроду никогда не болеть. Остальное, как говорится, приложится.

Ранние сотрапезники чокнулись и выпили. Захрустели капустой и огурцами, зашвыркали, налегая на щи.

-Догадывался я, что вы чегой-то затеаете, - признался хлебосольный тамада, основательно закусив и наливая по второй, - Но и подумать не мог, что вы такую революцию заварганите. Ну, будем здоровы....

Иосиф лишь пригубил свою рюмку. «Выпил с утра и целый день свободен» - поговорка для него не годилась. Сегодня требовалась ясная голова. Слишком хлопотным обещал быть занимавшийся день. Пока же стоило основательно подкрепиться, и он сосредоточился на шах, ибо со вчерашнего обеда у него маковой росинки во рту не было.

Я предлагаю организовать отряд в составе двух рот. – Приступил к изложению собственной точки зрения Хабаров, уже в качестве утверждённого командира отряда. - Может, будут другие соображения? – обвёл он взглядом соратников, тесно сгрудившихся за столом в бывшем кабинете Баранова.

В ответ последовало единодушное и полное одобрение.

-Нет, других мнений нету.

-Не возражаем.

-Согласны, чего там. Давай, дуй дальше.

В первую роту думаю включить, - продолжил Иосиф, - Первый и второй взвода нашей бывшей роты и сергеевцев, во вторую – третий взвод, остатки четвёртого, пулемётную команду Ананьева и всех примкнувших егерей. Кроме того, необходимо сформировать специальную разведывательно-ударную группу, примерно в составе взвода, а так же санитарную службу. Есть возражения?

-Нет.

-Осип, ты являешь образцы лаконичного красноречия, - ввернул Башкатов, - Ловко же ты нас дурачил, когда мы тебя выступать агитировали. А сейчас, так убедительно излагаешь. Не придерёшься...

-Саш, не сбивай, давай посерьёзнее, - улыбнулся Хабаров, - Осталось назначить командиров. Попрошу высказываться по кандидатурам.

-Из Башкатова хороший ротный получится. Парень боевой и за словом в карман не лезет.

-Не сомневаюсь. Только ему придётся возглавить нашу санитарную службу, поскольку в области медицины он, не превзойдённый мастер, к тому же, единственный среди нас ветеринар.

-Прошу пардону, не ветеринар, а фельдшер, - с достоинством поправил товарища, эскулап.

-Для нас, лаконичных краснобаев, разница не большая. - вернул должок Иосиф.

-Вернёмся к делу, товарищ командир. Призываешь к серьёзности, а сам вопиющие примеры несерьёзности показываешь, - притворно посуровел доктор, - предлагаю Романцева. Парень тоже не промах. До меня, правда далековато, но ничего, подучится, толк будет.

-Другие мнения есть?

-Нет.

-Значит, ставим его на первую роту. А кого на вторую?

-Николай Силко, чем не ротный? По-моему, вполне можно его назначить. - подал голос -Подходящая кандидатура. Другие предложения будут?

-Да, какие там могут быть ещё предложения? Ротные, что надоть. Обои в деле проверенные. Не подведут.

-Тогда так и запишем, - застолбил Иосиф, - Командиром первой роты назначается Романцев, командиром второй – Силко.

-Всё верно!

-Затверждаем.

-Пушай командуют.

-Голосовать будем? – для порядка уточнил Хабаров.

-А чего голосовать, ежели нет против них никаких возражений? – последовал категорический ответ Кирсанова.

-В таком случае, будем считать обоих ротных утверждёнными, - подытожил Иосиф, дав новоиспечённым командирам рот указания: Попрошу, сразу после заседания комитета, разобраться с личным составом взводов, назначить недостающих взводных и отделенных командиров и представить мне на утверждение. – Сделав паузу, продолжил, - Теперь, ещё о двух вакансиях. Во главе разведывательно-ударной группы предлагаю поставить Степана Сгибнева, санитарную службу, как уже сказано, возглавит Александр Башкатов. Есть возражения?

-Ни в коем разе.

-Тогда по первому вопросу всё. Переходим ко второму. По моему глубокому убеждению, задерживаться в селе не стоит, надо скоренько уходить. Давайте посоветуемся на этот счёт.

-Чем вызвана такая спешка? – удивился Николай Новиков. - По-моему, так можно бы и отдохнуть денёк-другой, а то и недельку.

-Некогда нам отдыхать, Николай, - энергично отрубил Хабаров, - Мы должны сегодня же покинуть село. Как только покончим с похоронными делами. В любой

момент сюда могут нагрянуть каратели. И мы окажемся, вроде, как в западне. Да и село пострадает изрядно. А я не хочу, ни в чём не повинных людей, подвергать ненужной опасности.

-Тут я вполне с тобой согласен, - легко сдался Новиков, - И в какие края ты надумал податься?

-Вниз по Чулыму, в сторону Молчанова. Судя по карте Баранова, в этом районе отсутствует партизанское движение. Так что, мы будем здесь первыми застрельщиками борьбы за Советскую власть.

-Ну, а потом?

-Потом будем действовать, смотря по обстановке. Так я думаю. Может, есть другие соображения?

-Нет никаких других соображений, Осип! – решительно высказался Новиков. - Действуй по своему усмотрению. На то ты и командир. Правильно я говорю? – обернулся он к остальным членам комитета.

-Правильна! – последовал дружный ответ.

-Тогда кончаем заседать, - объявил Хабаров, ободренный единодушной поддержкой боевых соратников, - За дело, братцы!..

-Извиняйте, служивые, только сделайте такое одолжение, скажите, как вас теперь навеличивать прикажете, то ли господами, то ли товаришшами, али может, ещо как-нибудь поузористее?

-Да, разве, похожи мы на господ? – удивился Хабаров, с недоумением глядя на ходоков – пожилых мужиков и дедов преклонного возраста, заявившихся на кладбище, практически в одно время с появлением здесь похоронной команды.

Сам Иосиф, сразу после заседания комитета, пришёл сюда, чтобы самолично выбрать место для могилы Михаила Егорова, попутно следовало определиться и с общей ямой для захоронения карателей. Николай Бубнов и Александр Башкатов вызвались ему в сопровождающие.

-Стало быть, выходит, товаришши? – добивался полной определённости тощий, плоховато одетый дедок, задорно выставив вперёд жидкую, клочковатую бородёнку. Завидную дотошность проявлял Яков Винивитин, именуемый на селе дедом Горенкой.

-Ну, конечно, товарищи, не сомневайся дедушка. - Сдержанно подтвердил Хабаров, слегка уязвлённый чрезмерной въедливостью настырного дедка, очень смахивающей на недоверие. Ведь, казалось бы, вчерашние события красноречивее любых слов, показали антигосподскую сущность восстания. Так нет, оказывается, нужны ещё какие-то особые уточнения и доказательства.

-Да ты не обижайся, служивый, - чутко уловил перемену в настроении командира повстанцев дед. – Не, за ради, одного любопытства, у меня к тебе такой антирес. Обчество сумлеается, - кивнул он в сторону своих бородатых попугчиков, стоявших плотной молчаливой кучкой за его тощей спиной, - Как бы, мол, впросак не попасть, тоись, чтоб промашки обидной не вышло. Ить, кажная власть, не во гнев, вам будя сказано, гнёт свою линию, тоись, собственные порядки устанавливает. Первым делом, в смысле обращения. У кажной власти оно, само собой, своё, особое.

Вот красные, к примеру, господ, ни под каким соусом, не переваривают. И даже слово энто, дюже оскорбительным почитают, навроде, матерного. Они говорят, что все, мол, трудовые люди являются друг дружке товаришшами. В большом почёте у красных и слово «гражданин». Ничего не скажешь, хорошие слова. Очень даже разлюбезные. Свойские, одним словом. Да и шапку, перед товаришшами и гражданами, ломать не требуется.

Но вот, опять же, к примеру, заявляются колчаки, туды их растуды, и всё снова переиначивают на собственный лад. А у белых ухорезов, уже наоборот, господа, да разные благородия в сильном почёте. Насчет товаришшев, только попробуй, заикнись, небось, сразу зубов не досчитаисси. Вполне возможно, и башки лишиться. На худой конец, шонполов испробовать, Колчаки дюже щедрые на такие дела. Мне вот, вообще,

ни за понюх табака, задницу, извиняюсь, разуделали, что только, ай да ну. Тоись, ни сесть, ни встать, ни другое что. Еле оклемался, вобщем....

В центре с шашкой – Хабаров Иосиф Алексеевич. Слева от него – Баикатов Иван, справа – Силко Николай. 1919 год.

При упоминании о перенесённой экзекуции, дед Горенка невольно почесал злополучное место, исполосованное суровскими шомполами вдоль и поперёк. Между прочим, после порки, человека словно подменили. То он жил, фигурально выражаясь, ниже травы, тише воды, в дела, на его взгляд, сомнительного свойства, боже упаси, не встревал, а, испробовав мягким местом жёсткого колчаковского «ума-разума», от перенёсенного унижения и, до слабых старческих слёз, злой обиды, с решимостью камикадзе засобирался в партизаны. Только партизанский командир, товарищ Гончаров забраковал его по возрасту. Сказал, что военное дело, занятие не из лёгких и для молодых бойцов, что деду Якову смешить людей на старости лет не стоит, что он и сидя дома, может большую пользу партизанам приносить. Той же агитацией в ихнюю пользу, например. Расстареется порохом, дробью, либо полезной информацией – цены ему не будет.

Дед Горенка, вернувшись домой, развил кипучую деятельность. Совершенно неожиданно, у него проявился дар, глаголом жечь сердца. Ранее молчаливый и пришибленный (есть, определённо есть прямая связь между головой и местом, предназначенным для сидения), теперь он уверенно и бойко, ни капли, не тушуясь честного народа, изрекал безапелляционные суждения на любые темы и по любому поводу. Суть агитационных разглагольствований деда сводилась к пророчествам скорой гибели *колчакам*. При этом он неизменно ссылался на авторитетное мнение товарища Гончарова, с которым, если верить его рассказам, у него сложились самые

приятельские отношения. Последнее обстоятельство сильно возвышало его в глазах доверчивых селян.

Узнав про гибель бесстрашного партизанского командира под Михайловкой, дед Горенка чрезвычайно расстроился. С горя, по обычаю предков, напился на последние гроши. Напившись, расплакался горячими слезами. Однако, проспавшись, категорически заявил, что не верит вракам, насчёт гибели товарища Гончарова. Не тот, дескать, человек, чтоб погибнуть за понюшку табаку. Это всё, мол, *колчаки* придумали, дабы людей в заблуждение ввести и посеять среди них всякие невесёлые настроения, лишить их надежды на светлое будущее. Односельчане привычно верили деду, ибо очень хотелось верить в хорошее. Плохого, и без того, у них было через глаза....

Но, пора вернуться на кладбище, к неоконченному разговору.

-Так вы, митинг-то будете проводить, али как? – допытывался, с настойчивостью, дед Яков у Хабарова.

-А зачем? – пожал плечами тот.

-Тоись, как зачем?! – загорячился дед, - Ить, надо же объявить людям, что опять, мол, устанавливается Советская власть и всё такое прочее.

-Митинговать нам некогда, - отрицательно покачал головой Иосиф, - Да и не специалисты мы по части митингов. Вы уж тут сами, без нас Советскую власть восстанавливайте. Мы, считаю, своё дело сделали.

-Э, нет, постой, служивый! Не то ты говоришь. Что значит – сами? Хтой-то же должен растолковать народу, что к чему, чтоб ни у кого никакого сумления не осталось.

-Какие могут быть ещё «сумления»? – вскинул чёрные разлтые брови Иосиф, - Привыкайте действовать самостоятельно, без подсказки. На то она и Советская власть.

-Легко сказать. А как подумаешь, что всю власть обществу в свои руки брать надоть, то даже как-то робастно становится. – С виноватой улыбкой признался Горенка.

-Ну вот, приехали. Завоёвывали, завоёвывали Советскую власть, а завоевали – вдруг и оробели, - не утерпел Башкатов. – Дедушка, случайно, не про вас народ песню сложил: Ох, милка моя, я тебя дождался, ты пришла, меня нашла, а я растерялся!

-А ты, не смейся, - хмуро одёрнул его дед, - Не так, это, мил человек, просто – из грязи, да сразу и в князи...

-У вас есть ещё вопросы? – сдержанно поинтересовался Хабаров, которому не терпелось, побыстрее покончить с похоронными делами, да и отправляться в поход. На вольную волюшку. Засиделись они в Ново-Кусково.

-Вопросов-то нету, - пробасил один из мужиков, - А вот, просьбишка имеется.

-Что за просьба? – насторожился Иосиф.

-Очень убедительная. От всего нашего общества. Вы уж не оскверняйте, ради Христа, деревенские могилки колчаковскими душегубами. Не ровён час, наши покойные сродственники в гробах попереворачиваются от такой несуразности.

-Да и нас, как господь призовет, ведь тоже здесь, гдей-то захоронят, - встрял в разговор Яков Винивитин, - А я вот, к примеру, и на том свете не хотел бы лежать рядом с такими соседями. Хыть убей, не хочу!

Хабаров покосился в сторону злополучных мертвецов, сваленных в одну общую беспорядочную кучу. Убиённые каратели лежали в живописных, если подобное сравнение применимо в отношении покойников, позах, в залитых кровью шинелях. У многих открыты остекленевшие глаза, рты оскалены в предсмертном крике. На жуткую грудку смёрзшихся тел, нельзя было смотреть без содрогания. Вдобавок, над кладбищем раздавалось зловещее карканье воронья, чёрными гроздьями повисшего на берёзах. Словно смерть подсчитывала добычу.

-Где же их тогда хоронить, если не на кладбище? – оторвав, наконец, взгляд от жуткого зрелища, поинтересовался Иосиф.

-А хыть где. - Пояснил, ничтоже сумняшеся, дед Яков.

-Нет, в столь серьёзном деле, уважаемые, точность требуется, - пришёл на помощь растерявшемуся командиру ротный эскулап, - Будьте добры, укажите место, чтоб потом разные недоразумения не случились.

-Вообще-то, им самое место на конском кладбище, - заметил местный мужик, по прозвищу Петруха Малый.

-Место подходящее. Где находится лошадиный некрополь? – не ко времени резвился фельдшер. – Среди вновь прибравшихся есть и Кониная голова, головы благородных животных, в отличие от ваших покойных родственников, будут только рады соседствовать со столь колоритными экземплярами.

-По дороге на Ксеньевку, верстах в двух отседова. Может, чуть поболе.

-Далековато, - покачал головой Хабаров, - Времени у нас в обрез.

-Есть предложение, зарыть мертвяков за оградой. Вон там, - проявил недюжинные дипломатические способности, находчивый Башкатов, - Согласитесь, это будет уже не территория кладбища.

-За оградой?.. Можно. – Подумав для приличия, согласились ходоки.

-Надеюсь, против нашего убитого возражать не будете? – на всякий случай поинтересовался Иосиф, имея в виду Михаила Егорова.

-Насчёт вашего убитого, никаких возражений нет и быть не может, - авторитетно заявил дед Горенка, - Хороните его, где пондравится. И, пускай, земля ему будя пухом. Мы ж порядок – то вить понимаем, поди....

-Мы так и думали, - кивнул Иосиф, - А теперь, поскольку вопросов у нас больше нет друг к другу, ауффидерзейн.

Продемонстрировав знание немецкой лексики, он направился к похоронной команде, скучавшей в бездействии. Башкатов и Бубнов последовали за ним. Дед Яков Винивитин довольно продолжительное время стоял, пощипывая и без того редкую бородёнку, в полном недоумении по поводу непонятого словца, подкинутого напоследок ходокам, бывшим унтером. Прервав затянувшееся молчание, счёл необходимым поделиться с попутчиками плодами глубоких раздумий, объяснив значение диковинного слова следующим образом:

-Выраженьице это ненашенское, а переводится оно на наш русский язык в том смысле, что спасибо, мол, за добрую беседу.

-Обходительный мужик, ничего не скажешь, - отозвался о Хабарове Петруха Малый.

-А командир-то он, видать, строгий, - определил его сосед Иван Бурдавицын, по прозвищу Монах.

-Главное, что умственный, - подвёл черту дед Горенка.

Они пошли с кладбища весьма довольные состоявшейся беседой.

Хабаров начал с определения местоположения общей могилы, предназначенной для захоронения трупов карателей. Надо сказать, много он не рассусоливал, задачу решил одним взмахом руки, сопроводив выразительный жест исчерпывающей установкой похоронной команде:

-Копайте, где понравится, главное – за территорией кладбища. Желательно, поближе к мертвякам, чтобы не таскать их на себе далеко.

Зато, выбирая место для могилы Михаила Егорова, он обошёл кладбище вдоль и поперёк. В конце концов, облюбовал сухую полянку меж старых могил, неподалёку от кладбищенских ворот. Вокруг полянки скорбным хороводом выстроились стылые прогонистые берёзы, опушенные серебристым инеем, будто униженные жемчужными нитями.

Работа закипела без промедления. Верхний слой земли успело сковать предзимниками, едва ли не до каменной твёрдости. На первых порах, пришлось служивым похоронной команды изрядно поорудовать пешнями, добираясь до талого

грунта. Промёрзло, правда, ещё неглубоко, меньше, чем на пол-аршина, но разогреться, как следует, всем хватило, в том числе и Иосифу с его сопровождающими, кои выказали ловкую сноровистость в упражнениях с пешнями и лопатами. Добрались до талого грунта, дело задвигалось значительно веселей. Обе могилы, благодаря дружным усилиям копачей, росли на глазах. В похоронной команде подобрались, в основном, бывшие фронтовики, для которых перелопачивание земли являлось хорошо знакомым и привычным занятием. Ведь, Германская война носила, преимущественно, позиционный характер. Обе воюющие стороны уничтожали живую силу друг друга, как правило, огнём из всех существующих видов оружия и штыковыми атаками. В перерывах между боями, враждующие армии поглубже закапывались в землю на занимаемых позициях.

Здесь, на кладбище, в тиши, при напрочь отсутствующем ружейно-пулемётном огне, не говоря уж об артиллерийской канонаде, знай, копай себе без всякой опаски. К тому же, и грунт пошёл вполне подходящий – сухая, в меру податливая глина. Поэтому, солдаты трудились в охотку, с шутками- прибаутками, будто вершили развесёлое дело.

Хабаров орудовал лопатой наравне со всеми, увлечшись разработкой земли, совершенно забыл о других заботах. О командирских обязанностях ему напомнил Николай Бубнов, с некоторых пор, взявший на себя функции его адъютанта и телохранителя:

-Осип! – раздался окрик добровольного референта, - А ить, нам, поди, давно пора быть в штабе?

-Пора, Николай, пора, - со вздохом отозвался Хабаров и, не без сожаления воткнув лопату в землю, пошагал к выходу с сельского кладбища.

Стояла тихая, пасмурная, под стать настроению, погода. Из низких унылых туч сыпал мягкий снежок, стараясь поплотнее укутать землю белым пушистым одеялом. Длинноствольные кладбищенские берёзы, опушенные искристым инеем, стыли в печальном безмолвии. Нетерпеливо выжидало на них своего часа алчное вороньё, продолжавшее слетаться с прилегающих окрестностей, в надежде полакомиться обильной мертвечиной. За кладбищенской оградой шныряли деревенские псы, возбуждённые предстоящим пиршеством. Да, с похоронами стоило поторопиться, во избежание превращения человеческих останков в пищу для зверья.

Хабаров шёл спорым, энергичным шагом, Бубнов и Башкатов, едва поспевали за ним. Иосиф открыл кладбищенскую калитку, тут Николай схватил его за рукав:

-Осип, айда вернёмся.

-Почему? – не понял тот.

-Да вон, поп навстречу прётся.

-Ну и пусть прётся. Нам-то, что за дело?

-Пути не будет. Давай, лучше в другом месте, через городьбу выйдем с кладбища.

-Мудрая мысль, с готовностью присоединяюсь к предложению. – Неожиданно подхватил фельдшер, - Для полноты счастья нам не хватает сущего пустяка, долгогривого святоши.

-Да вы, братцы, часом, не сдурели? – рассмеялся Хабаров, - Где вы набрались такой суеверной ерунды? Ни дать, ни взять – бабки старые. Ну и ну!

-Дело не в суевериях, Осип, - хмуро пробормотал Башкатов, - К твоему сведению, мы, медики, предрассудков не признаём. А вот к попам, у меня сложное отношение. Не доверяю я им. И наверняка ведь, гражданин священнослужитель спешит сюда неспроста. Спорим, начнёт разводиться сейчас разные антимонии, завернёт про бессмертие души, напомнит о страшных прегрешениях наших. От него, не вот сразу отделаешься.

Поп, между тем, быстро приближался, и избегнуть, путём хитрых окольных манёвров, рандеву с представителем Русской православной церкви уже не

представлялось возможным. Навстречу товарищам, занятым обсуждением актуальных вопросов влияния суеверий и предрассудков на человеческое бытие, шёл местный священник, отец Иван. Сам чёрный, в чёрном церковном облачении, он смахивал на громадного ворона. Сходство со зловещей птицей усиливали крупный, хрящеватый нос и густые, длинные волосы. Батюшка выглядел внушительно, имея рост выше среднего и плотную комплекцию. Чёрные глаза его смотрели из-под густых, будто намалёванных сажей, бровей, сурово проницательно.

-Да благословит вас господь, сыны мои! – трубным басом приветствовал служивых отец Иван, высоко воздев крупную длань, размашисто осенил их крестным знамением

-Здравствуйте, батюшка, - кивнул в ответ Хабаров.

-Николай буркнул нечто нечленораздельное, атеист с медицинским уклоном, удостоив святого отца лишь молчаливым кивком, тут же и отвернулся, давая понять, что терять драгоценное время, любезничая с божьим посредником, не собирается.

Мне нужен ваш главный, к сожалению, не осведомлён о его чине и звании – командир ли, комиссар ли? - без обиняков начал батюшка, бесцеремонно преградив им дорогу.

-Зачем, если не секрет, он вам? – сухо поинтересовался Иосиф.

-Просьбу нижайшую, к нему имею.

-Что за просьба?

-По моей, по духовной части.... Не обессудьте, дети мои, но я хотел бы с вашим главным начальником поговорить по этому деликатному делу. - С твёрдой вежливостью отвечив святой отец.

-Перед тобой, гражданин поп, главный начальник и стоит, - прервал уважительный ход беседы, нахальный доктор, кивая в сторону Хабарова, - Командир нашего нового красногвардейского отряда, бывший унтер-офицер, Хабаров Осип Яковлевич. Не стесняйся, говори, ибо в Евангелии написано: «Ищите и обряцете, толцуйте, и отверзется вам». Постарайся не тянуть кота за хвост, время для душеспасительных разговоров не самое удачное.

Иосиф наградил бестактного доброхота выразительным взглядом, едва удержавшись от резкости, но решил отплатить ему его же монетой. Обернувшись к служителю божию, он церемонно развёл руками:

-На убогих, говорят, не обижаются, батюшка. Вы уж не обессудьте сего неразумного отрока, - указал он большим пальцем через плечо в сторону ухмыляющегося Башкатова, - В его суждениях, правда, присутствует зерно истины – я, действительно, являюсь командиром нового красного отряда. - Потом, уже вполне серьёзно, продолжил, - Единственное, прошу помнить, не нами сказанное: Что делаешь, делай скорей. - В общем, давайте вашу просьбу. Чем смогу - помогу.

-Приятно иметь дело с умными людьми, - оживился отец Иван, - Сейчас всё, в один момент, изложу....

Отец Иван, выражаясь казённым языком, вступил в ходатайство перед командованием отряда о предоставлении ему возможности совершить обряд отпевания над убиенными белыми воинами.

-Воистину, милость твоя, господи, и пастыря твоего на земле, безгранична. – Съязвил фельдшер, - В один секунд, живодёрам ангельские крылышки пристебаем и отправим на небеса обетованные.

-Отойди от зла и сотвори благо... - смиренно склонил высокий клубок батюшка.

-Мне больше по душе, - продолжал блистать познаниями в богословии, эрудированный эскулап, - Око за око, зуб за зуб.

-Угомонись, - одёрнул, не на шутку разошедшегося товарища, Иосиф, - Лучше скажи, стоит соглашаться на отпевание или нет?

-Снизосёл, наконец, до убогого и неразумного отрока, - уел, вместо ответа, Башкатов, явно не собираясь взваливать ответственность, в столь щекотливом вопросе, на себя.

-Я серьёзно спрашиваю, - попытался оставить без внимания иронию доктора, Хабаров.

-Ну, а почему не согласиться – то? – вмешался, до сих пор молчавший, Бубнов, - Пусть себе отпеваает, если есть охота. Нам-то, ить, от этого ни тепла, ни холода. Вреда, во всяком случае, не предвидится.

-Батюшка, хоронить завязтых кровопивцев по православным обрядам, разве, не богопротивное занятие?! – вскипел новоявленный начальник санитарной службы. - Может, им по фамильному склепу соорудить и по мраморному памятнику воздвигнуть?! А?! Не многовато ли чести будет?

-О мёртвых или хорошо, или ничего, сын мой, - покаянно опустил очи долу, отец Иван, - Я прошу лишь об одном, чтоб мне позволили исполнить мой христианский долг, совершить заупокойную панихиду, в крайнем случае, просто отпевание над новопреставленными рабами божьими.

-Нашёл рабов божьих! Душегубы они, и черти их братья родимые!

-Бог им судья. Он каждому воздаст по делам его....

-Допустим, святой отец. - Не отступался фельдшер. - А вот, положим, насчёт убиенных, по твоему выражению, красных, стал бы хлопотать, чур, без вранья, по поводу отпеваний?

-Безусловно, сын мой. Для церкви не существует разницы, красными или белыми были при жизни усопшие. Все мы рабы господа бога нашего всемогущего, всем предстоит держать ответ перед ним за дела наши. Мне же, пастырю божию, надлежит облегчать участь усопших грешников неусыпными молитвами за них. Приходилось мне отпевать и убиенных красных.

-Ну, раз уж красных отпевал, то отпевай тогда и белых, убедил отче. - Принял решение Иосиф, - Не стоит только затягивать надолго эту канитель.

-Постараюсь не затянуть.

-Уж постарайтесь. Постарайтесь уложиться с процедурами, пока копаются могилы.

-Хорошо, сын мой, уложусь.

-Ещё вопросы будут?

-Нет, сын мой. Об одном молю господа, чтобы поскорее настало время, когда *народы перекуют мечи свои на орала и копья свои на серпы: не поднимет народ на народ меч, и не будут более учиться воевать.* Благослови вас, Господь!

-Можно войти?

-Входи, входи. Кто это там?

-Я, Надюша. Здравствуй!

-Ой, Осип! Здравствуй!.. А я, отчего-то, тебя по голосу и не признала.

-Не ждала, видно.

-А я и вправду, ждать уже перестала. – Бросилась на шею Иосифа молодая, привлекательная женщина.

-Вот тебе и на! – обомлел от накатившей волны нежности бравый командир.

-Так ведь сказали, что вы уходите.

-И что с того?

-Вот я и подумала, что, мол, ушёл не попрощавшись.- сильнее прижалась к груди кавалера, светящаяся счастьем подружка.

-Плохо же ты обо мне думаешь!

-Эх, Осип, думай, не думай, а расставаться рано или поздно всё равно придётся. Вы ведь, правда, уходите? – со слабой надеждой заглянула она ему в глаза.

-Уходим. Здесь оставаться нельзя. Не за себя боимся, за вас. Нагрянут белогвардейцы, начнётся бойня – от Ново-Кускова останется одно воспоминание. Мне лично, такая перспектива не нравится. А тебе?

-Спрашиваешь! Не приведи господь. Конечно, правильно решили. Когда уходите-то?

-Подам команду и отправимся, - не удержавшись, хвастанул по-мальчишески, Иосиф.

-От тебя, значит, зависит? – изобразила восхищение юная притворщица.

-От меня. – Самодовольно надулся начинающий герой.

Картина известная, мужчины, с незапамятных времён выступают перед женщинами, надуваются подобно индюкам, стараясь произвести на оных благоприятное впечатление. Те охами и ахами подзуживают представителей сильного пола к, разного рода, свершениям, повсеместно извлекая ошутимую выгоду (материальную, либо моральную, в виде обручального кольца), посмеиваясь про себя над незадачливой спесивостью самцов. У многих мужчин с возрастом склонность к бахвальству проходит, появляется способность реально смотреть на вещи, у некоторых – остаётся до глубокой старости. У Иосифа стремление удивлять окружающих собственной значимостью скоро пройдёт, хотя здоровое честолюбие останется и позволит сделать неплохую карьеру, правда гражданскую, в последствии.

-Значит, правду на селе говорят, что ты теперь, среди ваших главный? – продолжала приятно щекотать самолюбие молодого человека искуссительница по факту рождения.

-Выходит, так.

-А стреляли, зачем на кладбище?

-Мы одного нашего товарища хоронили.

-Так со стрельбой-то, разве хоронят?

-Хоронят, Надя. Салют, называется. Прощальный воинский салют. Дань уважения храбрецам.

-Надо же. А я-то, дура несмышлёная, как слышала выстрелы, так сразу и обомлела вся, решила с перепугу, что у вас бой опять с кем-то начинается. Оказывается, вы похороны со стрельбой устроили.

-Геройского парня похоронили...

-Остальных-то мертвецов тоже закопали, или оставили воронам на растерзание?

-Закопали и остальных. Мы ж не звери, люди, поди.

-Правильно сделали. А то, собаки-то и те, будто взбесились, воют да рычат, шерсть у всех дыбом.

-Теперь успокоятся.

-Может зря, вы так торопитесь, Осип? После трудных дел отдохнули бы, хоть маленько.

-Некогда нам отдыхать, Надюша. – печать чрезвычайной озабоченности судьбами государства Расейского легла на чело несговорчивого командира.

Лукавил Хабаров. Причина спешки выглядела гораздо прозаичнее забот о сохранности села и личного состава. Посудите сами, карательные отряды из Томска, в условиях испорченной телефонной связи, могли появиться в окрестностях села, через полторы недели. И это, в лучшем случае. А, если вспомним про разваливающийся государственный механизм? Вот, вот.

Просто неопытный командир полагал и не без оснований полагал, что, распустив подчинённых на краткосрочный отдых, потеряет управление своим войском. Хлебосольные селяне и отзывчивые солдатки быстренько приведут боеспособность отряда к вершинам разгильдяйства. Слишком долго находилась рота в селе, солдаты обросли знакомствами. А самогон и женщины в любом деле, те ещё помощники! Попробуй потом выдерни разомлевших служивых из объятий Вакха и сельских

Афродит. Поэтому, в целях сохранения отряда в качестве боеготовой единицы, требовалось срочно сменить обстановку.

-Что значит, некогда? Кто вас торопит, куда? Вы же сами себе начальники теперь.

-Время нас торопит. Оно неумолимее любых начальников. – Напустил окончательного туману Иосиф.

-Почему ты такой неговорчивый, Осип?.. Что тебе стоит задержаться, хотя бы на денёк? Сам же говоришь, – от тебя зависит. Бесчувственный чурбан!.. Осип!.. Лихо ты, моё!..

Судорожно сжав шею Иосифа крепкими руками, она спрятала лицо на его груди, и зашлась в безутешных рыданиях.

-Ну что ты, Надя!.. Перестань.... Слышишь?.. Не надо так убиваться. Слезами тут не поможешь... - растерянно бормотал он, бережно поглаживая округлые подрагивающие плечи.

У самого подозрительно часто моргали покрасневшие глаза, голос предательски дрожал и срывался. Так и стояли они, крепко обнявшись, посреди избы, несвязно бормоча то упрёки, то утешения, обалдев от горечи неотвратимой разлуки. Суровые лики святых смотрели на них из переднего угла строго и осуждающе.

Случается отложенная любовь, меланхолическая, что ли. Пресловутая любовь с первого взгляда соединяет внешние людские оболочки, довольно частая нестыковка характеров быстро разрушает чувство. Не сошлись характерами – стандартная формулировка, гасящая шекспировские страсти скоротечных браков и романов. В ситуации, наблюдаемой нами, чувства зрели медленно, Хабаров, и в мыслях не держал, что влюбится именно в эту женщину. Да, он иногда бывал у неё, что называется, без церемоний.

Муж её служил где-то, в колчаковской армии, детей не случилось, жила она одна в аккуратном пяти-стеннике. У неё, обычно, собирались на вечерние посиделки такие же, как она, молодые солдатки, приходили и парни с девками. Затевались шумные, дурашливые игры, спевки, переплясы. Хабаров с удовольствием принимал участие в незатейливых молодёжных забавах. Общительная хозяйка, выделяя его из тусующихся, оказывала ему всяческие знаки внимания, но с близостью они не торопились, не спешили преступать запретную черту.

Лёгкий, ни к чему не обязывающий, флирт. И только. Но вот сегодня, исподволь зревшее чувство к неброской, с виду солдатке, тротилом рвануло изнутри. Душа прикипела....

Масла в огонь подливали её слова:

-Осип, возьми меня с собой, а? Я за тобой, как за малым дитём ходить буду. Обошью и обстираю. И от беды лихой, глядишь, отведу...

-Сама посуди, Надя, куда ж я тебя возьму? – через великую силу возразил он, - Ведь, не на прогулку же отправляемся. Слишком трудная предстоит дорога. Вдобавок, шибко уж опасная. К тому же, начинается зима. В общем, нет. Нет и нет! Не могу я тобой рисковать, не просись, ради всего святого....

-Ну, что ж, нет, так нет.... – глаза женщины наполнились слезами. - Не судьба, видно, мне с тобой общую долю делить, Осип.... - Надрывно всхлинула она. - Не судьба....

-Не рви сердце, Надя. – Окончательно растерялся Хабаров и принялся наглаживать податливую девичью спину. – Отставить слёзы! – попробовал хорохориться унтер. – Пойми, так я никогда от тебя не смогу уйти. А мне пора....

-А ты не уходи. Оставайся! – зажглись шальной надеждой глаза солдатки. И тут же потухли. – Да, да, понимаю. Ладно, давай хоть, присядем на минутку перед дальней дорогой. Да выпьем по махонькой на прощанье, по христианскому обычаю.

-Конечно, радость моя. Только не долго, а то и я разревусь.

-Издадим в один момент.

Действительно, Иосиф и глазом не успел моргнуть, как на столе появилась заветная бутылка и всё, что к ней полагается.

Проводив его до калитки, она порывисто притянула его к себе, крепко поцеловала в губы и, столь же резко, отстранила:

-Всё. Прощай, Осип, не поминай лихом глупую солдатку. Сохрани тебя Господь.

-Прощай, Надя....

Вскочив на своего Маштачка за воротами, Хабаров с места взял в галоп.

Она жадно смотрела ему вслед через окно, пока он не свернул в переулок. Потом упала на кровать и заголосила, словно по покойнику....

-Николай Александрович, они идут сюда.

-Кто идёт сюда?

-Солдаты, которые вчера вечером учинили переворот.

Николай Александрович озабоченно выглянул в окно, выходящее в сторону села, и увидел движущихся по главной улице в направлении больницы солдат, построенных в походную колонну. Колонна производила внушительное впечатление, впереди развевалось красное знамя, а во главе гарцевало несколько всадников, одетых в серые солдатские бушлаты. У Лампсакова отлегло от сердца. Он повернулся к Алёне и снисходительно поинтересовался:

-Кто тебе сказал, что солдаты направляются к нам?

-Я не сказала, что к нам, имелось в виду, что в нашу, мол, сторону, - смутившись под насмешливым взглядом главного врача, уточнила Алёна, - А что, разве не так?

-Нет, Алёна – уши солёны, не так. Они идут не к нам и не в нашу сторону, а, похоже, вообще покидают село. И, дай Бог, чтобы насовсем...

-Так ить, эти уйдут, а другие, гляди, заявятся.

-Будем надеяться, что минует нас чаша сия. Во-первых, потому что я не намереваюсь повторять прошлых ошибок с просьбами о направлении сюда правительственных воинских частей. Во-вторых, губернии сейчас, в связи с катастрофическим положением на фронтах, просто не до нас. В-третьих, довольно проливать в селе кровушку человеческую, к сожалению, последнее от наших желаний практически не зависит....

Николай Александрович остановился на полуслове. В коридоре слышались быстрые гулкие шаги. Шёл, несомненно, чужой. Свои передвигались в больничных покоех почти бесшумно.

-Вероятно, солдатские депутаты топчут? – насторожился Лампсаков.

-Сейчас, пойду гляну, - с готовностью отозвалась безбоязненная сестра милосердия.

Не успела она стронуться с места, дверь распахнулась, и в кабинет размашисто шагнул бывший сергеевский фельдшер Башкатов.

-Можно к вам, Николай Александрович? – запоздало попросил он разрешения.

-В последнее время, вежливость военных меня поражает, - не то шутя, не то серьёзно разрешил главный врач, занимая своё место за письменным столом. За столом он почувствовал уверенность, поколебавшуюся было при бесцеремонном вторжении служивого врачевателя.

Башкатов поздоровался, отвесив общий поклон, не дожидаясь специального разрешения, занял стул у стола.

-Чему обязан? – прохладно осведомился Николай Александрович, выказывая недовольство хамоватому посетителю, которого не очень жаловал и ранее, в бытность того ротным фельдшером, за грубоватые манеры и нагловатое поведение. Вообразили, видно, что если перебили своих офицеров, то теперь все остальные будут ходить перед

ними на задних лапках. Ошибаются господа мятежники, в больнице был и остаётся хозяином он, Лампсаков. И других хозяев не будет. Какая бы власть на селе не установилась.

-Мы уходим, Николай Александрович, - первым делом объявил, с важным видом, начальник санитарной службы красного отряда.

-Так... - побарабанил пальцами по столу хозяин кабинета, - Благодарю за сообщение. Лицемерить не буду, новость меня не сильно огорчает. И, тем не менее, всегда к вашим услугам. Вы, ведь, за помощью пришли, не так ли? На прощальный визит вежливости, ваше вторжение, согласитесь, мало похоже.

-Насквозь нас, сырых, пронизаете. Мы забираем нашего раненого товарища, - пояснил нахрапистый визитёр, - И хотели бы, тут вы, впрочем, как всегда, правы, попросить медикаментов.

-На сей раз, вам удалось превзойти самого себя, господин врачеватель! – возмутился Лампсаков, - Вы изволите забирать раненого, не спросив моего позволения? А я, как врач, категорически против бесчеловечных экспериментов над больными. Нельзя его забирать сейчас из палаты!

-Но, Николай Александрович...

-Никаких «но»! Вы, Башкатов, именуетесь фельдшером, и должны бы знать не хуже меня, что для вашего раненого товарища, в настоящее время необходим, прежде всего, полный покой. Естественно, при соответствующем стационарном лечении. Дорожной тряски он, попросту, не выдержит. Плюс, в такую погоду, его и простудить недолго. Для кого я втолковываю прописные истины? Вы же, и без меня всё это прекрасно понимаете. Если, конечно, вы не скрытый садист и не стремитесь погубить раненого.

-Нет, я не садист и всё прекрасно понимаю, Николай Александрович, - безоговорочно согласился Башкатов, - И всё же, считаю, что оставлять его в больнице нельзя.

-Позвольте узнать, почему?

-Если нагрянут каратели, его ждёт верная смерть. Вероятно, мучительная. Вам не хуже меня известны суровские методы. Забрав же Серебрякова с собой, мы постараемся его спасти. Лично я буду постоянно следить за его состоянием.

-Ну что ж, воля ваша, - сдался Лампсаков, упоминание о Сурове, сделало аргументацию собеседника достаточно убедительной, - Коли уж, вы так настаиваете, то забирайте вашего раненого товарища, исключительно, под вашу ответственность. Я умываю руки.

-Не беспокойтесь, доктор, ваша репутация не пострадает, - поспешил успокоить его, проявив неожиданную тактичность, гость.

-Примите ещё один совет, напоследок, - смягчившись, продолжил хозяин кабинета, - В случае обострений у Серебрякова, оставьте его, в первой попавшейся деревне, желательно, у бабки-знахарки. Уверяю вас, народные целительницы выходят его с помощью травок-муравок, не хуже нас с вами.

-Постараюсь воспользоваться вашим советом, но надеюсь, всё обойдётся. – Сделав паузу, Башкатов напомнил: Просьбу, насчёт медикаментов, не забыли?

-Насчёт медикаментов? – быстро глянул на собеседника Николай Александрович, - Не простой вопрос. Медицинских препаратов у нас, сейчас, совсем не густо. В последнее время мы перестали получать их из губернии, а расход медикаментов, наоборот, резко возрос.

-Понятно, - надулся визитёр, - Не беру на себя смелость напоминать вам, по вашему же выражению, прописные истины о долге врача, клятве Гиппократ и тому подобной лирике, просто попрошу дать конкретный ответ: Вы отказываете?

-Догадываюсь, вы хлопчете о медикаментах не только для Серебрякова, но и для раненых, кои у вас, судя по всему, появятся в ближайшем будущем?

-Всевидающее око, ей - богу, а не доктор, - подтвердил Башкатов.

-Ну что ж, клятва Гиппократа, лирика, говорите? Вот на обратной стороне моего диплома начертано: ...*Обещаю во всякое время помогать, по лучшему моему разумению, прибегающим к моему пособию страждущим, свято хранить вверяемые мне семейные тайны и не употреблять во зло оказанного мне доверия...* Это я сословию присягал. И, хоть, я искренне не завидую вашим будущим пациентам, но медикаменты дам.

-Вот спасибо, дорогой Николай Александрович!

-Не спешите благодарить. Много-то, при всём желании, выделить, всё равно, не смогу.

-Да мне, бинтов бы, да йоду с ватой побольше. Без остальных лекарств перебьёмся. Народная медицина выручит.

-Посмотрим... - не глядя на навязчивого просителя, пообещал Лампсаков, - Собирайте, пока, Серебрякова и подходите к старшей сестре, я тоже подойду, там всё и решим.

-Дай вам бог здоровья, Николай Александрович! – просиял начальник отрядной медицины, - В безграничности нашей благодарности не извольте сумлеваться....

-Ну, медведь, ей - богу, медведь, - улыбаясь сквозь намернувшиеся слёзы, приговаривал Лампсаков после ухода фельдшера. Тот пожал ему руку в избытке чувств, с такой силой, что кисть, вроде, треснула. Николай Александрович энергично потряхивал ею, утихомиривая боль.

-Никакого соображения у человека! – сочувственно возмутилась, молчавшая до сих пор, Алёна, - Он думает, что если у него руки похожи на грабли, то и у остальных такие же!

-Нет, не оскудет руке дающего, не позволят благодарные армейские медики, ампутируют длань, причём без применения хирургических инструментов и анестезии, - рассмеялся главный врач, вызвав улыбку и на суровом лице сестры милосердия.

Хабаров ехал во главе отряда, рядом со знаменосцем. Сергей Волков не подкачал, сдержал слово, соорудил красное знамя, впечатляющих размеров. Шила знамя его старшая дочь. Сам же он выстругал древко из сухонькой берёзки и покрасил его в светло-коричневый цвет заваркой из луковых перьев. Насадив полотнище на древко, не удержался, и похвастал перед своей благоверной, что стяг его работы достоин украшать боевые ряды не только отряда, а и целого полка, или, бери выше, дивизии. Да и впереди наступающей армии гляделся бы не худо....

Иосиф, на радостях по поводу вовремя и, что скрывать, неожиданно превосходно, выполненного заказа, охотно соглашался с, немного нескромной оценкой, знамени. Присовокупив от себя, что за всех командующих армиями он говорить не станет, но то, что командующий 5 армией Восточного фронта М.Н. Тухачевский просто мечтает воевать под этим полотнищем, ручается. Засим, выразив автору символа пролетарской принадлежности горячую, пролетарскую же, благодарность, откланялся.

И вот теперь, красное знамя реяло во главе отряда, видом своим вызывая у бойцов восторженный, давно не испытываемый ими, душевный подъём. Новокусковцы смотрели на алый стяг с удивлением. До вчерашнего дня в селе квартировали колчаковцы. Сейчас же, из села уходят, по форме те же колчаковцы, правда, без погон и без кокард, но с красными ленточками и под красным знаменем. Чудны дела твои, господи. Уход солдат вызвал противоречивые ощущения у кусковцев. Солдатки и зажиточные селяне жалели, народ попроще радовался избавлению от беспокойных постояльцев. Далеко ещё не все разобрались в сути произошедшего накануне вечером....

ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ

Штаба гарнизона г. Томска

Секретно

20 ноября 1919 г.

Карта 10 вёрст в дюйме

НОВО-КУСКОВСКИЙ, КОЛЫОНСКИЙ, КРАСНОЯРСКИЙ и ТИСУЛЬСКИЙ районы.

Спокойно...

Можно и так. Голова страуса в песке, ей тихо, тепло и спокойно. Но туловище, продовольствием быть не хочет, агонизирует, дрыгает длинными ногами.

Командующий 1 Сибирской армией генерал – лейтенант Пепеляев 7 декабря 1919 года предпринимает последнюю попытку спасти положение:

«...Принимая во внимание общую неустойчивость тыловых частей, развёрнутых агитацией и неумело руководимых тыловыми начальниками, я предлагаю земству в возможно кратчайший срок организовать мощные отряды самоохраны и тем предохранить граждан сёл и деревень от неисчислимых бед, кои несут с собой банды красных....»

...Спешно организуйте отряды. Вооружение дам...».

Но земская управа 11 декабря 1919 года остудила пыл командующего:

«...Деятельность правительственных отрядов, милиции, а также местных правительственных агентов подорвали в глазах широких кругов крестьянства, от безземельного батрака до хозяйственно крепкого сибиряка – старожилы, необходимый авторитет власти. Таким образом, создание в настоящее время путём внутреннего импульса крестьянских масс, способных достаточно сильно противодействовать оперативным действиям советских войск, является, по мнению управы, мероприятием, имеющим весьма малую вероятность успеха...»

Генерал – майор Пепеляев.

«...Организация народного ополчения без широкого внутреннего побуждения может не только не дать опоры правительству, но может внести озлобление в крестьянские массы...».

Агония длилась недолго. 18 декабря 1919 года части 1 Сибирской армии с командным составом во главе перешли на сторону красных. Организованно покинули Томск лишь егеря. Кое – какие подразделения просто разбрелись, разбрасывая по дорогам имущество, орудия и обозы. Пепеляев с несколькими офицерами скрылся, бежал по Транссибу. Победы «Сибирского Суворова» остались позади, да и начало блестящей военной карьеры тоже осталось лишь началом.

Во время предать, значит, предвидеть. Думский комитет общественной безопасности бурно выразил восторг. Думцы восторгались приходу новой власти. И это

им Пепеляев собирался доверить оружие!? Что ж, в награду за лояльность, ревком разгонять их не стал. Сразу.

В состав Томского революционного комитета вошёл и уже известный нам товарищ Константин – Молотов Константин Михайлович. Новой властью оказался востребован. В тридцатые годы перебрался на работу в Москву. Превратился в заурядного партийного функционера. Репрессий счастливо избежал.

***В ожидании суда. Пепеляева А.Н. (в центре) просто трудно узнать.
Слева Михайловский Б.М., экс – управляющий Томской губернией.***

...Выехав на взгорок у больницы, Хабаров свернул с дороги, и остановился против больничных ворот, на том месте, где Степан Сгибнев снимал вчера часовых. Прежде, чем покинуть село, Иосиф решил посмотреть со стороны, как выглядит отряд на марше. Рядом с ним остановился Николай Бубнов, затем присоединился и Федя Романцев, ведь, первой проходила его рота. Построенная повзводно, в колонну по три, рота растянулась метров на девяносто. Мерно печатая шаг, проходили красные бойцы. На суконных бушлатах темнели следы от споротых погон. У кого на груди, у кого на фуражке трепыхались алые ленточки. Над колонной колыхалась грозная щетина штыков. Зрелище впечатляло.

Не подкачала и вторая рота, тоже хорошо держала строй и чётко печатала шаг. Щетинилась штыками ничуть не хуже первой.

Хабарова распирало чувство гордости от осознания собственной значимости, ведь, именно он, а никто другой, является командиром столь бравого отряда. Слегка портила настроение мыслишка: вдруг, не справлюсь, не оправдаю оказанного доверия? Будучи закоренелым атеистом, перекрестился и попросил тайком у бога удачи в делах, вспомнив из Евангелия: «Передай господу дела свои, и предприятия твои совершатся...».

А удача, в предстоящих нелёгких испытаниях, была необходима до зарезу. Даже простое движение по труднопроходимым местам, ориентируясь исключительно по карте, задача не из лёгких. Положение же отряда значительно усложняло наличие в населённых пунктах милиции и правительственных частей. Скорее всего, неизбежны людские потери. Иосиф прекрасно понимал, что роль командира, сначала на марше по не знакомым местам, затем в боевой обстановке, с быстро меняющимися условиями, чрезвычайно велика. В его силах, в значительной мере, уменьшить трудности и потери. *На бога надейся, а сам не плошай...*

Первым делом, во избежание сюрпризов, связанных с неожиданными встречами с разрезами колчаковцев, либо со штурмовыми отрядами, вперёд была выслана конная разведка, под командой Степана Сгибнева. Разведчикам вменялось в обязанность, не только предупреждение командира об опасности, но и с помощью барановской карты, определение наиболее удобных путей следования. Хабаров, обдумывая планы последующих действий, ушёл в себя, не заметив подъехавшего и остановившегося рядом, начальника санитарной службы. Впрочем, оставаться долго незамеченным в любых обстоятельствах, для экспансивной натуры Башкатова, задача заведомо не выполняемая.

-Глянь, как здорово идут, а! – громко восхитился он, казалось бы, ни к кому конкретно не обращаясь, - Хоть сейчас в гвардию!..

-Ты Серебрякова забрал? – прервал восторженные излияния, Иосиф.

-Обижаете, товарищ командир. Конечно, забрал. Вон он, на той подводе. В два тулупа его укутал, - похвастал фельдшер.

-Хорошенько присматривай за ним.

-Само собой.

-Лампсаков знает, что мы его забрали.

-А как же? Я его сразу поставил в известность.

-Ну, и что он? Чего говорил?

-Возражал. Ножками на меня топал. Обвинял в невежестве. Потом, под давлением железных доводов, сдался, признал мою пролетарскую правду.

-Значит, согласился?

-Выходит, да. Вообще-то, я считал, что, более или менее, хорошо знаю Лампсакова. Оказалось, плохо, вернее, совсем не знаю.

-С какой стати, нас должно сейчас волновать твоё отношение к доктору? – пожал плечами Хабаров. – Мы, что, собираемся у него лечиться? Нет, наше здоровье в твоих руках находится.

-С какой стати!? – задетый за живое, вскричал Башкатов, - Ты думаешь, чем я раненых лечить буду, а? Самогоном, да словом добрым?

-Зачем словом, надо полагать, медикаментами, - снисходительно пояснил командир отряда, - Хотя, пользительность самогона, мы тоже никому не позволим преуменьшать. Правильно я говорю, Федя?

-Исключительно верно подмечено. – Подтвердил Романцев.

-Во-во, горазды позубоскалить. – Состроил обиженную физиономию фельдшер, - Может, вам известно, и сколько у меня осталось медикаментов?

-Откуда ж нам, знать?

-Докладываю, осталось ровно с гулькин нос.

-С гулькин нос? – пришла очередь вскричать Хабарову, - Поздно вато доклады докладываете, товарищ начальник санитарной службы! Раньше-то, чего молчал? Вот и положиись на соратников, после этого!

-Постой, Осип! Погоди вскипать, - поспешил урезонить командира, хитроватый эскулап, - С медикаментами теперь уже всё в порядке. Полный ажур.

-Чего ж ты, тогда выкаблучиваешься, тень на плетень наводишь?

-Ты дай мне про Лампсакова досказать. Тогда и всё остальное прояснится. А то, я ему про Фому, а он мне про Ерёму.

-Ладно, давай досказывай. Постарайся покороче. Твои рассказы, в последнее время, на моё самочувствие сильно плохо влияют.

-Продолжаю. Значит, знал я Лампсакова, как жмотного доктора, - торопливо принялся рассказывать Башкатов. – Бывало, приедешь к нему из Сергеева со списком потребных медикаментов, он посмотрит и, не долго думая, начинает черкать мой список карандашиком. Остаются, от моего многострадального списочка, рожки да ножки. Я, естественно, начинаю возражать против подобного варварства, дескать, чем же мне прикажете больных-то лечить? В ответ, он только плечами пожимает: мол, милейший унтер, не моя забота. Об вас, военное ведомство должно беспокоиться. А у нас больница земская. Будьте добры, благодарить за то, что даю. Скоро, дорогой мой, и этого давать не буду. Если б, хоть давал-то, действительно, что-нибудь необходимое. Ведь, в основном, проявляя прямо нечеловеческое сострадание, снабжал нас «Каплями короля Датского», нашатырным спиртом, касторкой и прочими ерундовыми микстурами. Ввиду столь чуткого отношения со стороны главного врача земской больницы, остался я, после восстания, в смысле медицинских препаратов, гол, словно сокол.

-Мог бы сразу, и сказать, голова садовая. – Подосадовал Хабаров, - Давно бы реквизировали требуемые лекарства, и не слушали бы твоих длинных и нескладных песен.

-Осип, ты меня пугаешь. Даже колчаковские выродки не додумались до карательных акций в стенах больницы. Хороши красногвардейцы, ничего не скажешь.... А я вот, по доброму решил договориться, - продолжал живописать Башкатов, - Слушай дальше. Приехал я сегодня в больницу, зашёл к Серебрякову в палату, подмигнул сестричке, двум санитарам велел подготовить его к полной эвакуации, затем отправился за разрешением к Лампсакову, заодно и удочку собрался закинуть, насчёт медикаментов. Сперва-то, он заартачился: у самих, дескать, мало, и то, да сё, и пятое, да десятое. Потом говорит: подойдешь, мол, к старшей сестре. Помог я санитарам Серебрякова вытащить, сразу и к сестре. Гляжу – Николай Александрович уже там. Думаю, хочет проследить, чтоб лишнего мне не перепало. Вдруг, он предлагает: Бери сам, чего требуется». Во как! Я ушам не поверил. «Если, мол, всё заберу?» «Всё мы тебе не отдадим, на твою надеемся совесть». Особо я, конечно, не жадничал, брал действительно необходимое. Бинтов побольше, йоду. Кое-какого инструментария прихватил. В результате, набил три мешка под завязку. Напоследок, главный врач мне целую четверть спирта презентовал, по собственной, замечу, инициативе. А вы, «реквизируем».

-Смотри, со спиртом поосторожней. Не увлекайся. – прервал Хабаров. – А то я лекарей – то повидал. Те ещё ценители и почитатели ...

Башкатов аж подпрыгнул в седле от возмущения. Поперхнулся, закашлялся, покраснел. Еле сдержал коня. Потряс головой, собрался, что – то сказать. Увидел, что Иосиф отвернулся, подождал чуть и наконец изрёк:

-Осип, тебя мухи с утра не кусали? Ты за кого меня держишь? За рвань подзаборную, али пьянь горькую? Если мне выпить приспичит, достану припасённый коньячок! Могу угостить, между прочим, и друзей неблагодарных. –Неблагодарные друзья интересуются, на хрен ты нам про Лампсакова все уши прожужжал? – не заметил обиды товарища, Иосиф. -Для особо не понятливых, поясню, заметно изменился человек.

-Нам-то, что с того?

-Нам – медикаменты.

-Ладно, поехали. Сил нет, с учёными общаться. Саша, оставайся здесь, будешь главным начальником обоза. Если что, сразу давай знать.

-Обязательно.

-С богом, как говорится.

Прежде, чем тронуться с места, Хабаров оглянулся на село. Взгляд его задержался на, хорошо видной с этого места, кладбищенской берёзовой роще, под сенью которой упокоился на веки вечные Михаил Егоров. Чья-то следующая очередь?.. Затем, помимо воли, глаза переместились в направлении заветного пяти-стенника, бедовая хозяйка которого больно ранила его душу, надолго поселив в сердце, светлую грусть о такой сильной и такой несвоевременной любви...

В следующее мгновение он уже скакал на застоявшемся Маштачке, чтобы занять своё место во главе отряда.

Низкие плотные тучи клубились навстречу. Сыпал мелкий снежок. Вдоль не накатанной дороги тянула позёмка. Погода, похоже, собиралась портиться....

...Погода, похоже, собиралась портиться. «Томич» деловито и по расписанию въехал в пределы города Новосибирска. Иосиф Яковлевич сдал постельное бельё, забрал у проводника билет, вынес вещи в коридор. На глазах навернулись слёзы. Нет, не старческая сентиментальность, а щемящее чувство благодарности к местным краеведам, организовавшим эту поездку, застирала глаза туманом.

Словно машина времени вернула его, пусть не в самую юность, но помогла снова мысленно пережить самые яркие мгновения биографии. Добавила эмоций в парад жизненной осени.

Что было дальше? Новорожденный красный отряд Хабарова, после восстания, отправился в рейд по нижнему Причулымью. Путь отряда пролегал по незнакомым таёжным местам, с редкими селениями, расположенными по берегам Чулыма и его притоков. Началась суровая сибирская зима. Бойцы зябли, не имея зимнего обмундирования. Ничем не подбитые суконные бушлаты, плохо держали тепло. Грелись в движении. На привалах жались поближе к кострам. Полностью удавалось согреться только на ночёвках в деревнях или на таёжных заимках.

В отряд валом повалили добровольцы. Сначала поодиночке, затем стали вливаться целыми группами, по 15 - 20 человек. Романтикам и авантюристам дома не сиделось. Отряд рос не по дням, а по часам. На одном из плотбищ освободили роту мадьяр, кои тут же пожелали стать красными партизанами, чтобы вместе с русскими братьями громить белогвардейцев.

Боевой путь отряда Хабарова закончился в Молчанове 23 декабря 1919 года. Здесь его застало известие о вхождении в Томск частей 5-ой армии Восточного фронта красных, в состав которой он и был вскоре включён в качестве стрелкового батальона. Командовал армией, напомним, Тухачевский Л.Н.

Но с Красной армией у Хабарова не заладилось. Свалил тиф. Последовала долгая борьба за жизнь. Молодой организм победил. С военной же службой пришлось расстаться.

Тиф ли, пресловутый ли синдром достигнутой цели виноваты, поди тут, разберись. Жизнь, штука сложная.

А нам пришло время завершить грустную историю о Сухачёве Петре Александровиче. Поподробнее. Если помните, дед счастливым образом избежал расстрела в 1918 году, колчаковцы подарили, казалось, очередную отсрочку, вышло – последнюю. Как он ей распорядился? Просто жил. Работал на своём наделе. Освоил несколько, нужных на деревне профессий. Мог катать валенки, шить сапоги, другую простейшую кожаную обувь, ложить печи, плотничать. Своими руками построил себе довольно большой дом, который и теперь стоит.

В общем, он любил работать, и потому жизнь складывалась неплохо. Но людям свойственно иногда совершать поступки, способные исковеркать судьбы, и не только их собственные. В двадцатых годах дед несколько месяцев прослужил в церкви псаломщиком. Развивать слух и ставить голос умели приходские учебные заведения. Но кому – то в молодой республике православная церковь сильно мешала.

Юристы, квартировавшие у деда, на полном серьёзе утверждали, что лучше бы он, мол, человека убил, чем в храме богу служил. Так далеко страна успела отделиться

служителей культа. И пройдёт много времени, прежде чем наши нигилисты спохватятся. Начнут изобретать, вернее, списывать у Иисуса Христа заповеди. Назовут их заповедями строителей коммунизма. Но пустые души, подобно незасеянным полям, быстро покрываются сорняками. Правда, поля – то можно просто перепахать. А вот по духовным пустырям плугом не пройдёшься! Не позавидуешь Русской Православной Церкви, пока вернувшей своё место только в государстве.

В бытность дьяконом.

Ладно, оставим философствовать.

Когда началась коллективизация, дед в числе первых вступил в колхоз. Но вскоре не поладил с записными активистами, всю энергию которых, похоже, отнимала борьба с мировым империализмом на многочисленных собраниях. Все жилы вытягивала неравная классовая битва. Откуда ж, бедолагам, сил – то набраться для работы в полях? Вот и халтурили. А дед халтурить не умел, пустозвонства не любил. Так что с колхозом расстался.

Актив, правда, настаивал на обсуждении отступных. Моральный урон оценили в четверть водки. Скрупулёзно подсчитанная компенсация учитывала и службу в церкви, и Георгиевские кресты (царские же!), и непокладистый характер. После

предполагаемого совместного употребления

возмещённого вреда, можно было обсудить вопрос о включении деда, а почему нет, даже в актив. Грамотные люди везде нужны.

Четверть водки деда, конечно же, не разорила бы. Но, ох, уж эти принципы!

Посланные по известному адресу деятели многозначительно предупредили: Ну, смотри, Петруха, как бы пожалеть, потом не пришлось!

Случай для реванша представился скоро. Родной племянник деда, сын его старшей сестры Григорий Бувевич, поспособствовал.

Мама отрока, Лукерья Александровна, вторично собралась замуж, а шестнадцатилетний Гришка оказался в этом деле помехой. Вот она и упросила, Христом – Богом, Петра Александровича взять юношу пожить к себе. Мол, иначе, личной жизни полные кранты. Дед просьбу уважил.

Минуло несколько лет. Подошло время, дед женил племянника, честь по чести. Племяшу процесс, похоже, понравился. Вскоре он «переженился», отправив первую жену с ребёнком на все четыре стороны. Матери аморальные подвиги сына очень не понравились. Она, в свою очередь, предложила блудливому пареньку позабыть порог родного дома. Без затей указала на те же четыре стороны. Мол, там пускай и женихается, с новой – то молодухой. Наказала и деду гнать Гришку со двора.

Выслушай женщину..., дальше можно не рассказывать. Пётр Александрович и поступил наоборот. Выделил Гришке из хозяйства полный пай. Стороны подписали соответствующие бумаги. Оно, конечно, топором – то, написанное не возьмёшь. А чего рубить, когда можно потерять или сжечь. Сообразил племяш, какие наступают времена! Какие перспективы в смысле карьеры. Теперь только б в партию пролезть.

Надо склепать пролетарское прошлое? Чтоб, кроме цепей, ни хрена? Плюнуть раз. Он же теперь не токмо сирота (при живой – то матери), но и батрак. А батрак кто? Пролетарий и есть. Угнетённый! Угнетённое не бывает. Смышленного племяша тут же, причём чрезвычайно, стала угнетать беспредельная наглость деда, посмевшего оставить своей семье из четырёх человек половину хозяйства и собственного дома. Типичный кулак. Мироед ярый, да классово – чуждый элемент.

-Ах, родственник говорите? Какой – такой родственник? Раз фамилии разные, общего ничего с этими кровососами иметь не желаю! А желаю соответствовать историческому моменту!

Что ж, признаем, двоюродный племянник Петра Александровича Сухачёва прозрел в строгом соответствии историческому моменту.

Радетель за права угнетённых строчит телегу по известному адресу. Дальше телега закричала по накатанной колее. Деда раскулачили, семью «мироеда» выкинули на улицу. Хозяйство и дом отошли мнимому батраку. Партия радушно и скоро распахнула объятия *сознательному сельскому пролетарию*. Не хилый гонорар за страничку текста! А некоторые «Войну и мир» сочиняли. Ну да, Чехов – то, Антон Палыч куда смотрел. Не сказал про сестру таланта - краткость Льву Николаевичу. А может, просто таланты бывают разные? Или сёстры у талантов?

Семья в сборе, но тучи сгущаются. И не только на небе.

Актив злополучную четверть отыграл с лихвой? Нет, погодите. Вновь выявленного *эксплуататора* права голоса лишили. Вот теперь, пожалуй, будет с лихвой.

Хотя сломать Петра Александровича не получилось. Он написал жалобу в Москву, на имя М.И. Калинина. Жалобу удовлетворили, полностью восстановили в правах. Основанием послужило распоряжение ВЦИК от 10 марта 1935 года. Наверное, при этом, в столице не слабо удивились принципиальности *товарищей на местах*. Ведь, даже при сильном умопомутнении трудно представить обладателя дома, сарая и одной свиньи отъявленным мироедом. Данные взяты из «Справки об имущественном положении жителя с. Ново – Кусково Сухачёва Петра Александровича» от 22 июля 1937 года.

Племянника батраком москвичи воспринять отказались наотрез. Дьяконом служил? А Иосифа Виссарионовича за семинарское прошлое велите расстрелять тоже!?

Пока неповоротливая отечественная бюрократическая машина восстанавливала справедливость, дед покинул село. Подался в Кемерово, но через год вернулся. Потом уже со всей семьёй перебрался в село Сергеево. Там похоронили старшего брата моего отца Сергея Петровича, который вернулся из трудармии с тяжёлой формой туберкулёза. И снова, летом 1937 года, понадеявшись на распоряжение ВЦИК, Сухачёвы двинули в Ново – Кусково. Не сладили с ностальгией.

Двоюродный брат деда - Иван Чернышов приютил лишенцев.

Однако лимиты на везение уже выбраны дочиста. Господь отправился собирать очередной урожай доспевающих яблок.

Здесь, у чужого порога, в июне 1937 года, Сухачёва Пётра Александровича и достали *ежовые рукавицы*.

Многие, испытав на себе действие, уже упомянутого мной, репрессивного молоха, ломались. Стремясь сохранить жизнь, плели небылицы. Автору пресловутого приказа №00447, одному из *железных сталинских наркомов* Ежову, чуть позже предоставили возможность на себе испытать силу убеждения бывших коллег. Так вот, бедолага признался даже в гомосексуализме. Весьма экзотичное в те, уже пуританские годы, увлечение! И это, помимо шпионажа, терроризма, участия в заговорах.

Дед до конца верил в законы и справедливость рабоче – крестьянской власти. Не забыл удавшееся битие челом *всесоюзному старосте*. Только пресловутые «*тройки*» к справедливости и закону уже отношения не имели. Причём, никакого. Потому, никаких, даже эфемерных шансов на объективность просто не существовало. Обжаловать? С Луны вы, батенька, не свалились?

Если кто не в курсе или подзабыл, напомним: в «*тройки*» входили секретарь обкома или райкома партии, начальник отдела НКВД, прокурор. Рассмотрение дел «контрреволюционеров» внесудебными органами (здесь можно упомянуть и «Особое совещание») проходило не только без свидетелей, но и без участия обвиняемых.

19 сентября было вынесено предсказуемое решение, а 25 сентября 1937 года деда расстреляли.

Вот как, оказывается, может выглядеть кончина от *крупного воспаления лёгких*. Холодная осень? Скорее, всё – таки, зима выдалась лютой. Ведь, согласно записи в Асиновском ЗАГСе дед умер 5 января 1944 года – в самый разгар холодов. При полном отсутствии дома и имущества. Выходит не даром, ох не даром, суетились активисты. В смысле, не задарма....

Легко понять теперь, откуда взялся и *контрреволюционер*, враг, значит, идейный. Ведь у *мироедов*, чего – то, вроде должны экспроприировать, направляя затем конфискованное добро в доход государства. А дом и имущество *эксплуататора* активисты распределили давно и между собой. Всё чин – чинарём. Главное, утруждать и без того натруженные организмы составлением бумаг отпала необходимость. Сразу.

Становится ясно и ежу, откуда же такая путаница с приговорами, датами и причинами смерти. Борцы за идею заматали следы. И замели. Ведь согласно справке Государственного архива Томской области № 451 от 14. 05. 1991 года: «... сведения о конфискации имущества у Сухачёва Петра Александровича не выявлены». Даже изъятое при последнем обыске охотничье ружьё с 350 – ю зарядами *испарилось* по дороге в Томскую тюрьму.

-*С целью скрыть следы своего преступного прошлого...*, уж не думаете ли вы, что работники Ново – Кусковского сельсовета это про себя написали? Не думаете? Правильно, не про себя. Сии перлы венчали последнюю справку – характеристику деда. Чинушам Фрейду бы показаться. По поводу следов. Тут уж действительно устаёшь удивляться. Ладно, удивимся ещё разок. Справка об имущественном положении и справка - характеристика скреплены одной и той же, почему – то, перевёрнутой вверх ногами печатью. Даты не имеют. Разные же подписи, без расшифровок, наводят на

мысль, что на каждую бумагу имелся в этом сельсовете и каждый председатель. И, ищи потом *председателей*... в поле! Снова всё чин – чинарём.

Что дальше? Дальше за дело взялись профи из НКВД. Дед спокойно подписывает анкету и протокол допроса. А отчего же не подписать? Ведь, на вопрос анкеты: *Участие в бандах, к-р. организациях и восстаниях* – записывается верный ответ: *Не участвовал*. Рискую показаться многословным, но всё же приведу ниже выдержку и из протокола допроса.

Вопрос: Какую вы контрреволюционную деятельность проводили с указанными вами кулаками?

Ответ: С указанными мною кулаками я никакой контрреволюционной деятельности не вёл.

Пётр Александрович посчитал, что гражданин следователь действительно хочет разобраться с его делом, а его долг ему помочь. Зря посчитал. Это сейчас протоколы допросов венчает фраза: *С моих слов записано верно, мною прочитано*. А в те времена: *Протокол мне прочитан*. Чувствуете разницу? Деду просто сразу не прочитали, что, он, оказывается, организовал убийство члена сельсовета Петрова В.Н. в конце 1932 года. Допускаю, что данный гражданин был вполне достойным членом общества, только погиб – то он в пьяной драке. А дед, в то время жил в городе Кемерово. Триста вёрст в один конец. Ещё Петру Александровичу, перебравшемуся в 1937 году на жительство в село Сергеево, оказывается, мечталось сжечь колхозный сарай в селе Старо – Кусково. Самому Вольфу Мессингу, не грех бы поучиться у сержантов госбезопасности умению проникать мысли на расстоянии, причём на изрядном расстоянии. Искомый сарай полыхнул в мае 1937 года, а дед вернулся в Ново – Кусково только в июне того же, 1937 года.

Затем, уже в обвинительном заключении слово *хотел* меняется на *сжѐг*, добавляется для большего антуража фашистская Япония и можно вытирать пот с взопревшего сержантского лба.

Вот такие дела, дела, сшитые в прямом и в переносном смыслах белыми нитками.

Нашему правосудию понадобилось двадцать лет, чтобы разгрести горы лжи. Приведём выдержку из определения № 581 от 5 июня 1957 года Военного трибунала СибВО:

...В протоколе допроса Горковенко Н.С. зафиксировано, что он был вовлечён в антисоветскую группу Лампсаковым и по его заданию завербовал в названную группу Сухачёва, Горковенко Р.С. и Иванова. Проверкой установлено, что Лампсаков в антисоветской группе не состоял и был подвергнут наказанию необоснованно, в связи с чем дело по обвинению Лампсакова прекращено за отсутствием состава преступления, поэтому показания Горковенко Н.С. не соответствуют действительности, а в показаниях свидетелей Еньшина, Нартова и Богомолова не содержится конкретных фактов антисоветской деятельности Сухачёва.

Проверкой, проведённой Управлением КГБ по Томской области, установлено, что к моменту ареста Сухачёва в распоряжении органов НКВД не было данных об его антисоветской деятельности....

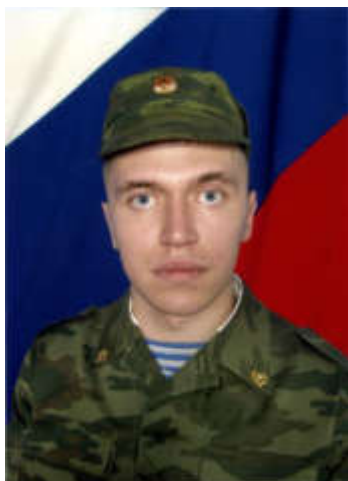
Вот такое дело, дело, сшитое в прямом и переносном смыслах белыми нитками. Ну да ладно. Бог им судья. Гораздо важнее то, что, как уже говорилось, через двадцать лет после смерти, 4 июня 1957 года Военный трибунал Сибирского военного округа Сухачёва Петра Александровича **полностью реабилитировал**. Вернул доброе имя. Поздно? Да, поздно. Ну, что ж, во все времена, и наше не исключение, чести и достоинству изрядно достаётся в драках с человеческими пороками....

История постоянно нас учит тому, что она нас постоянно ничему не учит. Потому, морщить лоб и изрекать глубокомысленные истины погодим. Просто подумаем вот о чём: Ведь главные мужские задачи на этой земле дед успел выполнить.

Построил дом, посадил деревьев немеряно, вырастил сына. А иметь в роду Георгиевского кавалера и *косить* от воинской службы, согласитесь, не солидно как – то. Сухачёв Павел Петрович - мой отец демобилизовался из ВС страны в звании старшего лейтенанта. Из Красноярска. Почётный гражданин города Асина, Томской области.

Я, как и отец отправился в запас в звании «старший лейтенант». В 1980 году. Из Кабула.

Отслужил и правнук Сухачёва Петра Александровича, младший сержант Владимир Сухачёв. Мой сын пополнил географию вооружённого присутствия нашей семьи Кемеровской и Новосибирской областями.

Сухачёв В.А.

Сухачёв А.П.

Сухачёв П.П.

Жизнь продолжается.

А Лампсакова Николая Александровича, реабилитировали в 1956 году. Вот такое переплетение судеб....

ВРЕМЯ – ЧЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я с грустью смотрел на фотографии. Фотографии руин дворца (хотел вставить эти самые фотографии, но, вот ведь, беда – не поднялась рука). Вообще – то в развалинах дворцов планета дефицита не испытывает. Но греческие и римские античности приходили в своё нынешнее состояние тысячелетиями. Дворец же Амина в Афганистане, современный их архитектурный собрат, выглядит в этом ряду акселератом. Ему удалось превратиться из, прекрасно вписанного в горный ландшафт, творения западногерманских зодчих в исторические обломки всего за несколько десятилетий.

Ну, и какое тебе дело до, в прямом и переносном смыслах, забугорного дворца? – Можете спросить вы. - Ностальгия обуяла? С чего бы? Тоска по Родине, родным местам? Ах, в более широком смысле? Вон оно что, это, как у Градского: *И юность ушедшая тоже бессмертна?*...

Что ж, юность? Пожалуй. Но и война, последняя война Советской Армии. Да и в реставрации дворцов мне ни до, ни после, несмотря на тридцатилетний строительный стаж, участвовать не приходилось.

Как меня угораздило? Просто в нашей прошлой стране принято было служить. Платить воинские долги. Это по поводу армии.

По поводу же Афганистана, тут тоже ничего из ряда вон. В декабре 1979 года наша часть, расквартированная в Амурской области, вдруг резко взялась повышать боеготовность. Тревоги, марш – броски, стрельбы. Кривая успехов в/ч 12618 в овладении искусством побеждать устремилась вверх. Сначала – то я на наших китайских братьев грешил, ведь, до *высоких берегов Амура* сто пятьдесят километров. Зря. Скоро всё разъяснилось. В Кабуле надобно было кое – чего подправить после очередной *народно – демократической революции*.

Для начала кое - чего подправили в батальоне. Теперь мы именовались в/ч пп 35818. Технику получили новую. Ярых приверженцев Бахуса поменяли. Поменяли, как и следовало ожидать, равноценно. Вновь прибывшие офицеры и прапорщики за время следования эшелона с Дальнего Востока в город Термез влились в наш дружный воинский коллектив безболезненно. Благо железнодорожные буфеты и рестораны тех лет дефицитами не страдали. Печально известное постановление Политбюро ЦК КПСС увидит свет только лет через семь.

На военном аэродроме Кокайды погрузились в транспортные самолеты, и 9 марта 1980 года оказались в Кабуле. Батальон разместился в палаточном лагере, поблизости от, уже упомянутого дворца. Быстренько обустроились, наладили горячее питание, в палатке же развернули баню. Даже волейбольную площадку соорудили. Три раза в неделю смотрели фильмы. Чётко заработала полевая почта. С ходу же и принялись восстанавливать дворец, которому надлежало стать теперь уже штабом нашей 40 – ой армии.

Застарелый штамп - *город контрастов* – это и про Кабул тоже. Мирное сосуществование небольшого количества современных зданий, панельных пятиэтажек, числом уже поболее, с минаретами и глинобитными саклями обозвать гармонией, застывшей в камне, язык не поворачивается. Зато несколько временных пластов или эпох, как вам будет угодно, сосуществуют на улицах города вполне буднично, что ли. Буйство стилей в одежде обитателей афганской столицы тех времён, это, вообще отдельная песня. От паранджи до мини.

А вооружённые силы? Где ещё увидишь танк Т – 34 не музейным экспонатом?

Юра Селявский в нижнем ряду, второй слева, рядом со мной.

Экипированные в немецкие каски времён третьего рейха, с немецкими же автоматами афганские солдаты навевали ассоциации с другой войной. Маузеры, винтовки Мосина, ППШ усиливали впечатление. Плюс, это всё ещё и стреляло.

Первое время на стрельбу в городе личный состав, нёсший тяжкое бремя патрульной и караульной службы реагировал одинаково. Дикие вопли: *Тревога! Рота п - а - а - дъём!* – раза три за ночь радовали нас. Чего тут, собственно, радостного? Дак, не спят родимые. Знать, и нас сонных не вырежут. Примерно месяц по очереди рвали глотки. Постепенно обстановка стабилизировалась. Мы даже стали сдавать оружие в оружейные палатки. Автоматы брали, если отправлялись в город.

Жизнь в столице тоже входила в обычную колею. К майским праздникам с перекрёстков убрали бронетранспортёры и боевые машины пехоты. Фасады и интерьеры бывшей резиденции Амина, постепенно приобретали первозданный вид. А концерт Иосифа Давидовича Кобзона!? Создавалось впечатление полного успеха кампании. Скажи мне тогда кто –нибудь, что это только иллюзия, мягко говоря, не поверил бы.

И ещё. Марксу и Энгельсу уже давненько пришла мысль про бытие, руководящее сознанием. Солдатское бытие солдатскому же сознанию посылало вполне

ясные сигналы по поводу верности учения основоположников. Кто мы – мы интернационалисты. И - баста! Вот с товарно – денежными отношениями промахнулись теоретики. Деньги, при наличии их отсутствия (афгани нас не баловали) заменялись товарными же эквивалентами. Вопрос на засыпку, куда нас отбросило в палеолит или неолит (нюансы каменного века)?

***Слева направо: Сухачёв А., Прасолов И., Балтаев Б.
На фоне дворца Амина.***

Попозже, уже отечественные горе – экономисты обзовут это бартером. Борьба со стихией рынка, как показала наша новейшая история, бесполезно. Нет, конечно, командование части не бездействовало, периодически устраивались шмоны с показательной моральной поркой коробейников перед строем, с последующим препровождением оных на гауптвахту. В назидание.

Назидание дало блестящие результаты. По прошествии двух месяцев в парке не осталось ни одного запасного колеса, гаечные ключи и запчасти ушли тоже. Расход ГСМ, вообще, поражающе воображение; автомобильные, на первый взгляд, двигатели пожирали бензин, аки самолёты. Что подтверждалось различного рода справками и актами на списание. А что взамен? Взамен дешёвая бижутерия и побрякушки. Или мы в душе индейцы? Дай нам волю, вспомните начало девяностых, мы на словесные побрякушки типа: *о, Горби!*, *о, Борис!*, страну разменяем.

Ну, а нам пришло время увольняться в запас. Из пяти сокурсников, призванных из Томского инженерно – строительного института, четверо с чистой совестью покинули пределы ДРА. Старшими лейтенантами запаса. Остался один – Юра Селявский. Почему его никто из нас не отговорил? Просто мужчина сам обязан принимать решения. Офицер, тем более. При желании, конечно, можно поискать и *ля фам*. Юра недавно развёлся. К женскому коварству апеллируют обычно слабаки. Селявский Юрий Афанасьевич таковым не был. Орденами Красной Звезды слабаков не награждают. Но со смертью товарища начали развеиваться иллюзии.

Война затягивалась, западные державы консолидировались под пропагандистские вопли про *империю зла*. Ладно, ещё щепотку соли на раны сыпанём. Что последовало за выводом войск из Афганистана, мы все прекрасно помним. Разразилась крупнейшая геополитическая катастрофа на территории СССР. Оказалось,

далеко не всякая *кухарка* может руководить государством. Коллапс экономики окончательно развеял иллюзии. Теперь уже мало кто верил, что наша страна после столь ощутимых ударов сможет подняться.

И что же? Россию, по – прежнему, умом не постигнуть. Да, ещё не распрямились во весь рост, но снизу вверх уже ни на кого не смотрим. Путин с блеском провёл со страной практические занятия на тему: *О роли личности в истории*. У государства с великим прошлым появились неплохие виды на будущее. И жертвы снова видятся не напрасными.

Такой большой, а в сказки верю? А, может, и вправду, лучше – в сказки, чем в крутую болтовню янки про свободу и демократию, бурно зацветшие на древней земле Афганистана. Благодаря известно кому – им. И эта болтовни тоже скоро справит круглую дату - десять лет.

Хотя пусть. Пусть и у руин остаются шансы, если не на возрождение, то на достойную музейную биографию.

ТОЛК ВЫШЕЛ

Начинающий литсотрудник сельхозотдела районной газеты «Вперёд» Вася Антошкин принёс заву Борису Николаевичу первую зарисовку. О молодой доярке. Зарисовка получилась очень лирическая. В ней были и утренний морозный туманец, и запах парного молока и силоса, и румяные лица доярок, и первые неудачи, и первый успех героини, вообще всё, что, как-то само собой легло на бумагу.

Борис Николаевич водрузил на массивный нос не менее массивные очки и с видом, уставшего от жизни, ментора углубился в чтение рукописи. Опус молодого сотрудника претендовал строк на триста пятьдесят. Чем дальше заведующий отделом читал, тем больше хмурилось озабоченное чело его, тем быстрее двигалась карающая длань, вооружённая золотым пером фирмы «Паркер», уснащая текст загадочными закорючками. Процедура превращения первого литературного блина в ком, чрезвычайно угнетала неискнушённого Васю.

-Материал не получился! – наконец последовало резюме старого газетного волка.

-Почему? – упавшим голосом поинтересовался новичок журналистского цеха.

-Одна лирическая дребедень. – Сухо пояснил Борис Николаевич, - Поделовитее писать надо. Погазетней! Да и позволь спросить, вьюноша, чем твоя героиня лучше других? Об одной пишешь, а остальные доярки где?

-Но и другие тоже упоминаются...

-В том-то и дело, что лишь упоминаются! А их надо пошире представить. Со всеми их показателями. С процентами к соответствующему периоду прошлого года.

-Борис Николаевич, я же не статистический отчёт, а зарисовку написал, - попытался возразить удручённый Василий.

-Далась тебе эта зарисовка! – поморщился непререкаемый ментор, - Кстати, данные по ферме взял?

-Взял...

-Дай-ка взгляну.

-Посмотрев Васины записи, Борис Николаевич несколько подобрел.

-Ладно, - снизошёл он, - Оставь свою белиберду у меня. Я покумекаю над твоим сочинением, постараюсь довести его до ума.

«Кумекал» многоопытный журналюга недолго, но зато продуктивно. От Васиной лирики со всеми её морозными туманцами и румянцами полетели пух и перья. Вместо неё запестрела привычная деловая цифирь, вперемежку с фамилиями передовых доярок. Причём, бывшая главная героиня переместилась, куда-то на задний план.

Бедный Антошкин чуть не плакал, вычитывая после машинки бывшую зарисовку, препарированную беспощадным пером от «Паркера». Однако настаивать на первоначальном варианте счёл за глупость, здраво рассудив, что плетью обуха не перешибёшь.

Якобы Васин материал благополучно проследовал в секретариат, затем, в очередной номер.

-Никогда бы не подумала, что наш новенький подобную сухомятину выдавать примется, - разочарованно вздохнула ответсекретарь Полина Семёновна, прочитав, перемеженную междометиями, смесь фамилий и цифр, - Ведь он же, на практике, стихи писал, лирические...

-Признаться, не ожидал, что у молодого сотрудника, с первых шагов, на такие деловые корреспонденции вкус появится. – Удивился и главный редактор, - Ведь у них, знаем мы этих поэтов, голова забита исключительно лирическими заскоками, а чисто газетные материалы за них дядя писать должен. Но из нашего, я думаю, толк выйдет!

-Пророчество главного редактора сбылось....

Прошло примерно полгода.

Василий, уже исполняющий заведующего сельхозотделом - в кресле ушедшего на пенсию Бориса Николаевича. Звонит по телефону одному из селькоров, похоже, начинающему.

-Слушай, старик! – солидным баском кричит он в трубку, жуя длинную сигарету, - твою статью про вашего механизатора я получил.... Что?.. Ну, какая разница – статья, зарисовка. В общем, водички в ней многовато. Понял, нет? Но тут мы выжмем. Будь спок. Доведём до кондиции. Ты мне ещё кое-каких данных только подбрось. Что? Зачем сразу, и в бутылку?.. Не забывай, краткость – сестра таланта, хотя и тёща гонорара. Это ещё Антон Палыч определил. Старик пойми, что газета не резиновая. Ваши лирические изыски все не впихаешь. Поделовитее писать надо. Погазетней. Понял, нет? В общем, жду данных. И фамилии других механизаторов. Понял, нет? Вот и ладушки! Не мы такие – жизнь такая! Пока!

Похоже, толк из Васи действительно вышел.

А что осталось?

В А Х Т О В И К

Погасив скорость после посадки, вахтовый АН – 24 вырулил на перрон и послушно замер на указанной ему аэродромным служителем стоянке. Едва смолк поднадоевший за время полёта грохот двигателей, как тут же в салоне ожили бортовые динамики:

-Уважаемые пассажиры! Наш самолёт произвёл посадку в аэропорту города Томска. Температура воздуха за бортом плюс двадцать градусов. Наш рейс окончен. Командир корабля и экипаж прощается с вами и желает вам всего доброго....

Роман привычно отстегнул привязной ремень и с любопытством глянул в иллюминатор. Томск встречал тёплой солнечной погодой. За серым асфальтом перрона ласкала глаз сочная зелень молодой травы. Красовались, всем своим видом приглашая полюбоваться свежим зелёным нарядом, и деревья у здания аэропорта.

«А на Вахе листья ещё только – только распускаются, даром, что июнь», - машинально отметил Роман.

В салоне, меж тем, возникло заметное оживление. Вахтовики, народ своеобразный. В отличие от осёдлой категории рабочего класса представители кочующего племени работяг могут «пахать» с одинаковой энергией и самоотдачей хоть днём, хоть ночью, но зато и спать с адекватной самоотверженностью, так же горазды в любое время суток и в любом положении. И вот теперь, разношёрстная братия проридрала

глаза после сладкого сна в заоблачной выси, громогласно удивляясь столь скорому и благополучному прибытию к месту назначения.

Настроение у всех без исключения было раскрепощенное. Ещё бы! После полумесячной вахты с её двенадцатичасовыми рабочими днями без выходных, им предстоял столь же продолжительный отдых. Особо торопливые из числа «уважаемых пассажиров» спросонок повскакивали с кресел с явным намерением ломануться к выходу, норовя побыстрее покинуть салон, но бдительная бортпроводница, привыкшая к постоянным фокусам бойкой публики, пресекла с твёрдостью матадора недопустимые, с точки зрения «Аэрофлота», попытки своеволия:

-Всем оставаться на местах! – с решимостью выдавшей вида террористки, произнесла хрупкая молодая женщина, - К выходу вас пригласят.

Роман с грустной завистью наблюдал за бестолковой суетой соседней, коим не терпелось поскорее попасть домой, где ждали их родные и близкие люди. Ему же, с некоторых пор, спешить было некуда. И, хотя имелось у него жильё, даже благоустроенное – двухкомнатная квартира со всеми приличествующими удобствами, это была лишь крыша над головой, не более. Домашний очаг, согретый теплом родной души, без которого очень тоскливо и неуютно живётся человеку на свете, остался в ностальгических воспоминаниях.

Каждое возвращение в Томск, где он всегда любил бывать, бередило душу, буквально в минорные тона окрашивало настроение. Избавиться от боли, занозой сидевшей в сердце, несмотря на прилагаемые усилия и проверенные средства, не удавалось. Небось, кто другой на его месте не слишком и убивался бы. Ведь, сам себе голова! Как писал поэт: «Слобода, брат, слобода!».

Махнул бы на крымский берег, там-то и отогрелся бы и оттопырился, что называется, по полной программе. Тем более, впереди двухмесячный отпуск, карманы оттягивают увесистые пачки отпускных. Роман, хоть и считал себя настоящим мужчиной, а кто из мужиков, не считает себя таковым, всё-таки комплексовал по поводу излишней лиричности своей натуры. Влюбился и привязался, кажется на век. Качество, скорее присущее представительницам слабого (а слабого ли?) пола. Поэтому-то, его не прельщали ни красоты южных берегов, ни южные же красотки, с их жаркой и скорой любовью. Греки виноваты, понавыдумывали темпераментов.

Наконец, экипаж проследовал к выходу. Следом за небожителями потянулись и пассажиры. Вахтовики, постоянные для «Аэрофлота» клиенты, давно стали своими, в силу этого и не самыми любимыми людьми в сибирских аэропортах. И потому, им далеко не всегда подают к трапу автобус. Однако на сей раз, автобус быстренько покрыл расстояние в триста метров до входа в аэропорт. Более того, на привокзальной площади их ждал вахтовый «Икарус» объединения, что было вообще большой редкостью.

Оказавшись в «Икарусе», Роман занял место у окна, и вновь невесёлые мысли отодвинули суетливую действительность. Память унесла на три месяца назад...

...Роман возвращался с очередной вахты в своё Асино в особо приподнятом настроении. Дома ему предстояло отмечать сразу три знаменательные даты: собственное тридцатилетие, двадцатипятилетие жены и пятилетие их совместной жизни. В Стрежевом он накупил подарков жене и дочери, не забыл и себя. Упаковался.

До Асино из Томска он добрался последним автобусом, уже затемно. Домой, от автовокзала летел, предвкушая радостную встречу, сияющие глаза жены и дочери, восторги по поводу угаданных желаний. Вот его многоквартирный пятиэтажный дом. В один момент он оказался на площадке четвёртого этажа своего подъезда. Открыл дверь собственным ключом. Оказавшись в прихожей, включил свет, сбросил куртку, ожидая, что сейчас выскочат его заспанные домочадцы, с радостными криками бросятся ему на шею. Однако время шло, а ничего не происходило. «Неужели так крепко спят?» В уши Романа вдруг ударила нехорошая тишина. Будто оказался он в нежилом помещении.

Встревоженный Роман бросился в комнату, затем – в спальню. Включив трёх -рожковую люстру, убедился, что кровать и кроватка пусты.

-Странно, куда же они подевались? – растерянно пробормотал он, с недоумением оглядываясь по сторонам.

И только теперь заметил, что в спальне царит полнейший раскардаш. Постели застланы кое-как, вещи беспорядочно разбросаны, часть из них валяется и на полу. Дверцы шифоньера распахнуты настежь, заглянув в него, Роман обнаружил висящий в сиротливом одиночестве собственный выходной костюм. Наряды жены и немудрящие дочкины платица исчезли.

Предвкушение праздника зачастую гораздо приятнее самого праздника, но в данной ситуации контраст оказался просто убийственным. Праздник закончился, не успев начаться. Опустившись на кровать, огорошенный Роман принялся осмысливать своё, со всех сторон, как ни крути, не завидное положение. Допустим, Лида могла внезапно уехать в деревню к родственникам, на чью-нибудь свадьбу или, не приведи Господь, на похороны. Да мало ли случается срочных дел. Вполне могла прихватить с собой и Наташку. Нельзя исключить и больницу, дело житейское. Наташка в последнее время прибаливала. Правда, забирать весь гардероб, собираясь к родственникам или в больницу, вроде не принято. Если допустить визит «домушников», то подобная публика новыми шерстяными костюмами не пренебрегает. Роман встал, прошёлся по спальне, направился на кухню. На кухонном столе белел тетрадный листок. Лида писала:

«Роман! Я встретила человека, с которым решила связать свою судьбу. Уезжаю с ним насовсем, неважно куда. Понимаю, что делаю плохо, но сердцу не прикажешь. Наташку я пока оставила у твоей матери. Потом заберу. Надеюсь, насчёт развода ты не будешь препятствовать. Если можешь, прости. Лида».

-Встретила.... Препятствовать... - горько усмехнулся Роман, швырнув записку на стол.

Вахтовый «Икарус» следовал до площади Ленина. То есть до центра города. Однако, все пассажиры, включая и томичей, сошли на остановке «Томск – первый». Отсюда им предстояло разъезжаться по домам. Томичам – на городских видах транспорта, остальным – на поездах и междугородных автобусах. Но разъезжаться особо никто не торопился. Примерные мужья и отцы направились в магазины, пошукать гостинцев. Менее примерные, сбившись в стихийные кучки, принялись оживлённо обсуждать перспективы «обрадоваться» по поводу прибытия в столицу области. То обстоятельство, что в Томске фактически действовал «сухой закон» мало смущало бывалых приверженцев Бахуса. Закалённые в неравных боях с постановлениями правительства, выпущенных исключительно «по просьбе» и в интересах трудящихся, вышешпоименованные трудящиеся привычно преодолевали препоны, чинимые рьяными аппаратчиками «в целях искоренения» и т.д., нутром понимая, что объективный закон экономики - «Спрос диктует предложение», никакие постановления, даже самого разумённого правительства в мире, отменить не в силах.

В строгом соответствии с этим законом, в районе вокзала «Томск – первый» сорганизовался чёрный рынок, со своими нравами и ценами. Здесь купить можно было всё, естественно в ассортименте присутствовали и спиртные напитки. Любителям «клубнички» предлагались глянцевые журнальчики, девицы разных комплекций и возрастов дефицитом в этом «супермаркете» тоже не являлись. Цены, по мнению вахтовиков, «не кусались». Бутылка водки, к примеру, стоила двадцать пять рублей, тогда как в Стрежевом – все сорок.

Впрочем, цены для наших путешественников роли не играли. Ведь при них их «длинные» северные рубли, суверенное право на кои они сохраняли лишь до возвращения в родные пенаты. Потом их права на кровные будут сильно поурезаны домашними распорядителями авуаров, в лице рачительных супругов. Не то, чтобы погусарить, лишний раз острограмиться – проблема. В их натруженные руки смело

можно доверять сокровища Форта Нокс, ни цента на безделицы не уйдёт. В силу краткости счастья, праздник требовался именно сейчас.

-Эй, Рома, а ты чего менжуешься? – окликнул его Юрка Разин, не по годам плотный парень, - Айда с нами! Погужуем! Девчоночек снимем! Зря, что ль пахали?

-Да нет, давайте сегодня без меня. Не то настроение, - отказался Роман.

-Бухнём по махонькой, глядишь, жизнь и наладится! – не сдавался находчивый искунитель. – Нам ли жить в печали! Давай – ка, приобщайся к коллективу! Больше жизни!

-Нет, извини Юр, муторно на душе. – Прервал грозящую затянуться лекцию о пользе алкоголя, Роман, - Ещё и вам компашку испорчу. Пойду я. Счастливо погулять. – И зашагал в сторону автовокзала.

Снова автобус, рейсовый «Томск - Асино». В соседки ему досталась молодая, хорошо одетая брюнетка. Симпатичная. Со здоровым румянцем на щеках, указывающим на то, что женщине часто приходится бывать на свежем воздухе. Стройные, в меру полные, в меру открытые, смуглые ноги невольно приковывали внимание, будили воображение. Однако соседка, будто пресекая возможные попытки к знакомству, вытащила из небольшой дорожной сумки потрепанный детектив и углубилась в чтение. Коктейль из кокетливых ножек и демонстрации неприступности – опасная штука, сгубившая не мало мужиков.

Роман же с унылостью снова погрузился в самоедство, тем самым, продолжая следовать по проторенной предыдущими поколениями брошенных мужей и жён, тропинке. Жалея и одновременно нахваливая себя. Понятно, когда супруг выпивоха, некоторым жёнам не нравится, когда до других бабёнок охоч, уже не нравится многим жёнам и совсем ни одной женщине не нравится, когда её благоверный мало зарабатывает.

Идеальная мечта слабого пола, с обывательской точки зрения (во многом верной), муж, умеренно пьющий, не кобель, гребущий деньгу лопатой. И Роман, с этой точки зрения не находил в себе недостатков. Пил по праздникам или, ещё по какому уважительному случаю. Опять же в меру. Денег с вахты привозил столько, сколько на Большой земле не всякий за два – три месяца зарабатывает. Внешностью его природа тоже не обидела. В меру высок и статен. На красивом лице тёмные брови соседствовали со светлыми, с зеленой глазами. Женщины находили его интересным мужчиной и завидовали Лидкиному счастью.

Роман, словно задавшись целью опровергнуть теорию о природной полигамности мужской натуры, всячески старался угодить своей единственной и ненаглядной. Не скупился на подарки и обновки, дорогие украшения.

-И чего ты на неё так тратишься? – вздыхала экономная мать, - То ли деньги девать некуда?

-Есть, есть, мам, куда деньги девать. Семью надо одевать и обувать, - отшучивался Роман.

-Ладно, согласна, одежда у каждого человека, особенно у молодой женщины, должна быть справная, обувка – тоже, - здраво рассуждала мать, - Но к чему ей ещё и золотые побрякушки? Ведь она мужняя жена! Перед кем форсить-то, кого завлекать? Ведь не зря говорят, что человек с жиру начинает беситься. Долго ли до греха? Ох, смотри Рома,хватишься, да как бы поздно не было.

-Ну, уж, мама, ты скажешь тоже!

-А я дело говорю. Тебе ж, дурню, добра желаю. Чтоб не остался с носом.

-Не останусь...

Остался. Мать, как в дёготь глядела. Чужало, видно, её материнское сердце. Он же и мысли не мог допустить, что его Лида ему изменит. Радостные встречи с вахты, горячие поцелуи, сияющие от восторга большие серые глаза, если это не любовь, то что? Да, детская доверчивость у взрослого мужчины, скорее, всё-таки, недостаток.

Мама отнеслась к бегству неверной жены сына с философским спокойствием:

-Баба с возу – коню легче.

-Но *коню* легче не было....

-Смотрите, какая красота! – вдруг восхитилась соседка Романа, восклицание вернуло его к вящей действительности. Роман с некоторым удивлением обнаружил, что автобус давно миновал городские окраины и шёл по асфальту бывшего Иркутского тракта. Мимо проплывали уходящие вдаль изумрудные нивы. Вдоль дороги тянулись пышные зелёные дубравы и мелкорослые перелески, залитые солнцем поляны с их буйно цветущим разнотравьем, на котором ласкала глаз алая огоньковая пестрота.

Роман очень любил эти цветы, символизирующие наше яркое, но, увы, короткое сибирское лето.

-Шеф, останови на минутку! – неожиданно для себя крикнул он водителю.

-А что случилось? – отозвался тот недовольно.

-Ну, надо. Очень надо!

Шофёр нехотя тормознул. Но, увидев, что пассажир остановил автобус ради того, чтобы нарвать цветов, принялся нетерпеливо сигналить, не желая терять времени по пустякам.

Подгоняемый клаксоном, Роман моментально настегал огромную охапку ярких огоньков, благо поляна была буквально усыпана ими, хоть литовкой коси, и бегом вернулся в автобус. Водитель ничего не сказал, лишь укоризненно покачал головой да выразительно покрутил указательным пальцем у лохматого виска.

Пассажиры по-разному отнеслись к выходке беспокойного попутчика. Одни иронически хмыкали, другие выражали откровенное недовольство задержкой автобуса, третьи одобрительно улыбались. Одна немолодая, но весьма импозантная дама, окинув строгим взглядом салон, громко заявила:

-Браво молодой человек! Настоящий мужчина иногда должен совершать сумасбродные поступки!

Признательный Роман отобрал букет великолепных цветов и преподнёс своей заступнице.

-Ну, мне-то зачем? С какой стати?..- смущённо запротестовала она. – Везите жене.

-А у меня нет жены, - вырвалось у простодушного ценителя природных красот.

-Куда же, извините за нескромность, она подевалась?

-Сбежала.

-Извольте шутить? Мой богатый жизненный опыт нашёптывает, что такими мужьями не разбрасываются.

-Да вот, я-то, тоже так считал.

-Очередная невинная жертва женского коварства? Впрочем, не унывайте, - улыбнулась она, - Женщин, я склонна верить сухой статистике, по-прежнему, намного больше, чем мужчин. Так что на ваш век хватит. И потом: «Самая страшная месть тому, кто отобьёт у вас жену, - оставить её ему».

Последние слова вызвали весёлое оживление в автобусе. Заулыбался и Роман:

-Спасибо, утешили.

-Не стоит благодарностей. Помните молодой человек, что жизнь слишком серьёзная штука, чтобы относиться к ней всерьёз.

Разговор с ироничной и эрудированной собеседницей оказал благотворное действие на состояние Романа, у него отлегло от сердца, хандра улетучилась. Он с лёгкой душой принялся одаривать огоньками пассажиров автобуса. Все они, независимо от возраста с лёгкой же шутливостью принимали букетики.

-Учись, охламон, культурному обращению, - с весёлой укоризной заметила одна из них своему, некстати зазевавшему, кавалеру.

-То-то жена от него и сбежала! – под смех остальных отпарировал тот.

Немалый букет огоньков, оставшийся после раздачи пассажирам, Роман протянул своей молчаливой соседке.

-Мне?.. – растерялась та, оторвавшись от книги.

-Вам.

-Спасибо.

Она бережно приняла букет и сразу окунула в него зардевшееся смуглое лицо.

-Запах просто божественный. Не знаю почему, но мне ещё никто не дарил цветов...- произнесла она.

И посмотрела на Романа чёрными выразительными глазами так благодарно, так доверчиво, что он тоже смутился, снова убедившись, что он, в сущности, никогда не понимал, да и продолжает не понимать женщин. Казалось бы броская внешность, внешняя же и уверенность в себе, а такой беззащитный в своей открытости взгляд.

Постепенно они разговорились. Светлана, так звали попутчицу, жила в Томске, где работала, опять неожиданность, машинистом башенного крана. Между прочим, свою, теперь уже бывшую, жену, Роман иногда тоже именовал машинистом, поскольку она подвизалась секретарём-машинисткой у не очень значительного начальника.

В Асино Светлана ехала в гости к единственной тётке, оформив несколько дней отгулов. Узнав, что попутчик вахтовик, с искренним любопытством поинтересовалась:

-Ну, а «живую» нефть вы видели?

-Видел, конечно.

-Нет, не просто нефть, - уточнила она, - А вот, чтоб фонтан?

-Видел и фонтан. – Сдержанно подтвердил Роман.

-Должно быть грандиозное зрелище?

-Да как сказать... - замялся вахтовик, - Кому как....

-А вам как?

Поколебавшись, Роман решил поделиться со столь заинтересованной, главное симпатичной, слушательницей одной недавней историей, непосредственно связанной с «грандиозным зрелищем», которое бывает, ох каким жутким.

Случилось это на Вртовской площадке. Погожим летним днём. Бригада капитального ремонта скважин, которой был придан тракторный подъёмник Романа, вела ремонт одной из скважин. Начиная очередной этап ремонта – подъём труб НКТ на поверхность. В скважине их 245 штук, соединённых муфтами в единую колонну, уходящую вглубь земли почти на два с половиной километра. Подъёмник с помощью лебёдки и системы блоков, укреплённых на специальной стреле, именуемой мачтой, поднимает колонну на длину одной трубы, затем следует перезацепка, откручивание верхней трубы и снова подъём. Так повторяется до тех пор, пока последняя труба не окажется на поверхности.

В тот раз процедура началась обычным образом, и ничто не предвещало беды. Получив сигнал на подъём, Роман включил лебёдку, и намертво зажатая элеватором труба медленно пошла из скважины. Выше и выше.... И вдруг стремительно рванулась вверх. Мачту вместе с агрегатом дёрнуло, едва не сорвав с растяжек. Из скважины хлестанул чёрный нефтяной фонтан....

Окружающее потонуло во мраке, это стёкла кабины залило нефтью. Преодолев секундную растерянность, Роман среагировал интуитивно, к счастью верно. Первым делом вырубил дизель. И вовремя. Малейшая искра из выхлопной трубы могла обернуться огненным смерчем, который в один момент поглотил бы и людей и технику. Затем прыгнул из кабины, намереваясь спастись бегством от разбушевавшейся скважины. Неприятности, похоже, следовали пачками. Ступню пронзила острая боль. Роман присел, подняться уже не смог. Тогда пополз на четвереньках. Через великую силу, ибо каждое движение отдавалось резкой болью в злополучной ступне.

Вокруг творилось нечто, похожее на конец света. Армагеддон. Гудящий нефтяной тайфун обрушивался на землю сплошным чёрным потоком. Вместе с нефтью

скважина изрыгала из себя и исковерканные её чудовищным утробным давлением трубы. Поодиночке и целыми «плетьми» они разлетались по территории «куста». Любой такой летающий кусочек запросто мог пригвоздить Романа к земле, аки букашку. Но он предпочитал не думать об этом. Гораздо страшнее, если труба при падении высечет искру. Засим верный пожар и хана всему и всем....

Инстинкт самосохранения гнал Романа прочь от разверзшейся преисподней. Но силы оставляли его. Он задыхался. Его лёгкие заполнялись едкими нефтяными парами, вызывающими сильное головокружение и рвоту. Нефть заливала и глаза, так что и приоткрыть их, даже на немножко, не представлялось возможным. Он вслепую барахтался в нефтяной жиже, еле продвигаясь вперёд. Уже теряя сознание, Роман услышал чей-то знакомый голос:

-Есть, мужики! Нашёл! Здесь он! Давайте ко мне!...

Очнулся Роман уже за пределами досягаемости чёрного фонтана. Он лежал раздетый донага на зелёном бугорке. Чумазые спасители протирали его чистыми тряпками, очищая от мазута. Оклемавшегося бедолагу захлестнула волна благодарности к этим, так не похожим на ангелов, парням, с лёгкостью рискнувшим своей жизнью, ради спасения чужой. Подарившим ему снова и ясное небо, с разбросанными по нему пушистыми облачками, и близкую кедровую тайгу, пронизанную ярким солнечным светом, и стрёкот кузнечиков.... Рёв и грохот, продолжавшей извергаться скважины, напомнил о хрупкости окружающей благодати, тонкости грани между бытием и небытием. Даже на безопасном расстоянии демонстрация мощи, расшвырянутой природы, выглядела жутко.

Скважина «плевалась» до тех пор, пока не выкинула все 245 труб. И... на том сама и успокоилась. Обошлось, по счастью, и без пожара.

Жене Роман не стал рассказывать о случившемся, объяснив травму ноги, неудачным прыжком с подножки вахтового «Урала». А вот, поди ж ты, случайной попутчице выложил в подробностях, она, в свою очередь, слушала с видимым интересом, показалось ему неподдельным. Женщины.... В общем, остаток пути до Асино они проболтали, причём лёгкость в выборе тем и непринуждённость беседы изрядно удивляли Романа, обычно не разговорчивого, в силу природной застенчивости, тем более зажато в общении с особами противоположного пола.

Расстались на асиновской автостанции, словно давние и хорошие знакомцы. Она направилась к тётке, жившей где-то за железнодорожной линией, он подался домой, к центру города. И лишь отойдя на приличное расстояние, Роман вдруг спохватился. Ведь не узнал ни томский адрес Светланы, ни асиновский адрес её тётки. «Олух царя небесного!» – укорил себя, сожалея, что так нелепо и глупо оборвалось знакомство с девушкой, улыбочивые тёмно-коричневые глаза которой не отпускали. «Осталось что? Осталось материться» – дал совет, глубоко почитаемый В.С. Высоцкий.

К удивлению Романа, дверь его квартиры оказалась незапертой. «Странно, что за гостёчки припожаловали?» – встревожился он. Но тут же успокоил себя: «Наверное, маманя за квартирой присматривает».

В прихожей ждал его сюрприз. Из комнаты ему навстречу выскочила с распростёртыми ручонками и сияющим курносым личиком его дочурка.

-Паптя приехал! Паптя!.. – звонко радовалось детское сердечко.

Роман подхватил её на руки и принялся осыпать горячими поцелуями. Вот уж кого он любил до самозабвения. При бесспорной взаимности.

-Наташенька... Дочка... - бессвязно бормотал он, - Я очень по тебе соскучился....

-Я – тозе... - его шею обхватили цепкие детские ручонки.

-Ты с кем здесь? С бабушкой?

-Со мной, Рома... - услышал он до боли знакомый голос.

В дверях стояла и грустно улыбалась Лидия.

При виде жены, Роман крепче прижал к себе Наташку, вспомнив записку, глухо предупредил:

-Я тебе её не отдам.

-Да я, в общем-то, и не за ней приехала... - тихо произнесла Лидия.

-Из вещей, чего-нибудь забыла?

-Я совсем вернулась, Рома, - в голосе послышались слёзы, - Если, конечно, ты не против.... А прогонишь, уйду к родителям.

-Что: «Окончен бал. Окончен бархатный сезон»? – не удержавшись, съязвил он.

-Я очень виновата перед тобой, Роман. И перед нашей дочкой – тоже... - поникла она, и плечи её дрогнули.

-Эх, ты!.. – гамма чувств от любви до ненависти к предавшей его женщине, отразилась в восклицании. Горько вздохнув, он собрался более развернуто высказаться на тему семейных отношений. Но вмешалась малолетняя непосредственность:

-Паптя, пусть мамтя остаётся с нами! Я по ней тозе осень соскучилась!

И принялась истово слюнявить лицо отца неумелыми детскими поцелуями. Перед столь сильными аргументами устоять невозможно. Душа Романа отмякла, лицо разгладилось.

-Ну, так как, Роман? – уловив благоприятные перемены в настроении мужа, несмело спросила Лидия.

-А никак... - буркнул он, стараясь не поддаться острой жалости, вдруг вспыхнувшей в нём к непутёвой жене.

Затем, бережно опустив дочку на пол, вручил полиэтиленовые пакеты с гостинцами, вызвавшие новый взрыв ликования у ребёнчишки. Сам же прошёл на кухню, сел за стол и надолго задумался. Просидев в одиночестве около часа, молча встал, и отправился на почту. Там заказал срочный разговор со Стрежевым. Разговор был недолгим.

Назавтра Роман улетел опять на вахту, прервав, по сути, так и не начавшийся отпуск.

Э К С Т Р И М

Димка Старобахин вёл машину по извилистому таёжному зимнику на предельной скорости, поминутно рискуя опрокинуться на очередном вираже или врезаться в ближайшую лесину. Он спешил засветло выбраться из тайги с её коварными сюрпризами. Главное, чтоб не было встречных. На этом глухом сорокакилометровом перегоне между Батурино и Кайлушкой разъездов раз-два и обчёлся. Бульдозеристы, по обыкновению, поленились наделать их сколь положено. Не дай Бог, встречная – канители не оберёшься. Придётся кому-то «прыгать» в целик, а другому после разъезда вытягивать его на дорогу. У Димкиного же «Зилка» фаркоп и без того слабый, держится на честном слове. Не ровён час, оборвётся, тогда придётся щедро отхлебнуть «вина одинокого горя».

От экстремальной езды спина стала мокрой. Правда и не клонит в сон, что иногда с Димкой случается. Особенно на ровной дороге и без попутчика. В кабине тепло, укачивает, глаза сами и закрываются. Опытные шофера для бодрости пьют чифирь, через, чур, крепко заваренный чай. Но сиё средство вредно сказывается на сердце. А Димка бережно относился к своему здоровью.

Лёгкий морозец *подстеклил* гладко укатанную колею, но наш любитель острых ощущений приноровился к ней, ехал, что называется *умеючи*, бесстрашно закручивая замысловатые и рискованные выверты. Движок тянул во все свои сто шестьдесят лошадей. Отсутствие подозрительных стуков и «сверчков» указывало на тщательный и любовный уход за норовистым табуном. Сзади, в кузове, мерно побрякивала берёзовая

лыжболванка – груз к толчкам не чувствительный и в меру увесистый. Вроде, всё по уму. Только слегка скучновато одному. Сейчас бы попутчика, да поразговорчивей. Ещё лучше – попутчицу. Помоложе и посимпатичней. К сожалению, мечты о незатейливом человеческом общении, из разряда несбыточных. На десятки километров вокруг – одна сплошная дремучая тайга при полном отсутствии жилья.

Но вот впереди что-то замаячило. Похоже, человеческая фигура. Странно. Хотя... Вполне может азартного охотника занести в глухомань надежда на знатный трофей, или егеря обходит поднадзорные уголья. Чего доброго, сам Михайло Иванович припожаловал. От косолапых шатунов, любому коренному обитателю этих мест известно с детства, лучше держаться подальше....

Однако по дороге шёл всё же человек, довольно крупного телосложения, по сезону тепло одетый. На нём был добротный бараний полушубок, собачья шапка и толстые стёганные штаны, заправленные в серые подшитые валенки. За плечами пилигрима висел тощий рюкзачок.

Димка сбросил газ и начал притормаживать. Но машину на обледенелой трассе, вот так запросто, не остановишь. А мужик, заслышав сзади автомобильный двигатель, обернулся и остановился, словно врос в землю. Живая иллюстрация бессмертному подвигу панфиловцев. Ведь Димке отворачивать некуда. Разве что за обочину, в снег, врыхаться по самое «не хочу» и сидеть, ожидая очередного пришествия Христа на грешную землю.

-Тебе что, жить надоело?! – Отчаянно заорал Димка, высовываясь из кабины.

Незнакомца вопли водителя не впечатлили. Он продолжал стоять истуканом, с отрешённым выражением тёмного бородатого лица, будто не замечая напирательной на него машины. И лишь, когда казалось, что сейчас глухой удар возвестит о конце незадачливого камикадзе, он с неожиданным, для его неповоротливой с виду фигуры, проворством отскочил в снег, а в следующее мгновение уже забирался в кабину. Если учесть, что «ЗиЛ» продолжал юзить на тормозах по скользкой дороге, номер просто цирковой. Устроившись поудобнее на сиденье, исполнитель трюков из репертуара автомобильных вольтижировщиков, по-хозяйски распорядился:

-Давай, газуй.

Голос был неприятно хриплым. Лицо мужчины грубое, словно топором вырубленное, тоже не внушало симпатии. Пегая, до самых глаз, растительность, приятности облику явно не добавляла. Но главное – глаза. Один светлый, зеленоватый, другой – ярко коричневый. Признайтесь, чрезвычайно редко встречающееся сочетание. При этом взгляд их одинаково источал мрачную тяжесть.

Димке показалось знакомым лицо неожиданного попутчика. Угрюмое лицо, с разноцветными глазами, определённо, кого-то ему напоминало. И в то же время, он мог бы с уверенностью сказать, что видит хрипатога субъекта впервые. Впрочем, кто его знает... Может, где и встречал. Мимоходом. На улице, например. Случайно и запечатлелась в уголках памяти малосимпатичная физиономия.

-Рисковый ты мужик, дядя, - едко заметил Димка, включая скорость, - А если бы у меня тормоза отказали? Тебя в морг, меня в тюрьму?

-Хорош базлать! – Холодно оборвал его разноглазый.- А тормоза, вьюноша, вообще, придумал трус.

-Образованного, оно издали видно. – Не унимался Димка, - В наших краях, вестимо, проездом из города Парижу? – Про Париж было ввёрнуто в связи с недавно прошедшим фильмом о великом комбинаторе.

-Лишние знания умножают старость. - Последовал философский отлуп.

-Тогда куда бредёшь, отец? Или подобные вопросы тоже укорачивают жизнь?

-В направлении Кудыкиной горы? – После небольшой паузы последовало. -

Сынок.

-Да, не повезло мне с попутчиком. – С деланной грустью констатировал шофёр, - Другие сядут, расскажут анекдот, за жизнь поговорят, глядишь, и доехали. А с тобой.... Ну, не мой, похоже, день сегодня. Точно не мой.

Однако разноглазый так посмотрел на Димку, что у того отпала охота продолжать разговор.

«Интересно, откуда он здесь взялся?» – Озаботился водитель, задетый за живое вызывающим поведением странного пассажира. - «И вообще, что это за гусь?».

В самом деле, поблизости жилья нет. Нет ни одной и развилки дорог. Допустим, он охотник. Но нет ни лыж, ни собаки, ни ружья, наконец. Рыбак? Но полное отсутствие рыбацких снастей свидетельствовало об ошибочности и этого предположения. К тому же и рыбачить-то в сих забытых богом местах негде – до ближайшего водоёма около пятидесяти километров.

Не рыбак, не охотник. Тогда кто? И какая нелёгкая занесла его на глухое перепутье?

«Да ну его к едрене – фене, пупка разноцветного!» – в конце - концов, решил Димка, - «Не хочет разговаривать, и чёрт с ним. Переживём, не сорок первый!».

И шофёр всё внимание сосредоточил на дороге. Она, словно живая бежала навстречу, виляя меж вековыми соснами и елями, увешанными тяжёлыми снеговыми веригами. Вот тайга начала расступаться понемногу по сторонам, дорога пошла прямее и шире. Вскоре впереди в зыбкой ночной темноте замигали далёкие огоньки желанного человеческого жилья. Посёлок Первопашенский показался. Он же, впрочем, и Большая Юкса, а ещё и Кайлушка. Первое из наименований таёжному посёлку присвоил райисполком, второе – леспромхоз, имеющий здесь лесоучасток, а третье – народное просторечие. Последнее, как водится, оказалось самым живучим и распространённым.

Приободренный заветными огоньками, Димка поприбавил скорости. Таёжная дорога изрядно утомила его, организм настоятельно требовал «дозаправки». В Кайлушке столовая ещё работала, да и особый интерес имелся у нашего лихого водилы в этом заведении общепита. Звали «особый интерес» Надей. Светловолосая, привлекательная, фигуристая с широко распахнутыми голубыми глазами буфетчица ему тоже вроде симпатизировала. Вполне возможно, что она кокетничала с ним просто в силу общительности характера и весёлого нрава, однако, именно надежды юношей питают.

Да и, собственно говоря, чем, к примеру, Димка не хорош? В армейской шеренге стоял на правом фланге. Как и положено нормальному сибиряку, в остальных военных дисциплинах являл образцы, с назидательностью использовавшиеся отцами командирами в качестве обучающих пособий для изнеженных и слабых здоровьем хлипаков, составляющих красу и гордость отечественных мегаполисов. Удар справа, если и уступает по силе знаменитому хуку Али, то (спорно, но молодость склонна преувеличивать) совсем немного. Их диспетчер Татьяна, та вообще (вот он момент истины) говорит, что он внешностью шибает на киноактёра Тихонова. А кто у нас Тихонов? Ни много, ни мало, а секс-символ эпохи (к сожалению, уходящей).

Аутотренинг закончен, пора, пора перекусить и пообщаться с властительницей сладких грёз. Взглянуть в глаза жизнерадостной хохлушки и огорошить давно заготовленной фразой: «Гуд ивнинг, май лав!».

Кайлушка открылась сразу, едва машина выехала из-за последнего таёжного поворота. Тут же замелькали полу заваленные сугробами стандартные двухквартирные домики окраинной улицы, освещённой редкими неяркими фонарями.

Димка начал сбавлять скорость.

-Здесь будем ужинать. - Вспомнив про мрачноватого пассажира, сообщил он.

-Не надо суетиться, малыш. – Вкрадчиво осадил водителя угрюмый пилигрим, - Ехай дальше! – А вот «Ехай дальше!» прозвучало уже безапелляционным приказом.

-Не понял... - изумлённо протянул, мыслями элегантно расположившийся у буфетной стойки, ловелас. – Между прочим, ты не в такси, - стал расставлять точки над «и» Димка, - Поэтому, батёк, прошу в дальнейшем вести себя соответственно. Ежели особо торопишься, попробуй дальше бегом. Есть люди, я слышал, выдающихся успехов добиваются в этом виде спорта, лошадей обгоняют....

В следующее мгновение правый локоть нравоучителя сдавило, будто железными тисками, перед носом зловеще замерцало остриё охотничьего ножа.

-Паренёк, а вот борзеть не надо! Говорят тебе ехай, значит ехай.

-Мужик, ты чего, с головой не дружишь? – Попробовал артачиться Димка, - Крыша уехала?

-Шустрить, брателло, в морге будешь! Счас, вякать погоди.

Локоть сжало ещё сильнее, нож коснулся горла. Димка растерялся, просто оторопел от неожиданности. Слишком резким оказался переход от фривольных фантазий к фантазмагорической действительности. Пока мозг оценивал ситуацию, правая нога, повинувшись инстинкту выживания, нажала на педаль акселератора. Стоило машине набрать скорость, как нож отодвинулся в сторону, локоть освободился от стальных тисков. Происшедшее заняло не больше минуты. Опомившись, Димка заметил, что столовая, а с ней и прекрасная буфетчица остались далеко позади, машина выскакивала из посёлка. Навстречу ей снова чёрной стеной надвигалась тайга.

«Называется, легла карта, поди, хвалёные охотники за адреналином со всего мира мечтают о такой прухе. – Накручивал себя невольный экстремал, - Неужели, слабак я? Нож показали, я и в штаны готов наложить? Ну, погоди, крыса, посмотрим ещё у кого круче козыри. Только бы дотянуться до баллонника. Тут он, где-то под ногами перекачивается...».

Однако и разноглазый дремать не собирался, словно прочитав мысли шофёра, пресёк рискованные поползновения:

-Братан, сиди смирно! – с уже привычной бесцеремонностью предупредил он, - Дёрнешься, потроха на перо намотаю. Усёк?

Сказано яснее ясного. Слово пригласительный билет в рай выписали. Похоже, парень-то псих ненормальный. Или сильно головой ударился в далёком детстве? Опять же закавыка, далеко не каждому, даже гениальному сумасшедшему в башку придёт зарезать человека за желание поужинать. Димка ломал голову, пытаясь найти объяснение, казалось бы, беспричинной агрессивности пассажира. Стоп, а словечки-то явно уркаганские. Косит или....

Наконец-то он вспомнил. Точно! Бандитскую харю своего нынешнего «братана» он видел на стенде у горотдела милиции. Под портретом работы неизвестного милицейского фотографа стандартно описывалось, что разыскиваемый преступник является особо опасным рецидивистом. Возможно, вооружён....

Жить становится всё интереснее и веселее! Дорого бы дал Димка, чтобы оказаться подальше от подобной веселухи. Видать, бандюган отсиживался где-то в таёжной избушке до поры, до времени, а нечего стало жрать, так и выполз на свет божий из своего логова. Известно, чтобы жить надо есть, а чтобы есть, надо работать. Похоже, труженник пера и кистеня и направляется на работу, заниматься древним варначьим промыслом. Мужик видать резкий, успеет делов поднатворить, пока спеленают.

Надо останавливать. Тем более дело становилось личным. Обращаться с шофёром, представляющим простое, но чрезвычайно уважающее себя племя автомобилистов, будто с шестёркой, явный перебор, гражданин урка. Переть на рожон, конечно, не стоит. Расклад пока не тот. Охотничий нож, да ещё в умелых руках, аргумент серьёзный. Следует включить мозги, действовать наверняка и с умом.

Тайга кончилась. Дорога вырвалась на просторы чулымского поймища. Кругом белела снежная равнина с рассыпанными по ней стогами и мелкими кустарниками. Лишь по гривам, словно дозорные богатыри, высились могучие сосны в окружении стылых берёзок. Окружающий ландшафт обливал дряблый свет ущербной луны, выглядывающей из-за плотных туч.

Дорога - хоть на боку катись. Обычно этот участок зимой богат на неприятные сюрпризы. Стоило чуть забуранить или потянуть, даже слабой позёмке, и пиши – не проехать. Немало снегу шоферской братией здесь перелопачено, частенько заковыристые матюги сотрясали окружающую благодать, солёный пот проливался тоннами. Но, видимо, недавно, дорожный мастер Асиновского ДЭУ Конев Василий Иванович со своими механизаторами здесь поорудовал. А он мужик с соображением, заставляет бульдозеристов не только дорогу чистить, но и с наветренной стороны снежную целину пропахать. Канаву сделать. Поэтому, во время бурана её в первую очередь снегом забрасывает, дорога же остаётся проезжей.

Сейчас же, наоборот снежные заносы на дороге оказались бы ох, как кстати. Упёрлись бы в сугроб, и пришлось бы останавливаться и, волен-с, неволен-с, браться за лопату. А уж лопата-то в умелых руках аргумент тоже далеко не слабый. Бывает, бывает и хорошая дорога для шофёра оборачивается чёрным невезением.

«ЗиЛ» пошёл на подъём. Вскоре впереди замаячили фонари Крутогорки. Шальную мыслишку, остановить машину, кликнуть на помощь людей и скрутить рецидивиста, пришлось отбросить. Люди-то, люди, да что толку? В старых советских фильмах, воспитывающих коллективизм, стоило положительному или, вставшему твёрдо на путь исправления, отрицательному персонажу оказаться в беде, как окружающие моментально вырастали рядом, подставляя натруженные плечи. Жизнь, к сожалению, немного отличается, даже от оптимистических американских боевиков с их всепобеждающими суперменами. Степенные деревенские обитатели, управившись со скотиной, теперь сидят перед телевизорами, либо ложатся спать. И даже услышав на улице крик или шум, то не вот так сразу выскочат. Да и выскочат ли? Кому охота вступать в чужие дела? Тем более, в ночное время. Значит, рановато действовать, нужно искать другие шансы.

Крутогорку трасса пересекает поперёк и затем, скатившись с отрога в болотистую низину, дальше снова ныряет в тайгу. И опять они один на один: машина с дорогой, Димка с разноглазым.

Машина, между тем, продолжала пожирать километры. Остались позади Минаевка, Большой кордон, Новониколаевка, Митрофановка.... Рукой подать оставалось до Асино. Не доезжая Челбаковского лога, они нагнали гружёный лесовоз. Прежде чем обогнать, тяжело пышущий дизельными выхлопами, «МАЗ», Димка некоторое время шёл следом, прижимаясь практически вплотную к корявым пикам хлыстов. Стоит лишь резко газануть, и его «ЗиЛ» врежется в косо обрубленные острые вершины. Передок – вдребезги, вентилятор – на радиатор, им с прилатнённым пассажиром – геройская смерть. Немного поразмыслив, Димка пришёл к выводу, что трагическая кончина в обществе отморозка, не самый привлекательный способ ухода из жизни. К тому же, неизвестно, что станет с водителем лесовоза. Если даже «МАЗ» удержится на трассе, попробуй-ка, постфактум, объясни наличие двух изуродованных трупов, получившихся явно не по вине крупозного воспаления лёгких или не известной доселе формы ящура.

Шоферская солидарность вкупе с абсолютно нормальным для любого живого, тем паче молодого и дышащего здоровьем организма, желанием жить и, кощунством воспринимающим саму мысль о неизбежности смерти, победили. Вздохнув, заложник, пока чрезвычайно пакостно складывающихся обстоятельств, поддал газу и пошёл на обгон. Именно во время манёвра, совершенно неожиданно, пришло решение мучившей его проблемы. Сразу полегло на душе. Хотя план, безусловно, достойный

громоподобных оваций мирового сообщества экстремалов, лично ему не сулил ничего хорошего....

Челбаковский лог он проскочил одним махом. На четвёртой. В том же темпе погазовал дальше. Димка прямо упивался скоростью. На поворотах машину заносило, и порой опасно. Он чувствовал, что колёса то с одной стороны, то с другой временами зависают над дорогой, но скорости не снижал, успевая вовремя крутануть баранку в нужную сторону. И машина послушно обретала теряемую устойчивость.

-Э, братка, куда ты гонишь? – Не выдержал разноглазый.

-Как куда? – Удивился Димка. - В Асино поспешаю. По домочадцам соскучился. Да и ты, мой друг, честно говоря, уже надоел. Из-за тебя натошак ехать приходится.

-Дело твоё. Только мне, один хер, скоро лоб зелёной разукрасят, а тебе-то, вроде, рановато боты застёгивать.

-Не дрейфь, мужик! Суждено быть повешенным, ни за что не утонешь. Проверено.

-Как знаешь. – Снова вернулся к философскому восприятию жизни пассажир.

Димка прекрасно понимал, что пока он за рулём, именно он хозяин положения. Видимо, понимал это и его угрюмый спутник, оставивший на время попытки взять ситуацию под контроль. Однако помнил Димка быстроту и ловкость действий своего визави, потому и не обольщался показной апатией опасного соседа. Ухо нужно держать остро, особенно в преддверии Асино, где есть железная дорога, стало быть, отпадёт и необходимость в автомашине. Весёленькая же перспектива убедиться на собственной шкуре в действенности старинного бандитского рецепта по заметанию следов: «Мешок на голову, вилы в бок и в колодец», нисколько не прельщала. Значит скорость и ещё раз скорость.

Показалось Асино. Ярко засветили в ночи наружные фонари и глазастые окна бензозаправочной станции. Доведётся ли когда-нибудь здесь ещё заправляться?

-Земеля, в Асино тебе куда? – С деланным безразличием поинтересовался предупредительный водитель.

Ответа не последовало.

-Ты что, оглох?! Али уснул?! – Громкая тактичность вопроса уже могла посоперничать с рёвом носорога в африканской сельве.

-Не ори, не дома... - Прохрипел разноглазый, оставив вопрос без ответа.

Чувствуя, что развязка приближается и, стремясь не прозевать нужного момента, Димка решил зайти с другого конца:

-Знаешь, мне лично без разницы, куда тебе надо. Я сейчас буду сворачивать в родное АТП. Здесь напрямик – рукой подать. Но до Крайней, по знакомству, мог бы подбросить.

-Братка, не понтуйся, забудь про АТП. – Среагировал навязчивый пассажир, - Меня доставишь на место и хилий, куда знаешь. Ясен перец?

-Ясен-то, ясен. Только где эта улица, где этот дом? – Пропел почти Утёсов.

-На «Нефтебазе».

Ну, вот, пункт назначения известен. «Нефтебаза» располагалась на другой окраине города, естественно, у самой железной дороги. Рядом первая остановка пригородных поездов – «Бараки». Понятно стало, куда целит его разыскиваемый милицией пассажир. Сядет ночью в поезд на глухой остановке, где милиция не водится, по определению, и покатит прямым ходом до бойкой станции Тайга. Там купит билет на любой проходящий поезд и – ищи ветра в поле. Страна большая и затеряться в ней – два пальца об асфальт.

С суровой неотвратимостью накатывал решающий момент, обыденного по началу, рейса. Наступала пора действовать. Местом для исполнения задуманного, Димка определил железнодорожный переезд. И вдруг ему нестерпимо захотелось жить, называется, – накатило. Вспомнил, что ещё и не жил вовсе. Только и успел окончить

десятилетку, да отслужить в армии, где и получил злосчастную шоферскую профессию. Небось, работай он, скажем, токарем или слесарем, не было бы и теперешней встречи с разноцветным бандюгой. Вспомнил и про мать. Досталось ей, вырастила его без отца. В последнее время частенько намекала, что давно ей пора внучат уму-разуму учить. А Димка с женитьбой не спешил. Хорошее дело, дескать, браком не назовут. Наконец, зацепила Надюха с Кайлушки, дак нет, на пути в тихую семейную гавань, обязательно, нарисуетя бородатая ворюганская рожа.

А, может, плюнуть на гражданина рецидивиста? Подбросить его до нефтебазы, или там до Баракон, пусть катится на все четыре стороны. Кто сказал, что шофера должны задерживать опасных преступников, отымать хлеб у нашей доблестной милиции? Опасная и трудная служба, с детства из песен всем известно, у скромных тружеников и незаметных героев Министерства Внутренних Дел. Водитель, согласно тому же песенному жанру, должен крепко держаться за баранку и наблюдать серую ленту дороги. При этом, ни о каких здоровенных уркаганах с охотничьими ножами под боком речи, вообще, не ведётся.

Однако Димке пришлось со вздохом признать неубедительность приводимых доводов. По большому счёту дело даже не в самоуважении, задетом самолюбии, достоинстве. Да и не в моральной ответственности за чудеса, кои, безусловно, натворит, оставаясь на свободе, сей бородатый субъект. Вернее, не только в этом. Если уж пацан просчитал намерения матёрого бандюгана, то у опытных уголовников, тем более находящихся в розыске, на подсознательном уровне выработано чутьё на опасность.

К сожалению, Димка представлял опасность, прямую угрозу свободе и жизни разноглазого. Так что мирно расстаться, помахав ручкой друг дружке на прощанье, не получится. Достойные представители криминальных кругов в подобных случаях предпочитают расставаться навечно и с гарантией, в виде контрольных выстрелов, при отсутствии огнестрельного оружия, без затей перережут горло. Ладно, покажем авторитету настоящий экстрим. Замерим толщину прямой кишки землячку.

-До «Нефтебазы» бензину может не хватить, - озабоченно почесал затылок Димка, - Указатель уровня врёт безбожно.

-Вези, докель хватит, - легко согласился пассажир, - Там, на месте и сочтёмся.

-Косарь для расчёта приготовил? – Кивнул Димка на нож, остриё которого, по-прежнему поплёскивало у его живота.

-Не блатуй, парняга, живи мужиком. Всё будет пучком, - осклабился, отодвигая нож, весьма довольный собой разноглазый. И желая окончательно успокоить шофёра, добавил, - Век воли не видать, бродяга, доставишь и свободен, как сопля в полёте...

Город спал. Дома глядели на улицу чёрными глазницами окон. Редкие уличные фонари кидали на дорогу неяркий рассеянный свет. Машина неслась по городской улице с той же бесшабашной скоростью, что и раньше. Благо, что, по-прежнему, ни единой живой души видно не было.

Автобусная остановка «Дружба». Против памятника Победы поворот на улицу Николая Довгалюка. Бывшую Трактовую, переименованную так в честь сотрудника милиции, погибшего при задержании вооружённого преступника. Поворот Димка прошёл с ювелирной точностью. Близилась кульминация, участники автородео вышли на финишную прямую. Финиш – железнодорожный переезд, правда, знал о близости финала лишь один участник заезда. На переезде стрелочники дежурят круглосуточно, у них имеется надёжная телефонная связь с дежурным по станции. А одним из условий блистательного апофеоза шоу на колёсах являлось наличие зрителей, можно зрителя, но обязательно с телефоном, позволяющим быстренько связаться с известным и, по-настоящему, профессиональным ценителем подобного рода зрелищ, абонентом «02».

Впереди показались красные мигающие огни переезда, с быстротой наплывающие навстречу. Двигатель привычно басил на максимальных оборотах.

«Пора», - определил Димка, прикинув на глазок расстояние. Близко от переезда, но без ущерба для него – второе условие успешности плана.

Димка вильнул рулём вправо, затем резко вывернул налево. Одновременно нажал на тормоза. Тормоза не подвели. Перед глазами враз замельтешило. Машина опрокинулась. Глухой удар, треск, звон и металлический скрежет слились воедино. Дополнил какофонию испуганный хрип разноглазого бугая:

-Твою мать! Удавлю, па – а - ла – а!!!

Позлорадничать Димка не успел. Яркая вспышка полыхнула перед глазами, наступила чёрная ночь. Он не слышал, как к месту аварии примчались вызванные перепуганной стрелочницей милицейский «УАЗ» и «РАФ» скорой помощи, как извлекали его и пассажира из безнадёжно изуродованной кабины, как оказывали первую помощь.

Очнулся он уже на больничной койке. Изрядно перемотанный бинтами. Тело саднило и жгло. Голова гудела и будто разламывалась на части. Перед глазами плавали огненные круги.

-Смотри-ка, вроде, пришёл в себя! – обрадовалась немолодая женщина, с добрым лицом, склонившаяся над ним. И с лёгкой укоризной покачала головой: - Стrojится, строжится над вами ГАИ, чтоб вы не лихачили, а вам всё неймётся...».

Димкина душа радостно затрепыхала: «Жив! Получилось, значит».

-А как мой пассажир? – забеспокоился он, вспомнив про бандюка.

-Живой, хоть тоже весь израненный, - успокоила медсестра.

-Где он?

-Его, почему-то сразу отсюда в Томск увезли. Видать, шишка большая. Да ты не переживай, мы тебя здесь быстрее на ноги поставим, - истолковав его беспокойство по-своему, посочувствовала она. - Главное, что оба живые, так что, поди, и без суда обойдётся. А машина, знаешь, железо, оно и есть железо....

-Ладно, переживём. Пережить можно всё, кроме своей смерти, - раздвинул пересохшие губы в улыбке пациент, - Ещё говорят, клопа танком не раздавишь, «Зилком», оказывается, можно. Экстрим, называется....

Сердобольная медсестра, решив, что аварийщик бредит, заботливо поправила одеяло и вышла из палаты.

Б О Й Ц Ы В С П О М И Н А Ю Т

-Пятисекундный запал всегда горит три секунды, - констатировал отец, смачным хрустом солёного огурца сопровождая в последний путь рюмку пятизвёздочного армянского коньяка.

Сын, только сегодня утром вернувшийся после двух лет службы в ВС СССР в звании старшего лейтенанта, с весёлым удивлением воззрился на ветерана запаса.

-Мудрость поколений? Или?..

-Или, да, да, или переподготовка умножает военные знания.

-Это из цикла: Боевой опыт приходит только после того, как потребность в нём отпала, - не ударил в грязь лицом и новоиспечённый отставник. – Надеюсь, с незабываемых партизанских будней, будоражащих и веселящих душу, гриф «Совершенно секретно» уже снят? Посему предание, замечу, не широкой огласке, и только некоторых славных страниц из жизни резервистов, не будет считаться тяжким преступлением против человечества?

-Скорее будет считаться мемуарами, - уточнил ветеран запаса.

-Офицерская переподготовка в приморском военном городке началась с экипирования нас по последней моде времён Великой Отечественной Войны, в солдатское х/б. Лишь погоны выдали офицерские. Затем собрали всех в Доме офицеров, где перед нами выступил замполит, добродушный с виду подполковник, с пространной беседой на моральные темы. Главный смысл сентенций убелённого

сединами бойца идеологического фронта сводился к тому, чтобы мы на время переподготовки напрочь забыли о существовании женщин и вино - водочных изделий. Попутно подполковник с товарищеской откровенностью подробно поведал нам о карах, кои постигнут (он совершенно уверен, немногих) нарушителей воинских Уставов и, боже упаси, нравственности.

Первым пунктом в назидательном перечне фигурировала гауптвахта. Далее предусматривалось предание широкой гласности аморальным «подвигам», с помощью писем на родину «героев» – в военкоматы, по месту работы, на членов КПСС – в родимый партийный орган.

Наконец, для полных отморозков в офицерских погонах могла быть применена крайняя мера, - досрочная отправка домой, с последующим вычетом расходов, связанных с пребыванием на сборах. Включая, конечно, и стоимость проезда в оба конца.

Не обошёл тактичный замполит и тему возможных потерь среди личного состава, связанных с венерическими заболеваниями. Так как местный лазарет принципиально не оказывает медицинскую помощь жертвам необузданной любви, последствия легко можно представить, включив немного воображения....

В общем, суровый адепт аскетизма (все мы любим проявления аскетизма в других), ясно дал понять, что переподготовка – дело не шуточное, не хухры-мухры в курортных местах, а нужное и полезное для нашей необъятной Родины занятие.

Знал, знал страж нравственности, от чего предостерегал. Военный городок располагался в живописном месте, среди зелёных дубрав на берегу прозрачной полугорной речки, петляющей между невысокими холмами, покрытыми густым орешником и другой, явно экзотической, растительностью. При полном отсутствии мошек, комаров и тому подобных гнусов. Эдем, одним словом.

Культомассовые мероприятия собирали немало гражданской публики, большинство, естественно, составляли представительницы прекрасного пола. Смелые декольте, мини-юбки, у некоторых модниц, напоминавшие пояса, поневоле настраивали доблестное запасное воинство на фривольный лад. Широкий выбор, выражаясь сухим официальным языком, спиртных напитков, в местном сельпо и в военторге, придавал набору окружающих соблазнов необходимую завершенность.

Наша жизнелюбивая православная страна, спору нет, являла миру прекрасные образцы воздержания и успешного противостояния мирским соблазнам. Но святые давно канонизированы, хотя, и здесь нельзя не согласиться, за тысячелетнюю историю христианства, их могло бы быть, куда как больше. Пока же, скорбные лики страстотерпцев скорее иллюстрируют исключение, подтверждающее правило....

Да и утверждение Екклесиаста, полагавшего, что *во дни благополучия пользуйся благом*, гораздо больше, чем подвиги праведников, воодушевляло храбрых воинов запаса. Жертвы в суровой схватке с искушениями становились неизбежными. И жертвы последовали....

Дело было в субботу. В этот день старший лейтенант Фёдор Иванович Кичко, назначенный на время сборов командиром нашего взвода, получил от жены перевод на 400 рублей. А надо сказать, Фёдор Иванович, вступив на командирскую должность, принялся муштровать нас по полной армейской программе, предназначенной для выбивания гражданской дури из голов желторотых новобранцев, с целью скорейшего воспитания из оных настоящих мужчин. (Многие из настоящих мужчин впоследствии частенько, уподобившись роженице из бессмертного фильма, кричат во сне «мама», проснувшись в холодном поту, крестятся, радуясь, что яркие, наполненные кошмарной романтикой, картины первых шести месяцев пребывания в армии, всего лишь сон...). Наши же, вполне резонные ссылки на офицерские чины успешно игнорировались. Да, не май месяц....

Однако вернёмся к субботе. Фёдор Иванович откомандовал до конца, вплоть до уборки территории и традиционной борьбы с сорняками. Затем испарился в

неизвестном направлении. Снова гостеприимное лоно военного городка приняло «...отца солдатам» только во вторник к обеду. Со следами великого похмелья на челе, трясущимися руками и красными, словно у окуня, глазами. Видно, перевод был употреблён с большой пользой.

После соответствующих нагоняев и разносов, последовали оргвыводы, вместе с досрочным прекращением полномочий командира взвода, снова сделавшие Кичко очень даже артельным мужиком. Но змей-искуситель продолжал испытывать Фёдора Ивановича. В следующую субботу нам выдали получку....

Когда на разводе на занятия в понедельник утром, новый взводный доложил командиру роты майору Тырышкину, что «присутствуют все, за исключением Кичко...», тот с досады матюгнулся, затем подошёл к строю, сердито оглядел нас и недружелюбно поинтересовался:

-Кто знает, где есть Кичко?

Фраза, согласитесь, ассоциируется с пристрастными допросами настоящих партизан, только вместо полагавшегося молчаливого презрения на предложение выдать товарища (плевок в лицо немецкому оккупанту выглядел бы в данных обстоятельствах, по крайней мере, неуместным), с левого фланга немедленно отозвался лейтенант Вятский:

-Я!

-Так... - неопределённо протянул ротный и строго заключил: - Тебе я не доверяю. Пойдёшь за ним со старшим лейтенантом Филиппенко. Возьмёте записку об арестовании и отведёте уважаемого коллегу на гауптвахту. Его, измученный алкоголем и многотрудными постельными упражнениями, организм, явно нуждается в отдыхе, я бы сказал, в продолжительном отдыхе. Суток пять, думаю, будет вполне достаточно.

Немного шокированный отсутствием доверия со стороны ротного, лейтенант Вятский пожал плечами: дескать, начальству виднее. Закончив, в своё время военное автомобильное училище, он хорошо усвоил главный армейский принцип: *я - начальник, ты – дурак, ты – начальник, я – дурак*. Да и многочисленные грешки, водившиеся за неприятельным лейтенантом, делали вотум командира роты не таким уж и беспочвенным.

Со старшим лейтенантом Филиппенко мы спали на соседних койках, и он потом рассказал мне, как разворачивались дальнейшие события.

Пристанищем блудному Кичко служил аккуратненький домик на окраине села. Посыльные застали его на верху блаженства. Он, похоже, только что продрал глаза и сидел за столом, наполовину одетый по форме №1 (трусы и сапоги), сапоги отсутствовали. Стол украшала початая бутылка «Московской» и немудрящая закуска. Рядом нежилась на пуховой постели сдобная боевая подруга старшего лейтенанта. При появлении нежданных гостей, она без особой торопливости натянула одеяло на нежно – розовый бюст и уставилась на вошедших лениво – оценивающим взглядом.

Самого же Кичко чрезвычайно воодушевило появление однополчан, он кинулся к ним с распростёртыми объятиями, впопыхах уронив стул.

-Здорово, братцы! Ох, и, кстати, же вы! Давайте-ка, присоединяйтесь, обрадуемся на троих! – потащил он их за стол.

-Но, Фёдор Иванович, мы ж к тебе по делу, - счёл нужным правильно расставить акценты Филиппенко и предъявил жизнерадостному пацифисту записку об арестовании.

Кичко бегло вник в содержание документа и ничуть не пал духом.

-Одно другому не помешает, - философски изрёк он, - Гости, - бросив взгляд на стол, продолжил он излагать слушателям основы жизненного кредо, с точки зрения любителя экстремальных забав, - как, впрочем, и рыба за три дня всё равно утрачивают свежесть. Остаканимся и вперёд, - на винные скла..., прошу пардону, на минные поля!

Здравые суждения опального старлея показали собеседникам вполне убедительными. Вятский мигом оказался за столом. Филиппенко степенно последовал

его примеру. Домохозяйка жеманно отказалась разделить общую трапезу. Настаивать никто не стал. Покончив с бутылкой, бравая троица решила двигать по назначению. Дружба дружбой, а служба службой.

На прощание, Фёдор Иванович, не моргнув глазом, сообщил даме сердца, что отбывает на пятидневные офицерские учения. Выйдя из хаты, указательным пальцем сверил кокарду на фуражке с линией сизоватого носа, поправил португеею (фуражка и португеея были приобретены в бытность командиром взвода) и важно зашагал впереди конвоиров, выглядевших, куда менее солидно, нежели он. И потому со стороны создавалось впечатление, что не они его ведут, а, наоборот, он старший какого-то офицерского патруля.

Гауптвахта располагалась неподалёку от военторговского магазина. Рядом с магазином имелся хитрый ларёк, торговавший, помимо продовольственных разностей, самой натуральной брагой на розлив. По 80 копеек за литр. Производился этот ядрёный, крепости необыкновенной, напиток из списанной карамели. Не пропадать же добру. И не беда, что от него вставные зубы, даже золотые, чернели.

Естественно, в преддверии чёрной полосы вынужденного пуританства, у Кичко не могло не возникнуть грешной идеи угоститься напоследок ещё и военторговской брагой. Для полноты ощущений. Дельное предложение встретило у подавляющего, в лице лейтенанта Вятского, большинства энергичную поддержку. Филиппенко примкнул на правах воздержавшегося.

Троица, со знанием дела, заняла исходную позицию в прибрежных кустах. Поближе к речке и подальше от посторонних глаз. В ларёк вызвался сходить самый молодой и скорый на ногу лейтенант Вятский. Вскоре он вернулся с трёхлитровой банкой браги и тремя стаканами, одолженными у продавщицы, под честное офицерское слово.

Банка быстро опустела. Последовало вполне резонное предложение повторить. Повторили. Моря стремительно мелели, на глазах превращаясь в лужи. Радость же, наоборот, переполняла и требовала выхода; Вятского и Кичко потянуло на подвиги. Дружным дуэтом они грянули популярную «Здесь под небом чужим...».

-Тише вы! – Попытался остановить водопад радости, извергнувшийся из широких славянских душ, не потерявший ощущения реальности Филиппенко, - Патрули же рядом.

-А, чихали мы на патрули! – Бесшабашно заявил, вошедший в раж, Вятский.

Справедливо полагая, что столь бурное застолье добром кончиться не может, Филиппенко вручил ему записку об арестовании, сам же поспешно ретировался в казарму. Позорно дезертировал.

Чувство долга, несмотря на ещё одну, опростанную уже только на двоих, банку, привело Вятского и Кичко на гауптвахту. Где они предстали перед изумлённым дежурным офицером, старательно тараща глаза, усердно и бережно подпирая друг друга. Заветы графа Суворова: «Сам погибай, а товарища выручай» не канули втуне. Попытки с видом лихим и слегка придурковатым доложить о доставке арестованного, лейтенанту Вятскому удались не в полной мере. Вернее сказать, за исключением демонстрации придурковатости, не удались вовсе.

Дежурный офицер, по достоинству оценив стойкость представителей запасного контингента, позвонил майору Тырышкину.

-Слушай, у меня тут появились твои два архаровца, - сдерживая смех, сообщил он, - На одного есть твоя записка об арестовании, а второй пытается выговорить слово «сопровожающий».

-Фамилия второго, случайно, не Вятский? – Заинтересовался Тырышкин.

-Точно так, Вятский. – Подтвердил прозорливость ротного дежурный офицер.

-Смело сажай обоих! На второго сейчас пришлю записку об арестовании.

Вскоре в офицерских *апартаментах* гарнизонной гауптвахты громко раздавался мужественный храп резервистов....

-Лейтенант, лейтенант, как горька судьба твоя, лейтенант, лейтенант, эта песня про тебя... - разрывал ясную тишь морозной февральской ночи рёв четырёх лужёных офицерских глоток. Квартет обосновался в одиночной камере Белогорской гарнизонной гауптвахты, так называемой «задержке», отнюдь не добровольно. Меблировку замкнутого пространства в три метра длиной и в два шириной, составлял «вертолёт» из плохо струганных досок....

Первая бутылка коньяка закончилась, на столе появилась вторая, и своё повествование о суровости армейских будней начал второй, младший из участников застолья.

-Зимнее утро для батальона выдалось ничем не примечательным. Однако скоро выяснилось, что в расположении части отсутствуют начальник штаба капитан Шумский и заместитель командира батальона майор Аржавитин. Жена Шумского, по совместительству секретарь – машинистка при штабе, тщетно скрывала обеспокоенность, её припухшие и покрасневшие глаза ясно указывали на бессонную ночь.

Ближе к обеду у дежурного по части раздался телефонный звонок и молодому лейтенанту, помощнику начальника штаба было приказано срочно выехать в город, забрать отцов – командиров и вернуть их в расположение родного батальона.

-Как кем было приказано? – удивился рассказчик, - Ими же и было приказано.

Картина, представшая перед глазами лейтенанта, по прибытии в указанную квартиру, поражала бесшабашным беспорядком и элегантностью туалетов присутствующих. Джентльмены расхаживали в лёгких плавках, леди в ночнушках. Одна из нимф при виде нового лица срочно принялась за поиски кашне, несколько удивившие видавших виды донжуанов.

Обескураженный своим полным невежеством в вопросах современной женской моды, Шумский вежливо поинтересовался:

-А что, Катрин, в лучших будуарах Лондона и Парижа сейчас пеньюары принято носить исключительно вместе с шарфами? Добавляет шарма?

-Ох, и шутник вы, товарищ капитан. – Прыснула смешливая девица, - В ихних будуарах бывать не приходилось. И в чём они там засекают, сиё мне неизвестно. Просто мужики, в последнее время особенно, чрезвычайно нетерпеливые попадают, вот юбка частенько на бедной моей шее и оказывается. Отсюда и кашне.... – дама стрельнула глазками в сторону вновь прибывшего и, томно потянувшись, продемонстрировала пышные формы, достойные кисти Кустодиева, - Кобели проклятые, - жеманно протянула рыжеволосая кокетка.

-Товарищ капитан, машина ждёт. – Засмутился лейтенант.

-Кого? – Вполне искренне удивился тот.

-Вас с товарищем майором. – Последовал исчерпывающий ответ.

-Попробую задать вопрос по-другому: На хрена нам сдалась машина? – и, оглядев стол, уставленный бутылками с водкой, разносолами и фруктами, осуждающе покачал головой, - Надо окончательно свихнуться, чтобы от такого общества и от такого стола отправляться к какой-то там, пусть самой распрекрасной в мире, машине. – Обернувшись к Аржавитину, произнёс с укоризной, - Вот так и кончаются великие армии. Уйдём мы, последние хранители гусарских традиций, а за нами-то, выходит, пустота. Вспомни, разве долго нас приходилось упрашивать старшим офицерам разделить тяготы армейской службы, подставить плечо в трудную минуту?

-Вовсе не приходилось. - Скорбно поджал губы одинокий, в смысле холостой, гусар. - Если мы видели, что старшие товарищи, проведя бессонную ночь в питье и веселье, пардон, героически преодолевая тяготы армейской службы, нуждаются в помощи и передышке, мы подхватывали из их ослабевших рук бутыл..., простите, знамя и подставляли стака..., и снова, пардон, задорно и с энтузиазмом подставляли свои руки и плечи, давая передышку их утомлённым телам и душам.

-Надеюсь, вам всё ясно, товарищ лейтенант. – Тон капитана не оставлял поля для манёвра. – Отпускайте машину и присоединяйтесь.

Действительно, попойка, получив новый импульс, заискрилась свежими тостами, анекдотами, искренним смехом, громкой музыкой и танцами. Незаметно летело время. Взглянув в очередной раз на часы, майор Аржавитин, на правах старшего по званию, глубокомысленно констатировал:

-Пора, - и вперив в Шумского строгий взор, процитировал классика, - Вставайте, граф, Вас ждут великие дела....

-Есть, мой генерал! Лейтенант, следуйте за мной! – После обнародования порядка выдвижения, обратился к поскучневшим наядам, - Трез агреабальман! – дождавшись с их стороны вялого вопроса, гордо пояснил, - Размеры нашей благодарности не имеют границ, естественно, в пределах разумного. Перевод с языка Дюма, Гюго, Стендаля....

-Сдаётся мне, у поименованных вами господ границы поболее будут, - смиренно молвила подружка майора.

-Некрасиво оскорбительными инсинуациями по поводу размеров опошлять высокие отношения противоположных полов. Обидеть норовите. Ах, милые дамы, готов сию минуту опровергнуть... - однако, увидев глаза дам, зажёгшиеся надеждой на опровержение, Шумский опомнился, - Но, труба зовёт! Засим, удаляемся, заметьте, унося немереную печаль в сердце.

Путь офицеров лежал.... В расположение части, подумали вы, и ошиблись. Во-первых, местное время уже около 20 часов, поздноато даже для отъявленных служебных фанатиков. По домам, предположили вы, и снова ошиблись. Во-вторых, в одном из двух белогорских ресторанов, - «Томи» наступал «час пик», местные красавицы и цвет гарнизона стекались на второй этаж гостеприимного храма чревоугодия. «Половинки брели в ночи, половинки сердец, быть может...».

Проследовав, строго соблюдая субординацию, первым майор, вторым капитан, замыкающим лейтенант, в гремящий зал ресторана, наши герои удостоверились, что свято место пустым не было. Слава Никитенко, батальонный «комсомолец» и командир первой роты Бугеря расценили появление однополчан несомненным знаком свыше, прямо указывающим на срочную необходимость дерябнуть во славу русского оружия. Следом трямснули за святость уз воинского товарищества, вспомнив Тараса Бульбу. Череда жизненных удач продолжилась.

Однако, как часто случайности переворачивают ход, казалось бы, прекрасно развивающихся военных кампаний, так и великолепному вечеру, не суждено было завершиться, по крайней мере, для четверых защитников Отечества, столь же великолепным финалом. В разгар глубокомысленных высказываний капитана Шумского, пояснявшего несмышленным лейтенантам, что, согласно последних научных исследований, женатые мужчины живут дольше, зато холостые – интереснее; в ресторане появился патруль.

Начальник патруля, оценив многоопытным взглядом, состояние воинского контингента, ведущего неравную битву с Бахусом и, не обнаружив на поле боя павших, уверенно направился к разглагольствующему капитану. Представившись, попросил его покинуть ресторан, видите ли, воинский этикет запрещает находиться в столь уважаемом месте в полевой форме одежды. В ответ выслушал развёрнутую тираду по поводу конкретного места, где именно капитан Шумский видел его, а равно его этикет, в тапочках исключительно белого цвета.

Отступление патрульного командира, последовавшее за этим, как вскоре оказалось, носило тактический характер. Дождавшись вызванного подкрепления, начальник патруля возобновил атаку на одиозного нарушителя воинских уставов. Вечер окончательно потерял томность, великосветская беседа двух знатоков армейских параграфов переросла в банальный мордобой, причём здесь, аргументы нашего

капитана выглядели повесомее (рост 190 см, вес 120, кмс по боксу). Пересвет отправил Челубея в нокаут, попутно сломав тому нос.

Остальные участники кулачной дискуссии, обменявшись тумаками, вняли голосу разума, флегматично вещавшего устами миловидной певицы с эстрады и предостерегавшего товарищей офицеров от битья посуды и ломания мебели, пусть даже об крепкие, кто бы сомневался, армейские головы. Всё прибывающие силы правопорядка добавили разуму убедительности. Потасовка, хоть и заняла достойное место в скрижалях истории гарнизонной гауптвахты города Белогорска, закончилась, не успев приобрести батальных масштабов. Для гусар всех времён чрезвычайно важно мнение прекрасных дам, тем более, усиленное микрофоном и многочисленными блюстителем армейского правопорядка.

Во время следования в ожидавший четверых арестантов «УАЗ» (майор Аржавитин избежал общей участи, т.к. среди прибывших на место столь замечательно начинавшейся сечи начальников патрулей, не оказалось равного, либо старшего по званию), на шею лейтенанту бросилась симпатичная молодая особа с криками:

-Не смейте забирать моего мужа! Изверги! - И озорно подмигнула слегка удивлённому молодому офицеру.

-К ужину меня, дорогая, не жди. – Грустно ляпнул первое, пришедшее на ум он, отнюдь не печально отвечая на далеко не родственный поцелуй шустрой незнакомки. - Береги себя и детей.

Сцена прощания затягивалась, сердобольные патрульные засмотрелись на молодых, судя по всему, бесконечно любящих друг друга супругов. Но офицер нашёл в себе, наконец, силы оторваться от, не по сезону, жарких объятий и (вот они узы воинского братства) проследовал к вольно развалившимся в многофункциональном автомобиле соратникам.

Старший лейтенант Бугеря с отеческой назидательностью произнёс:

-Воистину, если увидишь на улице мальчика, дай ему конфетку, а вдруг это твой сын.

Надо сказать собственные дети лейтенанта, равно как и его семья проживали примерно в трёх тысячах километрах от Белогорска. У бесстрашной декабристки ни детей, ни мужа, отродясь, не было.

...Репертуар квартета венчал «Гимн Советского Союза». За будущее великой армии можно было не беспокоиться. Эстафета поколений гусар находилась в надёжных руках.

Через неделю батальон погрузился в эшелон и отправился выполнять интернациональный долг в Афганистан. Лейтенанта провожала дочь начальника гарнизона, немало поспособствовавшая скорому и без последствий освобождению из «задержки» наших героев. Та самая озорная шустрячка из ресторана....

Кончилась вторая бутылка коньяка, да и приход мамы демобилизованного направил беседу в другое русло.

ТРУДНО БЫТЬ МЕДВЕДЕМ

Вертолёт МИ – 8 с небольшим грузом и людьми на борту ясным апрельским днём летел из «Пионерского» в посёлок Центральный Лугинецкого месторождения. Внизу, насколько хватало глаз, расстилалась необозримая болотистая тайга, уходящая за сиренево – дымчатый горизонт. При практически полном отсутствии ориентиров. Разве что трасса зимника, петляющая внизу параллельно курсу, да извилистые таёжные речки и белые проплешины многочисленных озёр, встречающиеся по пути, разнообразили однотонный земной пейзаж. Да, «Кругом тайга, одна тайга и мы посередине...».

Весна вступала в законные права и в этих северных широтах. Снежный покров приобретал грязноватый оттенок, темнел, подтаивал, обнажая на припеках бурые проплешины.

Экипаж вертолѐта внимательно оглядывал знакомые до мелочей таѣжные ландшафты. И не из праздного любопытства. Начинался так называемый пожароопасный период и всему лѣтному составу малой авиации, работающей в нефтеносных районах, было предписано особо внимательно обозревать землю во время полѣтов. На предмет своевременного обнаружения лесных пожаров. И любых других аномальных явлений. И, между прочим, самым строго соблюдать в воздухе правила пожарной безопасности, то есть не курить и не бросать с высоты непогашенные окурки.

Строгий запрет на табакокурение в небесах последовал сравнительно недавно. После того, как один дотошный лесник с картой в руках доказал, что лес горит летом исключительно вдоль трасс местных авиалиний. Поскольку же, воздушные суда заподозрить в распространении огненных катаклизмов оказалось невозможным в силу полного отсутствия с их стороны пожароопасных выбросов, то сам собой напрашивается вывод, что виной всему окурки, легкомысленно раскидываемые экипажами и пассажирами вертолѐтов. Не успев погаснуть никотиновые отбросы цивилизации, долетая до земли, с ужасающей наглядностью подтверждают истинность давнего ленинского утверждения, по поводу искры, с диалектической неизбежностью перерастающей в пламя.

На основании гипотезы, выдвинутой и документально обоснованной, склонным к аналитике защитником лесных ресурсов и было наложено строжайшее табу на курение во время полѣтов. Страшно подумать, суровая епитимья касалась даже начальства.

Экипаж МИ – 8 неукоснительно следовал последним инструкциям и, само собой, не спускал глаз с простирающихся внизу не богатых оттенками красот. Уже на подлѣте к посѣлку Центральный командир вертолѐта заметил странный серебристый фонтан. Мощная струя, вырываясь из земных недр, поднималась выше векового кедрача.

Те же полѣтные инструкции предписывали лѣтному составу, пролетавшему над нефтяными месторождениями, фиксировать и малейшие утечки «чѣрного золота» из скважин, либо нефтепроводов. Однако обнаруженный гейзер не подпадал ни под одно из многочисленных печатных описаний выбросов нефти или газа. К ярко горящим газовым факелам непонятное явление также явно не имело никакого отношения.

В салоне вертолѐта, между тем, поднялся заметный переполох. Среди пассажиров оказался представитель горнотехнической инспекции. Он, едва узрев загадочный фонтан, сразу определил его природу.

-Выброс сеномана! – заволновался инспектор, - Надо срочно радировать на землю! Поднимать всех на ноги! Вплоть до генерального директора.

Вскоре, начальник ТУРБа в Пудине, начальник НГДУ «Васюганнефть» в Стрежевом и генеральный директор объединения «Томскнефть» в Томске читали срочные радиogramмы с тревожным сообщением о самопроизвольном выбросе сеномана из скважины номер такой – то, в квадрате таком – то, месторождения такого – то.

Аварийные рычаги объединения незамедлительно пришли в движение. К месту выброса сеномана устремились люди и техника из нефтяных подразделений, работающих в районе Лугинецкого месторождения. Джинна, вырвавшегося из – под земли требовалось срочно законопатить обратно. Задача людей в борьбе со стихией изрядно облегчалась тем, что им пришлось иметь дело всё - таки с водой, насыщенной различными солями, а не с выбросами нефти или газа.

В данном случае упрощало укрощение скважины ещё и то обстоятельство, что оказалась цела колонна её оголовка, которая нередко срезается на время консервации.

Теперь следовало лишь на фланец этой колонны прикрутить задвижку. Задача не слишком лёгкая, учитывая громадное давление, рвущейся наружу воды. Но всё, в общем, было сделано как надо – задвижка прикручена, скважина закупорена специальным раствором, вместо сорванной с оголовка бетонной подушки залита новая, более надёжная.

Причину аварийной саморасконсервации старой скважины тоже установили. За два десятка лет, прошедших с момента её бурения, трубы проржавели, в них прорвался сеноман, залегающий на полуторакилометровой глубине и поэтому находящийся под огромным (порядка 150 атмосфер) давлением. Вот он и вышиб все закупорки скважины, словно пробку шампанского. Так примерно гласило официальное заключение комиссии.

Однако один мой знакомый таёжник настаивал на собственной версии развития событий на старой скважине. Причём утверждал, что являлся очевидцем злополучного происшествия.

...Медведь был голоден и зол. Свалывшаяся шерсть стояла на его загорбке дыбом. Он пёр напролом по внешней тайге, не разбирая дороги. Матёрого, но сильно отошавшего за зиму зверюгу злило абсолютно всё – и рыхлый рассыпчатый снег, ещё довольно глубокий в распадах, и быстрые пенистые ручьи, и корявые валежины, преграждавшие ему путь. Главной же причиной скверного настроения Михайлы Иваныча было то, что разбудили его совершенно не вовремя. Виновата безалаберность водителя вездехода из нефтеразведочной экспедиции. Врюхавшись по самую кабину в раскисшую колдобину, прямо у берлоги, разбитной первопроходец принялся газовать, натужным рёвом дизеля распугав таёжное зверьё. Мощная машина, выбравшись на сухое место, деловито покатила дальше.

А Михайло Иваныч, разбуженный диким грохотом, несмотря на героические попытки, снова заснуть не сумел. Шумное исчадие рук человеческих, к тому же прокопало окружающую чашобу выхлопными газами. Вонючий смрад скоро проник и в берлогу, пришлось хозяину тайги ломиться наружу подобру-поздорову. Свежий лесной воздух, в свою очередь, мгновенно разбудил соответственно и зверский аппетит. Суровая зимняя диета, рацион коей состоит из сосания собственной лапы, спору нет, способствует сжиганию чрезвычайно вредных для организма жиров и шлаков. Важно лишь не увлекаться, не возводить борьбу с лишним весом в абсолют. Медведь и не собирался увлекаться. Голод погнал его на поиски пищи. Но жиры с углеводами в столь неподходящую пору в тайге не валяются. Ни ягод тебе, ни грибов, ни свежих побегов на деревьях. А какую – ни наесть живность промыслить – нет мочи. Осталась слабая надежда на муравьиные кочки. Правда, от них проку, что бурундук наплакал, да ещё потревоженные мураши преобильно кусаются.

Шатун (и хоть коню понятно, шатун не по собственной воле, но всё – таки шатун) брёл, поводя носом поверху. Он чутко улавливал малейшие ароматы, тончайшие оттенки знакомых с детства таёжных запахов. Медведь считал себя хозяином довольно обширной территории. Регулярно обходил суверенные дебри вдоль и поперёк, бдительно следил, чтобы никто из нагловатых сородичей не преступал обозначенных им границ. В случае вероломного вторжения, нарушителя ждал скорый и жёсткий отлуп, непрощенный гость с позором изгонялся за пределы удельных владений. Сила – убедительный и единственный аргумент, признаваемый лесными обитателями при разрешении спорных вопросов.

Человек шарахнулся от него с громкими воплями. Михайло Иваныч решил, что эти странные двуногие существа не доставят ему и в дальнейшем особых хлопот, посему решил особого внимания на них не обращать. Хлипковаты для конкурентов.

Ошибся шерстяной абориген. Незваных пришельцев становилось всё больше. Они принялись бесцеремонно хозяйничать в его исконной вотчине – валить лес, воздвигать непонятные сооружения. Подобная дерзость чрезвычайно не понравилась таёжному старожилу. Он вознамерился, было шугануть развязных гостёчков, отвадить

от своих владений. Но те взяли моду передвигаться на огромных стальных чудовищах, громкий лязг и грохот коих, вкупе с клубами синего вонючего дыма напрочь отбивали охоту даже приближаться к одиозным детищам прогресса. Сравнив широкие рубчатые следы, оставляемые металлическими страшилами со своими, Михайло Иваныч впервые в жизни почувствовал собственное бессилие и унижительный страх перед непонятными пришельцами.

Если бы он читал газеты или слушал бы радио, то наверняка узнал бы, что в его владениях обосновались нефтяники. С помощью современной техники они рьяно принялись осваивать новое месторождение, получившее название Лугинецкого, по имени одного из первооткрывателей здешней нефти – Ивана Лугинца.

Но масс – медиа до неблагоустроенной берлоги косолапого бедолаги ещё не дотянули вездесущих щупальцев, потому испытывать симпатию к вахтовикам у медведя оснований не существовало. Плюс отвратительные запахи железа, мазута и отработанных газов. Правда, среди запахов, связанных с людьми, были привлекательные и даже аппетитные. Например, кухонные. Он подолгу со смаком втягивал их носом, тем, однако и ограничиваясь.

И вот теперь ноги сами несли его в заветном направлении. Ему оставалось лишь перейти небольшой быстрый ручей, и он окажется у вагончика котлопункта. Но страх, необоримый страх снова остановил его на полдороге. Потоптавшись в нерешительности, недовольно заурчал, повернул в сторону и подался в обход посёлка нефтяников.

Попадись ему здесь и сейчас человек, уже воздалось бы хомо сапиенсу за поломанную медвежью судьбину.

Разворошив со зла несколько муравьиных кочек, слегка заморив червячка, Михайло Иваныч вышел на обширную поляну, где опять ему в нос шибанул застарелый запах мазута. На глаза ему попался серый шершавый монолит, вроде валуна. Только правильной четырёхугольной формы, сравнительно небольших размеров. Судя по запаху, непонятная штукавина явно имела отношение к двуногим захватчикам, последних он уже физически терпеть не мог. Следовательно, валун подлежал немедленной порухе и уничтожению.

Михайло Иваныч для начала небрежно толкнул каменюгу одной лапой. Каменюга не шевельнулась. Толкнул ещё раз, посильнее – эффект тот же. Только лапу, без того изрядно покусанную злыми муравьями, зашиб. Неудачи вызвали у Топтыгина сильный прилив упрямой ярости. Обхватив неподатливый валун обеими передними лапами, попытался опрокинуть его, поднатужившись изо всех сил. Попытка вновь оказалась безуспешной....

Что за чертовщина? Бывало вгорячах, вон какие лесины с корнем выворачивал, а тут с чепуховой ерундой справиться не может. Ослаб за зиму, аль приболел?

Войдя в раж, наш Сизиф со злым остервенением раз за разом бросался на безответный кусок бетона. Раз за разом неудачно. Утомившись, он решил завалить злополучную каменюгу чем, попадая, чтоб не мозолила глаза. Схватив увесистый, в несколько метров длиной, обрезок ржавой толстостенной трубы, он со всей дури грохнул им по валуну. Покуражился чудненько, на загляденье оттопырился!

А уж, эффект – то, и вовсе превзошёл самые смелые ожидания косолапого вандала. Послышался пронзительный свист, вслед за тем, валун взмыл вверх, аки пёрышко, обнажив трубу, из которой с громким рёвом вырвался мощный водяной фонтан, взметнувшийся выше леса. На обалдевшего от неожиданности Михайлу Иваныча обрушился горячий солёный дождь. Бедняга опрофанился, с перепугу пустил злого духа, затем бросился наутёк что есть мочи....

Мой знакомец случайно оказался у места происшествия. Насмерть перепуганный медведь едва не налетел на него, проскочив совсем рядом и обдав весьма непотребными запахами. Сам же рассказчик, по его словам, тоже изрядно трухнул,

когда матёрый медведь чуть не сшиб его с ног. Громадный серебристый фонтан добавил зрелищу незабываемого колорита.

Медведь же, галопом одолев приличное расстояние от проклятого места, поуспокоившись, брёл по, ставшему таким опасным, лесу. Хотелось ему вернуться в беззаботное детство, хотелось снова прижаться к тёплому материнскому брюху, хотелось забыть, словно страшный сон, пережитый ужас. Хотелось плакать....

С ТОБОЙ ПРИХОДИТ В ДОМ ТЕПЛО?

-А Вы хорошо танцуете, - банальный комплимент, тем не менее, оказался несколько неожиданным. Женщина, назвавшаяся Мариной, смотрела на меня широко раскрытыми карими глазами, явно ожидая, приличествующих месту, ответных экивоков. Ведь любому приятно слышать подобные вещи в свой адрес. Ну что ж, я поблагодарил даму за танец, затем, воспользовавшись оживлённой суматохой, вызванной загремевшим в ресторане шлягером из репертуара моно – дуэта Андрей Данилко – Верка Сердючка, отошёл

Нет, не смущение вернуло меня за столик, подкорка подкинула ассоциации. Виртуальная дверца виртуальной машины времени открылась, приглашая прокатиться в прошлое. Двадцать пять лет, страшно подумать, двадцать пять лет назад в другом ресторане, за тысячи вёрст от Рубцовска, в точности эта фраза прозвучала предложением продолжить вечер. Я - молодой лейтенант, она – глазастая, подвижная хохотушка, с точёной фигурой, двадцати с небольшим лет от роду.

После закрытия ресторана проводил даму до места прописки оной. Вздохи и поцелуи приличествующие прогулкам при Луне, ни к чему не обязывали, но одновременно авансировали возможность неких, интересных отношений в дальнейшем. Как водится, пригласил девушку в кино и, как водится, сам не пришёл, то ли по причине занятости на службе, то ли по причине элементарной забывчивости.

Следующая встреча с Викторией, так звали прекрасную, но уже не знакомку, произошла в том же ресторане, куда мы с товарищем зашли несколько месяцев спустя. Товарища звали Серёгой. Симпатичный парень, про таких в характеристиках пишут: увлекается спортом, хорошо развит физически, военную форму любит, носит аккуратно.

Футбол – тема, на которую мы с Серёгой могли говорить везде и подолгу. Но не только говорить. Оба играли за сборную части, оба болели за ЦСКА. Кроме того, оба были двух - годичниками, оба закончили строительные институты, он – в Новосибирске, я – в Томске, оба командовали взводами. Нет, даже при очевидной общности интересов, здесь ещё следует упомянуть про шахматы, дружбы не случилось. Но сложились приятельские, уважительные отношения.

С эстрады образцового предприятия общепита (о чём свидетельствовала табличка на входе) томный женский голос возопил: - Дамы приглашают кавалеров!

Заметив краем глаза, направляющуюся к нашему столику Викторию, я приосанился, приготовил несколько шуточных фраз в качестве извинений. Однако последовал облом, заготовки превратились в интеллектуальный мусор, и их пришлось выбросить из головы. Выбор коварной изменщицы пал на моего визави, то бишь, Сергея Варламова. Поразмышлять об адекватности акции отмщения за сорванное свидание мне не пришлось, голубоглазая блондинка увлекла меня в центр танцующих.

Много копий изломали и умудрённые учёностью мужи и наивные дилетанты по поводу взаимоотношения полов, пресловутых любви и брака. Есть ли любовь? А есть ли любовь с первого взгляда? Вечные, как вечный двигатель, простите за тавтологию, вопросы

А так как в нашей армии пики, являющиеся разновидностью копья, сняли с вооружения в 1938 году, то мне на этом ристалище и преломить – то нечего. И всё – таки, с моей точки зрения, процесс выбора партнёрши, либо спутницы жизни во многом сродни выбору обуви.

Ну, посудите сами, дорогие модельные туфли безусловно хороши для ресторана, театра, официальных приёмов. Если же вы попытаете их использовать для повседневной носки, неприятности вам гарантированы, ступни ног запросто искалечить можно. И не приведи господь попасть в стильной обуви под дождь на улице! Пара безнадежно испорчена.

Точно так же с броской, красивой женщиной уместно и престижно находиться в ресторане, театре, на официальном приёме. Но женишься на взбалмошной красотке – и намаешься! Непогода в доме гарантирована. Грустная истина: *счастье иметь красавицу жену, но горе иметь такое счастье*, не делает исключений и для гениев. Вспомните, чем закончилась история любви Пушкина и Анны Керн? То – то и оно, трезной по Александру Сергеевичу.

Сказанное выше применительно к повседневной обуви и домашним женщинам выглядит наоборот.

Однако, есть третий тип обуви, симбиоз крепости и изящества, вот в них - то одинаково удобно и в присутствии, и дома, и на улице. Им не страшна непогода, они верно служат вам многие годы. Думаю, вы со мной согласитесь, что обувь с подобными тактико – техническими характеристиками отлично научились делать в Германии (пример – фирма «Salamander»), а женщин - в России.

Мне показалось, именно представительница прекрасного пола третьего типа, по приведённой выше классификации пригласила меня на танго. Роскошная фигура (Рубенс отдыхает), рост на шпильках подстать моим ста семидесяти восьми сантиметрам, правильные славянские черты лица, с чуть полноватыми губами. Большие глаза посмотрели на меня строго.

-Ба, поздравляю, похоже, рукавички-то у девушки ежовые! – Оптимистично отметил мозг.

Я тоже посуровел лицом, и в этот момент холодной официозности анфаса моего лица позавидовала бы и моя же фотография в личном деле.

Но тут последовал залп: широкая улыбка ослепила, а синхронно полыхнувшие бездонной синью огромные глаза напротив, снесли не только маску официозности с анфаса башни, но, похоже, и саму башню тоже.

-Лена. - Грудной тембр её голоса окончательно доконал меня. Поубивал бы этих вездесущих гименеев!

-Александр. - Попытался увернуться я от маленьких крылатых сводников.

-Не смешно, - рассмеялась девушка, - Мне прекрасно известно ваше имя. Зовут вас Вадимом. Или я не права?

-Сермяжно, сермяжно правы. – Легко капитулировал я. Ну, а Александр, - почесав нос, выпустил я облако тумана, - Не буду распространяться про рабочие имена, военные псевдонимы. Просто напомним, что имя сие означает *защитник слабых*, - скромно потупив взор, я признался, - К стыду забыл, греки или латиняне запатентовали бренд....

-Дальше можете не продолжать. - Подхватила Лена. - Попробую закончить вашу мысль, ...а так как военные тоже чего – то защитники, следовательно, все они в некотором роде Александры.

-Папа – медиум, мама – ворожея, а вам дурные гены покоя не дают. - Обречённо угадал я. – Но, даже изьяны в наследственности не дают вам право проводить бесчеловечные эксперименты над людьми. Имена угадывать, мысли читать. Может, ещё потребуеете и ручку позолотить?

Партнёрша снова рассмеялась. Отвергнуть обвинения не успела, танец закончился.

Лена оказалась из вполне приличной семьи. Однако к концу вечера мне стало совершенно понятно, зачем изувер Левша, подковал блоху. Изощрённый садист, думается, хотел, на потребу публике, заставить ту сигать через магнит. Или не было тогда магнитов? Хотя не важно. Я – то, похоже, свой магнит не перемахнул....

Время вернуться к Виктории с Серёгой. Шабаш купидонов, вкуче с амурами (дело происходило в Амурской области), собравшихся покучковаться под музыку, опять же, не Вивальди, приносил ощутимые результаты. Из первоначального ресторанного хаоса и шума, стали образовываться парочки, явно нашампуренные бедовыми стрельцами. Хотя и без вмешательства херувимчиков, скороспелая любовь для увеселительных заведений, где мерилом красоты является количество промилле алкоголя в крови, – дело вполне обыденное.

К сожалению, в случае с Викой и Серёгой, пьяная мимолётная любовь ни при чём, именно работники небесной канцелярии расстарались максимально серьёзно. В Серёгу вообще попала стрела, подозреваю, гарпунного калибра. Рана в сердце оказалась фатальной. Футбол, шахматы попали в опалу.

Фавор Вики на глазах изумлённых армейских сотоварищей быстренько превращался для Серёги в идефикс. А, так как, подобного рода умственные расстройства, вызванные обширными любовными инфарктами, как правило, излечиваются лишь маршем Мендельсона, то вскоре была назначена и дата коллективного прослушивания популярнейшего в стенах ЗАГСа музыкального произведения. Расписываться в качестве свидетелей пригласили нас с Леной.

Серёга вызвал из Новосибирска родителей. Командование части выделило предполагаемым молодым двухкомнатную квартиру. Казалось бы, живи и грейся теплом семейного очага. Не пожилось и не погрелось....

Что служба в армии существенно отличается от жизни на «гражданке», понятно любому сопляку. Уж чем, чем, но мёдом почётная обязанность каждого гражданина нашей великой державы, этому самому гражданину точно не кажется. К тяготам, кои следует бодро преодолевать, относятся и многочисленные наряды на службу. Да, наряды....

За неделю до свадьбы кандидат в мужья заступил в наряд дежурным по части. Каждый шаг дежурного, известное дело, чётко прописан в Уставе. Но Серёга прослужил почти год, естественно успел забуреть. После отбоя, прихватив с собой дневального, отправился, чёрт догадал, обустроить семейное гнездышко. А ведь многие поколения службистов, буквально кровью выписывали и полировали параграфы воинских законов. Дух и буква армейских канонов наперебой загомонили вслед нарушителю: *Остановись! Не имеет право дежурный по части покидать расположение части!* Серёга не услышал. Гарпун в сердце – штука серьёзная.

Офицер открыл дверь квартиры собственным ключом, прошёл в спальню, врубил свет. Попробовал не поверить своим глазам, затем уцепился за мыслишку, что попал в чужую квартиру. Но нет, зрение не подводило, и квартира была его. Только на кровати, рядом с Викой возлежал неизвестный субъект мужеского пола. Судя по эполетам, обмундирование, висящее на стуле, принадлежало не севильскому и не цирюльнику, а старшему лейтенанту внутренних войск.

Любовники вскинули головы и с ужасом уставились на Серёгу. С одной стороны – готовый сюжет для анекдота, с другой – никому из участников пока немой сцены, отчего – то не смешно. Сладкая парочка, в унисон сделавшись белее мела, в унисон же мечтала оказаться не здесь и не сейчас. По крайней мере, не сейчас. Аналогичное желание явно выказывал и дневальный. Потрясённому же до глубины души Серёге просто расхотелось жить. И философиями на тему, мол, их, других, полным - полно, тут не поможешь. Любовь, не в мозг, не в желудок или в селезёнку, но, к несчастью, с бесцеремонностью уже упоминавшегося гарпуна, селится в сердце, а сердцу, всем известно – не прикажешь.

Хотя, отстранённо взглянув на возникшую ситуацию легко можно, кроме очевидных минусов, обнаружить и столь же очевидные плюсы.

-Репутация пострадает? Есть немного, но далеко не смертельно. Народ позубоскалит, ментальность такова, ну не удастся обойтись без приколов и подначек. Что ж, людям свойственно, время от времени разбиваться и не только о камни, каждому своя планида. Набитые же шишки умножают мудрость. Приобретается тот самый опыт, который трудных ошибок сын. Правда, взбесившимся гормонам опыт, свой ли, чужой ли, по барабану.

-Конечно, перед родителями стыдновато. Едут на свадьбу сына... Однако даже просто повидаться с сыном, согласитесь, не последнее дело.

-Инцест? Измена? Но поход под венец ещё не случился. Потому, глаза открылись практически вовремя. Короче, обувь не подошла, её требуется сдать обратно. И всех делов.

Коротенькое резюме: Жизнь частенько манит светом в конце тоннеля, который оказывается, при ближайшем рассмотрении, огнями встречного поезда. В подобных случаях, важно заблаговременно покинуть рельсы. Не будет лишним вспомнить и про перстень, подаренный царю Соломону – *и это пройдёт тоже*.

К несчастью, ждать здравомыслия от Серёги, застигнутого женским вероломством врасплох, не приходилось. Кровь набатом лупила по вискам, мавру по имени Отелло становилось тесно в бранных телесных габаритах, он рвался наружу метелить старлея, крушить всех и вся. Психологи придумали термин – состояние аффекта. Ну что ж, крупный, спортивный лейтенант, вооружённый пистолетом Макарова, с аффектом, бьющим через край, способен внушить, вне всяких сомнений, ужасный ужас людям в кровати. Гнетущая пауза затягивалась....

Серёга гвоздил взглядом любителей попеть в терновнике к спинке широкой двуспальной кровати, должной, но не ставшей супружеским ложем. Казалось, пресловутая старуха в белом сарафане приветственно помахивала им литовкой из дверного проёма.

Неожиданно, подобие улыбки исказило лицо нежданного или, если хотите, незваного гостя.

Старик Эйнштейн с его теорией относительности всплыл, подобно спасительной соломинке, в разгорячённом подсознании офицера. Вспомнилось Серёге популярное объяснение самим автором идеи всеобщей относительности. Допустим, вы сидите пять минут на скамейке в парке с любимой девушкой. Время пролетит незаметно. Если же вам взбредёт в голову просидеть те же пять минут на раскалённой сковородке, тут уж секунда покажется вечностью.

Да, - вступил офицер в заочную научную полемику, - теория – то грешит натяжками. Вот старлей не сидит, а даже лежит, вполне возможно, с любимой женщиной, вроде раскалённой сковородки поблизости не наблюдается, а время для него наверняка застыло. Следовательно, не суть важно с кем, а суть важно где. Замыкая логическую цепочку, уткнулся в изречение: - «Зачем любить, зачем страдать, ведь все пути ведут в кровать». Получился бы из лейтенанта нормальный циник. Видит Бог, получился бы.

-М – да, была без радости любовь, разлука будет без печали? – Серёга, тем не менее, печально обвёл взглядом комнату. – Может, выпьем чаю? – Вяло прозвучало предложение.

-Сейчас, мой родной, - женщина засуетилась, выказывая буквально собачью преданность. – Сейчас, милый.

-Не, не, милый, родной, это, пожалуй, теперь не ко мне. – Грустно расставил акценты Серёга. – Твой милочка вон, на шконке развалился. Кстати, ты забыла нас представить. А, ведь может статья, это твой брат приехал с севера. Может быть командир твоим братом? Почему бы и нет, а, Вика?

-Командир, - переживаемый стресс давил на Вику, - моим братом? Кто?

-Мужчина без пальто! – Вскинулся Серёга. Затем устало продолжил. - По поводу братьев поясню, - братья бывают разными: братьями по крови, братьями по разуму, братьями по несчастью. - Серёга запнулся. - Стоп, отставить, не братья, скорее - друзья по несчастью. Есть ещё братья во Христе. Наш случай, со всей возможной очевидностью относится к весьма распространённой категории братьев во сексе.

-Серёжа, это совсем не то, что ты думаешь... - Промямлила потерянная и разбитая Виктория.

-Верю, охотно верю. У вас, побей меня Бог лаптями, здесь скачки. Да, да, скачки. Дерби жеребца с кобылой. - Голос излучал лекторскую размеренность и спокойствие, но лицо.... Попробуйте представить себе лицо обиженного ребёнка, у которого отобрали любимую игрушку.

-Ну, а кто же тогда я? – Раздумчиво и вслух заинтересовался обманутый почти муж. – Всяко - разное, выходит, я ленточка ваша финишная.

Старший лейтенант, дотоле молчавший, прервал Серёгу, - Аудитория, лейтенант, у твоих ног. Излагаешь красиво. Это с одной стороны. А с другой стороны, сам подумай, ничего уже не попишешь, и ничего уже не изменишь. Что случилось – то случилось.

Парень явно оклемался от пережитого шока. На беду....

-Пожалуй, ты прав. - После некоторого раздумья, буркнул Серёга. Раздумывать было особо нечего, поскольку решение он принял ранее. – Да, к несчастью, ты прав, командир, – ничего уже не изменишь. Поздно пить боржоми.... Чёрт с вами. Вика, ключ оставишь у соседей.

Он забрал дневального и ушёл....

...Много лет мне не даёт покоя история, приключившаяся в городе Белогорске. Смог бы, окажись я на серёгином месте, уйти, хлопнув дверью? Не смог бы? До сих пор ответа на этот вопрос у меня нет. И всё же, под спудом прожитых лет, я склоняюсь к мысли, что ушёл бы. А вот Серёга не ушёл.... Случился не его день, вернее будет сказать, случился его последний день. Придуманный мной happy end, исключительно плод моего воображения.

...Не сдюжил хлипкий гений Эйнштейна супротив рьяного мавра. Вырвался борзый ревнивец из слабых объятий относительности. Всегда ли проливается кровь, там, где любовь? Конечно, нет. Но в данном случае, слова непритязательной песенки оказались трагическим пророчеством. Пистолет Макарова оказался тем самым ружьём на стене, которое должно обязательно выстрелить в конце пьесы.

Слова старшего лейтенанта оказались его последними словами. В квартире загрохотали выстрелы. Жуткий кошмар, главное, при полном отсутствии на улице вязов, состоялся. Обе обоймы были расстреляны. Вика и безвестный старший лейтенант умерли на месте. Серёга, пустивший себе последнюю пулю в висок, скончался той же ночью в гарнизонном госпитале. Спасся лишь дневальный, спрятавшийся у соседей.

Мавр, привычно натворив дел, удалился в компании отлетающих душ. Куда? Искренне надеюсь, что души – то, на небеса, к вратам, при коих привратником служит святой Петр. Ведь мученическая смерть, сама по себе, является искуплением, пусть и смертных грехов. Или я ничего не понимаю в теологии?

Описывать горе родителей, родственников убиённых не берусь. Нет слов.

Понаехавшие в часть комиссии добавили горя и строгачей командирам.

Многие из моих сослуживцев, с тех пор обязательно звонят перед возвращением домой. Меньше знаешь, - крепче спишь. Я же, случается, думаю о не бесполезности забывчивости, избавившей меня от практического тестирования своих, теперешних подспудных суждений.

Иногда мне снится стадион в городе Белогорске. Снится Серёга, который «возит» нескольких игроков команды соперников и ждёт, ждёт. Ждёт, когда же я

откроюсь. Наконец я открываюсь, мяч услужливо ложится на мою ногу. Бывает, успеваю забить, бывает, просыпаюсь...

...Принесли заказанный мной кофе и счёт. Уже в гардеробе меня настигло: «Дамы приглашают кавалеров!». Метафизические совпадения продолжались. Зазвучала та самая мелодия, ставшая роковой для Вики и Серёги: - «Хотелось счастья мне с тобой найти, а оказалось нам не по пути...».

-Ну, вот, похоже, и нам не по пути? – Вошла в гардероб Марина. – Могли бы, и проводить девушку.

Конечно, проводил. По дороге, то ли я отпустил машину времени, то ли машина времени меня.

Осталось добавить, что Лена, вскорости после той, теперь уже давней истории, уехала. Искать её я не стал. Подтверждать или опровергать утверждение: «Мужчине Богом предназначена только одна женщина, не встретишь её – останешься счастливым», оказался малодушно не готов. Слишком уж яркая и трагичная иллюстрация этой темы случилась на моих глазах в Белогорске.

ВЫГОВОР АФАНАСЬИЧА

Афанасьич нервничал. Он то и дело брякал машинным телеграфом, требуя то прибавить, то убавить скорость хода. На «Костромиче» отсутствовало дистанционное управление и Мишке приходилось париться в машинном отделении, выполняя требуемые команды, сыпавшиеся одна за другой с неумолимой беспощадностью.

Жаром, словно от печки, несло от гремучего дизеля и прокалённой солнцем палубы. Дышать, несмотря на распахнутые иллюминаторы, было совершенно нечем. Подняться же наверх, охолонуть, глотнуть свежего речного воздуха не представлялось возможным. Афанасьич не давал передышки.

«Теперь вымотает душу» - уныло размышлял Мишка, недружелюбно поглядывая на беспокойную стрелку машинного телеграфа.

Ладно бы за дело! А то, подумаешь, опоздал слегка. Ну, допустим, без, так называемых, уважительных причин. Подзадержался вчера у одной симпатичной знакомой. В результате – проспал. Небось, и сам Афанасьич в его-то, Мишкином, возрасте просыпал. И опаздывал. Наверняка. Все люди из одного теста вылеплены. Мог бы, хоть иногда, понять и посочувствовать. Ан, нет. Меряет подчинённых на свой теперешний аршин. По очень уж, строгому, прямо гамбургскому, счёту.

Мишкины уши запылали при воспоминании о том, как его сегодня утром встретил Афанасьич. Нет, он не кричал, не ругался, даже не спросил о причинах опоздания. Лишь выразительно посмотрел на массивные карманные часы, смерил обжигающим взглядом из-под сивых, щетинистых бровей и веско изрёк:

-Шалопай!

Словечко, между прочим, частенько употребляемое капитаном их речной посуды. В зависимости от настроения, могущее иметь и различные интонации. На сей раз, оно резануло слух, похлеще пощёчины. И это при многочисленных свидетелях. На палубе толпилось десятка полтора сплавщиков, направлявшихся на Рейд. Шумная орава, не привыкших лезть за словом в карман, работяг, принялась изошряться в остроумии, по поводу достославных речников, особливо любящих поспать, в силу странного устройства их организмов, именно в разгар навигации. Зубоскалы принялись с энтузиазмом обсуждать вопрос, стоит ли привлечь для разгадки феноменальных способностей покорителей речных просторов наше научное сообщество, либо для пущей объективности пригласить зарубежных светил. Нехай, поломают мозг!

Афанасьич, которому явно не понравилось досужее острословие пассажиров, недовольно покосился в их сторону, затем с достоинством удалился в рубку. Мишка поспешил скрыться в машинном отделении. Едва он успел прогреть дизель, как стрелка

машинного телеграфа дёрнулась, требуя приводить «Костромич» в движение. А потом и пошла дёргаться....

Лишь где-то к полудню суматоха кончилась. Катер подчалил к месту своей постоянной стоянки, близ рейдовской конторы. Стрелка ненавистного телеграфа замерла в нейтральном положении. И тут же в люк машинного отделения свесилась буйноволосая голова их единственного матроса Васьки.

-Перекур с дремотой! – прокричал он, перекрывая шум дизеля. – Обед, тоись. Но, сперва, пожалте на профилактику.

Одарив Мишку жизнерадостной улыбкой, Васька исчез.

Спешить для снятия «стружки» Мишке, по вполне понятным причинам не хотелось. Поднявшись на палубу, он с наслаждением вдыхал полной грудью ядрёный речной воздух. Рядом с весёлым шумом и гамом хлюпались в воде рейдовские мальчишки. Пацаны ныряли и плавали в полное своё удовольствие, блестя бронзовокожими телами. Острая зависть к беззаботным купальщикам полоснула сердце. Эх, самому бы искупаться! А то его клетчатую «шотландку» - хоть выжимай. Глаза заливает солёным потом.

Но, отложив с видимым сожалением водные процедуры до лучших времён, Мишка направился в кубрик.

Афанасьич сидел за столом в неизменном кителе и потёртой мичманке. Худощавое обветренное лицо его хранило непроницаемость.

Васька расположился на диване. Застиранная тельняшка подчёркивала его принадлежность к морским, пардон, конечно, речным волкам. Незнакомые с расчёской рыжеватые вихры юного флибустьера торчали в разные стороны в живописном беспорядке. Курносая, слегка конопатая Васькина физиономия отображала олимпийское, под стать капитанскому, спокойствие. Да, на сей раз, не он был «именинником», не ему, стало быть, и проявлять эмоции.

Мишка присел рядом с ним. Ожидая грома и молний, нахохлился. На открытом, скуластом лице его явственно читалось: - Посмотрим, дескать, что мне тут говорить станут, а то и у меня, вполне возможно, кое – какие резоны найдутся. Не такой уж я и разгильдяй, чтобы из – за пустякового опоздания так порочить перед честным народом, да потом ещё особую профилактику устраивать.

Однако громов и молний не последовало. Афанасьич оглядел подчинённых усмешливым взглядом и, будто продолжая начатый разговор, произнёс:

-В общем, можете меня поздравить.

-С чем Афанасьич? – живо заинтересовался Васька.

-С выговором.

-Это, за какие же такие грехи?

-За сегодняшнюю задержку с выходом.

-Креста на них нет! – от недавнего олимпийского спокойствия обладателя рыжей шевелюры не осталось и следа. – Да мы и запоздали – то минут на десять, не больше!

-На пятнадцать, - уточнил Афанасьич.

-Подумаешь, делов куча! Что, за пятнадцать минут Чулым пересох, что ли?

-Оно, конечно, Чулым не пересох, - покачал головой Афанасьич, - а вот с плотом дела обстоят похуже.

-С каким ещё плотом.

-С очень даже ценным плотом, плотом целевого назначения. Прибыл отборный лес, сплошь пиловочник, сюда сегодня по утру, чуть раньше нашего, а сопровождать его по Курье к восьмирамному цеху оказалось некому. И пока он торчит без пользы здесь, на рейде, на восьмирамном, поди, потоки останавливаются. Либо пилят, чего попало – лишь бы кубатуру давать, гонят пиломатериал самых распоследних сортов, словом, крестовый брак. Да, не зря мне выговор влепили, не зря....

-Но, ведь, это же я во всём виноват! – подскочил с места Мишка, - меня и должны наказывать!

-Погоди, не спеши, как говорится, поперёд батьки в пекло, - хладнокровно осадил его сивобровый командор, - не минёт и тебя чаша сия. Обязательно получишь заслуженную «благодарность». Но суть не в том. Я хочу, господа вольноопределяющиеся, чтоб вы хорошенько пошевелили извилинами над сегодняшним случаем и намотали на ус следующее – на любом производстве, наше не исключение, всё взаимосвязано. Кто-то сразгильдяйничал, а аукнулось другим, общие усилия пошли насмарку.

-За всех не скажу, а нашим премиальным обязательно аукнется, - поскрёб нечёсанный затылок, равнодушный к материальным стимулам Васька, - Где-то я слышал, что время, которое мы имеем, это деньги, которых у нас нет....

-Вот, вот, только время подороже будет любых денег. Даже за огромные тыщи нигде не купишь минутки лишней. У самых авторитетных богов никакими молитвами одной секунды не вымолишь. Потому, молодые люди, учитесь время ценить и беречь. Не тратить попусту.

-Да, я так, к слову.... – заоправдывался Васька, видя, что его реплика не на шутку зацепила Афанасьича.

-И я к слову, - не отступал тот, - Ты о своих премиальных затужил, а мне известны случаи, когда потеря нескольких минут коверкала целые человеческие жизни. Аукалось, вот прилипло словечко, по полной программе!

-Расскажите, товарищ капитан, а? – Заегозил Васька. Неожиданный, даже для него самого, выверт с переходом на «вы» и употреблением официальных терминов вызван был вполне понятным стремлением повернуть разговор в более безопасное русло.

-Всё равно сейчас обед, - поддержал его и Мишка, движимый собственно теми же мотивами.

-А обедать, кто за вас будет? – попробовал отговориться Афанасьич.

-Да успеем ещё!

-Ну ладно, слушайте... - Афанасьич посмотрел на часы, затем через иллюминаторы глянул на Чулым, и не спеша начал:

-Было это в Таллинне, в самом начале войны. Служил я тогда старшиной на торпедном катере. Молодой лейтенант командовал нашим торпедоносцем. Надо сказать толково командовал, даром, что молодой. Конечно, торпедный катер, не линкор, не крейсер, даже не эсминец, но всё же это полноценная боевая военно-морская единица. И командовать им доверяют далеко и далеко не каждому, тем паче сразу после училища. А ему вот доверили.

Думаю, далеко пошёл бы наш лейтенант, если бы не тот случай, о котором я и хочу рассказать.

Когда стало окончательно ясно, что Таллинн нашим войскам не удержать, поступил приказ передислоцироваться в Кронштадт. Дивизион торпедных катеров, согласно диспозиции командующего флотом, должен был следовать с третьим, последним караваном.

Загрузились под завязку, дело нехитрое и знакомое, боеприпасами и продовольствием. Осталось отдать швартовы и – в поход. Тут вызывает меня лейтенант. Предстаю я пред светлы очи начальства, с готовностью выслушать последние наставления перед выходом в море, а, может, чем чёрт не шутит, и тяпнуть по махонькой «на посошок». Однако командир изрядно меня удивил и огорошил:

-Понимаешь, старшина, мне нужно на берег отлучиться. Очень..., - помялся немного и продолжил, - Короче, остаёшься на время за меня....

Да, ситуация, моё положеньеце вмиг стало похуже губернаторского. Не скрою, зароились в моей голове мыслишки о дезертирстве и тому подобных симуляциях.

Посудите сами, бравый доселе вояка, в столь ответственный момент вдруг надумал смотаться с катера. И явно не по служебным делам. Мнётся, глаза отводит....

Будто прочитав мои мысли, он принялся торопливо объяснять:

-Плохого не думай. Здесь неподалёку живёт моя невеста. Я решил забрать её с собой, в Кронштадт. Знаю, конечно, знаю, - предупредил он мой незаданный вопрос, - что не положено брать на борт посторонних. Но и уйти без неё не могу. Понимаешь?

Чего уж тут не понять! Я и сам в те – то годы за девками ухлёстывал, будь здоров. Занятие дюже завлекательное. Но в амурах, как, впрочем, и во всех азартных играх, голову необходимо держать холодной, не терять способности соображать. «Наше дело не рожать...» - дальше вы знаете.

К несчастью, выпускник мореходки, похоже, утонул. Причём утонул не в море, а, ирония судьбы, в сентиментальных слюнях. Любовь называется. Разыгрались гормоны не на шутку. Понимая полную беспомощность здравого смысла в борениях с роковыми страстями, я, тем не менее, предложил лейтенанту именно здраво помыслить. Напомнил о войне; о женщинах на борту, носителях беды; предложил, наконец, отложить встречу до лучших времён, ведь не навсегда же мы уходим из Таллинна. Призвал на помощь юмор, сравнив любимую девушку с бутылкой вина, а жену с бутылкой от вина. Ноль эмоций. Мой заключительный аргумент: - На кой ляд она, вообще, тебе сдалась? ... - ожидаемо повис в воздухе.

Он ушёл, пообещав вернуться минут через десять.

Музыка любви звучала в ушах лейтенанта. В наших же ушах зазвучала другая музыка, это снаряды немцев начали рваться на территории порта. В бухте всё пришло в движение. Корабли нашего каравана, торопливо занимая походное положение, покидали рейд. Пора и нам убираться подобру – поздорову.

Но мы ждём. И дождались....

Подбегает к пирсу начальник порта и начинает крыть нас отборными матюгами, даже не прибегая к помощи мегафона. Какого рожна, дескать, вы здесь до сих пор околачиваетесь?! Из – за вас, придурков, сапёры отложили взрыв порта. Предложил идиотам в тельняшках срочно сматываться. В противном случае – Бог им судья. Он умывает руки....

Иногда поступают предложения, от которых не отказываются. Пришлось оставить командира на произвол судьбы в обречённом городе. Обидно, досадно, но обстоятельства оказались сильнее. Проклятое «се ля ви» и «шерше ля фам».... Отдаём концы, разворачиваемся, и «самым полным» чешем вслед за караваном. Едва отошли на безопасное расстояние, как в районе порта гулко загрохотало. Высоко взметнулось рыжее пламя, и повалил густой чёрный дым.

Спасибо, во время спровадил нас от пирса басистый матершинник.

Мне повезло, прошёл я всю войну и довоевал до победного конца. Познал разное. Голод и холод Ленинградской блокады, горе утрат и злую радость возмездия. Топил фрицев и сам тонул не единожды. Только вот наш лейтенант, потерявшийся в Таллинне, никак не выходил из головы.

Раздумывая о его судьбе, я и мысли не допускал, что он мог переметнуться к врагу, предать Родину. Ведь мы с ним успели повоевать, понюхать пороху. А, да будет вам известно, даже один бой с лихвой заменяет и пуд съеденной совместно соли, и пресловутый поход в горы или в разведку. Просто, видно, приключилась с человеком беда в городе. Возможно, заманили в ловушку националисты из приснопамятной пятой колонны. Дамочку же использовали в качестве подсадной утки. Разные мадамы крутились вокруг военмором в Таллинне в то время.

И крепко тужил я, что отпустил его тогда на берег за невестой. Хотя..., приказать я ему не мог, отговорить мудрости не хватило. Формально – не подкопаешься. Но чувство вины, за, пусть, и трижды присущее молодости легкомыслие, обернувшееся первой, до сих пор язык не поворачивается, назвать пропажу командира боевой, потерей, навсегда засело занозой в сердце.

Искал ли я его? Ясно, искал. Ведь в глубине души надеялся, что лейтенанту удалось, парень – то он ходовой, выбраться из пылающего города и присоединиться к своим. Поэтому внимательно вчитывался в списки награждённых – не мелькнёт ли знакомая фамилия? Тщетно. Расспрашивал ребят с других баз. Без толку. Найти иголку в стогу сена – плёвое дело, по сравнению с поисками человека на войне. Да и возможности мои, мягко говоря, были ограниченными.

После войны, послав запрос в официальные органы, получил малоутешительный ответ: «пропал без вести».

«Пропал без вести»... Универсальная формулировочка, несправедливо уравнивая безвестных героев и патриотов, со столь же безвестными трусами, предателями и дезертирами. С тяжелым сердцем зачислил командира в число доблестно павших, помянул его по – православному, на том и прекратил поиски.

-«Без пользы жизнь, безвременная смерть», - констатировал, обнаруживая недюжинные познания школьного курса литературы, Васька. – По нашенски, по рабоче – крестьянски, накрылся, значить, лейтенант медным тазом.

-Василий, - сожалеючи посмотрел на него Афанасьич, - начинай взрослеть уже. Легко раздавать людям хлёсткие оценки, навешивать ярлыки. Но скоропалительность суждений далеко может завести. Например, к Петру Великому с его указом, насчёт рыжих шельм, меченых Богом. Пороешься в богатых закромах своей рабоче-крестьянской эрудиции, без труда ещё чего – ни будь накопишь... Извини, однако ж, сам напросился.

-Между прочим, - на секунду насупился матрос, - не дело руководства равнять подчинённых с рыжими шельмами. Правда, - вновь лучезарно разулыбался он, - я- то, как раз и не рыжий, я – стопроцентно золотой.

-Ладно, золотко самоварное, слушай дальше:

Пришла пора мне демобилизоваться. Направился домой. На станции Тайга делаю пересадку. Стою у расписания движения поездов и вдруг слышу:

-Мичман, извините, вы в Таллинне случайно перед войной не служили?

-А вам, что за интерес? – Оборачиваюсь я и осекаюсь. Смотрю, мать честная, стоит передо мной он, мой бывший командир. Правда, не совсем тот бравый красавец – лейтенант, за коим таллинские девки табуном бегали. Потёртое драповое пальтишко, порыжелые кирзовые сапоги, засаленная шапчонка. Прежний флотский форс исчез без следа. Лицо сумрачное, небритое. Виски седые, у рта горькие складки. Не изменились, пожалуй, лишь глаза, и взгляд их светился искренней радостью.

Обнялись мы. В вокзальном ресторане отметили встречу, разговорились, и он поведал мне свою невесёлую одиссею.

...Лейтенант, оказавшись на берегу, бегом направился к дому невесты. Жила она, действительно, неподалёку. Но, помните, я говорил, что начался артобстрел. Мины по мостовой шлёпаются, осколки свистят. «Свою добычу смерть считала...» - точнее Высоцкого не скажешь. Наш же Ромео, гонимый любовным безумием, словно заговорённый, благополучно добирается до цели. Глядь, а дома-то и нет. На его месте дымится груда развалин. Ни одной живой души рядом. Ему бы назад, на катер, он же в отчаянии заметался по соседям, надеясь на чудо. Не смог смириться с очевидным, глазам не верил...

Словом, понапрасну потратил на бессмысленные расспросы время. Безутешным помчался обратно. Ненависть, жажда мести, слёзы бессилия душили его. Бог, по-прежнему, хранил лейтенанта от вражеских осколков. Целым и невредимым он вбежал на причал. Увы, силуэт родного катера таял вдалеке. Осознать трагическую безнадежность собственного положения, несчастный не успел. На территории порта ахнул взрыв. Бедняге словно кувалдой заехали по голове, сознание покинуло его. То ли оберег Спасителя перестал действовать, то ли против наших сапёров бессилён и Создатель.

Очнулся лейтенант уже в плену....

Дальше известное дело: либо в РОА, не путать с раем, либо, пожалуй, в ад концлагерей. Сказать, что все военнопленные сохраняли верность присяге, значит сильно погрешить против истины, но лейтенант сохранил. На просторах страны разворачивалась величайшая из мировых войн, нашему же командиру выпало на собственной шкуре убедиться в правильности теории Данте о том, что преисподняя состоит из кругов, причём ему показалось, что кругов этих гораздо больше, чем девять.

Попытки бежать каждый раз заканчивались неудачей. Его ловили, жестоко избивали и водворяли за колючую проволоку, но уже в «более другой» лагерь. Выражаясь фигурально, очередной виток адской спирали неотвратимо приближал узника к крематорию. Следуя «далее, со всеми остановками», бедолага очутился в Бухенвальде. Однако в пепел превратиться не успел. Союзники освободили.

Затем репатриационные лагеря, проверка «на вшивость», возвращение на Родину. Родные пенаты широко распахивать объятия, по вполне понятным причинам, блудному сыну не спешили. Дорога на флот, даже на торговый, была ему заказана. Помытарившись, он завербовался в сибирские дали дальние.

Собственно, когда мы с ним встретились, он и ехал на Ангару....

Да, настоящий, сильный человек. Пропустив столько тяжелых ударов от судьбы, сумел подняться до финального «аут». Потом он написал мне, что после соответствующих проверок, с него сняли недоверие и работает он диспетчером госпара в Богучане. Не знаю, окажись я в подобных передрягах, сдюжил бы, ей-богу, не знаю.

С другой стороны, не отлучись лейтенант с катера, никаких передряг вообще бы не случилось. Плюс, нам бы не пришлось отчитываться за него в Кронштадте. Попробуй, объясни особистам исчезновение командира торпедного катера в столь критический момент. Слава Нептуну, что удалось нам при следовании из Таллинна потопить немецкую подводную лодку.

Афанасьич взглянув на часы, спохватился: - Пора. Будем считать, пообедали. – И улыбнувшись, добавил, - Вот что значит не по назначению тратить время.

Его притихшие слушатели с сожалением двинулись по местам. Сожалели они, отнюдь не об обеде....

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Времена не выбирают, в них живут и умирают</i>	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ <i>Ошибка! Закладка не определена.</i>	
ЖЕЛЕЗО ОСТРИТ ЖЕЛЕЗО	8
1. ОСОБОЕ ПОРУЧЕНИЕ	9
2. РАЗГРОМ НОВО-КУСКОВСКОЙ МИЛИЦИИ	21
3. НА УСМИРЕНИЕ МЯТЕЖНОЙ ВОЛОСТИ <i>29</i> <i>Ошибка! Закладка не определена.</i>	
4. «ПРАВОПОРЯДОК»	42
5. НЕРАВНЫЙ БОЙ	64
<u>6. КАЗАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ</u>	<u>69</u>
7. В ЗЕМСКОЙ БОЛЬНИЦЕ	80
8. ПАРТИЗАНСКИЕ ПУТИ – ДОРОГИ	89
ЧАСТЬ ВТОРАЯ <i>Ошибка! Закладка не определена.</i>	
РОТА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ	108
1. НА ОХРАНУ ЗЕМСКОЙ БОЛЬНИЦЫ	108
2. ДВАЖДЫ ВОСКРЕСШИЙ	122
4. ВО ВРЕМЕННОМ ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	156
5. КОНЕЦ ЛЫКОВА - МЛАДШЕГО	171
6. КАПИТАН БАРАНОВ И ДРУГИЕ	182
7. ВОССТАНИЕ	194
<u>8. НЕПРОШЕННЫЕ ГОСТИ</u>	<u>202</u>
9. В ПОХОД!	222
РАССКАЗЫ	226

Suhachevalexandr@mail.ru

658213, Алтайский край,
г. Рубцовск, пер. Гражданский 27 – 4.